

civitas terrena

**центр фундаментальной
социологии**

**ВЕРНЕР
ЗОМБАРТ**

Том III

civitas terrena

*центр фундаментальной
социологии*

**WERNER
SOMBART**

Werke
in 3 Bänden

Band III

*STUDIEN
ZUR ENTWICKLUNGSGESCHICHTE
DES MODERNEN
KAPITALISMUS*

*LUXUS
UND KAPITALISMUS*

*KRIEG
UND KAPITALISMUS*

**ВЕРНЕР
ЗОМБАРТ**

Собрание сочинений
в 3 томах

Том III

*ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОГО
КАПИТАЛИЗМА*

*РОСКОШЬ
И КАПИТАЛИЗМ*

*ВОЙНА
И КАПИТАЛИЗМ*

Перевод с немецкого
Д.В. Кузницын

Санкт-Петербург
«ВЛАДИМИР ДАЛЬ»

2008

УДК 316.6
ББК 60.55
З-82

Редакционная коллегия
Серии «Civitas Terrena»

*Баньковская С. П., Камнев В. М.,
Мельников А. П., Филиппов А. Ф.* (председатель)

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям в рамках
Федеральной целевой программы
«Культура России».

ISBN 978-5-93615067-8 (Т. 3)
ISBN 5-93615-050-X

- © Издательство «Владимир Даль»,
серия «Civitas Terrena» (разра-
ботка, оформление), 2005 (год
основания), 2008
- © В. Д. Кузницын, перевод на
русский язык, 2008
- © А. П. Мельников, оформление,
2007
- © П. Палей, дизайн, 2008

Книга 1

РОСКОШЬ И КАПИТАЛИЗМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очерки, к опубликованию которых я приступаю в этом томе, содержат итоги историко-экономических исследований, задуманных мною в целях повторной проработки текста «Современного капитализма». Сегодня я выпускаю их в свет отдельными изданиями, чему есть две причины: внешняя — поскольку они слишком разрослись в объеме, чтобы их можно было заключить в рамки одной общей публикации; и внутренняя — поскольку в предметном отношении они трактуют проблему, выходя за пределы истории экономики намного дальше, чем допускало бы строго историко-экономическое мышление, поскольку, с другой стороны, каждый из них представляет собой завершенное целое, которое лучше было бы обсуждать отдельно, и, наконец, поскольку в таком виде каждый можно рассматривать как строение, возводимое на своей собственной основе.

* * *

Начало изданию этих очерков я, в сущности, положил своей книгой «Евреи и экономика», вышедшей в прошлом году. Уже там (как ныне и здесь) я во всех ее разветвлениях подверг рассмотрению одну вполне определенную проблему истории развития современного капитализма. Если тогда моей задачей было показать, сколь огромное значение в экономической жизни евро-

пейских народов придавалось древнееврейскому богу Иегове, то в двух томах, публикуемых ныне, мне хотелось бы продемонстрировать, какую роль в строительстве современного капитализма сыграли два других божества.

Второй том настоящих «Очерков» посвящен взаимосвязи между *войной* и капитализмом. Первый же, носящий название «Роскошь и капитализм», на самом деле должен был бы называться «*Любовь*, роскошь и капитализм», поскольку главная его цель — показать, что вследствие перемен, произошедших в европейском обществе со времен крестовых походов, изменилось взаимоотношение полов, что в результате этого изменения перестроился весь образ жизни господствующих классов, и что это его преобразование оказало существенное влияние на формирование современной экономической системы.

Миттель-Шрейберхау
в Исполиновых горах
12 ноября 1912 г.

Вернер Зомбарт

Глава 1

НОВОЕ ОБЩЕСТВО

Источники и литература

История двора (§ 1) — это и есть история государств. Специальные исследования мне неизвестны. Выделить можно лишь «Französische Königsschlösser» Генриха Лаубе. Эта небольшая и мало кому известная книга (в 3-х томах, издание 1840 г.) принадлежит к числу наиболее ярких исторических описаний. Знакомиться по ней с отношениями при французском дворе лучше, чем по многим более объемным историческим трудам (не исключая и Ранке). На примере наиболее знаменитых королевских замков Лаубе старается проследить живое становление целой эпохи во Франции и тем самым дополняет принадлежащие авторству Г. Фрейтага картины из прошлого Германии. «Историческая школа» имеет все основания не придавать этой книге большого значения.

Происхождение буржуазного богатства (§ 2) я впервые попытался описать в сочинении «Современный капитализм».

Рассматриваемая в этой главе история *преобразований*, происходивших в *высших классах* в эпоху раннего капитализма (§ 3), имеет как внешний, так и внутренний аспект: во внешнем отношении перед нами предстают только генеалогические события, и о них идет речь в обширной *специальной литературе*, состоящей из *трудов по фамильной истории*, количество которых, особенно в Англии, попросту неисчислимо. К наиболее исчерпывающим относятся труды, изданные за последнее время ГЕС: «Complete Baronetage 1611–1880» в 6-ти томах (1901–1909) и «Complete Peerage» в 12-ти томах (новое издание начато в 1910 г.). Из более ранних сочинений, представляющих для нас особый интерес, назову «Peerage of England» Артура

Коллинза — в 3-х томах (1735) и в 9-ти томах (1812); его же «English Baronetage» (1727); «Catalogue of Knights» с 1660 по 1760 г., составленный Френсисом Таунсендом (1833); «Peerage of England etc.» в 3-х томах (1790); «New Catalogue» Уокли Томаса (1652).

О соотношениях рангов см.: «Manual of Dignities» etc. Ч. Р. Додда (1842); о государственно-правовых и политических проблемах — «Adel und Ritterschaft in England» Р. Гнейста (1853), а также указанную там литературу.

Французская литература по генеалогии далеко не столь обширна. Среди сочинений общего характера здесь прежде всего интересен «Dictionnaire de la noblesse» д'Озье. Тем богаче перечень социально-исторических монографий: труды, подобные сочинениям Нормана, Тирьона, Бонаффе, которых я часто буду цитировать в дальнейшем, не были созданы ни в одной другой стране.

В сочинениях этих затрагивается уже и другая сторона проблемы — та, которую можно назвать *социально-психологической*. Резюмирующее описание *внутренних превращений*, происшедших с высшими классами в течение последних столетий, мне тем не менее неизвестно. Здесь нам, стало быть, придется собирать доказательный материал со всех областей литературы. Поэтому ссылки на отдельные труды ниже отсутствуют. В приводимых цитатах читатель найдет указания на достаточное количество книг, которые смогут дать ему дальнейшие пояснения.

1. Двор

Важным последствием, а вместе с тем и новой решающей причиной перемен, которые государственное устройство и организация войска претерпели на исходе Средних веков, было возникновение могущественных княжеских дворов в том смысле, какой мы вкладываем в это слово сегодня.

Предшественниками и прообразами позднейшего развития здесь, как и в столь многих других областях, были князья церковные. Быть может, первым «современным» двором был Авиньон, ведь именно там впервые надолго сошлись и начали задавать тон две группы лиц,

в последующие столетия сформировавшие общество, которое стали именовать придворным: благородные рыцари, не имевшие иного призвания, кроме как служить интересам двора, и прекрасные дамы, «souvent distinguées par les manières et l'esprit»,¹ — группы, которые воистину (как мы, в другой связи, с еще большей определенностью покажем ниже) по своему образцу формировали всю жизнь и все стремления той эпохи. Значение авиньонского эпизода заключалось в первую очередь в том, что там вокруг верховного главы церкви впервые во всем своем блеске собралась высшая духовная знать едва ли не всей Европы, наглядное подтверждение чему мы находим в декрете Иоанна XXII *Etsi deceat*.

Нам известно, что в течение всего XV и в первые годы XVI в. двор римских Пап, включавший папских сродственников, отличался наибольшим блеском и считался образцом свободного тона (коим был так воодушевлен Эразм), роскоши и придворного обхождения: *cortegiano Romano* более всего соответствовал очерченному Кастильоне идеальному образу придворного той эпохи. Мы еще увидим, что именно здесь, в Риме, во времена правления великих Пап Возрождения, мирское великолепие приобрело свой наипрчайший блеск.

С папским двором соперничали дворы прочих князей Италии. Одним из первых княжеских дворов, принявших новый вид, был двор Альфонса Неапольского, о котором говорили, что больше всего он любил «славу, роскошь и прекрасный пол». Дворы Милана, Феррары и других, менее значительных резиденций уже с XV в. тоже вели вполне современную жизнь. Понятно, что главные черты такой жизни быстрее всего развились именно в Италии, поскольку там раньше возникли надлежащие условия: упадок рыцарства, «огорожанивание» знати, формирование абсолютного государства, возрождение искусств и наук, развитие общественно-значимых талантов, рост богатства и т. д.

¹ Отличающиеся изысканными манерами и остроумием (*фр.*).

И все же решающее значение для истории придворной жизни приобрело формирование нового двора в намного большей по размеру и более могущественной Франции, которая с конца XVI в. и в течение двух последующих веков сделалась непререкаемым авторитетом во всех вопросах придворной жизни.

Основателем французского двора был Франциск I. Впрочем, существенное нововведение было сделано уже Людовиком XI, присвоившим своим *officiers de la maison* титул *officiers de France* и тем самым отождествившим королевский дом с самой Францией. Этим шагом он подготовил появление двора, который прежде мог существовать лишь как частное общество. Но сам двор впервые учредил только Франциск I, и учредил он его, приведя к господству женщин. Ему приписывают слова о том, что двор без женщин — все равно что год без весны и весна без цветения роз. Потому-то он и призывал к себе благородных дам, до тех пор проводивших свою убогую жизнь в старинных и мрачных донжонах своих замков. Он сотворил двор исполненным деспотического остроумия и чарующей прелести, так что вся жизнь и весь свет страны оказались сосредоточены вокруг одного монарха. «Его мать шла во главе этого грандиозного хоровода, она отыскивала прелестных дев; другую пряность — игру фантазии и острого ума — добавляла сестра Маргарита; сам же Франциск придавал всему в целом великолепную форму, распространял ее блеск по всей стране и ее замкам, наполнял движение страстью и разнообразием».¹ С приходом женщин явились интрига, галантное обхождение и — роскошь (о которой мы подробнее будем говорить ниже). То, что было основано Франциском I, впоследствии лишь разрослось до гигантских размеров при великих Людовиках.

О том, в какой мере весь этот мир основывался на господстве женщины, говорит сам его вид, и современники подтверждают это. Приведу высказывания двух авторов, одного из начальных, другого — из самых поздних времен

¹ *Laube H. Französische Königsschlosser. 1. P. 128.*

этой «женской» придворной эпохи, которых, сколь бы ни было велико различие между ними, объединяет то, что они, несомненно, вполне заслуживают доверия в таких вопросах: Сюлли и Мерсье.

«Il ne faut que jeter les yeux sur tant de Gentilhommes méfifs, dont la Cour et la Ville sont pleins, vous n’y voyez plus rien de cette vertu simple, mâle et nerveuse de leurs Ancêtres; nuls sentiments; nulle solidité dans l’esprit; air étourdi et évaporé; passion pour le jeu et la débauche; soin de leur parure; raffinements sur les parfums et sur toutes les autres parties de la mollesse: *vous diriez qu’ils cherchent à l’emporter sur les femmes*».¹

«On les a étourdies (les nobles) avec toute la pompe qui environne les cours; on a institué des fêtes pour les amollir; les femmes, qui vivoient dans la solitude et dans les devoirs de l’économie domestique, se trouvent flattées d’attirer les regards; leur coquetterie, leur ambition naturelle y ont trouvé leur compte; elles ont brillé près du trône, à raison de leurs charmes. Il a fallu que leurs esclaves ne s’éloignassent point du séjour de leur puissance; *elles sont devenues les reines de la société et les arbitres du goût et des plaisirs*... elles ont transformé de pures bagatelles en importantes affaires; elles ont créé le costume, l’étiquette, les modes, les parures, les préférences, les conventions puérides...».²

¹ Достаточно бросить взгляд на всех этих благородных дворян, коими полнится и двор, и весь город, и вы уже не увидите здесь ничего от той мужественной, энергичной и целомудренной простоты, которая была свойственна их предкам; никаких благородных чувств, никакой стойкости разума; ветренность и безрассудство, страсть к игре и разврату, забота о внешности, утонченность в выборе благовоний и прочая изнеженность — *они, можно сказать, просто домогаются своих женщин* (фр.) — Sully. *Mém.* 4. P. 16.

² Их (дворян) ошеломляло великолепие, окружавшее двор; устраивались праздники, чтобы их развлекать; женщины, что прежде жили в одиночестве, проводя время в заботах о домашнем хозяйстве, наряжались, чтобы притягивать взгляды; их кокетство, их природное властолюбие находило в этом свое удовлетворение; они блистали у трона за счет своих чар. Им нужно было, чтобы их рабы не покидали гостиных, где они властвовали; *они сделали царицами общества и судьями во всем, что касалось вкуса и наслаждения*... из простой безделицы они превратились в важное дело; благодаря им появились костюмы, этикет, мода, украшения, фавориты, смехотворные светские условности... (фр.). — Mercier. *Tableau de Paris*. 1783. 1. P. 21 f.

Остальные европейские дворы либо вовсе не имели никакого значения для хода культурной жизни, либо лишь подражали французскому двору. В частности, это относится к английскому двору, возникшему, собственно говоря, только в эпоху Стюартов. Еще в правление Генриха VIII один современник писал: «Every gentleman flyeth into the country. Few that inhabit cities or towns; few that have any regard of them».¹ Елизаветинский двор тоже не был современным двором в нашем понимании, как он в своей классической форме предстает во Франции; ему не хватало главного — женского господства. Звучит парадоксально, на троне ведь восседала именно женщина. Но все сразу станет ясно, как только мы поймем, что женское господство утверждалось прежде всего через господство женщины нелегитимной. Об этом и пойдет речь в дальнейшем.

2. Буржуазное богатство

В другой своей работе я в подробностях показал, как во времена Средневековья и в последовавшие за ними столетия из тысячи источников возникает новое богатство, которое мы, в противоположность феодальному богатству, можем назвать богатством буржуазным. Полученные там выводы мы применим здесь, чтобы с их помощью понять, как вследствие формирования этого богатства коренным образом изменяется структура старого общества, поскольку следующие сразу за государем высшие слои населения, отделяющие властителей от *misera contribuens plebs*,² становятся совершенно иными по своему составу. Для этой цели нам нужно лишь выстроить в историко-хронологическом порядке факты, ранее уже упорядоченные систематически; нужно лишь рассмотреть уже известные нам абстрактные возможно-

¹ Все дворяне разлетелись по деревням. Мало кто живет в городах больших и малых; никому до них нет никакого дела (*англ.*) — *Starkey. England in the Reign of Henry VII* (у Деятонна, в его «*England in the fifteenth cent.*». 1888. P. 259).

² Обездоленного простого люда (*лат.*).

сти формирования крупных состояний в их социальной конкретике. Тогда в отношении вновь формирующихся высших слоев общества мы получим примерно следующую картину.

Все богатство предшествовавших Средних веков почти исключительно состоит из земельных владений; во всяком случае все богатые люди — землевладельцы, крупные же землевладельцы (если не принимать во внимание клир) образуют дворянство. Богатых «буржуа» в эту эпоху почти не существует; подобные Пуэнлану, о котором нам все время говорят, они составляют редкое исключение.

В XIII–XIV вв. ситуация меняется: очевидно, что количество крупных состояний, возникших не в феодальных условиях, т. е., станем говорить, крупных *денежных* состояний, в это время быстро растет, и прежде всего в *Италии*. Это период, когда начинается разграбление Востока, когда, по всей видимости, в Африке обнаруживаются богатые залежи благородных металлов, а разорение крупных землевладельцев, в частности богатых князей, приобретает все бльшие размеры.

То, что происходило с Италией в XIII–XIV вв., *Германия* переживает в XV–XVI вв.: в это время обширные богатства скапливаются в верхненемецких городах — таково следствие разработки богемских и венгерских золотых и серебряных копей, позднее — американских залежей серебра, а также возникновения в результате этих двух процессов финансовых предприятий: это «эпоха Фуггеров».

В XVII в. то же происходит в *Голландии*: она принимает участие в разграблении Испании и Португалии и открывает новые источники богатства на Дальнем Востоке, народы которого облагает данью с помощью принудительной торговли, грабежей и рабства.

В XVII в. формирование богатства начинается также во *Франции* и в *Англии*. Однако в обеих этих странах «буржуазное» богатство до конца XVII в. остается, по всей видимости, еще в относительно узких границах. Тем не менее к концу правления Людовика XIV и после

«Славной революции» здесь приобретают значительный размах финансовые сделки, явившиеся почти исключительным источником возникновения крупных денежных состояний.

Такое положение дел выступит более отчетливо, если мы рассмотрим единственный документ о доходах, дошедший до нас от той эпохи: это хорошо известные калькуляции Грегори Кинга,¹ относящиеся к 1688 г. Согласно им, средний доход «крупного купца или торговца по морю» составлял лишь 400 фунтов стерлингов, а средний доход «крупного купца или торговца по суше» — лишь 200 фунтов; число первых Кинг оценивает в 2000, вторых — в 8000 человек. И этим «буржуазным» элементам противостоят следующие представители земельной собственности:

160 светских лордов со средним годовым доходом	2800 фунтов стерлингов		
26 духовных лордов	1300	»	»
800 баронетов	880	»	»
600 рыцарей	650	»	»
3000 эсквайров	450	»	»
12 000 джентльменов	280	»	»

Конечно, среди них были уже некоторые представители нового богатства. Но я уверен, что, если бы Грегори Кинг провел свои подсчеты всего лишь тридцатью годами позже, он непременно упомянул бы о стремительно возраставшем доходе биржевых спекулянтов и махинаторов с южных морей, которые в течение второго десятилетия нового века скопили богатство совершенно нового типа: среди управляющих «Компании Южных морей», чье имущество было конфисковано,²

2 человека располагали состоянием в размере	свыше 200 000 фунтов стерлингов (по 243 000)
5 человек	от 100 000 до 200 000 ф. ст.

¹ В последний раз они были с подробным комментарием опубликованы Гольдштейном в книге «Berufsgliederung und Reichtum». 1897.

² Список приведен у *Постлитуэйта*. Dict. of Comm. 2². 1758. P. 746, 747.

5 человек	от 50 000 до 100 000	ф. ст.
10 человек	от 25 000 до 50 000	» »

У Дефо цифры, в коих исчисляются доходы и состояния, выглядят уже совсем по-другому. У Миджа и Болтона в 1745 г. средний доход джентльмена указан уже в размере 500 ф. ст. (с. 157).

Мы можем со всей ясностью увидеть, что повлекло за собой этот великий перелом — бразильское золото и войны Людовика XIV, в ходе которых и возникла спекуляция, крупные финансовые и торговые сделки — три наиболее важных источника больших состояний в те времена. (Что за богатства приобретались при выпуске акций таких компаний, как Хадсон Бэй или Африканская компания, акции которой в течение короткого времени взлетели со ста до четырехсот восьмидесяти, а затем упали до двух! — не говоря уже о доходах, «заработанных» на Южных морях).

Только теперь впервые появляются буржуазные состояния, т. е. состояния, основанные на движимом имуществе, которые допускают сравнение с состояниями нынешних буржуа: с началом притока бразильского золота серебряный период в развитии современного капитализма заканчивается, и начинается золотой.

На рубеже XVII в. такой же скачок в росте богатства мы наблюдаем во *Франции*. Здесь перемены даже еще отчетливее, поскольку в нашем распоряжении имеются более точные цифры. Для примера приведу ряд данных о богатствах французских финансистов (т. е. обладателей новых состояний) и в завершение добавлю еще кое-какие другие цифры:

Один сельский аристократ составил следующую калькуляцию денежных сумм, на которые в его семье заключались брачные договоры:

1433	300 флоринов
1477	1000 »
1534	1200 »
1582	1200 золотых экю
1613	7500 ливров

1644	16 000	ливров
1677	15 000	»
1707	44 000	»
1734	360 000	»
1765	150 000	»

(По семейной книге, цитируемой де Рибом: *de Ribbe, Ch. Les familles etc.* 2. 1874. P. 125).

Следующие цифры позволяют представить, какое приданое богачи-тюркаре обычно выделяли своим дочерям в XVIII в.:

де Бельгарды: каждой дочери по 300 000 ливров наличными и на 10 000 драгоценностей;
 Моссоны: 1 700 000 ливров;
 Антуан Кроза: 1 500 000 ливров (и еще 50 000 ливров «чаевых» свекрови, герцогине Бульонской);
 Сам. Бернар: 800 000 ливров;
 Оливье, граф Сеноза (сам торговал заячьим мехом): 1 100 000 ливров наличными и на 100 000 мебели;
 Одри: 400 000 ливров;
 Реньеры: 600 000 ливров сразу, 200 000 ливров — в кратковременную рассрочку.

Такие цифры не приведут нас в изумление, если мы получим представление о размерах доходов и состояний этих *nouveaux riches*:¹

Венсан Леблан имел доход	17	млн	ливров
М. де Сен-Фаржо	28	»	»
маркиз де ла Фэй	20	»	»
де Шомон	127	»	»
С. Бернар	свыше 100	»	»
Кроза	100	»	»
Фийон де Вильнюр (ум. 1753) оставил в наследство	40	»	»
Пейран де Мора	12–15	»	»
Данже	13	»	»
Турнеан (приемный отец Помпадур)	20	»	»

¹ Нуворишей, новых богачей (*фр.*).

От одной-единственной эмиссионной операции Пари получили 63 млн ливров и т. д.

(Эти цифры взяты мной из материалов, приведенных Тьером в его уже упомянутой книге).

Конечно, многие из этих сумм завышены (как это бывает и сегодня, к примеру, при оценке богатств американских миллиардеров). И все же они не оставляют никакого сомнения в том, что в те времена начали формироваться огромные состояния. Факт этот подтверждается и многими другими признаками, о которых еще пойдет речь ниже. Его же мы можем извлечь и из свидетельств весьма сведущих современников.

«On parle aujourd'hui d'un *Million* comme on parloit il y a cent ans, de mille Louis d'or. On compte par *millions*; on n'entend parler que de *millions* pour toutes les entreprises. Les *millions* dansent sous vos regards, lorsqu'il s'agit d'un édifice, d'un voyage (!), d'un camp...».¹

3. Новое дворянство

Итак, мы с живым интересом спрашиваем, каким образом происходило восхождение этих новых людей (и прежде всего их жен, их дочерей и сыновей!) не только по деловой, но и по общественной лестнице; как по отношению к ним была настроена аристократия, до сих пор в одиночестве составлявшая высший слой общества; как они встраивались в «господствующий класс» (если вообще встраивались)?

Правильный ответ на эти вопросы должен звучать так: именно за два века, с 1600 по 1800 г., из старой аристократии на основе нового денежного богатства сформировался совершенно новый общественный слой, ядром которого было это самое новое богатство, хотя по-

¹Сегодня о *миллионе* ливров говорят так, как сто лет назад говорили о тысяче. Счет ведут на *миллионы*; во всякой сделке хотят слышать только о *миллионах*. *Миллионы* пляшут перед вашими глазами, заходит ли речь о городском доме, о путешествии, о загородной вилле... (*Mercier, Tabl. de Par. Ch. 824. 10. 1788. P. 248 f.*) (фр.).

началу он и оставался еще в скорлупе феодального стиля жизни. Иными словами, это означает, что значительная часть *pouveaux riches* возвысилась до дворянского сословия. Такое возвышение могло происходить различными путями:

1) через присвоение дворянского титула, причем поводом для пожалования могли быть как разного рода заслуги, так и выплата установленной денежной суммы;

2) через награждение орденами или званиями, с которыми было связано наследственное дворянство;

3) через приобретение земельной собственности, с которой тоже сопрягалось наследственное дворянство.

С другой стороны, представители старых аристократических родов нисходят в населенные тюркаре низины и благодаря выгодным женитьбам извлекают из глубин те миллионы, которые нужны им, чтобы вернуть прежний блеск своим фамилиям. (В сущности, такие же процессы и доныне разыгрываются перед нашими глазами).

Такое слияние дворянского достоинства с буржуазными деньгами в последние столетия в равной мере происходит во всех странах капиталистической культуры: в Италии и в Германии, в Англии и во Франции. Я ограничусь тем, что проиллюстрирую процесс формирования нового общества несколькими примерами из истории двух стран, репрезентативных для всех событий раннекапиталистической эпохи — Франции и Англии, стран, которые, несмотря на существенные различия в соотношении их социальных слоев, в этих решающих моментах претерпели совершенно одинаковое развитие.

В Англии дворянство в узком смысле слова состояло (и до сих пор состоит) только из *нобилитета*. Последний в основных чертах возродился с приходом к власти Тюдоров, говоря точнее, Генриха VIII. После войны двух Роз количество старых родов сократилось до 29, да и те, что остались, были еще частично в опале, частично ослаблены или разорены. Первым делом Генрих VIII вернул этим старым родам власть и богатство (и таким путем подчинил их короне, которая с тех пор обеспечила себе неоспоримое превосходство). Средства для наделе-

ния раскрылись перед королем в конфискованном церковном имуществе (которому, как совершенно справедливо заметил Хэллам, — и это особенно важно для наших исследований! — нашлось теперь «светское» применение). Но со времен Генриха VII и Генриха VIII ряды старых родов все время пополнялись в результате новых пожалований. И этих новых пэров, во всем уравненных со старой земельной аристократией, король выбирал себе среди всей знати, и прежде всего из богатых горожан. Яков I даже продавал пэрские звания. Цифры здесь таковы:

Генрих VII пожаловал или возвысил до звания пэра	20 человек	
Генрих VIII	66	»
Эдуард VI	22	»
Мария	9	»
Елизавета	29	»
Яков I	62	»
Карл I	59	»
Карл II	64	»
Яков II	8	»

Если при Стюартах было уничтожено 99 пэрских титулов, то с 1700 по 1800 г. было вновь учреждено:

34 герцогских,
29 маркизских,
109 графских,
85 виконтских.

Конечно, такие возвышения не всегда касались самых низов, т. е. глубинных слоев народа, как в случае с Расселами и Кавендишами, коих Генрих VII вывел «from obscurity through the grant of church lands»¹ (Грин): нередко (а может быть, и чаще всего) такие пэры до того уже имели за спиной различные предварительные ступени — эсквайра, рыцаря или баронета. И все же

¹ Из тьмы, пожаловав им церковные земли (англ.).

нам известно, что во многих случаях генеалогическое древо восходит к тому или иному разбогатевшему *Novus homo*,¹ обитателю Сити. В доказательство приведу следующие примеры:

Лидские герцоги ведут свое происхождение от Эдуарда Осборна, приехавшего в Лондон бедным учеником купца; герцоги Нортумберлендские происходят от Хью Смитсона, приказчика в аптекарской лавке, женившегося на леди Элизабет Сеймур; также предков из жителей города имеют Расселы, маркизы Солсберийские, маркизы Батские, графы Браунло, графы Уорвик, графы Кэррингтонские, графы Дадли, графы Спенсер, графы Тилни (первым графом Тилни был сын самого Джозайи Чайлда!), графы Эссекские, графы Ковентри, графы Дартмутские, графы Аксбриджские, графы Танкервильские, графы Харборо, графы Понтефракт, графы Фитцуотер, виконты Девро, виконты Веймутские, графы Клифтон, графы Ли, графы Хаверсгемские, графы Мешем, графы Батерст, графы Ромни, графы Дормер, герцоги Дорсе и герцоги Бедфордские; роды, чье пэрское достоинство сегодня уже почти стерлось, но процветавшие в первой половине XVIII века (если их происхождение не относится к более позднему времени). (Примеры взяты из уже упомянутых источников).

Но что придает социальной структуре Англии (и прежде всего в интересующую нас эпоху) особый, только ей свойственный отпечаток, — так это *джентри*, т. е. люди, которые, собственно, не принадлежали к дворянству и все же оставались дворянами; это своего рода «низшее дворянство», по закону, однако, не признававшееся таковым. Высший слой джентри образуют рыцари, среди которых в свою очередь высшим рангом обладают баронеты: перед именем рыцаря или баронета ставится префикс «сэр» (*Sir*). К рыцарям относятся владельцы рыцарских ленов, которые первоначально и составляли все рыцарство; далее, кавалеры некоторых орденов, например ордена Подвязки или ордена Бани (со времен Эдуарда III и Генриха IV), а также обладате-

¹ «Новый человек» (выходец из третьего сословия) (*лат.*).

ли известных чинов; наконец, те, кто купил себе рыцарское достоинство — продавать его (оно приобреталось за 1095 ф. ст.) начал в 1611 г. Яков I. Эти рыцари-толстосумы именовались баронетами, они имели преимущество перед прежними и по рангу располагались сразу после дворян. Таких баронетов за XVII—XVIII вв. появилось несколько сотен, в середине XIX в. их число дошло до 700. Понятно, что значительная часть разбогатевших простолюдинов уже таким путем проникала в ряды дворян (к каковым, несомненно, относились рыцари). Но особенно поразительно в английском джентри то, что его понятие вообще невозможно ограничить, во всяком случае — нижним пределом: «Определить его не под силу ни историку, ни юристу. Но такая неопределенность этого понятия никоим образом не случайна, а является результатом всего исторического развития Англии и ее законодательства» (Гнейст).

Эсквайром или джентльменом назывался просто самостоятельный человек (сегодня все эти тонкости, конечно, сильно стерлись и скоро, по-видимому, полностью исчезнут даже в самой Англии), живущий на свою ренту или за счет какого-нибудь «респектабельного» промысла. При этом раньше (еще в середине XIX в.) всегда признавалось, что для того, чтобы принадлежать к джентри, человек должен располагать определенным доходом. Но что собой представляет эта самая «респектабельность» и сколь высоким должен быть минимальный доход, во все времена предоставлялось решать «общественному мнению».

Такие своеобразные воззрения означали, однако, что в Англии принадлежность к дворянству как бы автоматически определялась формирующимися экономическими отношениями и что рвавшиеся наверх богачи всегда получали возможность войти в ряды аристократии в той мере, в какой возрастало их значение в общественной жизни. Поначалу считается само собой разумеющимся, что «джентльменом» может быть только благородный по своему происхождению владелец рыцарского поместья или в крайнем случае представитель ка-

кой-либо свободной профессии (например, адвокат). Такое воззрение было повсеместно распространено еще во времена Елизаветы, наглядно изображенные Томасом Смитом. В крайнем случае членом джентри можно было стать путем приобретения дворянского поместья, если в таком смысле трактовать слова Харрисона: «citizens and burgesses have next place to gentlemen, yet, they often change estate with gentlemen as gentlemen do with them, by a mutual conversion of one into the other».¹ В конце XVII—начале XVIII в. такая точка зрения существенно изменилась; теперь уже не исключается, что *через одно-два поколения* дети коммерсанта могут стать джентльменами, только потому что он разбогател. Такого мнения придерживается, к примеру, Дефо:

«Trade is so far here from being inconsistent with a Gentleman that *in short* trade in England makes Gentlemen, and has peopled this nation with Gentlemen; for *after a generation or two* the trades men's children, or at least their grand children, come to be as good Gentlemen as those of the highest birth and the most ancient families».²

Но все же это всего лишь сыновья или внуки разбогатевшего купца (tradesman означает у Дефо как оптового, так и розничного торговца). Одно только богатство еще

¹ Горожане и обыватели располагаются близко к джентльменам; более того, нередко они меняются званием с джентльменами, и наоборот, переходя из одного сословия в другое (англ.). — Harrison. Description of England. В III. Ch. IV. 1577; приведено у Гиббинса. Ind. in E., 1906. P. 323. Представление о том, как джентри возникло в правление Елизаветы, неясно. Кэмпден (Camden. Britannia. 1590. P. 106) говорит очень неопределенно: Generosi vel promiscue nobiles sunt, qui natalibus clari aut quos Virtus aut Fortuna e faece hominum extulit (Благородными (т. е. джентльменами) или просто знатью именуются те, кто чист по своему происхождению, или кого доблесть и удача вывели из грязи людской (лат.)).

² Понятие о торговле здесь весьма далеко от того, чтобы быть несовместимым со званием джентльмена, и, *коротко говоря*, ясно, что она-то в Англии и создавала джентльменов, попросту наводнила эту страну джентльменами, ибо через два-три поколения дети торговых людей или по крайней мере их внуки становились такими же джентльменами, что и дети самого высокого происхождения и самых древних фамилий (англ.). — Defoe. Complete English Tradesman. 2 ed. 1727. P. 310; 5 ed. 1745. 1. P. 322. (В обоих изданиях это место звучит одинаково.)

не превращает человека в джентльмена: Дефо сам четко отличает купца, даже богатого, от джентльмена, пусть первый располагает намного бóльшим доходом, чем второй, нередко ведущий свою жизнь в стесненных обстоятельствах.

Торговец, пока он владеет собственным делом, живет среди своих собратьев («fellows»): если же он устраняется от дел, то при определенных обстоятельствах может завязать общение с джентльменами и сам при этом стать джентльменом.¹

Дефо сообщает также, что многие представители джентри вовсе не были согласны принимать в свои ряды сыновей или внуков разбогатевших простолюдинов, ни даже их самих.² Таким образом, власть денег, по-видимому, только начинает обретать силу в эту эпоху; в XVIII столетии она одерживает свою полную победу.

Постлитуэйт, Мидж, Болтон и другие авторы, писавшие в середине века, придерживались уже несколько более свободной трактовки: пусть trading man (в том числе и оптовый торговец, не имеющий открытого прилавка) может стать джентльменом только после того, как отойдет от дел. Но «as to Merchants (имеются в виду морские торговцы)... they deserves indeed to be ranked among Gentleman»,³ тогда как Грегори Кинг в своем уже упомянутом реестре английских доходов 1688 г. отличает от джентльмена также и оптового морского торговца. Авторы, высказывавшие свой взгляд на «общее мнение» начала XIX в., хотя и заявляют, что занятие ремеслом или содержание открытого прилавка несовместимо со званием джентльмена, все же не имеют в виду статус хозяина фабрики или купца (как такового).⁴

Важно здесь следующее: на протяжении всей раннекапиталистической эпохи сохраняется представление о том, что цель богатого человека в конечном счете состо-

¹ Defoe. Op. cit. 5 ed. 1. P. 224 seqq.

² Defoe. Op. cit. 2 ed. P. 313; 5 ed. 1. P. 324.

³ Что касается купцов, ... то они в самом деле заслуживают того, чтобы числиться среди джентльменов (англ.).

⁴ Dodd Ch. R. Manual of Dignities etc. 1843. P. 251.

ит все же в том, чтобы быть принятым в более благородную общественную касту, а именно в «дворянство», в джентри; но сохраняется и феодальный характер этой дворянской касты, поскольку для того, чтобы ей принадлежать, одного богатства мало, а требуются еще определенные качества, которые, как правило, считаются совсем не буржуазными: некоторая удаленность от деловой жизни, соблюдение семейных традиций и т. д., — и все это находит свое выражение в само собой разумеющемся для джентльмена обычае иметь собственный герб. Поэтому Дефо и сообщает нам о разбогатевших лавочниках, осаждающих герольдию просьбами о гербах и просматривающих списки своих предков в надежде отыскать среди них праотца «из благородных»: «we see the tradesmen of England, as they grow wealthy, coming every day to the herald's office, to search for the coats of arms of their ancestors, in order to paint them upon their coaches, and engrave them upon their plate, embroider them upon their furniture, or carve them upon the pediments of their new houses... In this search we find them often qualified to raise new families, if they do not descend from old; as was said of a certain tradesman of London, that if he could not find the ancient race of gentlemen, from which he came, he would begin a new race, who should be as good gentlemen as any that want before him»¹ (конечно же, это означало лишь делать из нужды добродетель).

Но связь аристократии с богачами становится еще крепче, когда сыновья и дочери из обеих групп женятся и производят на свет детей. В Англии такого рода связи между благородными и выходцами из низов были повсе-

¹ Английских торговцев, как только они начинают богатеть, мы каждый день видим сходящимися к герольдии, надеясь отыскать гербы своих предков, чтобы изобразить их на своих каретах, выгравировать на своей столовой посуде, отгиснуть на своей мебели или высечь на фасадах своих новых жилищ... Мы обнаруживаем, что в этих поисках они готовы основать новые фамилии, если сами происходят не из старых; об одном лондонском коммерсанте рассказывали, что, если бы он не нашел тот древний род джентри, от которого происходит сам, он положил бы начало новому роду, члены которого стали бы такими же джентльменами, что и все, кто того желал до него (*англ.*). *Defoe. Op. cit.* 2 ed. P. 311; 5 ed. 1. P. 323–324.

дневным явлением, по крайней мере со времен Стюартов. В самом деле, если сэр Уильям Темпл утверждал,¹ что, насколько он помнит, прошло лет пять-десять с тех пор, как благородные фамилии начали справлять свадьбы в Сити, «причем ради одних только денег» («for downright money»), то, принимая во внимание огромный авторитет этого выдающегося наблюдателя, мы могли бы с достаточно большой уверенностью отнести начало этого смещения кровей ко времени правления Якова I. В любом случае сто лет спустя, в годы, когда свои труды писал Дефо, количество буржуазно-аристократических смешанных браков было уже, по всей видимости, весьма значительным, поскольку он говорит о них как о чем-то само собой разумеющемся. Конечно, чаще всего именно аристократы брали себе в жены богатых наследниц из торгового сословия, чтобы покрыть свои гербы новой позолотой. Дефо поименно перечисляет 78 таких вот браков представителей высокого дворянства с дочерьми лавочников,² о которых здесь нет смысла говорить подробнее, ведь в сущности все равно, женится ли лорд Гриффин на Мери Уэлдон, дочери торговца из Уэлла в Линкольншире, или лорд Кобэм на Энн Холси, дочери пивовара из Саутуорка; эти браки интересуют нас только как массовое явление, каковым они (если их сопоставить с общим количеством благородных дворян), несомненно, уже сделались в Англии в XVIII в.

Еще сильнее, чем в Англии, ощущение того, что благородство и коммерция исключают друг друга, во все прежние времена было во *Франции*. «Если есть на Земле кто-либо достойный презрения, так это торговец» («s'il y a mépris au monde il est sur le marchand») — так один сведущий человек еще в эпоху Генриха IV характеризовал умонастроение, господствовавшее в высших клас-

¹ Лекки приводит цитату из *Miscellanea* во втором томе «Истории Англии» (гл. 2). В своем экземпляре *Miscellanea* (Т. 1. 1680; Т. 2. 1690) я этой цитаты не нашел.

² *Defoe*. *Op. cit.* В гл. XXIV пятого издания (во втором этой главы еще не было).

сах.¹ Пусть люди, принадлежавшие к благородному дворянству, охотно участвовали в доходных предприятиях; пусть они, даже будучи членами старейших, благороднейших семейств, женились на дочерях разбогатевших лавочников; пусть не гнушались отказаться от чина тайного советника ради того, чтобы занять прибыльный пост — сегодня мы сказали бы «директора банка», в те же времена — просто финансового чиновника; но все *презирали* простолюдинов. Несколько более почтенный вид Haute finance² приобрела только в течение XVIII столетия; уже в XVII в. мы обнаруживаем в аристократическом обществе вкрапления тюркаре уровня Котбланшей или дю Плесси Рамбуйе. *Большое* богатство способно кого угодно примирить с чернью, о чем очень остроумно сказал Лабрюйер: «si le financier manque son coup, les courtisans disent de lui: c'est un bourgeois, un homme de rien, un malotru; s'il russit, ils lui demandent sa fille!».³ Но никому не удавалось полностью избавиться от представления, свойственного всей докапиталистической и раннекапиталистической культуре: благородному человеку пристало расходовать деньги, но не зарабатывать их. Еще Монтескье произнес слова, над которыми всегда стоит поразмыслить: «Коль доходная профессия финансиста обещает в конце концов сделаться еще и уважаемой — все пропало! Омерзение охватит все прочие сословия, честь утратит все свое значение, медленно действующие природные средства отличиться утратят силу, и правление будет сотрясено в своей самой глубокой основе (frappé dans son principe)».

Подобное чувство питали вовсе не только члены феодального общества, оно было повсеместно распространено и в тех слоях населения, которые начинают возвышаться над обширной массой misera contribuens plebs.

¹ *Laffemas. Traité du commerce de la vie du loyal marchand, 1601; в кн.: Fagniez G. L'économie sociale de la France sous Henry IV. 1897. P. 253.*

² Финансовая верхушка (*фр.*).

³ Если финансист терпит неудачу, придворные говорят о нем: это буржуа, простолюдин и хам; если же ему все удастся, они сватают ему своих дочерей (*фр.*).

Отсюда возникло стремление лучших, т. е. наиболее богатых торговцев и предпринимателей-капиталистов выделиться в качестве «буржуа» из среды остальных представителей ремесленных сословий (с каковым стремлением мы еще познакомимся далее в другой связи); но прежде всего отсюда возникла и присущая всем разбогатевшим простолюдинам тоска по дворянскому званию. Быть может, во Франции эта тоска была еще сильнее, чем в других странах, ведь дворянство здесь и в политическом отношении было весьма привилегированным сословием, и принадлежность к нему сулила не только общественную, но и вполне ощутимую материальную выгоду.

Мы наблюдаем, как дворянство с этих пор начинает пополняться выходцами из слоя разбогатевших дельцов. Хочу добавить, что это совершенно повсеместное явление, которое с самого раннего Средневековья можно обнаружить во всех странах. Можно даже сказать, что в самые ранние времена оно проступает отчетливее, чем в более поздние. Мы знаем теперь, что в *немецких городах* знатные роды постоянно пополняются снизу, т. е. принимают в свой круг счастливицков, поднявшихся из среды торговцев и ремесленников;¹ то же самое нам известно и об *итальянских городах* с их благородными семействами, которые уже в раннем Средневековье часто формировались из разбогатевших торговцев;² также и в отношении *английской* аристократии мы знаем, что она с давних пор пополнялась из низов, *artes sordidae*,³ — и мне хотелось бы указать на одно редко упоминаемое, но, как мне кажется, важное место англосаксонских правовых источников, на определение короля Ательстана Английского, гласящее:⁴ «And if a merchant thrived

¹ См.: *Strieder*. Genesis des modernen Kapitalismus, 40 и приведенный там перечень литературы, а также *Hapke R.* Die Entstehung der grobbohen bürgerlichen Vermögen im M. A. в шмоллеровском сборнике. 29. С. 245 и след.

² См.: *Sieveling H.* Die kapitalistische Entwicklung in den italienischen Städten des Mittelalters. Vierteljahrschr. f. Soc. u. W.-Gesch. 7. S. 73.

³ Низких, презренных ремесел (*лат.*).

⁴ Шесть категорий по: *Thorpe B.* Ancient Laws institutions of England. 1. 1840. P. 193. Примечание издателя: It is possible that craeft (craft) may here as at

(т. е. если ему посчастливится, если он достигнет некоторых высот) so that he fared thrice over the wide sea by his own means (craft), then was he thence forth of thane-right worthy».¹ Само собой разумеется, что при формировании *французского дворянства* дело обстояло точно таким же образом.²

И все же я полагаю, что нельзя обойти вниманием следующее соображение: есть принципиальная разница, возводится ли богатый коммерсант или финансист в дворянское сословие в XIII или в XVII в. В те давние времена феодализм еще господствует почти безгранично: дворянство состоит почти исключительно из земельных собственников рыцарского происхождения; проникающий в него простолюдин ни в малейшей мере не меняет жизненный стиль феодального мира, к которому он очень скоро приспособливается внутренне и внешне, который как бы всасывает его как губка небольшую лужицу; все это вытекает из соотношения сил между тем, что уже наличествует, и тем, что добавляется: в сравнении с первым второе просто ничтожно. Столетие спустя такой довесок к старому феодальному дворянству выглядит уже как сплавленный с ним в единую, однообразную массу, и в тех «старых фамилиях», что к 1550 г. еще сохраняются в Генуе и Флоренции, во Франции и Англии, т. е. в семействах, чья родословная насчитывает 200 лет и более, — в семействах этих при всем желании уже невозможно различить, были ли когда-то их пращурь свободными общинниками, землевладельцами, министрами или разносчиками пакетов: все они принадлежат к «феодальному дворянству» и противопоставляются большому числу недавно (а именно с XVII в.) возникших дворянских фамилий, которые почти без исключения происходили из ремесленного сословия и

the present day signify a vessel (Возможно, что *craft* здесь, как и в современном языке, означает «судно» (англ.)).

¹ И если купец преуспел..., и трижды сплавал за море на свои собственные средства (на своем судне), то впредь удостоивается прав лорда (ст.-англ.).

² См. многочисленные примеры у Пижонно (*Pigeonneau H. Hist. du commerce de la France. 1. 1885. P. 397 seqq.*) и у д'Авнеля (*D'Avenel G. Hist. écon. de la propriété etc. 1. 1894. P. 144 seqq.*).

отныне в согласии с эпохой и благодаря своей большой численности, конечно же, оказывали определяющее влияние на всю структуру дворянского сословия.

Таким образом, я считаю, что, если мы хотим понять, как трансформировалось общество в ходе слияния дворянства с денежными воротилами, то вряд ли есть смысл привести пару примеров наделения дворянским титулом разбогатевших горожан, случавшегося во времена Средневековья, и приравнять их к вторжению простолюдинов в ряды аристократии, начавшемуся с Новым временем. Хорошим историка делает способность видеть различия, чутье к особенностям различных исторических эпох.

Для Франции поворотный момент наступает где-то к концу XVI—началу XVII в.: в это время пробивается сразу несколько мощных источников, благодаря которым возникает новое дворянство:

1) при Генрихе IV учащается присвоение дворянских титулов, в частности промышленникам, в виде привилегии при создании новых промышленных предприятий;¹

2) эдиктом де ла Полетта от 1684 г. торговые чины преобразуются в наследственные, что знаменовало системную перемену, поскольку с этих пор лица, состоящие на государственной службе, с которой главным образом и было связано дворянство, рекрутировались именно из финансового мира, из числа богачей;²

3) в 1614 г. переход феодального землевладения в руки простолюдинов, имевший место с давних времен,³ тоже был признан формально дозволенным. Такой способ приобретения дворянского титула имел особенно большое значение во Франции: в XVIII в. страна кишела новоиспеченными синьорами, получившими свои титулы, просто купив дворянские поместья. Богачи украшают себя знаками господского отличия, как сегодня —

¹ Примеры у Левассера (*Levasseur. Hist. des classes ouvrières etc. 2e. 1900. P. 175, 200*).

² *Normand Ch. La bourgeoisie française au XVIIe sc. 1908. P. 9 seqq., 21 seqq., 64 seqq.*

³ *D'Avenel G. Op. cit. 1. P. 144 seqq., 208 seqq.*

разными экзотическими орденами. Парис Монмартр, сын мелкого кабатчика из Муарана, на одних крестинах именуется графом де Сампиньи, бароном де Дагувилем, синьором де Брюнуа, синьором де Виллером, синьором де Фуси, синьором де Фонтэном, синьором де Шатонеф и т. д.

В конце XVII в. к этим трем способам заполучить дворянское звание добавился еще четвертый:

4) покупка: в 1696 г. было продано 500 жалованных грамот, в 1702 г. — 200, в 1711 г. — 100.

Неудивительно, что французское дворянство в конечном итоге составили почти одни только произведенные тюркаре. Нельзя счесть преувеличением высказывание Шеррена: то, что во Франции в XVII и XVIII вв. называли «Noblesse»,¹ по сути дела было «du tiers état enrichi, lev, décoré, possessionné»;² и слова маркиза д'Аржансона, написанные им в середине XVIII в.: при той легкости, с которой благородство приобреталось за деньги, не существовало такого богатства, которое тотчас же не становилось бы благородным.

Довольно точная статистика, каковой мы располагаем в отношении состава дворянства к началу Французской революции, подтверждает справедливость этих суждений: в те времена насчитывалось 26 тыс. дворянских семейств, но из них только 13–14 тыс. принадлежали к первоначальному дворянству («noblesse immémorial ou de race»),³ а из оставшихся только 4 тыс. относились к чиновному дворянству. Но доля, которую Haute finance составляла в структуре французского дворянства, станет намного больше, чем показывают эти цифры, если мы и здесь примем во внимание крайне частые женитьбы благородных дворян на богатых наследницах простолюдинов.

¹ Дворянством (фр.).

² Разбогатевшим, достигшим высот, украшенным орденами, владетьным третьим сословием (фр.).

³ Старинное, или родовое дворянство (фр.).

В начале XVII в. этот процесс слияния, по всей видимости, шел уже полным ходом, если верить старому ворчуну, маркизу де Сюлли, горько сетующему, «*que les idées sont changées et que l'or met le prix à tout. Et comment cela n'arriverait-il pas, puis qu'on voit la Noblesse elle-même penser sur cet article précisément comme le peuple et ne pas se soucier de mêler, par une honteuse alliance, avec un sang pur et illustre celui d'un Roturier, qui ne connaît que le change, la boutique, le comptoir ou la chicane?*»¹ «Ce renversement est déplorable»,² — завершает герцог свою печальную песнь. Полтора века лет спустя даже аристократические круги придерживались уже совсем иного мнения: издатель «Мемуаров»,³ де Леклюз (1752), считает невозможным обойтись без того, чтобы снабдить содержащиеся в словах герцога упреки извинениями, каковые и помещает в примечании. А когда примерно в то же время герцог де Пекиньи приводит в дом сестру финансиста Монмартра, со спасительным приданым в 1 700 000 ливров, герцогиня де Шольн говорит своему сыну: «*Mon fils, ce mariage est bon; il faut bien que vous preniez du fumier pour engraisser vos terres*».⁴

Описание, данное такому положению дел Мерсье, всегда сохранявшим ясность взгляда, вполне соответствовало фактам:⁵ «*la finance est allie aujourd'hui à la noblesse et voilà ce qui fait la base de sa force relle. La dot de presque toutes les épouses des seigneurs est sortie de la caisse des fermes. Il est assez plaisant de voir un comte ou un vicomte, qui n'a qu'un beau nom, rechercher la fille opulente d'un financier; et le financier qui regorge de*

¹ Что понятия изменились и что золото сделалось ценой всему. И как бы ему таковой не сделаться, если мы видим, что само дворянство держится об этом точном тех же мыслей, что и простой народ, и не боится смешивать в *постыдном альянсе* чистую и благородную кровь с кровью простолудина, который разбирается только в товарах, векселях, счетах да клязузах (*фр.*).

² Такая превратность весьма плачевна (*фр.*).

³ *Sully. Mémoires* s. a. 1601, éd. 1752. 4. P. 12 seqq.

⁴ Сын мой, вот добрый брак; неплохо бы и вам раздобыть навозу для удобрения своих земель (*фр.*).

⁵ *Mercier. Tableau de Paris*. 2. P. 201. Ch. CLXXII.

richesses, aller demander la fille de qualité, nue, mais qui tient à une illustre famille...».¹

Я вновь не стану перечислять бессчетные случаи таких смешанных браков, не стану называть имена, хотя нетрудно было составить тут целые списки. Приведу лишь некоторые особенно забавные примеры, по которым можно отчетливо распознать своеобразие общественных отношений XVIII в (который в этом аспекте уже довольно-таки сходен с XIX и XX вв.):

Один из сыновей Самюэля Бернара, известный всем как «еврей Бернар», носит титул графа де Кубера; он женится на м-м Фротье де ла Кост-Мессельер, дочери маркиза де ла Коста; другой покупает должность председателя парламента в Париже и называет себя графом де Риером; он женится на м-м де Буленвийер. Благодаря этому браку «еврей Бернар» становится дедушкой графинь д'Антрейгю, де Сен-Симон, Курторне, д'Апшон и будущей маркизы де Мирпуа.

Антуан Кроза, чей дед еще служил посыльным, выдает свою дочь замуж за графа д'Эвре из дома принцев Булонских. Его второй сын, барон де Тьер, женится на м-м де Лаваль-Монморанси, а дочери от этого брака выходят замуж за маркиза де Бетюнь и маршала де Брольи.

Брат Кроза выдает дочь за маркиза де Монсампера, сеньора Глевского.

Родственница герцога де ла Врийера выходит замуж за простолюдина Панье.

Маркиз д'Уаз женится на двухлетней дочери Миссисипьена Андре (за 20 000 ливров ренты до свадьбы и 4 млн приданого).

Дочь Бертело де Пленефа выходит замуж за маркиза де При: это знаменитая любовница регента.

¹Финансисты ныне породнились с дворянами, и именно в этом основа их реальной силы. Почти у всех дворянских жен приданое взято из арендных касс. Довольно забавно глядеть на какого-нибудь графа или виконта, у которого нет ничего, кроме доброго имени, занятого розыском дочерей богатых финансистов; и на финансиста, у которого богатства через край, собирающегося жениться на благородной девице — полураздетой, но принадлежащей к знатному семейству (фр.).

Дочь Прондра становится м-м де Ларошфуко.

Простолюдин из Монтаржи становится тестем маркиза д'Арпажона, дедом графа Ноэя и герцога де Дюра.

Оливье-Сензан, отец которого еще торговал ношеными штанами, отдает свою дочь в жены графу де Люсе, будущему принцу де Тенгри.

Вильморьен свою — маркизу де Беранже.

Графы д'Эрре, д'Иври, герцоги де Бриссак, де Пекиньи — все, все они одним и тем же путем влекутся к денежным мешкам тюркаре.

Разве не создается впечатление, что нам рассказывают свадебные истории дочек американских свиноводов, повыходивших замуж за последние двадцать лет?

Глава 2

КРУПНЫЙ ГОРОД

Источники и литература

Сколь-нибудь заслуживающая внимания *литература по истории большого города* мне не известна. Крайне многочисленные сочинения, где описывается история отдельных крупных городов, по большей части представляют собой очерки истории либо городского статута, либо архитектуры. Культурно-экономические аспекты чаще всего остаются почти без всякого внимания. Поэтому здесь нет никакого смысла даже в кратком перечислении такого рода книг.

Все, что ниже будет сказано о происхождении и сущности крупного города эпохи раннего капитализма, почти во всех случаях было почерпнуто мной непосредственно из *первоисточников*. Главное место среди них занимают путевые дневники и другие описания. Нечего и говорить, что с описанием, подобным «Tableau de Paris Мерсье» (1781. В 12 т.), никакому другому городу не посчастливилось. С Лондоном XVII–XVIII вв. можно достаточно хорошо познакомиться по описаниям Дефо и Ричардсона, Миджа и Болтона, Аркенгольца и др.

Источники по Неаполю XVI в. можно найти в книге Готейна «Kulturentwicklung Süd-Italiens». 1885; по Неаполю XVIII в. см., к примеру, описания в «Essai sur la société et les mœurs des Italiens». 1782. Lettre LV sv.

В отношении Мадрида XVII в. для наших целей пригодятся путевые заметки и мемуары м-м д'Олье. См. также опус Карла Юсти «Velasquez und sein Zeitalter».

1. Крупные города в XVI, XVII и XVIII вв.

Одним из событий, имевших значение для всего культурного развития и, по существу, ставших следствием процессов, описанных в предыдущей главе, является то обстоятельство, что начиная с XVI в. в ряде городов происходит стремительный прирост населения, благодаря чему возникает город нового типа — «крупный город» с населением в несколько сот тысяч жителей, который, как в случае Лондона и Парижа, с конца XVIII столетия приближается к уровню современных городов с миллионным населением. Но уже в XVI в. в Европе насчитывалось 13–14 городов с населением в 100 000 тыс. человек и более.¹

Прежде всего это итальянские города: Венеция (в 1563 г. ее населяло 168 627 человек, в 1575–1577 гг. — 195 863), Неаполь (240 000), Милан (около 200 000), Палермо (в 1600 г. — около 100 000), Рим (в 1600 г. — около 100 000), тогда как Флоренция в 1530 г. насчитывала всего 60 000 жителей.

Затем испано-португальские: Лиссабон (в 1629 г. — 110 800), Севилья (в конце XVI в. — 18 000 «очагов», т. е. примерно 100 000 жителей); и нидерландские: Антверпен (1560 г. — 104 972), Амстердам (1622 г. — 104 961).

Наконец, это Париж и Лондон.

Вследствие религиозных войн население Парижа, против расширения которого королевские эдикты издавались уже в середине века (к этому я скоро вернусь), по-видимому, сокращается и к 1594 г. насчитывает примерно 180 тыс. человек.

¹ Цифры я привожу по очень добросовестной работе Белоха «Die Entwicklung der Großstädte in Europa», помещенной в «Comptes rendus du VIIIe Congrès international d'Hist. et de Dém.» 1894. P. 55 seqq. В случае если перед названием города стоит знак *, цифры были взяты из статьи Инама-Штернегга в словаре «Handwörterbuch d. Staatswiss». Количественные показатели по населению Дублина я нашел в книге «Moreau de Johnès». A. Statistique de la Grande Bretagne. 1. 1837. P. 88; последние данные по Лондону почерпнуты в официальной переписи 1801 г.; по Берлину — в сводках Нормана, приводимым Мирабо младшим, «De monarchie prussienne». 1. 1788. P. 395 seqq.

Лондон стремительно разрастается и к концу столетия обнаруживает все приметы многонаселенного крупного города, о чем нам со всей определенностью сообщает елизаветинский указ 1602 г.¹ Количество жителей, проживавших в нем при Елизавете, мы можем оценить примерно в 250 тыс. человек.

В течение XVII в. население некоторых крупных городов сокращается: в Лиссабоне и Антверпене оно опускается ниже уровня 100 тыс. человек, в Милане и Венеции тоже существенно уменьшается.

Зато до уровня крупных городов поднимаются новые: Вена (в 1720 г. — 130 000 человек) и Мадрид.

Быстро растут Рим, Амстердам, Париж и Лондон. Рим в конце столетия насчитывает 140 000, Амстердам — 200 000 жителей; население Парижа достигает полумиллиона, в Лондоне оно еще больше (в 1700 г. — 674 350).

Если Лондон за этот век разрастается медленно, то размеры Парижа увеличиваются очень быстро. Особенно стремительный рост отмечается в годы правления двух первых Бурбонов. Теперь мы чаще встречаемся с теми диковинными эдиктами, о которых я уже говорил, — с теми, что запрещают строительство новых домов, чтобы положить предел росту города: «Reconnaissant que l'augmentation de notre bonne ville de Paris est grandement prejudiciable»;² «attendu que l'intention de Sa Majest a t que sa ville de Paris fût d'une tendu certaine et limite»³ (в запретах этих выражается, можно сказать, то же стремление, что и в цеховых уставах: противодействие безмерному разрастанию органической формы, сопротивление самой природе капитализма с его тенденцией к непомерному расширению, количественному росту, про-

¹ Текст указа, опубликованный Раймером (Foedera. 16. P. 448), частично воспроизводит Андерсон (Orig. 2. P. 209).

² Признав, что расширение границ нашего доброго города Парижа крайне предосудительно... (фр.).

³ Принимая во внимание, что замысел Его Величества заключался в том, чтобы размеры города его Парижа были твердо установлены и определены... (фр.).

тивоедействие старого сословного уклада, руководство вавшегося мерой хлеба насущного, беспредельно разрастающейся тяге к получению прибыли).

Запреты, конечно же, ни к чему не привели; несмотря на то, что они выходили вторично (1627, 1637 г.), Париж особенно интенсивно рос именно в эти десятилетия. По мнению компетентного историка (Бодрийяра), между Парижем Людовика XIII и им же времен Лиги было больше различий, чем между последним и Парижем времен Третьей республики. О том, насколько ярко современники ощущали происходящие перемены, сообщает Корнель в своей комедии «Лжец», написанной в 1642 г. (действие 2, сцена 5):

Toute une ville entière, avec pompe bâtie
Semble d'un vieux fossé par miracle sortie
Et nous fait prsumer, à ses superbes toits,
Que tous ses habitants sont des dieux ou des rois.¹

В XVIII в. происходят следующие сдвиги:

Предел в 200 тыс. жителей переходят Москва, Петербург, Вена, *Палермо (в 1795 г. — 200 162); ненамного отстает и Дублин (1644 г. — 8159, 1753 г. — 128 870, 1798 г. — 182 370 человек).

К стотысячному рубежу подходят Гамбург, Копенгаген, Варшава. Население Берлина насчитывает 141 283 жителя (1783 г.), *Лиона — 135 207 (1787 г.).

*Неаполь приближается к полумиллиону (в 1796 г. — 435 930), Лондон — к миллиону (864 845 по переписи 1801 г.), в *Париже накануне революции проживает 640–670 тыс. человек.

¹ Весь город, с его пышными постройками, подобен чудом возникшей древней крепости, и, глядя на его горделивые строения, мы можем предположить, что в нем живут одни только боги или короли (*фр.*).

2. Возникновение и внутренняя структура крупных городов

Но если осмотреться в поисках ответа на вопрос, отчего эти города приобрели такие размеры, то в деле все еще можно обнаружить, в общем-то, те же *градообразующие причины*, что и в Средние века. В раннекапиталистическую эпоху крупные города (и прежде всего именно они!) остаются, главным образом, городами потребителей. Крупные потребители нам хорошо известны: это князья, духовенство, знать, к которым теперь присоединяется новая важная группа — *Haute finance* (которую вполне можно назвать «потребителем», ничуть при этом не умаляя ее «продуктивную» функцию в народнохозяйственном организме). Самые крупные города столь велики потому, что в них проживают самые крупные потребители (и наибольшее их число); следовательно, разрастание городского тела вызвано, по сути дела, концентрацией потребления в городских центрах той или иной страны.

Справедливость такой точки зрения можно прежде всего доказать *e contrario*,¹ указав на то, что «производители», т. е. торговля и промышленность, какое-то время все еще были не в состоянии придать местам своего первоначального расположения размеры, превосходящие размеры городов средней величины.

Чисто торговые города, подобные Бристолю, охарактеризованному известным путешественником XVIII в. как «*the largest, most populous and flourishing place in the island and one of the principal cities of Europe*»,² или другим цветущим торговым городам тогдашней Англии — Эксетеру, Линну, Норичу, Ярмуту и пр. — насчитывают не более 30–40 тыс. жителей, в то время как Лондон давно уже переступил порог в полмиллиона. Но

¹ От противного (*лат.*).

² Огромный, самый многонаселенный и процветающий островной центр, один из главных городов Европы (*англ.*). — *Defoe D. A Tour through the islands of great Britain*. Впервые опубликовано в 1724 г. Восьмое издание, на которое ссылаюсь я, вышло в 4-х томах в 1778 г. 2. P. 253.

и промышленность в общем и целом еще не включает в себе силы, способной привести к формированию крупных городов. Даже в XVIII в. промышленные центры, шахтерские города или центры кустарного производства, такие как Ньюкасл, Глазго, Лидс, Манчестер и Бирмингем в Англии, Изерлон, Падерборн, Яуэр, Хиршберг в Германии, остаются малыми городами или городами средней величины. Ни в Великобритании, ни в Германии вплоть до конца XVIII в. не было (разумеется, помимо их столиц) городов со стотысячным населением.

Там, где «торговые центры», подобные Амстердаму или, к примеру, Гамбургу, в рассматриваемую эпоху приобретают черты крупного города, более скрупулезное исследование очень скоро убеждает нас в том, что размеры города зависят совсем от других причин, нежели от товарооборота. И я могу назвать лишь один город, до начала XIX в. пробившийся в разряд крупных городов будучи промышленным центром, — это Лион, в раннекапиталистическую эпоху ставший резиденцией самой крупной индустрии роскоши (хотя даже в случае Лиона кредитные отношения, по-видимому, тоже играли существенную роль в увеличении размеров этого города).

Нетрудно дать теперь и позитивное доказательство, подтверждающее, что в действительности именно концентрация потребления приводит к возникновению первых крупных городов, причем под давлением общих закономерностей капиталистического развития приводит примерно одним и тем же способом, без сколь-нибудь серьезного учета особенностей той или иной страны.

Хочу привести несколько примеров из хода развития важнейших крупных городов XVII и XVIII вв.

1. *Берлин*. Берлин принадлежит к типу городов-резиденций, где в качестве градообразующих элементов выступают, в сущности, только двор, чиновничество и военные. Растет несколько быстрее он начинает лишь во второй половине XVIII в.: в начале 60-х годов его население впервые переходит рубеж в 100 000 человек. Но и в конце этого века Берлин населяли почти одни только солдаты и чиновники, и потому он, конечно же, оставал-

ся городом небогатым. В 1783 г. гарнизон вместе с женами и детьми насчитывал не менее 33 088 человек, это 23 % от совокупного населения, составлявшего 141 283 жителя (в сравнении с 29 448 или 1.8% в 1895 г.). Число государственных и городских чиновников достигало 3433 человек, т. е. вместе с членами их семей, около 13 000. Сюда добавлялось и невероятное количество служащих (10 074), так что эти три группы населения, связанные с двором, насчитывали 56 000 человек, т. е. свыше двух пятых всего населения.¹ Насколько бедны были эти стипендиаты нищего прусского короля, показывает то обстоятельство, что они могли предоставить жилище и занятие еще лишь приблизительно такому же количеству человек. В Лондоне или Париже те же самые 50 000 наемных солдат создавали в те времена условия для жизни города с населением по меньшей мере в 200–300 тыс. человек.

2. *Амстердам*. Этот город тоже был прежде всего резиденцией. Это явствует из того, что переезд двора в конце XVII в. повлек за собой большой ущерб во всех областях жизни.² Но возникший при этом пробел был вскоре восполнен: Амстердам становится прибежищем этактистов всей Европы; здесь потребляется прибыль, поступающая из самых богатых колониальных владений всего мира.

3. *Венеция* характеризуется примерно тем же, что и Амстердам. Ранние, значительные по своему объему колониальные владения вскоре порождают большое количество богатейших рантье, присоединяющихся к и без того уже бесчисленным землевладельцам с *terra firma*.³ О семьях критских колонистов уже в XV в. говорили: «Кое-кто приобрел обширное имущество, и теперь живет в Венеции, проедаая свои проценты».⁴ Нельзя также забывать, что вплоть до утраты своих колоний Венеция

¹ *Mirabeau*. Op. cit.

² См., к примеру: *Berg B.* De Refugiés in de Nederlande etc. 1. 1845. S. 269 ff.

³ Здесь: из метрополии (*лат.*).

⁴ *Gerland E.* Kreta als venetianische Kolonie (1204–1669). Hist. Jahrb. 20. 1889. S. 22.

была столицей третьей по величине европейской империи. Потребляемые в Венеции огромные богатства дали начало жизни в наслаждениях и роскоши, которая, опять-таки, привлекала многочисленных иноземцев, так что Венеция в XVI в. стала наряду с Римом самым знаменитым городом: *sede principalissima del piacere*,¹ как назвал ее один корреспондент в 1565 г., *paradisus delitiarum*,² как она именуется в «Итинерарии» Генценра (1617).³ Наиболее притягательны празднества и общество дам.

4. *Рим*, о котором Грегоровиус говорит, что в XVI в. он в основном из-за своей пространственной протяженности был «единственным городом во всем мире», вмещает в себя массу самых разнообразных, могущественных потребителей:

прежде всего это Папа, живущий за счет «петровых денег» и своих фамильных доходов, часто весьма значительных, вместе с многочисленной придворной челядью;

далее, паломники, которых, к примеру, в 1500 г. в Риме было около 200 тыс.;

затем кардиналы и монсеньоры: Картезий в трактате *De Cardinalatu* сообщает,⁴ что уже в XV в. кардинал, по всей видимости, располагал 12 000 золотых гульденов дохода и держал в своем доме около 140 человек челяди; некоторые из них получали по 30 тыс. дукатов и более;⁵

папские родственники и фавориты, осыпаемые сокровищами: Пьетро Риарио, сын Сикста IV, получал 60 000 золотых гульденов ренты;

наконец, многочисленные знатные семейства, Орсини, Колонна и т. д., которые помимо прочего располагали обширными земельными угодьями и соответственно высокой земельной рентой.

¹ Самым значным местом (*итал.*).

² Раем земным (*лат.*).

³ См. описание Венеции у Симонсфельда. *Der Fondaco dei Tedeschi in Venedig*. 2. 1887. S. 265 ff.

⁴ См.: *Gregorovius. Gesch. der Stadt Rom*. 7⁵. S. 236.

⁵ *Gregorovius. Op. cit.* 8⁴. S. 287.

Когда папы переехали в Авиньон, Рим почти опустел: после смерти Климента V кардинал Наполеон Орсини уверяет французского короля, что из-за отъезда Пап Рим стоит на грани гибели. По мнению Кола ди Риенци, в 1347 г. Рим больше напоминает разбойничий притон, чем обиталище людей благонравных.¹

5. *Мадрид*. Чем Рим и Венеция были в XV–XVI вв., тем Мадрид стал в XVII в. — вселенским городом. Здесь располагался двор самого могущественного короля земли; здесь находился центр обширнейшей мировой империи; сюда потоком стекалось серебро Америки. Неудивительно, что Мадрид стал точкой притяжения для всех, кто в Испании обладал властью и богатством. Ничто не ощущалось так живо, как желание быть принятым «при дворе короля». Раздариваемые им придворные звания были целью, к которой стремились прежде всего младшие сыновья дворян. Можно достаточно точно проследить, как Мадрид благодаря притоку грандов, начавшемуся при Филиппе III, быстро приобретает все большее значение: «Los lugares particulares, — сообщает один из авторов, — se van depoblando de los vecinos ricos e poderosos».² Создается даже впечатление, что Мадрид наряду с Римом был первым крупным современным городом, испытавшим большой приток иноземных гостей, гнавшихся за удовольствиями. «Богатая гостиница для чужестранцев» — так именуют этот город современники.³

6. *Неаполь*. Если в XVII в. Мадрид был третьим, а может быть и вторым по величине городом Европы (как сообщается, во времена его наивысшего расцвета здесь проживало 400 тыс. человек), то теперь Неаполь вырос настолько, что в течение следующего столетия занял место сразу за Лондоном и Парижем.

¹ См.: *Pastor. Geschichte der Päpste*. 1³⁻⁴. 1901. S. 78 ff.

² Частные владения пустуют ввиду отъезда местных благородных жителей (*исп.*). — *Conservacion de monarquias y discursos*. Disc. XIV. Приводится у Ранке в его работе. *Fürsten und Volker Sudeuropas*. 1³. S. 458. См. также: *Habler. Wirtschaftl. Blüte Spaniens*. S. 53, 153, 155 ff.

³ Великолепную картину Мадрида в пору его расцвета рисует (опираясь на надежные источники) Глейхен-Русвурм (*Das galante Europa*. 1910. S. 19).

Неаполь является школьным примером, на котором может быть показана правильность отстаиваемого здесь тезиса (о том, что вся суть раннекапиталистического крупного города заключается в концентрации потребления). Он всегда оставался только резиденцией и ничем иным, и именно этому обстоятельству, — сопрягающемуся с другим, с тем, что город этот был столицей рано объединившихся земель с централизованным административным управлением и судебным органом, — он обязан тем, что достиг размеров крупного города к тому времени, когда никакому другому итальянскому городу этого сделать еще не удалось.

Величие и богатство Неаполя проистекали из двух источников: королевской власти и церкви. Это было понятно уже современникам. «Наша торговля стоит на службе короля» (*regis servitium nostra mercatura est*), — заявляет Карачьоли, в чьих трудах социальная структура Неаполя отражается перед нами словно в зеркале. В самом деле, количество служебных постов здесь было бесконечно велико, потому что централизация вела к разрастанию органов управления; необычайно тонко была отлажена система взяток, которую опять-таки уже современники признавали в качестве существенного источника доходов. Человеку, враждавшемуся в образованных кругах Неаполя, действительно казалось, что там нет ничего, кроме этих «бесчисленных правоведа, адвокатов и секретарей» (Фольета). Когда в следующую эпоху наступило длительное господство испанцев, влияние двора поначалу сократилось, что ясно понимал Карачьоли: король теперь далеко; город приходит во все больший упадок; у баронов уже нет многолюдных свит; потому и публичная жизнь утратила блеск и размах — никого уже не увидишь разъезжающим во всем княжеском великолепии. Город опустел, арендная плата снизилась — и все только потому, что Неаполь перестал быть резиденцией короля. Карачьоли повторяет: «Это именно наша торговля сделала богатыми наших дворян».

Но потом все изменилось: Неаполь пышно расцвел именно при испанском господстве, *потому что* знать

вновь стала держать богатую свиту, так что роскоши стало больше, чем прежде, и население стремительно возросло.¹

7. *Париж*. Когда основоположник современной химии посвятил свои, в любом случае заслуживающие высокой оценки, силы «благу народа» и пекся в Национальном собрании о проведении реформы финансов, он произвел чрезвычайно интересные подсчеты, чтобы установить, сколь велико количество и стоимость товаров, заказываемых парижанами извне. Весьма точные выкладки привели его к выводу, что предметов потребления, за которые нужно платить, в Париже ежегодно потреблялось людьми на сумму 250 млн ливров, лошадьми — на 10 млн ливров. Нам здесь интересно, как Лавуазье отвечает на вопрос: кто выплачивает эти 250 млн, поскольку в нем заключено чрезвычайно удивительное суждение о составе парижского населения накануне Революции. Ответ этот (если очистить его от допущенных Лавуазье очевидных неточностей) звучит так:²

Около 20 млн ливров приносят экспорт и торговля; 140 млн оплачивается за счет ренты с государственного долга и жалованья из государственной казны (*revenu des intrêts et dépenses payé par le trésor public*);

100 млн покрывает потребляемая в Париже прибыль с земельной ренты и от предпринимателей (от иностранных предприятий) (*revenu des propriétaires de terre, de biens ruraux et de manufactures*).

Восхитительно! Блестяще! Как глубоко понимание и знание действительности: весь Париж — за исключением какого-нибудь *quantité négligeable* — город чистого потребления, живущий благодаря двору, чиновникам, этаким и держателям земельной ренты.

¹ См. прекрасные описания *Готейна*: *Kulturentwicklung Südtaliens*. 1886. S. 317 ff., 342 ff. См. также: *Burkhardt*. *Kultur d. Ren.* 2³. 1878. S. 106, 166; *Hippolit a Coll.* *Incrementa urbium sive de causis magnitudinis urbium liber unus* 1665. P. 207.

² *Lavoisier A. L.* *Essai sur la population de la vie de Paris, sur sa richesse et ses consommations // Daire. Melanges d'ec. pol.* 1. 1847. P. 601 seq.).

Ту же точку зрения мы вновь и вновь встречаем у всех компетентных в данном вопросе современников (свидетельством которых, к сожалению, и вынуждены ограничиться, пока не приведено никакое количественное доказательство правильности представленного здесь воззрения).

Автор «Друга людей», Мирабо-старший подсчитал, что, если, согласно его предложению, отправить обратно в провинцию

1) tous les Officiers Royaux qui en tirent de grands appointements;

2) tous ceux des grands Propriétaires, qui certains d'ésormais de ne pouvoir traiter leurs affaires contentieuses que là et assurés d'y jouir en même temps de la considération et de l'aisance... voudraient bien aller jouir de la terre natale;

3) tous les plaideurs forcés,¹

то Париж покинуло бы около 200 000 человек.²

Согласно его мнению, как и мнению всех физиократов, в те времена господствовало «une mauvaise distribution des hommes et des richesses»,³ ибо «tous les seigneurs, tous les gens riches, tous ceux qui ont des rentes ou des pensions suffisantes pour vivre commodément fixent leur séjour à Paris ou dans quelq' autre grande ville où ils dépensent presque tous les revenus des fonds du royaume. Ces dépenses attirent une multitude de marchands, d'artisans, de domestiques et de manouvriers»⁴. Вокруг этих богатых рантье, к коим присое-

¹ 1) всех королевских чиновников, получающих высокое жалование; 2) всех крупных собственников, которые впредь, несомненно, не смогут заключать свои сомнительные сделки, как они это делают здесь, пользуясь в то же время уважением и всеми условиями, ... а лучше отправятся к себе на родину; 3) всех явных сутяг (фр.).

² *Mirabeau*. *Ami des Hommes*. 2. P. 215.

³ Дурное распределение богатства и людских ресурсов (фр.).

⁴ Все господа, все богачи, все владельцы ренты или пенсии, позволяющей жить комфортно, устраивают себе постоянное местожительство в Париже или каком-либо другом большом городе, где тратят почти все доходы государства. Расходы эти привлекают множество торговцев, ремесленников, слуг и поденщиков (фр.). — См статью Кенэ о фермере в «Энциклопедии» (*Quesnay F.*

диняются «financiers, don't les caisses... ont... trait directement au Trsor Royal»¹ и другие, формируется высокоразвитая (по мнению физиократов, слишком тонченная) индустрия предметов роскоши, ибо «Propriétaire, rustique dans la terre, devient à Paris un arbiter elegantiarum et donne des idées à un ouvrier, qui s'élevant ainsi au dessus de sa sphère mécanique devient un homme illustre dans son Art»...²

О том, что ремесленники и торговцы живут только за счет доходов богачей, которые здесь, стало быть, и являются основателями города в установленном мною смысле, в своем знаменитом своей убедительностью стиле свидетельствует также Мерсье:

«Comment trouver le moyen de remédier à cette foule de nécessiteux qui n'ont d'autre gage de leur subsistance que dans le luxe dépravé des grands...

On voit dans cette capitale des hommes qui usent toute leur vie à faire des joujous d'enfants; les vernis, les dorures, les pompons occupent une armée d'ouvriers; cent mille bras y sont exercés nuit et jour à fondre des sucreries et à édifier des desserts. Cinquante mille autres, le peigne en main, attendant le reveil de tous ces oisifs qui végètent en croyant vivre et qui pour se dédommager de l'ennui qui les accable, font deux fois toilettes par jour».³

(Œuvres / Ed. Oncken. 189); «теория гидроцефала» для Парижа восходит к XVI, для Лондона — к XVII в.: Граунт считает, «что голова Лондона, по-видимому, слишком велика и, может быть, слишком мощна для его тела» (*Graunt J. Anmerkungen über die Totenzettel der Stadt London usw. 1662*).

¹ Финансисты, деньги которых... имеют непосредственное отношение к королевской казне (*фр.*). — *Ami des Hommes*. 2. P. 232.

² Собственник, обычный деревенщина у себя в поместье, в Париже становится «тонченным судьей» и подает идеи рабочему, который, тоже поднимаясь наверх в сфере своего механического труда, становится человеком, прославленным в своем искусстве (*лат., франц.*). — *Ami des Hommes*. 2. P. 217. Данные о гигантской величине ренты церковных и светских властителей см. у Тэна (*Taine H. Les origines de la France contemporaine*. 1¹⁴. 1885. P. 52). Любопытно, что главным источником, из которого Тэн черпал сведения об абсентеизме французской знати и ее стечении в Париже, был Артур Янг, стремившийся создать впечатление, будто в Англии в то самое время все было по-другому.

³ Как помочь этой толпе бедняков, для которых единственным источником средств существования является извращенная роскошь знатных особ... В столице этой мы видим людей, тратящих всю свою жизнь на детские игрушки; лаки-

В своих описаниях физиократы часто забывают особо упомянуть, что довольно значительная часть парижского населения жила за счет доходов церкви и ее служителей. Мерсье и в этом отношении служит нам незаменимым источником, сообщая, что:

«Paris est rempli d'abbs, clers tonsurés, qui ne servent ni l'église ni l'état, qui vivant dans l'oisiveté la plus suivie et qui ne font que des inutilités et fadaïses...

Dans plusieurs maisons on trouve un abbé à qui l'on donne le nom d'ami, et qui n'est qu'un honnête valet qui commande la livrée...

Ensuite viennent les précepteurs, qui sont aussi des abbés...» (Mercier, *Tabl. de Par.*, 1738. Ch. XC).¹

«Les vèques violent facilement et sans remords la loi de la résidence en quittant le poste qui leur est assigné par les saints canons. L'ennui les chasse de leurs diocèses qu'ils regardent comme un exil: ils viennent presque tous à Paris pour y jouir de leurs richesses» (ibid. Ch. XCI).²

Насколько же мы должны быть благодарны этому авторитетному свидетелю за единственную достоверную панораму различных групп парижского населения, составлявших его в конце раннего периода истории капитализма. Чтобы сложившаяся картина выступила отчетливее, я в заключение приведу еще одну схему, более удобную для глаза:

ровкой, позолотой, украшениями занята целая армия рабочих; сто тысяч рук здесь днем и ночью выпекают сладости и сооружают десерты. Пятьдесят тысяч других, вооружившись гребенкой, ждут пробуждения всех этих богатых бездельников, прозябающих в роскоши, полагая, что они живут в ней, и, чтобы развеять удручающую их скуку, совершающих туалет два раза на дню (*фр.*). — *Tableau de Paris*. 1. 1733. P. 67–68.

¹ Париж наводнили аббаты и клирики, не служащие ни церкви, ни государству, живущие в непрерывной праздности и не годные ни на что, кроме пошлостей... В большинстве домов мы встречаем аббата, именуемого «другом» и оказывающегося лишь почетным командиром над всей прислугой... Потом следуют учителя, тоже из аббатов... (*фр.*).

² *Епископы* запросто и без всякого сожаления преступают закон о местожительстве, оставляя посты и должности, предписываемые им священными канонами. Скука гонит их из епархий, кажущихся им попросту ссылкой: почти все они прибывают в Париж, чтобы там насладиться своим богатством (*фр.*).

«Il y a dans P. 8 classes d'habitans bien distinctes:

1) les princes et les grands seigneurs;

2) les gens de robe:

a) le barreau,

b) l'église,

c) la médecine;

3) les financiers:

depuis le fermier-général jusqu'au prêteur à la petite domaine. Les agens de change, ces nouveaux crocodiles, occupent le milieu de ce corps d'évorant, m'éprisable et bientôt mpris é;

4) les ngocians ou marchands:

они живут только за счет знати: comme les grands n'achètent rien comptant les marchands sont obligés d'aller s'humilier tous les jours devant eux ou devant leurs domestiques;

5) les artistes:

les peintres,

les architectes, — низший ранг

les statuaires,

les compositeurs en musique — средний ранг

les hommes de lettres — высший ранг, nobilitas literata;

6) les artisans:

зажиточные мастера-ремесленники, живут исключительно своим трудом на богатых (как было показано в другом месте);

7) les manouvriers;

8) les laquais;

9) le bas peuple.

Следовательно, все же девять?!

Прежде всего, это огромное множество людей, «ничего не производящих»: les nombreuses colonies de moines chapelains;

tant de nobles,

» » greffiers,

» » huissiers,

» » sergents,

» » clerks,

» » milliers d'estaffiers,

» » hommes à bandoulières,

» » rentiers,

puis les cochers,
» » postillons,
» » palefreniers.

Наконец, иностранцы, толпами прибывающие в Париж» (Mercier. *Tabl. de Par.* II. 1788. P. 39 seqq., 44 seqq.).¹

8. *Лондон*. Двор могущественного короля; близ него, с конца XVI в. — круг богатых землевладельцев, проживающих здесь свою ренту: таким было ядро Лондона еще в XVII в. Насколько велика была в этом столетии привлекательность столицы для аристократии и джентри, видно по многочисленным указам, которые — и это довольно примечательно! — именно два первых Стюарта издавали против этой свойственной помещичьим семействам склонности к переезду в Лондон. В одном из таких указов 1632 г. сказано:

«That by residing in London with their families a great part of their money and substance is drawn from the several counties whence it ariseth and spend in the city on excess of appeal, provided from foreign parts... that this also draws great numbers of loose and idle people to London and West Minster» etc. (Foed. 19. P. 374).²

Но такие запреты на проживание постигла та же судьба, что и указы, предписывавшие поворотить ка-

¹ В Париже проживают лица, делящиеся на восемь четко различимых классов: 1) князья и вельможи; 2) люди «в мантиях»: а) адвокаты, б) духовные лица, с) врачи; 3) финансисты: начиная с мелких арендаторов и кончая арендодателями частных поместий. Биржевые маклеры, сущие крокодилы нынешних дней, образуют сердцевину этого ненасытного, презренного и всеми презираемого тела; 4) торговцы или купцы: ...когда господа не платят наличными, торговцам приходится постоянно унижаться перед ними и перед их домашними; 5) люди искусства: живописцы, архитекторы, скульпторы (низший ранг), сочинители музыки (средний ранг), литераторы (высший ранг, ученая знать); 6) ремесленники...; 7) поденщики; 8) лакеи; 9) простолюдины, ... многочисленные группы монахов-капелланов, дворян, судебных секретарей, исполнителей, приставов, письмоводителей, множество слуг, оруженосцев, рантье, а кроме того, кучеров, конюхов, ямщиков... (*фр., лат.*).

² Что когда они со своими семьями селятся в Лондоне, значительная часть их состояния и имущества перемещается из отдельных графств, где они были нажиты, и расходуетя в городе на излишества, поставляемые из чужих краев... что также благодаря этому в Лондон и Вестминстер стекается много развязного и праздного люда (*англ.*).

кую-нибудь реку вспять к ее истокам, — на них никто не обращал внимания. По-видимому, как раз в XVII в. переезд земельных собственников в Лондон сделался особенно частым явлением (что принципиальным образом повело и к стремительному росту города в этом столетии). В конце XVII в. Лондон предстает перед нами как «the mighty Rendez-vous of Nobility, Gentry, Courtiers, Divines, Lawyees, Physicians, Merchants, Seamen and all kind of excellent Artificers, of the most refined Wits and most excellent Beauties».¹

Таким образом, с конца XVII и на протяжении всего XVIII столетия к уже известным устроителям города добавляется еще один, чрезвычайно важный тип — эстаты и крупные финансисты. В Лондоне в XVII в. уже царили оживленные кредитные отношения. О том, сколь крупные денежные суммы могли быть обналичены в короткое время, говорит, к примеру, тот факт, что акционерный капитал Английского банка (1 200 900 фунтов стерлингов) был полностью расписан на заем с 21 июня по 2 июля 1694 г. Градообразующую силу государственных долгов очень метко характеризовал Дэвид Юм: «Our national debts cause a mighty confluence of people and riches to the capital, by the great sums levied in the provinces to pay the interest of these debts».²

В середине XVII в. высший свет еще проживает в Сити. Это видно, к примеру, из того, как «чувствительные горожанки» жалуются на докучающий им угольный чад (в те времена начали топить каменным углем): «O Husband wee shall never bee well, wee nor our children while we live in the smell of this Cities Seacoale smoke».³

¹ Грандиозное место скопления аристократии, джентри, придворных, духовенства, юристов, врачей, купцов, мореходов, а также самых выдающихся художников, самых утонченных острословов и самых очаровательных красавиц (англ.). — *Chamberlayne E. The second part of the Persent State of England. 13 ed. 1687. P. 200.*

² Наши государственные долги способствуют мощному притоку в столицу разного народа и богачей, благодаря крупным суммам, взимаемым в провинции для выплаты процентов по этим долгам (англ.). — *Hume D. Essays. 2. P. 114.*

³ Дорогой, мы не сохраним свое здоровье, ни мы, ни наши дети, пока будем жить в центре города и дышать этой угольной гарью (англ.). — *Artificial Fire,*

С этих пор аристократы начинают размещать свои дворцы в пригородах. У Болтона, продолжателя дела Миджа, дано наглядное описание процесса той перестройки, которой Лондон подвергся в середине XVIII в. «The Nobility and chief among the Gentry are at this time much better accomodated in fine Squares or Streets, where they breathe a good Air and have Houses built after the modern way».¹ Далее он приводит обширный перечень отдельных новостроек, и из его описаний тоже совершенно отчетливо явствует, что характер аристократического Лондона тех времен еще всецело определялся притоком сельского дворянства.² Вместе с тем аристократы в те времена селятся и в ближайшем соседстве с Лондоном. Дефо перечисляет 17 лондонских предместий, «all crowded and surrounded with the houses or rather palaces of the nobility and gentry of England».³

Применительно к Лондону XVIII в. я попытался сделать то же, что Лавуазье сделал для Парижа (хотя и совершенно другим методом): установить в цифрах долю различных групп городского населения в структуре Лондона, и пришел к следующему результату, который, конечно, не претендует на абсолютную точность, но которому, несомненно, прибавляет правдоподобия тот факт, что рассчитанные доли оказываются весьма близки к пропорциям, указанным Лавуазье для Парижа (и, по сути дела, отличаются друг от друга лишь в той мере, в какой лондонская торговля превосходила парижскую).

Если в описаниях Лондона, в частности, скажем, у Чемберлена, торговле постоянно придается особая значимость градообразующего элемента, это понятно, и в те времена было очевидно каждому наблюдателю. Напротив, ко-

1644. Рукопись из Британского музея, приводится у Каннингема (*Cunningham W. The growth of Engl. Ind. and Comm. 2^d. 1905. P. 319.*)

¹ Дворянам и верхушке джентри в это время намного лучше жилось на улицах аристократических кварталов, где они дышали чистым воздухом и строили свои дома по новому образцу (*англ.*).

² *Miege and Bolton. The present state of Great Britain etc. 10 ed. 1745. P. 101.*

³ Густо населенных и окруженных домами или, скорее, дворцами английских дворян и джентльменов (*англ.*). — *Defoe. Tour 2. P. 135–136.*

личественный анализ со всей отчетливостью показывает, что «торговлей», несомненно, могла бы прокормиться лишь меньшая часть городского населения. В 1700 г. совокупный импорт и экспорт Англии составлял 214 млн марок — сумма, которой торговля города Бремена достигла лишь к середине XIX в. Водоизмещение всех судов, входивших и покидавших английские порты в 1688 г., насчитывало 285 000 т, таких показателей судоходство Гамбурга достигло лишь к 1800 г., (это примерно одна пятидесятая часть его нынешнего объема). Цифры приведены у Гольдштейна, 143. Можно сколь угодно восхищаться размахом тогдашней лондонской торговли, но не следует допускать, чтобы фразы писателей-современников о «бесчисленном количестве кораблей, мачты которых, когда они стояли на этой реке (Темзе), напоминали густой лес» и о «бесчисленном количестве огромных, отлично оснащенных магазинов» (Чемберлен) давали повод к преувеличениям; напротив, если мы хотим оценить долю «торговли» в величии Лондона, нужно произвести примерно следующие расчеты:

Совокупный английский импорт и экспорт составлял в 1700 г. неполные 11 млн фунтов стерлингов; если вычислить для этой суммы чистую среднюю прибыль в 10 %, вполне достаточную и для тех времен, то она составит 1 100 000 фунтов стерлингов; далее, если приходящуюся на Лондон долю совокупной английской торговли оценить в 2/3, что, конечно, довольно много, то она составила бы сумму приблизительно в 750 000 фунтов стерлингов — доход от торговли лондонских купцов. Далее, согласно Кингу, в 1688 г. средний доход семьи ремесленника составлял 40 фунтов стерлингов, семьи рабочего — 15 фунтов стерлингов. Следовательно, на вышеуказанную сумму смогли бы прожить около 7000 ремесленных и 24000 рабочих семей, или 12 000 семей обеих категорий. По мнению Кинга, каждая из этих семей насчитывала в среднем по 3,5–4 человека. Таким образом, количество душ, кормившихся «торговлей», ни в коем случае не могло намного превышать 100 000, т. е. седьмую или шестую часть населения тогдашнего Лондона.

Нужно, далее, принять в расчет еще и то само собой разумеющееся обстоятельство, что развертывавшаяся в Лондоне торговля могла обладать градообразующей

силой лишь в той мере, в какой она не обслуживала товарообмен среди самого лондонского населения. Если учесть и его, то искомая доля еще более сократится.

Сравним, к примеру, гражданские листы английских королей той эпохи. В 1696 г. парламент ассигновал Вильгельму III *гражданский лист* в размере 700 000 фунтов стерлингов. Королева Анна получила ту же сумму. При Георге I она была увеличена до 800 000, при Георге II — до 900 000 фунтов стерлингов (100 000 отдельно на содержание двора королевы); кроме того, принц Уэльский имел еще и свой собственный доход в 100 000 фунтов стерлингов. Таким образом, король, королева-мать и кронпринц для своего существования и содержания челяди могли располагать столь же высоким доходом, что и все торговое сословие в целом. Приведенные цифры взяты из трудов Миджа и Болтона (S. 236). Там же, в дополнительном томе (A regular Collection or series of lists containing all the offices and whole establishment civil, military and ecclesiastical in Great Britain and Ireland),¹ содержится почти полный отчет о жаловании военных и гражданских чиновников королевства, свидетельствующий порой о невероятно высоких суммах, предназначавшихся, в частности, высшим чинам. Упоминания о 1000, 1500 и даже 2000 фунтов стерлингов вовсе не редки. Подсчитаем: если 2000 фунтов стерлингов поступали в качестве прибыли от торговли, то при норме прибыли в 20 % и всего лишь двукратном обороте капитала в год это давало бы товарооборот в 200 000 фунтов стерлингов, т. е. сороковую часть всего товарооборота в Лондоне! Если различные части тогдашнего лондонского населения распределить по отдельным градообразующим факторам, то у меня получается примерно следующее соотношение: 2/6 жили за счет короля и его двора, 1/6 — за счет чиновничества, 2/6 — за счет держателей земельной и, косвенно, государственной ренты (Haute Finance) и 1/6 — за счет торговли и профессиональной деятельности.

¹Официальный перечень, или список всех ведомств и всех учреждений гражданских, военных и церковных в Великой Британии и Ирландии (англ.).

3. Теоретические представления о городе в XVIII в.

Что социальная структура крупного города в раннекапиталистическую эпоху действительно была такой, какой я ее попытался изобразить на предыдущих страницах, со всей ясностью, какой только можно желать, явствует, наконец, еще и из многочисленных «городских теорий» XVIII в., по которым, как мне представляется, вполне позволительно судить о природе крупных городов того времени. Ибо даже если притязания большинства авторов на отображение условий возникновения и существования «самого» города или «самого» крупного города как такового были ошибочными, учения их являются все же не чем иным, как обобщением наблюдений за окружающими их фактическими формообразованиями. Поэтому напоследок я приведу еще пару выдержек из сочинений наиболее известных и уважаемых авторов той поры, выразивших свою точку зрения на проблему города.

Насколько мне известно, тон в конструировании теоретических воззрений на городскую жизнь, равно как и во многих других областях национальной экономики XVIII столетия, задавал Кантильон. По его мнению, города возникали следующим образом: «Si un Prince ou Seigneur... fixe sa demeure dans quelque lieu agréable et si plusieurs autres Seigneurs y viennent faire leur rsidence pour être à port ée de se voir souvent et jouir d'une société agréable, *ce lieu deviendra une Ville*, on y bâтира de grandes Maisons pour la demeure des Seigneurs en question; on y en bâтира une infinité d'autres pour les Marchands, les Artisans, et Gens de toutes sortes de professions que la résidence de ces Seigneurs attirera dans ce lieu. Il faudra pour le service de ces Seigneurs des Boulangers, des Bouchers, des Brasseurs, des Marchands de vins, des fabriquants de toutes espèces: ces Entrepreneurs bâтиront des Maisons dans le lieu de question ou loueront des Maisons bâтиes par d'autres Entrepreneurs; ...toutes les petites Maisons dans une Ville, telle qu'on la décrit ici, dependent et subsistent de la dépense des grandes

Maisons... La ville en question s'agrandira encore, si le Roi ou le Gouvernement y établit des Cour de Justice... Une Capitale se forme de la même manière qu'une Ville de Province... toutes les terres de l'État contribuent plus ou moins à la subsistance des Habitans de la Capitale».¹

С незначительными вариациями такой ход мысли воспроизводится почти во всех сочинениях, трактовавших в те времена об образовании городов; разумеется, особенно детально он был проработан физиократами, поскольку должен был служить основанием их теории, но встречается и у многих писателей, не относившихся к ортодоксальным физиократам.

Среди тем, затрагиваемых в народнохозяйственной литературе XVIII в., значительное место занимала дискуссия об экономически целесообразном способе расходования земельной ренты. Ведь, по-видимому, именно она составляла содержание бесчисленных сочинений и отдельных глав о «роскоши», которые, как известно, столь же характерны для национально-экономической литературы XVIII в., что и трактаты о народонаселении.

Но поскольку расходование этой, в народнохозяйственном отношении столь важной доли национального дохода происходило в городах, причем главным образом в городах крупных, постольку проблема роскоши тесно переплеталась с проблемой крупных городов. Почти все авторы, писавшие о роскоши, распространяли свои исследования на обсуждение вопросов: что делает города такими многонасе-

¹ Когда князь или сеньор... определяет себе для проживания какое-нибудь приятное место и когда несколько других сеньоров решают сделать это место своей резиденцией, чтобы жить поблизости друг от друга, часто видятся и наслаждаются приятным обществом, *это место становится городом*; здесь возводятся большие дома, где будут жить означенные сеньоры; здесь же строятся бесчисленное множество других домов для торговцев, ремесленников и людей самых разных профессий, которых присутствие этих сеньоров стягивает к этому месту. Чтобы служить этим сеньорам, понадобятся хлебопеки, мясники, пивовары и виноторговцы, производители всех сортов: предприниматели эти построят свои дома в означенном месте или арендуют уже построенные другими предпринимателями... все малые дома в городе, подобном нами описываемому, завясят и существуют за счет того, что расходуют большие дома... Описываемый город станет еще больше, если король или правительство учредят в нем Судебную палату... Столица возникает тем же путем, что и провинциальный город... и все территории государства вносят свой больший или меньший вклад в поддержание жизни обитателей столицы (*фр.*). — *Cantillon. Essay sur la nature du Commerce. 1755. P. 17 seqq.*

ленными? кто живет в городах? на что здесь тратятся доходы богачей? как способ расходования влияет на народнохозяйственные процессы?

Чтобы указать на эту связь между теорией роскоши и теорией города в литературе того времени, достаточно напомнить о книге Кенэ «Занимательные очерки о народонаселении, сельском хозяйстве и коммерции» (ed. Onken. P. 250 seqq.), где в главе «Город» двадцать Вопросов посвящены как раз проблеме взаимосвязи между формированием городов и народно-хозяйственным кругообращением. См., к примеру, Вопрос XV (l. c. P. 297): «si les grandes fortunes qui se forment dans les grandes villes ne sont pas préjudiciables à l'agriculture... ces grandes fortunes, ne prouvent-elles pas que les richesses s'accumulent dans les villes, qu'elles ne retournent pas dans les campagnes?»¹ или Вопрос XVIII (P. 298): «si le rétablissement des revenus des biens-fonds exige que les propriétaires et ceux qui peuvent faire des grandes dépenses, résident dans les campagnes? La consommation qu'ils font dans les villes n'est-elle pas aussi profitable aux campagnes, que si elle se faisait dans les campagnes mêmes?»² и т. д. Или в главе «Богатство», § VI (l. c. P. 302): «Depuis que les grands et les riches se sont retirés dans la capitale, leurs dépenses n'en sont-elles pas devenues plus remarquables et ne jugerait-on pas de là, que le luxe serait augmenté? le luxe n'a-t-il pas toujours été proportionné aux richesses de la nation?»³ и т. д., и т. п. В этих своих размышлениях Кенэ тоже опирается на Кантильона, чье блестящее эссе в первой своей части тоже посвящено рассмотрению этой проблемы. См., например, гл. XIV, в заголовке которой содержится целая программа исследования.

¹ Если большие состояния, складывающиеся в крупных городах, не наносят вреда сельскому хозяйству... не доказывают ли они, эти большие состояния, что богатства скапливаются в городах, что они не возвращаются в деревни? (фр.).

² Что если воспроизводство доходов с недвижимости требует, чтобы собственники и те, кто в состоянии тратить большие деньги, проживали в деревнях? Не будут ли расходы, в которые они пускаются в городах, столь же выгодны и в деревнях, если они будут производиться в самой сельской местности? (фр.).

³ С тех пор как знать и богачи уехали в столицу, не сделались ли здесь их расходы более значительными и не следует ли отсюда, что они стали жить в большей роскоши? не всегда ли роскошь прямо пропорциональна богатству нации? (фр.).

Для сопоставления с теорией Кантильона я приведу еще несколько высказываний: «Les richesses de cette ville y attirent les plaisirs. Pour en jouir et les partager, les riches propriétaires quittent leur campagnes, passeront quelque mois dans cette ville, y construiront des hôtels. La ville s'agrandira de jour en jour... Cette ville portera enfin le nom de Capitale».¹ О том, что мысль Кенэ развивалась сходным образом, уже говорилось. Совершенно в этом же духе выдержаны и высказывания графа Мирабо (*Mirabeau. De la monarchie prussienne sous Frédéric le Grand. 1. 1788. P. 408 seq.*).

Из итальянцев следует назвать прежде всего Беккариа и Филанджери: «I più grandi proprietari delle terre, i quali un maggior numero di bisogni ed una vita più raffinata e remota dagli umili e rozzi usi del volgo gettava in braccio alla noia compensatrice delle diverse condizioni degli uomini, per l'ambizione di distinguersi a gara e di sovrastare alle classi laboriose di loro simili, dovettero riunirsi a poco a poco insieme e risiedere vicino alla sorgente delle leggi, vicino alle supreme magistrature, onde occuparsi del comando ed estender la sfera dei loro piaceri estendendo il loro potere. Ecco l'origine della città grandi e per conseguenza o attualmente o una volta capitali».² См. также с. 86, где идет речь о возникновении в крупных городах индустрии роскоши. Точно так же и Филанджери возлагает ответственность за становление крупного города на землевладельца: «Ivi per palesare il suo lusso e le sue ricchezze egli occupa, abusa e profana il pennello del pittore, lo scalpello dello statuario e dello scultore, il genio dell' architetto, la fantasia del poeta e tutti gli ordigni delle manifatture e delle arti. Ivi

¹ Богатство этого города привлекает к себе всевозможные удовольствия. Чтобы наслаждаться и пользоваться ими, богатые собственники покидают свои деревни и по несколько месяцев проводят в городе, в построенных ими самими гостиницах. Город разрастается день ото дня... В конце концов его начинают называть столицей (*фр.*) — *Helvetius. De l'homme. Lect. VI. Ch. VII.*

² Крупнейшие земельные собственники, коих многочисленные потребности и весьма утонченная жизнь, далекая от свойственных простонародью грубых и низменных привычек, бросала в объятия скуки, уравнивавшей людей различного состояния и достатка, стремясь одержать верх в соперничестве и возвыситься над трудящимися классами, должны были понемногу объединяться и селиться вблизи судов, вблизи верховных магистратур, чтобы занимать там руководящие должности и, насколько это возможно, расширять сферу получаемых удовольствий. Так возникали крупные города, постепенно или внезапно превращавшиеся также и в города столичные (*итал.*) — *Beccaria C. Economia pubblica 1771 § 30. P. 58–59.*

egli mantiene uno stuolo prodigioso di oziosi, che servono più al suo festo che al suo comodo. Ivi finalmente egli consuma le sue rendite e quelle della sua posterità».¹

В Англии теория города, авторство которой принадлежит Стюарту, в сущности, тоже лишь воспроизводит кантильонов ход мысли, с той только разницей, что наряду с лендлордами (the proprietors of the surplus of food)² он считает свободным градообразующим фактором также и представителей «monied inerest»,³ людей, «уже завоевавших» кое-какое право на доли национального дохода (with a revenue already acquired),⁴ вокруг которых лишь впоследствии группируется население, занятое торговлей и ремеслами (those who purchase it with their daily labour or personnal service).⁵

¹ Чтобы продемонстрировать здесь свою роскошь и свое богатство, он нанимал, насилывал и осквернял кисть живописца, резец скульптора и ваятеля, гений архитектора, воображение поэта; профанировал все сложное устройство их искусства и ремесла. Здесь он содержал огромную армию бездельников, служивших скорее его тщеславию, чем комфорту. Наконец, здесь он проедал свою ренту и ренту своих потомков (*итал.*). — *Filangieri G. Leggi pol. e leggi economiche*. 1780. P. 185–186.

² Собственниками, владеющими избытком пропитания (*англ.*).

³ Финансового мира (*англ.*).

⁴ С уже добытым доходом (*англ.*).

⁵ Люди, добывающие его каждодневным трудом или личной службой (*англ.*).

Глава 3

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ ЛЮБВИ

Источники и литература

Источники. По Возрождению: труды Капеллануса, Петрарки, Боккаччо, Лоренцо Валлы, Бембо, Кастильоне, Беккаделли, Фиренцуолы, Аретино, Белле, Монтеня, Рабле. По XVII в.: сборник «Cabinet satyrique ou recueil parfait des vers piquants et galliards de ce temps». Издавался неоднократно, в том числе в Париже в 1632 г. Труды Овре П. де Брантома («Vie des dames illustres», «Vie des dames galantes» и др., недавно появились на немецком — в 1905 г. в издательстве «Инзель» и в 1907 г.) и многие другие, сведения которых можно почерпнуть в библиографиях. По XVIII в.: сочинения Ретифа де ла Бретона, в частности «Le Palais Royal» в 3-х т. (1790); новое издание в сборнике «Les mœurs légères au XVIII siècle», введение и примечания Анри д'Альмера; и прежде всего обширная мемуаристика.

Новейшая литература. По Средним векам: *Schultz A.* Das höfische Leben zur Zeit der Minnesänger. 2. Aufl. 1889. По эпохе Возрождения в первую очередь учитываются все известные общеисторические труды Буркхардта, Грегоровиуса, Гримма и т. д., к коим недавно добавилась замечательная книга *К. Хледовски* «Rom: Die Menschen der Renaissance» (1912, перевод с польского). Особенно многочисленна новейшая литература о жизни знаменитых куртизанок Возрождения. Назову лишь следующие работы: *Biagi C.* Un'Etera romana Tullia d'Aragona (1897); *Bruzzone P. L.* Imperia e i suoi ammiratori. Nuova Antologia (1906). Fasc. 828. Было сочтено необходимым издать даже письма этих женщин: *Ferrari L. A.* Lettere die cortegiane del sec. XVI (1884); *Schmidt L.* Renaissancebriefe (9-й том «Культу-

ры»). По XVII и XVIII вв., помимо общих сочинений культурно-исторического содержания: *Imbert de Saint-Amand. Femmes de Versailles: Les femmes de la Cour de Louis XV. В 2-х т. (1876); Les femmes de la Cour de Louis XVI. В 2-х т. (1876).* — *Houssaye A. Galerie du XVIIIe siècle. Deuxième série: Princesses de Comédies et déesses d'opera. Quatrième série: Hommes et femmes de Cour (1858)*, очень остроумная и забавная книга. *Griesinger T. Das Damenregiment an den verschiedenen Höfen Europas in den zwei letztvergangenen Jahrhunderten. Erste Reihe: Die großen französischen Vorbilder. В 2-х т. (1866–1867); zweite Reihe: Versailles in Deutschland (Dresden und Hannover), в 2-х т. (1869–1870)* (богатый материал, но подан как собрание анекдотов и без указания источников). *Savine A. La Cour galante de Charles II (1908)* (добросовестная, достоверная работа).

Хорошим введением в мир театральных принцесс послужит книга *Souvenirs de Mlle Duthé de l'opera, 1748–1830* (апокриф), снабженная очень поучительным предисловием в новом издании П. Жинисти.

Особое место занимают блестящие и очень содержательные сочинения братьев де Гонкуров, посвященные нашей проблеме: *Portraits intimes du XVIIIe sc. В 2-х т. (1873); Les maîtresses de Louis XV (1860); La femme au XVIIIe sc. (1862);, L'amour au XVIIIe sc. (1875)* и прежде всего книги о Помпадур и Дюбарри.

Конечно, каждая из великих любовниц, особенно любовниц королевских, давала повод к возникновению обширной литературы о себе. Наиболее важны сочинения о *Помпадур* Капфига, Кампардона, Гонкуров и т. д.; о *Монтеспан* — Арсена Уссе, Клемана, Бонасье (*Le chateau de Clagny et Mme de Montespan, 1884*) и т. д. И наоборот, в такой же мере должна учитываться и литература по истории правления отдельных *властителей*, которую здесь невозможно привести полностью, как и литературу по истории отдельных *дворов*, где первостепенное место, по своему объему, занимает пресловутая работа Фезе *Geschichte der deutschen Höfe seit der Reformation, 1851–1858*, в 48-ми т. По Франции особого упоминания заслуживает еще *Saval. Les galantries des rois français sous plusieurs races.*

Ориентированная на куртизанок экономика французской Haute finance весьма подробно изображена в книге Тирьона (*Thirion H. La vie privée des financiers au XVIIIe sc.*

1895). Специальная литература посвящена *описанию салонов* в разных странах и в разные времена. Предметом довольно обширной литературы стал даже *рогоносец*. Ее список приводится у Клемма (*Klemm G. Die Frauen*. В 2-х т., 1859. S.355). Сюда относятся и вообще все сочинения по *истории женщин* (правда, не столь многочисленные): *Comte de Ségur. Les femmes*. В 3-х т. (1803); *Klemm G. Die Frauen. Kulturgeschichtliche Schilderungen des Zustandes und Einflusses der Frauen in den verschiedenen Zonen und Zeitaltern*. В 6-ти т. (1859) (заголовок этой книги — лучшее, что в ней есть; внимания заслуживает только 2-й том); *Scheube H. Die Frauen des achtzehnten Jahrhunderts*. В 2-х т. (1876). См. также хорошо известные сочинения Шерра, Генна ам Райна и т. д.

Кое-что можно найти и в книгах по общей *истории нравов*, например у Р. Гюнтера (*Günther R. Kulturgeschichte der Liebe*. 1899); у Э. Фукса (*Fuchs E. Illustrierte Sittengeschichte vom Mittelalter bis zur Gegenwart; Renaissance* (1909); *Die galante Zeit* (1910), и дополнительные тома, содержащие непристойности), книга ценна своими иллюстрациями; а также у Э. Дюрена (*Dühren E. Sittengeschichte Englands*. В 2-х т. (1912)) и др.

Разумеется, к теме относятся и большая часть литературы по *истории искусства*, которую здесь невозможно привести подробным списком. Хочу отметить лишь одну книгу, поскольку она охватывает несколько областей и тем особенно интересна: *Josz V. Fragonard: Mœurs du XVIII siècle* (1901).

Мало пользы можно извлечь из многочисленных современных работ о «любви», о «сексуальных проблемах», о «браке» и т. д., потому что в них по большей части отсутствует единственно интересная здесь историческая точка зрения. Хорошим введением в эту литературу сегодня может послужить книга М. Розенталя (*Rosenthal M. Die Liebe, ihr Wesen und ihr Wert*, 1912).

Наконец, следует сослаться и на труды по *истории протитуции*, среди которых наибольшей известностью пользуется сочинение француза Дюфура (немецкий перевод Адольфа Штилле и Бруно Швейгера, до Нового времени дополнено Францем Гельбингом. В 6-ти т. 1910). В силу высоконравственной позиции ее авторов, сообразно которой всякая любовная связь, не зарегистрированная в граж-

данском учреждении и не освященная церковью, оказывалась «проституцией», так что и Лукреция Борджиа, и мадам д'Этуаль попадают в разряд «проституток» — история эта в предметном отношении простирается довольно широко. К сожалению, детальное ее описание большей частью весьма поверхностно и не везде согласуется с источниками.

Библиография «галантной» и обценной литературы: *Haun H. Bibliotheca Germanorum erotica.* Полный перечень эротической литературы на немецком языке и т. д., 1885; (более любопытная) *Bibliotheca erotica et curiosa Monacensis*, перечень французской, итальянской, испанской, английской, голландской и новолатинской эротической литературы, 1887; *Bibliographie des ouvrages relatifs à l'amour, aux femmes, au mariage et des livre sfacétieux, pantagruéliques, scatologiques, satyriques etc p. M. le Cte. D'I***.* В 4-х т. Париж, 1894–1900. Своеобразный шедевр: 4595 колонок в словарном формате!

1. Победа принципа иллегитимности в любви

Я не знаю, какое другое событие имело бы более важное значение для всего образа жизни старого и нового общества, чем те изменения, которые в период между Средневековьем и эпохой Рококо претерпело взаимное отношение полов друг к другу. Понимание генезиса современного капитализма особенно тесно связано с правильной оценкой тех радикальных перемен, что влияли на разрешение этого важнейшего вопроса.

Чтобы постичь суть того преимущественно внутреннего процесса, каковым являются перемены во взглядах на любовь и любовные связи, можно пойти двумя путями познания: через высказывания заслуживающих доверия мужчин (а в данном, особенном случае также и не менее сведущих женщин) и через результирующие действия участников. «Высказывания» могут быть весьма разного рода: они могут быть *ex professo* произнесены в трактатах, толкующих о любви, «*ne'quali si ragiona d'amore*», как сказано в «Азоланских беседах»; но это

могут быть также поэтические творения или произведения изобразительного искусства, в коих отражается «дух времени». Само собой разумеется, что такой вот «дух времени» также и в этом (и именно в этом) случае всегда остается лишь «духом» того или иного, совершенно определенного общественного слоя; здесь, стало быть, — придворного, аристократического общества, а также всех, кто тянется ему подражать. Любовная жизнь буржуа развивается в принципиально противоположном направлении, нежели любовная жизнь кавалеров (и порождает в итоге предпринимателя-капиталиста).

Формы жизни следуют друг за другом как морские волны. Волна, несущая нас сегодня, не имеет ничего общего с той, за подъемом и падением которой мы здесь намереваемся проследить: *она* зарождается в цеховых помещениях, в проповедях Кальвина и Джона Ноксена, там, откуда произрастают все понятия буржуазной благопристойности. Но даже внутри одного и того же культурного круга развитие протекает не совсем по прямой линии: его направление то тут, то там отклоняется под действием противоположных тенденций. И только охватывая взором целое, мы можем говорить о принципиально едином и прямолинейном развитии, которое понимание любви и реализация этого понимания претерпели в нашу эпоху (на всем ее протяжении: от крестовых походов — до трех цилиндров Пауля и до внедрения коксового метода).

Космический феномен любви между двумя полами, как и всякое человеческое действие, европейское Средневековье поставило на службу высшему существу, Богу — и в том смысле, что земное любовное чувство непосредственно освящается религией и направляется на неземные цели (как в культе Девы Марии), и в том, что любовь оказывается институционально ограниченной, а ограничивающий ее институт (брак) признается богоугодным и благословенным установлением (т. е. таинством). Всякая половая любовь, не освященная Богом и не ограниченная институционально, была отмечена стигматом «греха».

По всей видимости, принципиально иное воззрение на сущность любви впервые проникает в широкие круги лишь в век миннезингеров, т. е. примерно с XI столетия, которое и во всех прочих отношениях становится началом секуляризации человеческой жизни: страшный тысячный год остался позади, были разведаны новые залежи серебра, шире и прочнее становились связи с Востоком. В XI–XII вв. в Провансе, который, как прозвучало однажды, был подобен «прекрасному острову, вольно и беззаботно цветущему среди бушующего моря», нота свободной, земной любви впервые вновь зазвучала в песнях трубадуров, явившихся около 1090 г. и переживших расцвет в период с середины XII до середины XIII в. За ними пришли немецкие миннезингеры, появилось, прежде всего в Италии, большое множество лирических поэтов, певших только об одной любви: в одном из сборников, который сейчас как раз у меня под рукой, собраны творения, ни много ни мало, 126 таких певцов любви, живших за сотню лет до Данте.¹

Сегодня любовная поэзия миннезингеров кажется нам неискренней, неестественной, манерной. Но именно это доказывает, что миннезанг действительно был первым, природным началом новой любви. Именно ярко выраженная эротика полового созревания исчерпывает себя в превознесении возлюбленной до небес, в томлении и столах, в обожании и восторге. На твердую почву природной чувственности мы впервые вступаем лишь в XIV в., и даже не можем с уверенностью сказать, нашел ли жизненный круг миннезингеров свое непосредственное продолжение в том обществе, которое собиралось, к примеру, при папском дворе в Авиньоне или в созданной Боккаччо «Фьяметте». Если доверять такому авторитетному свидетелю, как Ульрих Лихтенштейнский, то любвеобильная эпоха миннезингеров окажется лишь эпизодом, закончившимся в XIII в. В своей «Книге о женщинах» (1257) он сетует, что женщины уже не общаются с мужчинами так непринужденно, как раньше:

¹ I poeti del primo secolo. 2 vol. 1816.

они перестали носить красивые платья, прячут лицо под плотным покрывалом и ханжески вешают себе на шею четки. Восторженное наслаждение жизнью, которое столь приветствовалось в предшествующую эпоху, по мнению Ульриха Лихтенштейнского, уже стало им чуждо. Мужчины ищут отраду только на охоте, ранним утром они отправляются в путь вместе со своими собаками, вечером, усталые, возвращаются домой и, вместо того чтобы посвятить себя своим женам или возлюбленным, тратят время на игру в кости, да пьют со своими сотрапезниками.¹

Возможно, все это справедливо только в отношении Германии, которая (за редким исключением) вновь приобретает значение в истории любви только в совершенно иные времена (Веймар!). Непрерывную связь с эпохой трубадуров легче предположить в отношении южных стран. В любом случае настроение, пронизывающее и одухотворяющее, скажем, «Декамерон», представляется нам непосредственным продолжением энтузиазма прошлых столетий: такова реакция здоровой чувственности на преувеличенный идеализм, хотя поначалу она и проявляется еще в наивных формах — соблазны сексуального удовлетворения как бы открываются заново, приподнятые покровы и одеяния сулят небывалое блаженство. Основной тон, по которому настраивается все остальное, можно уловить в словах набожной и одновременно похотливой монахини у Боккаччо: «Ed io ho più volte a più donne che a noi son venute udito dire, che tutte l' altre dolcezze del mondo sono una beffe a rispetto di quella quando la femmina usa con l' uomo».² В представлении мужчины женщина все еще остается одетой: вспомним, что «Декамерон» был написан во времена Джотто.

В искусстве предвестниками новых воззрений становятся вновь появляющиеся изображения обнаженных

¹ *Schultz A. Das höfische Leben zur Zeit der Minnesänger. 2. S. 423.*

² И я неоднократно слышала, как приезжавшие к нам дамы говорили, что все прочие удовольствия света просто смешны в сравнении с теми, что женщина может получить от мужчины (*итал.*).

людей в рамках религиозного мифа, в частности Адама и Евы:¹ картины и изваяния первой половины XV в. уже четко показывают нам, что глаза вновь обрели способность видеть плоть и кровь. Адам и Ева Яна и Губерта ван Эйков на створках алтаря в церкви св. Бавона в Ген-те (ныне в Брюссельском музее), рельефы Якопо делла Кверча на портале церкви Сан-Петронио в Болонье (ок. 1425 г.), фрески Мазаччо в капелле Бранкаччи в церкви Санта-Мария дель Кармине во Флоренции, но прежде всего — рельефы Гиберти (1378–1458) на бронзовых дверях флорентийского баптистерия, — все это смотрится как утренняя заря новой эпохи.

Но только более позднее Кватроченто увидело женщину обнаженной как существо женского пола, открыло для себя интимные прелести женского тела и выявило все соблазны чувственной любви. Идет борьба за любовь и за женщину; художники любят писать сюжет о «битве любви с целомудрием» (Перуджино и Боттичелли), но исход этой битвы не вызывает сомнения: на фресках Франческо Косса в замке Скифаноя, в боттичеллиевой «Весне» и в его же «Рождении Венеры» победоносно прорывается влюбленность в женщину и в женскую красоту.

Мысль, теоретически выраженная Лоренцо Валлой в трактате «О наслаждении» (1431), теперь предстает перед нами как образно выраженное ощущение действительной жизни в творениях художников и поэтов: «Что слаще прекрасного лица, что приятнее, что более достойно любви? Несомненно, даже врата небесные не могут выглядеть столь же притягательными» (*Quid suavius, quid delectabilius, quid amabilius venusta facie? Adeo vix ipse in coelum intuitus iucundius esse videatur*).² Валла негодует из-за того, что женщины не выставляют напоказ обнаженными наиболее прелестные части своего тела: то, как он описывает женское тело, приводит на ум лучшие строфы из «Песни песней» Генриха Гейне.

¹ См. прекрасную подборку Йозефа Кирхнера (*Kirchner J. Die Darstellung des ersten Menschenpaares in der bildenden Kunst 1903*).

² *Valla L. Opera. Ed. Bas. 1590. P. 905 (De Vol. Lib. I. C. XXII).*

(Конечно, столетием позже Валла уже обнаружил бы выполненными значительно бóльшую часть своих требований). Позднее, в XV в., Фиренцуола канонизировал идеал красоты Нового времени.¹ Любить же — означает наслаждаться этими красотами: «Любовь есть не что иное, как наслаждение; как я люблю вино, игры, науку, так же я люблю и женщин; значит, вино, игры, наука и женщины доставляют мне наслаждение. Наслаждение же составляет наивысший смысл жизни: мы наслаждаемся не ради какой-то другой цели, лежащей за наслаждением, наслаждение и есть сама цель» (*Neque aliud est amor quam delectatio: ut amo vinum, amo ludos, amo scientiam, amo mulieres: hoc idem est quod delectari vino, ludis, scientia, mulieribus. Delectatio autem ultima rerum est omnium: neque quis ob aliquem finem delectatur, sed ipsa delectatio est finis...*).² Любовь становится содержанием жизни. Любви и женщине посвящают свои творения все поэты: Боярдо, Полициано, Ариосто:

«Le donne, i Cavalier, l'arme, gli amori
Le cortesie, l'audaci imprese io canto»³

эти слова могли бы сиять над воротами в эту эпоху, которая (как вновь поет Ариосто)

«...Sino agli occhi ben nuota nel golfo
Delle delizie, e delle cose belle»

«с головой скрывается в море наслаждений и изящных вещей».

Любовь гонит человека через всю его жизнь, как это символически представлено на одной гравюре в Полифило.

¹ *Firenzuola A.* Discorso delle bellezze delle donne. 1542. В выдержках (на немецком): *Burkhardt. K. d. R.* IV Abschn. VII Kap., и подробно: *Günther R.* Kulturgeschichte der Liebe. 1899. S. 298 ff. Странно читать у Буркхардта: «Не могу сказать, оставило ли XV столетие письменное свидетельство о своем идеале красоты». По-видимому, в тот момент он просто забыл два процитированных выше фрагмента из Лоренцо Валлы.

² *Valla L.* Op. cit. P. 668.

³ Я воспеваю дам, рыцарство, оружие, любовь, галантность, отважные начинания (*итал.*).

Один из наиболее колоритных образов влюбленного человека тех времен рисует нам Томазо Гарцони в 97-й Беседе своей «Piazza universale», посвященной Альфонсу II Эсте: «Non sanno i miseri quante calamità si coprono sotto quel nome d' amiche e di signore, le quali non dirò ch' amino nè che riveriscono, ma ch' adorano come lor dive principali, sopra le quali formano tanti capricci, fabricano tante chimere, disegnano tante vanità, che al fine co' mal posti fondamenti tutta la macchina d' amore ruina in un pelago di miseria e di sciagura... Queste sono pur gl' Idoli loro, i lor numi celesti, le dee del terzo cielo, le gratie dal ciel dicese, le belle ninfe leggiadre, il choro virgineo di Diana, alle quali per sacro incenso offeriscono lagrime cocenti, per orationi pietosi scongiuri, per hinni gli amorosi sonett e madrigali, per simulacri l' imagini de' volti pallide e smarrite, per oblationi una servitù da cane, che non teme il freddo, non ha paura del caldo, non si sbigottisce di notte, non si smarisce il giorno, non si attrista per pena, non si dispera per cruccio, non manca per ripulsa, non resta per scherno, non fa conto de' torti, non riguarda à gli oltraggi, non stima I danni, non cura le vendette essendo cieca et mutola nel proprio interesse come un morto... vogliono seguir queste fiere, darsi in preda à queste orse, servitù a queste panthiere, amare queste tigri»¹ и т. д., и т. п. Все это журчит и сверкает, как водопад, и на дальнейших страницах, так что возникает жела-

¹ Несчастные не знают, сколько бед скрывается под именами «любовницы» или «супруги», которые не скажу любят или предпочитают, а попросту обожают, когда к ним относятся как к богиням, отчего у них пробуждается столько капризов, рождается столько химер, возникает столько тщеславных планов, что под конец вся эта плохо устроенная машина любви рушится из-за множества невзгод и страданий... Как жел они ведь просто идолы, просто богини небесные, обительницы третьего неба, грации горних высот, обольстительные нимфы, девы из Дианиной свиты, коим подносят священный ладан, проливая горькие слезы, машут кадиллом, находясь в глубокой печали, чьи души улаживают гостией и жертвой, кого заклинают жалобными речами, чей слух улаживают любовными советами и мадригалами, чей бледный и смущенный лик запечатлевают в барельефах, к кому испытывают чисто собачью привязанность, опасаясь, как бы они не выказали холодность, не обожгли своим жаром, чтобы не так пугались ночной темноты, не так боялись дневного света, не так страдали от боли, не отчаивались в огорчениях, не стеснялись отказать, не переставали насмешничать, не вели учет ошибкам, не заботились о возможном ущербе, не придавали ему особого веса, не мстили смертью тем, кто оказался слеп и глух к их собственным интересам... Несчастные желают строго следовать этим правилам, сделаться добычей этих медведиц, слугами этих пантер, хотя и любить этих тигриц и т. д. и т. п. (*итал.*).

ние переписать всю главу. Видно, впрочем, что бравому Гарцони довелось опалить свои крылья, если он выказывает такую мудрость в любовных делах.

Наступает век Тициана, когда душа и чувства сливаются в прежде неведомой гармонии, когда любить женщину означает любить красоту, а любить красоту означает — жить. Какой неслыханной утонченности достигла любовная жизнь, мы, пожалуй, еще явственнее узнаем не из творений поэтов, художников и скульпторов, а из порожденного этим временем «теоретического трактата» о любви — из «Азоланских бесед» Пьетро Bembo. «Любовь — причина всех вещей, — читаем мы в нем, — вещь наисладчайшая из всех сладчайших» (*giovevolissimo è Amore sopra tutte le giovevolissime cose*).¹ А в том, что такое любовь, все мудрецы согласны друг с другом: любовь есть не что иное, как тоска по прекрасному (*di bellezza desio*). Красота же есть не что иное, как грация, порождаемая в вещах благообразием, пропорциональностью и гармонией (*una gratia che di proportione e di convenenza nasce e d'harmonia nelle cose*). Для тела и духа справедливо то же самое: «Как прекрасно тело, члены которого правильно соотносятся друг с другом, так прекрасен и тот дух, добродетели которого гармонируют друг с другом», «любовь простирает свои крылья к прекрасному», «и два окна отворяются ей в этом полете: ухо, сквозь которое она достигает души, и глаз, несущий ее к телу» (*A qual volo egli due finestre ha; l'una che a quella dell' animo lo manda e questa è l'udire, l'altra che a quella del corpo lo porta et questa è il vedere*)².

Пожалуй, Италия была в то время единственной страной, где нашел пристанище культ любви и красоты: Франция еще играла в куклы. Монтень горько жалуется на неудачливость французов в устройении своей любовной жизни: «Il y a tousieurs de l'impétuosité française»³

¹ Bembo P. Gli Asolani. 1575. P. 134.

² Bembo P. Loc. cit. P. 189–190.

³ Ох уж эта вечная французская пылкость (фр.).

молодая Франция жила еще слишком бурной жизнью, чтобы сполна оценить все радости любви, какими они представлялись Монтеню. Наряду с итальянцами он возносил хвалу испанцам, как мастерам в делах любовного наслаждения: «pour arrester sa fuyte et l'estendre en préambules entre eulx, tout sert de faveur et de récompense: une œillade, une inclination, une parole, un signe...».¹

Но все это вскоре коренным образом изменилось. При Валуа итальянская культура проникает во Францию, а с ней и преклонение перед женщиной. Уже Брантом прославлял французское искусство любви. Не нужно говорить, что в XVII–XVIII вв. Франция становится высшей школой любви, каковой она остается и до сих пор. Но стоит, пожалуй, отметить, что именно во Франции любовная жизнь утончается до предела и граничит с извращением, что жизнь ради любви воистину сделалась основным смыслом XVIII столетия, дух которого именно в Париже получил свое наивысшее и полное развитие. При Фрагонаре, Буше, Грёзе достигает своей кульминации эпоха, начавшаяся с Боккаччо и Пьетро Перуджино; правильнее сказать, изживает себя, поскольку кульминационный пункт был достигнут, скорее, при Тинторетто, Рабле, Ариосто и Рубенсе. Теоретики любви, которыми во времена миннезингеров были Капелланус, затем Лоренцо Валла и Бембо, теперь представлены Брантомом и Ретифом де ла Бретонном, а в конце концов — маркизом де Садам.

(Пожалуй, это неизбежное развитие, почти одинаково осуществленное ныне уже во многих культурах: «эмансипация плоти» начинается с робких прикосновений, далее следует эпоха мощной, естественной чувственности, когда свободная, наивная любовная жизнь достигает своего полного развертывания. Затем она становится все более утонченной, все более необузданной, все более неестественной. И в этом неизбежном кругово-

¹ Они замедляют свой стремительный бег, чтобы растянуть любовную прелюдию, используя все тайные знаки любви и возможной награды: беглый взгляд, жест благосклонности, слова, намеки... (фр.).

роте, по-видимому, заключена глубочайшая трагедия человеческой судьбы: всякая культура, поскольку она представляет собой некий отказ от природного, означает, кроме прочего, также распад, разрушение, смерть.

«Ein wenig besser wird er leben,
Hätt'st du ihm nicht den Schein des Himmelslicht gegeben;
Er nennt's Vernunft und braucht's allein,
Um tierischer als jedes Tag zu sein».¹

Однако это эстетико-гедонистическое понимание женщины и любви к ней, постепенно утверждавшееся с XIII в., находилось, по всей видимости, в непримиримом противоречии с теми религиозными или институциональными рамками, в которые любовь привычно заключали прежде. Но во всяком случае эти более свободные взгляды на любовь еще уживались с религиозными иллюзиями. Приписываемые Франциску Ассизскому прекрасные стихи, начинающиеся со слов

«In foco l'amor mi mise:
in foco l'amor mi mise:
in foco d'amor mi mise
Il mio Sposo novello...»,²

вполне мог бы написать и всякий влюбленный человеческой любовью. Экстатический культ Девы Марии тоже недалеко отстоял от «свободной любви» тех времен. Но вот с чем последняя никогда и ни при каких условиях не могла примириться, так это с навязываемым любовной жизни институциональным облачением брака. Ни утонченное любовное наслаждение, ни космический любовный инстинкт не могут быть ограничены никакими законом устанавливаемыми рамками: они по природе своей иллегитимны или, правильнее сказать, алегитимны. И свойство женщины быть существом женского пола, быть красивой и внушающей любовь не приумножает своей убедительной силы и не утрачивает ее благо-

¹ Ему жилось бы немного лучше, если бы ты не наделил его отблеском небесного света; он зовет его разумом и пользуется им лишь для того, чтобы день ото дня все больше превращаться в зверя (*нем.*).

² Огонь любви во мне зажег... Жених мой молодой (*итал.*).

даря каким бы то ни было социальным человеческим институтам, к каковым относится брак.

Мысль о том, что брак сводит вместе две совершенно разнородные вещи — любовь и порядок, — должна была прежде всего приходиться на ум людям, размышлявшим над проблемой любви в ту или иную эпоху. Мы видим, что и все «теоретики» любви подробно обсуждают эту проблему. Одним из первых, кто извлек следствия из своего естественного понимания любви и объявил отношения полов алегитимными, был, по-видимому, Лоренцо Валла. Он прямо заявляет, что, если двое хотят любить друг друга, никому не должно быть до этого никакого дела: «*si mulier mihi et ego mulieri placeo, quod tu tanquam medius nos dirimere conaberis?*».¹ И следовательно, полагает Валла, не может быть никакой разницы, поддерживает ли женщина связь со своим мужем или просто с возлюбленным: «*omnino nihil interest, utram cum marito coëat mulier aut cum amatore*».

Впоследствии такие воззрения явственнее всего проявляются в изящной словесности, причем в легком ее жанре: если Боккаччо еще демонстрировал хоть какое-то уважение к институту брака, то теперь потешаться над брачными узами, высмеивать обманутого супруга не только становится разрешено, но попросту превращается в правило хорошего тона. Даже в новеллах не столь скабрёзных, начало коим Пикколомини положил своим «Эвриалом», и в не столь сальных комедиях супружеская неверность выступает в качестве постоянного, «господствующего мотива».²

Еще один шаг — и последний в этом направлении — сделал затем Монтень: если любовь исчерпывается наслаждением, а супружество представляет собой социальный или церковный институт, преследующий множество весьма благородных целей (Монтень всегда говорит о браке с глубочайшим почтением, и именно высокое мнение об этом институте приводит его к столь радикально-

¹ Если женщина нравится мне, а я нравлюсь ей, какой преградой ты вознамерился бы отделить нас друг от друга (*лат.*). — *Valla L. De vol. Lib. I. Cap. 38.*

² *Gregorovius F. Lucrezia Borgia. 1°. 1875. P. 96.*

му взгляду на соотношение любви и брака), то осуществление любовного желания не только ничем не связано с предшествующим бракосочетанием, но вещи эти, любовь и брак, скорее попросту исключают друг друга. Свою точку зрения он основывает на следующем рассуждении: любовь не терпит, чтобы человек был привержен чему-то еще кроме нее самой, ей претит, когда ее сопрягают с отношениями, завязываемыми совсем по другим причинам, подобно браку, при заключении которого имущественное положение и связи учитываются по меньшей мере настолько же, насколько красота и очарование. Мы женимся не ради самих себя, а в равной, а то и большей мере ради того, чтобы завести потомство, создать семью. Если в столь достопочтенном и святом союзе, каким является брак, мы оставляем место экстравагантным проявлениям любовной страсти, не будет ли это своего рода инцестом? Хороший брак отвергает общество любви и предпочитает наслаждаться радостями дружбы. Любить кого-либо и связывать себя с ним — это две в корне противоположные вещи, друг друга исключающие.

Наиболее существенные фразы, в которых Монтень выражает эти свои взгляды и смысл которых я попытался передать, в оригинале звучат следующим образом:¹ «L'amour hait qu'on se tienne par ailleurs que par luy, et se mesle laschement aux accointances qui sont dressees et entretenues sous aultre tittre comme est le mariage; l'alliance, les moyens y poisent par raison, autant ou plus que les graces et la beauté. On ne se marie pas pour soy quoiqu'on die; on se marie autant, ou plus, pour sa posterité, pour sa famille. Aussi est ce une espece d'inceste, d'aller employer, à ce parentage venerable et sacré, les efforts et les extravagances de la licence amoureuse... Un bon mariage... refuse sa compaignie et

¹ Места эти содержатся в знаменитой пятой главе третьей книги «Опытов». Преобладали ли подобные воззрения уже и в предшествующую эпоху? Или, лучше сказать: были ли они уже раньше приведены в систему (ибо *жили-то* по ним со времен миннезингеров)? К такому предположению можно склониться, читая Нострадамуса или постановления какого-нибудь «суда любви». См.: *Weinhold K. Die deutschen Frauen in dem Mittelalter*. 3. Aufl. 1897.

conditions de l'amour: il tasche à se presenter celles de l'amitie...», «Nous aimons sans nous empêcher deux choses diverses et qui se contrarient».

То, что изображали на своих полотнах Тициан и Тинторетто, о чем писали в своих творениях Ариосто и Рабле, во взглядах подобных мыслителей приняли форму теории: любовь, в себе самой нашедшая свой наивысший, и даже единственный смысл, по необходимости должна была обитать вне и за пределами каких бы то ни было институтов, создаваемых людьми ради всевозможных социальных или моральных целей, пусть даже они и получили благословение со стороны церкви.

Но важнее и значительнее для хода культурного развития было то, что человеческое общество веками жило в согласии с этими воззрениями, что в известных слоях любовь и брак само собой разумеющимся образом столетиями отделялись друг от друга и на равных правах сосуществовали рядом, в результате чего, по сути дела, лишь были вновь введены в обиход жизненные привычки греческой (и позднеримской) древности. Ниже нам предстоит рассмотреть это движение несколько подробнее, в частности в той мере, в какой оно привело к возникновению гетеризма в европейском обществе.

2. Куртизанка

Если в человеческом обществе свободная любовь начинает селиться рядом с любовью институционализированной, то женщины, служащие этой новой любви, — это либо совращенные дочери почтенных семейств, либо проститутки. Следовательно, о том, насколько со времен миннезингеров любовь, ориентированная чисто на эротику, возросла в своем значении для высших слоев европейских народов, мы можем судить по росту числа соблазнений, супружеских измен и распространению проституции.

Цифрами по первым двум разновидностям свободной любви мы не располагаем. Однако как по показаниям

современников, так и по многочисленным приметам мы вполне можем заключить, что они и в самом деле на протяжении всех этих столетий играли важную роль. Петрарка полагал, что в его дни чума супружеской неверности еще только-только начинала свое шествие. Ныне считается хорошим тоном, если юноше удастся соблазнить замужнюю женщину: до той поры он сильно мучается презрением своих сверстников. Отсюда у молодых людей тот лихорадочный голод по галантным приключениям, возникающий даже не из чувственной потребности, а скорее из тщеславия. Зачастую затраченные усилия даже не окупаются успехом.¹

Именно в это время в аристократических кругах незаконнорожденность перестала считаться чем-то постыдным, напротив, ею начинают даже кичиться, как это на многочисленных примерах показано у Буркхардта и Чибрарио. С этих пор и до наших дней добрачные или внебрачные половые сношения остаются неизменным дополнением брачных во всех кругах, хоть что-нибудь из себя представляющих. Нет надобности приводить примеры из жизнеописаний того времени: любая обычная «нравоучительная повесть» ими полнится. Хочу указать лишь на *один* важный симптом, вновь позволяющий нам увидеть в супружеской измене некий социальный институт: на легитимизацию рогоносца, совершившуюся в Италии в XV в. и во Франции при Франциске I.

Общеизвестен и тот факт, что со времен Средневековья проституция сильно выросла в своих размерах и значении. В первую очередь ее резиденциями становились,

¹ Эти знаменательные слова я привожу здесь на языке оригинала, поскольку они превосходно передают дух времени и, насколько мне известно, еще не были оценены по достоинству: «*Quae tunc pestis incipiens nunc adeo certa est, ut adolescens cui non feliciter adulterium successerit, quamvis dives, quamvis formosus ac nobilis, coaevorum iudicio inter miseros habeatur, quasi abiectus ac repulsus non pudicitia sed contemptu; et quasi dilectio castitatis convicium sit amantis. Hinc ille iuvenum fervor et sollicitudo improba, tanquam non de libidine sed de gloria sit certamen; hinc labores, hinc suspiria, hinc repentinae repulsae amarissimae: saepe tamen successus amarior*». *Petrarca. Ep. de reb. fam. IX. Op. IV. 2. 1862. 10.*

конечно же, крупные города. Начавшись в Авиньоне, она достигает кульминации в Лондоне и Париже: Авиньон просто утопает в потоке девиц легкого поведения, — сетует Петрарка на своей великолепной латыни. Впоследствии Рим стал на долгое время знаменит обилием *puellae publicae*,¹ селившихся в его стенах: для 1490 г. довольно-таки надежная статистика указывает присутствие 6800 блудниц. В пропорции (в Риме тогда не насчитывалось и 100 тыс. жителей) это составляло количество большее, чем то, которое нам указывают для Лондона и Парижа конца XVIII столетия: 50 тыс. и 30 тыс. соответственно.

Но более важным (в частности, для формирования внешней культуры) стало то обстоятельство, что по мере того как иллегитимная любовь, т. е. любовь как самоцель, завоевывала себе все более широкое пространство, между *femme honnête* и *putaine* возникал новый слой женщин, для характеристики которых в романских языках использовались самые разнообразные имена: *cortegiana*, *courtisane*, *concubine*, *maitresse*, *grande amoureuse*, *grande cocotte*, *femme entretenue* и т. д. (в немецком, а пожалуй, и в английском языке для этого нет ни одного понятия, если не придавать значимости маловнятному выражению «*Buhlerin*»,² — признак того, что само явление либо вообще было распространено только в романских странах, либо было из них к нам занесено).

С появлением этих женщин любовь, сделавшаяся свободным искусством, вновь преодолевает стадию дилетантизма и препоручается попечению призванных. Если всякое искусство основывается на таланте и упражнении, то для любовного искусства это справедливо в совершенно чрезвычайной мере, и потому искусство это смогло достичь своего полного развертывания лишь после того, как в ходе естественного отбора талантливые женщины были выделены из общей массы и получили

¹ Публичных девок (*итал.*).

² Распутница (*нем.*).

возможность стать мастерицами в этом искусстве, занимаясь только им одним и ничем больше.

Слово «куртизанка» вообще-то означает всего лишь «придворная дама». Конечно среди придворных дам были и такие, чьи любовные связи носили исключительно легитимный характер. В третьем письме книги «О придворном», которую Кастильоне посвятил «кортеджьяне», речами Маньяфико представлена даже та точка зрения, что любовные связи придворных кавалеров и дам должны быть только легитимными. Впрочем, большинство представителей его круга возражали ему «ridendo», «с усмешкой», и уж они-то знали почему: требования Маньяфико были весьма далеки от действительности. По-видимому, уже очень скоро иллегитимные связи знатных дам стали отождествляться придворным обращением. Я полагаю, что на формирование таких представлений сильное влияние оказала придворная жизнь папских резиденций. В Авиньоне (где, по всей видимости, и появилась современная куртизанка) при дворе папы и высших церковных иерархов обитал круг прелестных и остроумных женщин. Говорили даже об «академиях прекрасных дам» (*académies de femmes aimables*), и достаточно вспомнить имена Мабиль де Вильнев, Брианды д'Агу, Югетты де Форкалькье, Беатрис де Со, Лауры де Нов, Бланш де Флассан, Инарды де Рокфей, Дусетты де Мустьер, Антуанетты де Кадене, Магделены де Салон, Бланшфлер де Пертэ, Стефанетты де Гантельм и прекрасной Аделизы Авиньонской, двоюродной сестры Лауры, чтобы счесть это выражение вполне справедливым.

Однако обитая в кругу приближенных церковного иерарха, женщина могла быть лишь «мэтрессой», возлюбленной, коль скоро с этими высокими господами она поддерживала (а такое случалось вовсе не редко) не одни только духовные отношения. Таким образом, придворной даме здесь уже по чисто внешним причинам *приходилось* становиться куртизанкой.

Начатое в Авиньоне продолжилось в Риме: женщина при дворе и здесь по природе своей была «иллегитимна».

При дворах светских князей эта понуждавшая к иллегитимным отношениям внешняя причина отсутствовала, однако ее сполна компенсировало внутреннее влечение. Новизна эпохи Возрождения заключалась даже не в том, что князья выбирали себе наложниц: этим они, по-видимому, занимались во все времена. Но дочери горожан, которых Людовик XI Французский заказывал в свою постель, еще очень не скоро сделались «куртизанками»: они стали ими лишь после того как были приняты в придворное общество и официально признаны возлюбленными монарха. Сообщают, что первыми тиранами, возвысившими своих сожительниц до ранга княгинь, были Бернабо и Джангелаццо Висконти. Но воцарение куртизанок происходит примерно лишь в те времена, когда Косса создает свои фрески в замке Скифаноя, когда новый двор уже возник, наполненный женщинами и благодаря женщинам, — с этих пор галантность стала содержанием и украшением придворной жизни. Без женщин ни один двор, сколь бы велик он ни был, не смог бы источать ни блеска, ни веселья; ни один придворный кавалер не приобрел бы веса и не совершил бы чего-то значительного, не будучи преисполнен любви к женщине и подгоняем этой любовью, — говорит Кастильоне в своей книге «О придворном» (*Corte alcuna, per grande che ella sia, non può aver' ornamento e splendore in se, nè allegria, senza donne; nè Cortegiano alcun' essere aggraziato, piacevole o ardito, nè far mai opera leggiadra di cavalleria se non mosso dalla pratica, e dell' amore e piacere di donne*).

И, сообразно духу времени, вполне понятно, что речь при этом шла вовсе не о супружеских союзах; так одна придворная дама за другой становилась «возлюбленной» того или иного придворного кавалера, начиная с самого князя, пока звание придворной дамы не совпало по значению со званием куртизанки (в сегодняшнем смысле этого слова).

Так начинается эпоха «экономики куртизанок», ставшей, согласно вышесказанному, явлением, необходимо сопутствующим «политическому господству мо-

нархов» в сформировавшемся к тому времени понимании взаимоотношения полов. Широкое распространение эта система получает, когда малые дворы обретают некоторую независимость от больших. Мы знаем, что и в этом важнейшем пункте руководящую роль, со времен Реформации, перенимает Франция: любовницами Франциска I становятся первые куртизанки двора, как живыми встающие перед нами. Ведь именно этот король, как нам теперь ясно, увидел в галантном обхождении смысл придворной жизни, и «важным в галантном обхождении был тот шаг, когда он без всяких околичностей сделал свою любовницу первым лицом при дворе» (Генрих Лаубе).

Публичное признание королевских любовниц, которые с этого момента начинают властвовать над миром, словно облагораживало всю корпорацию профессиональных жриц Венеры. Благодаря ему позорное пятно было снято с иллегитимных любовных связей (по крайней мере тех, что завязывались при дворе) также и во внешнем отношении. Но влияние двора на все, что причислялось к общественной жизни, в рассматриваемую нами эпоху было слишком велико, чтобы эта легитимизация иллегитимности не распространилась постепенно и на свободу любовных связей за пределами двора. В развивающихся *крупных городах* женщины и за пределами двора начали жить как придворные дамы; так куртизанка пришла в мир, ничего общего не имевший с миром придворным: как содержанка, дарившая свою благосклонность (официально!) лишь одному мужчине, как кокетка, оказывавшая милость одновременно многим. С помощью понятия «продажная любовь» невозможно провести разграничения в высшем слое путан.

Куртизанка, которая, собственно, и не была таковой, родилась приблизительно в то же время, что и ее придворная сестра, подарившая ей свое имя. И в том же месте: в крупных городах Италии, среди которых особо выделялись Венеция и Рим. Звезды располагались здесь особенно счастливо для вновь возникавшего типа женщин: богатство; радость от ощущения вновь оживавшей

древности с ее гетерами, институт которых чаяли воссоздать; размеры городов сочетались с широтой души, свойственной той эпохе (впрочем, только в высших слоях общества, потому что и в те времена жили почтенные красильщики и честные коммерсанты, которые, несомненно, за версту обходили бы этих элегантных куртизанок с тем же ужасом, что и ныне какой-нибудь старший учитель или тайный советник), чтобы окружить часть девиц, их тонкий верхний слой нимбом избранных дочерей человеческих, — то были «достоцитимые куртизанки» (*honeste cortigiane* или *cortesane famose*), как их именует дошедший до нас во фрагментах перечень римских проституток, относящийся примерно к 1500 г. Их было там около двухсот, и противопоставлялись они «распутницам» (*cortesane puttane*) или «куртизанкам второго сорта» (*de la minor sorte*).¹ Отсюда, таким образом, со всей определенностью, которой только можно желать, явствует, что процесс дифференциации, о котором я говорю, действительно имел место.

В последнее время много было написано о «*Cortesane famose*» эпохи Возрождения. Было обнаружено много новых источников. Мы знаем имена всех известных кокоток, живших в Риме, Флоренции или Венеции при Сиксте IV, Александре VI и Льве X. Спорят даже об уровне их «образования», которым они блистали, о качестве их стихов, которые они с большей или меньшей сторонней помощью сочиняли. Бог мой! да как будто это относится к делу! Конечно, образование было никчемным, конечно, стихи были дурны (и теперешние не лучше). Это вполне возможно. Но значение людей этого нового склада заключалось как раз не в этом, а в том, что какая-нибудь Туллия Арагонская могла годами водить за нос Филиппо Строрци, что Империи несколько лет удавалось находиться на содержании у Агостино Киджи, богатейшего итальянца той эпохи. И этого они добились, конечно, не силой своих виршей; тут потребны

¹ Estr. dal periodico *gli Studi in Italia* (1882). Приведено у Грегоровиуса. Op. cit. 7^a. P. 722.

были, как говорил Мопассан, другие «редкие качества» (*qualités rares*), которых у них, разумеется, было в избытке. И благодаря им они обрели такую власть, которая оказала очень сильное влияние на ход культурного развития. Не в том, что влюбленный современник сочинил прекрасной Империи надгробную надпись: «*Imperia, Cortesana Romana, quae digna tanto nomine, rarae inter homines formae specimen dedit*»,¹ — не в этом и не в подобных галантностях проявляется, на мой взгляд, то высокое значение, коим *grandes amoureuses*, несомненно, обладали в те времена в Италии, а скорее в том, что церковный президиум разрешил похоронить эту самую Империю в капелле св. Грегории, или в том, что первенца Агостино Киджи, рожденного его новой любовницей, венецианкой Франческой Андреозией, Папа крестил собственной персоной, в окружении четырнадцати кардиналов.

Точно так же, как придворная и королевская любовница, любовница городская достигла своего полного развития только во Франции — в том виде, какой она там приобрела, она стала впоследствии общим достоянием всех европейских стран.

Особую значимость для формирования типа современной куртизанки приобретает то обстоятельство, что с конца XVI—начала XVII в. женщины появились в парижских *театрах* — обычай, введенный в Англии при Карле II. Тем самым была найдена замена квазиантичному костюму ренессансных кокоток: тот «нимб», без которого уже не могли обойтись свободные любовные связи более высокого рода, создавался теперь театром. Театральные дамы, театральные звезды, танцовщицы из Оперного театра — вот кто сменил куртизанок-поэтесс и куртизанок-художниц чинквеченто.

В XVII и XVIII вв. число городских куртизанок в крупных культурных центрах, прежде всего, конечно же, в Париже и Лондоне, все время возрастало по мере

¹ Империя, римская куртизанка, достойная этого имени, слывшая редким образцом среди людей (*лат.*).

того, как повсеместно распространение приобретал обычай содержать любовницу наряду с законной супругой или вместо нее. Если источники конца XVIII в. сообщают нам, что из двадцати представителей высшей знати при дворе по меньшей мере пятнадцать жили не с женами, а с любовницами,¹ то эти сведения, по-видимому, очень близки к истине. Но любовниц содержат не только придворные кавалеры; среди тюркаре скоро тоже сделалось хорошим тоном искать расположения, как это тогда называлось, у «дамочек посредственных добродетелей» (*demoiselles de moyenne vertu*). Расходы, причиной которых становились такие связи (об этом я еще буду говорить подробнее), составляли самую обширную статью в бюджете именитых богачей, сообщает нам лучший знаток такого рода «отношений» (Тирьон), базировавшийся на весьма скрупулезных исследованиях. В галантных анналах XVIII в. любовные приключения теснейшим образом связываются с генеральным арендным кредитом.²

То же самое нам рассказывают и о Лондоне: один неженатый англичанин, располагающий более чем 2000 феунтов стерлингов дохода, тратит на себя каких-нибудь 200 фунтов; «все остальное посвящается его удовольствиям, среди которых первой и последней статьей значатся девицы» (Аркенгольц).

Ввиду таких свидетельств мы сочтем вполне правдоподобными и те показатели, в которых количество городских куртизанок в Париже и в Лондоне оценивается наблюдательными современниками: Мерсье, к примеру, полагает, что в его время в Париже 10 000 женщин находились «на содержании». Тогда же в Лондоне в одной-единственной епархии (Мэрибонн) в собственных домах проживали 1700 куртизанок.

О том, сколь широкое пространство отводилось «продажным» любовницам в жизни тогдашнего общества,

¹ *Barbier. Journal* 4, 496, приведено у Гюнтера (*Gunther R. Kulturgeschichte der Liebe*. 1899. S. 397).

² См. длинный список любовниц генеральных арендаторов у Жинисти (*Ginisty P. M-lle Duthy et son temps*. P. 11).

говорит и существовавший в крупных городах обычай каждый год издавать адресные книги самых известных кокоток, содержавшие имена каждой из них, а также точное описание ее внешности, манер, талантов и т. п. Таков в Лондоне был изданный Гаррисом список дам Ковент-Гардена, восьмитысячный тираж которого разошелся в кратчайшее время; в Париже — изданный Пафо в «Календаре удовольствий» альманах, содержащий «адреса девиц всех родов и сословий».

Но совершенно особой значимостью отличалось, на мой взгляд, то обстоятельство, что быстрое восхождение элегантной куртизанки сказалось и на *формировании вкуса добропорядочной женщины*, т. е. знатной дамы, пошедшем отныне в направлении норм полусвета. Прежде всего именно придворное общество определяло жизненные привычки всякого добропорядочного круга; Париж «подражает двору обезьяной», — коротко и ясно сказал Лабрюйер. Но само придворное общество было подвержено властному влиянию каждой новой официальной любовницы (*amante en titre*) государя. Таким образом, королевская куртизанка прокладывала глубокие борозды в этой ниве. Но в первую очередь она была прообразом городской куртизанки, *grande cocotte*. При самом своем появлении последняя выступает попросту как предприятие, составляющее конкуренцию двору. Нинон де Ланкло просто приняла наследство м-м де Мэнтнон: когда та состарилась и сделалась набожной, она заботилась о поддержании старых традиций жизнелюбия: улица де Турней вступает в борьбу с Сен-Сиром.

Поэтому и добропорядочная женщина, если она не хотела совсем выбывать из игры, должна была теперь согласиться на то, что ей придется конкурировать с куртизанкой. Куртизанка устанавливает некие минимальные условия для функционирования культуры, которые в дальнейшем должна будет соблюдать всякая дама, сколь бы порядочной она себя ни мнила. Поэтому порядочная женщина лишь благодаря куртизанке впервые ощущает, скажем, потребность умываться. Мари де Ромье в своих «Наставлениях юницам» (XVI в.) советует

женщинам содержать себя в чистоте — все равно, для себя ли самих или для своих супругов. Быть может, «салон», с появлением которого в XVII–XVIII вв. светская женщина приобретает в обществе свою наивысшую власть, лишь продолжает традицию встреч остроумных людей, которую мы впервые обнаруживаем в Италии у великих куртизанок века XVI.

Но важнее всего (для нас, в этой связи) то, что образ жизни дам полусвета также и во внешнем отношении начинает определять образ жизни светских женщин (каковых тогда и включало всякое общество). Ведь даже сегодня, в нашем обуржуазившемся мире женщина (я говорю не о «порядочных людях» в реформатских одеждах, ведущих свое существование в трехкомнатной квартире) высматривает, в каких туалетах известная кокетка появляется на весенних скачках в Париже; даже сегодня все безумства моды и роскоши, тщеславия и расточительства испробуются сперва куртизанками и лишь затем, в смягченных тонах, принимаются дамами света, — так и в ту свободную эпоху, о которой мы теперь говорим, когда буржуа стоял еще совершенно в стороне от «общества», куртизанка, конечно же, в намного большей мере задавала тон, по которому настраивалась вся современная ей жизнь.

Целью следующей главы будет показать, что этим и в деталях определялись внешние формы жизни возникшего нового общества.

Глава 4

ЭВОЛЮЦИЯ РОСКОШИ

Источники и литература

Едва ли существует сама возможность говорить о неких особых *источниках* по истории роскоши, ведь здесь в расчет могут быть приняты любые исторические документы. Прежде всего мы обратим внимание на дошедшие до нас материальные свидетельства: архитектурные сооружения, предметы одежды, всевозможные приспособления; далее, путевые сообщения и зарисовки современников, среди которых особенно существенную (и требующую большой осторожности!) группу образуют заметки о морали; по XVI, XVII и XVIII вв. обширный материал содержится в мемуарной литературе. В соответствующих местах я буду приводить наиболее важные источники.

Классическим образцом *литературы* по истории роскоши является известная книга Бодрийяра (*Baudrillard H. Histoire du luxe privé et public. 2 ed., 4 Vol. 1881*). О ней можно сказать то же, что и о большинстве других исторических трудов: работа проведена восхитительная, но узнать из книги почти ничего нельзя. Наряду с Бодрийяром свое значение сохраняют, за неимением лучшего, исследования Рошера (*Roscher W. Über den Luxus (Ansichten der Volkswirtschaft)*) и Герпмана (*Herrmann E. Die Launen der Pracht (Miniaturbildern des Wirtschaftslebens, 1872)*). См. также статью о «Роскоши» в издании *Handwörterbuch der Staatswissenschaften, § Aufl.*, и приведенный там перечень литературы.

Интересная попытка психологической и социологической трактовки роскоши и ее эволюции предпринята в работе Торстена Веблена (*Veblen T. The Theorie of the Leisure Class. 1899*, — впоследствии неоднократно переиздавалась).

Наряду с этими сочинениями общего содержания, посвященными самому явлению роскоши и ее истории, следует принять во внимание всю специальную литературу об отдельных областях, в которых формировалась и распространялась роскошь.

О *роскошестве в еде* повествуют многочисленные гастрономические «Альманахи» (понятно, что издавались они главным образом во Франции), первый из которых вышел в свет в 1530 г. Издателем второго из известных нам был аббат Клод Шерье; он выходил под заголовком «Альманах парижского стола». Широко был известен «Альманах съестного», впервые выпущенный в 1778 г.: см. «Альманах гурманов» за 1904 г.

Для истории архитектурной роскоши интерес представляют все труды по истории архитектурных стилей и искусства изготовления мебели; далее, путевые заметки, описания отдельных дворцов и т. п. Описания такого рода сведены у Бонаффе (*Bonaffé P. Dictionnaires des amateurs. 1884 seqq.*).

По *роскоши в одежде*: книги по истории одежды и моды, по истории выделки и художественно-промышленного оформления предметов одежды: материи (шелк!), кружев, украшений и т. д. Экономическая сторона дела хорошо освещена, к примеру, у Э. Ланглада (*Langlade E. La marchande de Modes de Marie Antoinette Rose Bertin.*).

Много интересного содержится в книгах Юмбера де Галье (*Gallier H. de. Les mœurs et la vie privée d'autrefois. 1911; Idem. Usages et mœurs d'autrefois. 1912.*).

1. Понятие и сущность роскоши

Роскошь есть такая трата, которая выходит за пределы необходимого. Понятие это, очевидно, соотносительное и получает сколько-нибудь определенное содержание лишь в том случае, если известно, что является «необходимым». Чтобы определить последнее, есть две

возможности. Во-первых, «необходимое» можно установить субъективно, посредством ценностного суждения (этического, эстетического или какого бы то ни было другого). Во-вторых, можно попробовать найти какой-либо объективный масштаб, которым его можно было бы измерить. В качестве такого масштаба могут быть приняты либо физиологические потребности человека, либо то, что можно назвать культурными потребностями. Первые меняются только в зависимости от климата, вторые — в зависимости от исторической эпохи. Мы можем своей рукой, как нам заблагорассудится, устанавливать границы культурных потребностей и «необходимого» в культурном плане (нельзя только смешивать этот произвольный акт с вышеупомянутой субъективной оценкой).

Но тогда роскоши оказывается присущ двоякий смысл: она бывает организована и количественно, и качественно.

В количественном аспекте роскошь означает то же, что и расточительность в отношении тех или иных благ: это когда содержат сотню слуг там, где «хватило бы» и одного, или когда сигару прикуривают от трех спичек сразу. Роскошь в качественном смысле — это использование лучших товаров. Количественный и качественный аспекты роскоши могут сопрягаться друг с другом (что чаще всего и бывает в действительности).

Из понятия качественной роскоши мы выводим понятие предмета роскоши, т. е. изящного, высококачественного предмета. К повышению качества ведет всякая отделка предмета, которая избыточна для достижения необходимых целей. Само такое совершенствование может, в принципе, идти в двух направлениях и касаться либо материала, либо формы.

Отличив друг от друга абсолютный и относительный смысл самой роскоши или расходов на роскошь, мы должны теперь провести такое же различие и в отношении субстратов качественной роскоши, т. е. всякого рода изящных вещей. Если повышение качества понимать в абсолютном смысле, то к изящным относится

большая часть всех предметов нашего обихода; ведь все они призваны удовлетворять чему-то большему, чем одна только необходимая (животная) потребность. Поэтому нам придется вести речь и об изящных потребностях в относительном смысле, называя совершенствованием в более узком смысле слова только такое повышение качества, которое на том или ином уровне материальной культуры выходит за пределы средней нормы. Такую более узко очерченную изящную потребность мы можем, далее, назвать потребностью в роскоши, а вещи, служащие ее удовлетворению, — предметами роскоши в более узком смысле.

Роскошь, понимаемая в только что описанном смысле, т. е. как изящные потребности и их удовлетворение, служит весьма разнообразным целям, и потому ее наличие может быть вызвано столь же разнообразными причинами: и посвящая своему богу украшенный золотом алтарь, и покупая себе шелковую рубашку, я имею дело с предметами роскоши, но совершенно очевидно, что в том и в другом случае действия мои отличаются как небо от земли. Наверное, первое из них, посвящение алтаря, можно назвать идеалистической, или альтруистической роскошью, а второе, покупку рубашки, — роскошью материалистической, или эгоистической, в равной мере различая при этом то, что определяет собой эти акты и становится движущей силой для них.

Если речь здесь идет об эволюции роскоши, то подразумевается только вторая ее разновидность, а именно служащая тому, чтобы из эгоистичных побуждений окружить свою личную жизнь «бесполезной мишурой». Ведь только роскошь этого вида претерпевает особенно интенсивное развитие в эпоху Возрождения, если ее границы понимать широко, т. е. во временном промежутке между Джотто и Тьеполо. В любом случае, здесь я намереваюсь проследить эволюцию только этой, индивидуалистической роскоши, понять, как возникла только она одна.

Всякая индивидуалистическая роскошь возникает прежде всего из чисто чувственной радости от получен-

ного наслаждения: во всевозможных предметах обихода все более совершенное воплощение находит то, что прельщает зрение, слух, обоняние, вкус и осязание. Именно эти обиходные предметы и составляют сферу расходов на роскошь. Однако всякое стремление к повышению качества и приумножению средств возбуждения наших чувств основывается в конечном итоге на нашей половой жизни: чувственное наслаждение и эротика — это в конце концов одно и то же. Так что первый толчок к развитию той или иной разновидности роскоши в подавляющем большинстве случаев исходит, конечно же, из какого-либо эротического ощущения, сознаваемого или не сознаваемого. Поэтому всюду, где накапливаются богатства, а любовная жизнь разворачивается свободно (даже дерзко) и в согласии с естеством, формируется царство роскоши. И наоборот, там, где любовная жизнь по тем или иным причинам приходит в упадок, богатство неизменно ведет не к расточению, а только к сосредоточению — т. е. к накоплению благ, причем главным образом в их наиболее абстрактной форме: в виде необработанных благородных металлов и впоследствии денег (о чем подробнее будет сказано ниже, когда мы приступим к исследованию генезиса духа капитализма, питающегося именно из этого, второго источника).

Но коль скоро роскошь в тот или иной момент времени уже возникла, то появляются и многочисленные иные мотивы, стимулирующие ее рост: в качестве важных побудительных причин начинают выступать честолюбие, тщеславие, чванство, властолюбие, одним словом, стремление во всем превзойти другого. В своей остроумной книге о «бездельничающих» классах Веблен сводит оценочное определение всякой роскоши и всякого богатства именно к этому стремлению: чем-то выделиться перед другими. Но даже если согласиться с тем, что это стремление относится к элементарным человеческим влечениям наравне с голодом и любовным влечением, то все же для того, чтобы оно проявлялось именно в направлении эволюции роскоши, необходимо еще и стечение особых обстоятельств. Предпосылкой для этого

оказывается, по-видимому, то, что *роскошную жизнь уже кто-то ведет*, и что, стало быть, средство для удовлетворения этой тяги к превосходству может быть найдено в ведении жизни не менее, и даже более *роскошной*, тогда как в других случаях приемлемым способом выделиться представляется чисто количественное преобладание, например, в количестве рабов, в размерах земельных владений или денежного состояния, в более высоком ранге и т. п. Но чтобы роскошь стала индивидуалистической, материалистической роскошью, должно было пробудиться чувственное наслаждение, и значит прежде всего свое решающее влияние на формы жизни должна была оказать эротика.

Применительно к нашей эпохе налицо были все условия для того, чтобы родилась грандиозная роскошь: богатство, свободное развертывание любовной жизни, стремление отдельных групп населения обрести превосходство над остальными, жизнь в крупном городе, который до XIX в. был, как мы видели, исключительно центром потребления. Но такая дедукция была бы довольно-таки немощной, и многим бы показалась лишней доказательной силы. Поэтому на следующих страницах я выверну все наизнанку: я буду исходить из того факта, что с конца Средневековья во все столетия царила грандиозная роскошь, к концу XVIII в. разросшаяся сверх всякой меры, и попытаюсь дать ему объяснение. Поэтому сначала нужно будет показать, что роскошь *действительно достигла широкого и мощного распространения*.

Для этого нам нужно первым делом вспомнить часто встречающиеся высказывания современников, в коих содержатся по большей части жалобы на роскошество, сделавшееся поистине невыносимым: «*Tout le monde est fol, le luxe est poussé à l'extrême et l'on assure que la moitié de Paris est ruiné et l'autre moitié fait métier de filouter*»,¹ — пишет в 1787 г. один провинциал своей жене из Парижа. «*Une des manies les plus tranchées de ce*

¹ Весь мир сошел с ума, роскошь достигла крайних пределов, и все выглядит так, будто одна половина Парижа разорена, а другая только знает наживается на этом (фр.).

temps-ci», — считает старуха м-м д'Оберкирк, — «est de se ruiner en tout et sur tout».¹ Живописнее всего безотрадную ситуацию, в которой очутилось современное ему общество, обрисовал нам Мерсье.² Роскошь он именует «палачом богачей» (Luxe, bourreau des riches) и в убедительных выражениях показывает нам, как из-за постоянных излишеств богатый человек лишается самой возможности получить удовольствие: «Возбуждение уже не удовлетворяется, а только притупляется, и на место возбуждающего чередования приходят производящие странное впечатление расходы, влекущие за собой лишь потерю аппетита; по этой-то причине все постоянно и без всякого смысла меняется — моды, убранства, нравы, язык. Богачи скоро достигают того пункта, где они уже ничего не чувствуют. Их учреждения сменяют друг друга как декорации, их одежда становится ежедневным бременем, их трапезы выглядят как парады. Мне думается, роскошь мучительна для них настолько же, насколько нужда для бедных; стоило в самом деле пожертвовать для нее всем» (с'était bien la peine de lui tout sacrifier)! Быть может, больше всего богачей в Париже мучит то, насколько связаны друг с другом их безумные траты: они всегда больше, чем им хочется. Роскошь приобрела настолько разорительные формы (des formes si horriblement coûteuses), что нет в конце концов такого состояния, которое бы она не подрывала. «Jamais siècle n'a été plus prodigue que le nôtre».³ Доходы полностью потребляются, имущество проедается, каждый стремится достичь скандального превосходства над своим соседом (on étale une surabondance scandaleuse, on veut effacer son voisin)».

И всюду одна и та же картина; совпадают даже сами слова: «Ни одно столетие не роскошествовало так, как наше», — считает «Совершенный английский торговец»,⁴ — «В наши времена роскоши уделено почти неве-

¹ Одним из наиболее ярко выраженных безумств явилось стремление во что бы то ни стало разориться (*фр.*).

² *Mercier. Tableau de Paris. 1783. Ch. 573.*

³ Ни одно столетие не было столь расточительным, как наше (*фр.*).

⁴ *Complete English Tradesman. 5 ed. 1745. Ch. L.*

роятное пространство» (it is next to incredible, what a share the luxury of the age has); «нами повелевают суетность, праздность и роскошество (vanity, gaiety and luxury)», «расточительность (excesses) превосходит всякую меру...».

«Все утопает в роскоши, как в море», — пишет Кохановский, обитатель Варшавы — города, в котором роскошь достигла своего наивысшего предела. «Даже если бы всемогущий Бог пролил на нас дождь, состоящий не из капель воды, а из золотых дукатов, и если бы Польша погрузилась в них по щиколотку, то все равно все эти деньги ненадолго задержались бы у нас, а, подобно тому, как воды с холмов и гор стекают вниз, к долинам и низменностям, были бы вскорости спущены на серебряную посуду, кареты, мебель и т. д. во Вроцлаве, Лейпциге, Франкфурте, Берлине, Гданьске, Риге и Кенигсберге».¹

Но мы не станем довольствоваться свидетельствами такого рода, а попытаемся установить действительные факты, т. е. привести реальные примеры формирования роскоши. Я мог бы предположить, что мои читатели знакомы с ними, и в известной степени надеюсь на это. Но я не считаю излишней попытку создать, если будет возможность, определенное представление о цифровых параметрах эволюции роскоши, поскольку только цифры позволяют за отдельными феноменами роскоши, а тем более за массой таких феноменов разглядеть ту роль, которую потребность в роскоши играла в процессе формирования рынка (а именно об этом мы прежде всего и хотели бы узнать).

После этого следовало бы перейти ко *второй* задаче: если факт грандиозной эволюции роскоши установлен как несомненный, то нужно посмотреть, в какой связи эта эволюция находится с теми образующими общество факторами, о которых я говорил в предыдущих главах;

¹ Слова сенатора Стефана Гарчинского из его памфлета «Анатомия Польской республики», напечатанного в 1751 г., приводит Репель (*Roepell. Polen um die Mitte des XVIII Jahrhunderts*. 1876. P. 17. Acta Boruss. Getr. Hand. Pol. 1. P. 386).

в какой мере, в частности (и здесь заключена главная идея этой книги), женщина, к тому же женщина, любимая не по праву, т. е., проще сказать, самка, — в какой мере самка принимала участие в формировании внешней стороны жизни в нашу эпоху.

2. Княжеские дворы

Как всякая жизнь вообще, так и всякое благополучие процветали в ту эпоху вокруг княжеских дворов; они были подлинным источником общей энергии. И вновь, когда мы оглядываемся в прошлое, чтобы увидеть, откуда впервые пробивается эта буйная мирская жизнь, взор наш оказывается прикован к Авиньону.

«L'avara Babilonia...

... di vizi empì e rei
Tanto che scoppia; ed ha fatti suoi dei
Non Giove, e Palla, ma Venere e Bacco...
Gia Roma, or Babilonia falsa e ria
Per cui tanto si piagne e si sospira...
Fondata in casta ed umil povertate
Contra tuoi fondatori alzi le corna
Putta sfacciata; e dov' hai posto spene?
Negli adulteri tuoi, nelle mal nate
Ricchezze tante?...»

Son. CVI, CVII¹

Конечно, Петрарка, оставивший нам множество подобных описаний авиньонского двора, не был вполне беспристрастным, вполне «беспредрасудочным» свидетелем, но другие, в этом отношении безукоризненные, документы подтверждают, что по сути дела все обстояло именно так, как он описывает. «Perversos mores in

¹ Скупец-Вавилон... изобилующий преступными, святотатственными пороками; сотворил себе богов — и не Юпитера с Палладой, а Венеру с Вакхом... Прежде был Рим, теперь жестокий и лживый Вавилон, по которому все плачут и тоскуют... Ты был основан в скромности и целомудрии, и вот на твоих основательней подняла свой рог бесстыдная блудница; на что тебе возложить надежду? На твоих прелюбодеев или на преступно нажитые богатства?.. (*итал.*)

nostram Galliam invexit», — сетует Никола де Кламанж, подразумевая именно папство.¹ Но и это еще означает не так уж много.

На память мне приходит, скорее, сделанное современником описание празднеств, устраивавшихся в честь папы Климента V; оно завершается таким славословием: «Gli occhi di Nostro Signore si spandeano sopra queste cose (вакханалия, в которую выливались роскошные трапезы; присутствующие устраивали танцы в саду) dilettandosi ne la diversità de'nobili solazzi, con quello modo temperato e maturo, che si conviene a tanta santità...».²

Вспоминаются и инвентарные списки папского дворца, с которыми нас познакомил Э. Мюнц;³ в содержательном плане суждения Петрарки вполне ими подтверждаются. Конечно, для того чтобы составить правильное представление о том, что творилось в Авиньоне, мы должны, прежде всего, обратить внимание и на многочисленные дворы-сателлиты церковных князей, располагавшиеся там наряду с папским: только в своей совокупности духовные дворы производили, по-видимому, тот блеск, отражение которого мы встречаем в описаниях той эпохи. Ибо, как показывают новейшие исследования, хозяйственные расходы самого папского дома были вовсе не так высоки: с 24 июня 1305 г. по 24 апреля 1307 г. (конечно, это только самое начало! Но, насколько мне известно, для более поздних времен расходные сметы еще не опубликованы) на чиновников и служеб-

¹ Оно привезло к нам в Галлию извращенные нравы (*лат.*). — De statu eccl. corrupt. С. 27. Цит. у Андре (*André J. F. Hist de la Papauté à Avignon, 2 ed. 1887. P. 300.*)

² Наш господин смотрел на все это, радуясь всеобщей пестроте и веселости, взглядом, исполненным той мягкости и зрелой мудрости, какие и подобают столь великой святости (*итал.*). — I due sontuosissimi Conviti fatti à Papa Clemente V nel 1308 descritti da Antonio fiorentino, testimone de veduta, 1868.

³ *Munz E. L'argent et le luxe à la cour pontificale d'Avignon // Revue des questions historiques. T. LXVI. 1899. P. 5-44, 378-406.* См. также: *Munz E., Faucon. Inventaire des objets précieux vendus à Avignon. 1358. Revue archéologique. 1882. P. 217-225; Okey Th. The Story of Avignon. 1911* (с библиографией); *Martin Ch. Le Château et les Papes d'Avignon. 1899.* Насколько я осведомлен, в литературе до сих пор нет достоверного и подробного описания светской жизни при авиньонских дворах.

ный персонал было потрачено лишь 175 317 золотых гульденов; недельные расходы на кухню, придворную пекарню, подвал и конюшню составляли 826 флоринов. В конюшне стояло 135 лошадей.¹

Сразу за ярко освещенным авиньонским эпизодом в нашем представлении следует блестящая эпоха римского папства, когда в Риме владычествовали великие Папы Возрождения — от Павла II до Льва X — которые, стремясь превзойти один другого, вели жизнь, полную раскаленных страстей. «Язычество покрыло град театральным глянцем, как в старые императорские времена. Мирское великолепие сделалось потребностью папского правления, изнеженный народ неистово требовал праздников и получал их в избытке» (Грегоровиус).

Вакханалия начинается при Павле II (1464–1471). «Его двор утопал в роскоши. Сам он целиком предался чувственным наслаждениям». Символом своей собственной жизни он считал карнавал, устраиваемый им в светском духе. Именно он придал римскому карнавалу этот новый языческий характер.

Сикст IV стремился ни в чем не уступать своему предшественнику. При нем свою жизнь здесь прожигали главным образом его сродственники. Его сын, Пьетро Риарио, располагавший доходом в размере 60 тыс. флоринов, расточил все свое богатство за два года. Когда в 1473 г. Рим посетила внебрачная дочь неаполитанского короля, торжества «по безумию расточительства превзошли все, что случалось подобного до сих пор».² Госпожа Леонара покинула Рим в твердом убеждении, что в мире не существует ничего, что по роскошеству хотя бы отдаленно могло сравниться с двором римского nepota.

Роскошь той эпохи выражалась прежде всего в празднествах, публичных представлениях, приемах, торжественных процессиях: в 1476 г., в день св. Марка, 100 тыс. человек собралось на Навоне, где Джироламо

¹ König L. Die päpstliche Kammer unter Clemens V. und Johann XXII. 1894. S. 56 ff.

² См. описание празднеств у Грегоровиуса. Op. cit. 7^s. P. 238 seqq.

Риарио устраивал свой турнир. В 1478 г. бракосочетание принцессы Урбино и Джованни Ровереса праздновалось «persico apparatu».¹ О блистательном въезде принца Федерико Неаполитанского нам подробно рассказывает Буркардус.² Но вершины мирского блеска папство достигает в приснопамятной Латеранской процессии Льва X, состоявшейся 11 апреля 1513 г.: 100 тыс. дукатов было потрачено в один день, когда сотни художников принесли в жертву лучшие плоды своего мастерства.³ Ведь то было время, когда Рафаэль Санти, как коронованный принц, проезжал на коне по улицам Рима, сопровождаемый внушительных размеров свитой, в составе которой всегда бывало не менее пятидесяти его почитателей, друзей и учеников.

Светские дворы Италии, прежде всего *миланские* и *неаполитанские*, по масштабам мирского великолепия, как известно, соперничали с римскими дворами. О роскоши, расточаемой в те времена при этих дворах, нам сообщает дневник Андре де ла Виня, секретаря Анны Бретанской, который он вел во время путешествия по Италии с Карлом VIII: «Сад чести».⁴

Но для истории придворной роскоши (как и для придворной истории вообще) особую значимость приобрел тот факт, что *французские короли* сделались наследниками итальянских князей также и во всем том, что касалось образа жизни и ее понимания: посредницей здесь выступила Екатерина Медичи, хотя уже и до нее дом Валуа, представленный фигурами Карла VIII и Людовика XII, во всей своей политике выказывал сильную симпатию к итальянской культуре.

В результате — и это было решающим моментом — возможности развития роскоши возросли в той пропорции, в какой Франция превосходила итальянские кня-

¹ С персидской расточительностью (*лат.*). — *Palmieri M. De temp. suis. Ibid. P. 242.*

² *Burcardus. Diar.*

³ *Gregorovius. Op. cit. 8^e. P. 173 seqq.*

⁴ Некоторые выдержки оттуда приводит Роско (*Roscoe. Life of Leo X. 1806. 1. P. 238 seqq.* а также приложение XXIX).

жества. Но уже последние Валуа тратили на содержание своего двора суммы, значительно превышавшие государственный доход даже самые богатые государства Италии. В конце XV в. эти доходы оценивались¹

для Венеции	не выше	1 000 000	золотых флоринов
Неаполь	»	600 000	» »
Милан	»	600 000	» »
Флоренция	»	300 000	» »
Папский двор	»	200–260 000	» »

Сравним эти цифры с 1.5 млн скудо, которыми для содержания двора располагал Франциск I или Генрих II. Венецианский посланник Марино Кавалли, которому мы обязаны приведенным подсчетом,² сопровождает его следующим замечанием: «Если поглядеть на французский двор, то столь высокие расходы не покажутся вам удивительными. Как правило, он держит 6, 8, 10, а то и 12 тыс. лошадей. Его расточительность (*prodigalità*) не знает границ. Разъезды увеличивают расходы по меньшей мере на треть, из-за множества требующихся ему для этого лошаков, телег, носилок, лошадей и слуг, которые стоят вдвое дороже обычного». Другой дипломат оценил размеры сопровождавшей короля свиты в 8000 лошадей.³ Полтора миллиона скудо (составляющие примерно 10 млн франков по нынешнему курсу) согласно тому же источнику распределялись по отдельным статьям следующим образом: 100 000 на обустройство жилья, 150 000 — на охоту, 100 000 — на празднества, 100 000 — на одежду и подарки, 200 000 — на придвор-

¹ Источники собраны у Грегоровиуса (Op. cit. 7⁵. P. 342 seqq.). Предусмотренный доход герцогов д'Эсте в 1592 г. составил 69099319 лир. См.: *Sitta P. Saggio sulle istituzioni finanziarie del Ducato Estense nei secoli XV e XVI. 1891. P. 126.*

² Rel. des amb. vén. (Coll. des doc. inédits sur l'hist. de France). 1. P. 285. Приведено у Пижонно (2. P. 28). О расходах на роскошь у первых Валуа см.: *Baudrillart. 4. P. 273.*

³ Rel. 2. P. 259. op. cit. P. 58.

ный штат короля, 300 000 — на содержание двора королевы.

Весьма поучительно посмотреть, как расходы эволюционировали поотдельности, и поэтому я приведу выдержку из еще одного посольского донесения, которое, насколько мне известно, до сих пор не принималось в расчет.¹ В 1542 г. общие расходы французского короля составили 5 788 000 ливров (в 1541 — 1560 гг. находившийся в обращении ливр в чистом металле соответствовал 3.34 франкам по нынешнему курсу). Из них на предметы роскоши было потрачено:

Двор короля (<i>mangiare</i>)	85 000	ливров
Конюшня	80 000	»
Парчовые и шелковые одеяния (на подарки)	50 000	»
Придворный штат (<i>camerieri etc.</i>)	190 000	»
Двор королевы (<i>vivere</i>)	140 000	»
Соколиная охота	60 000	»
Замок в Шанборе (на который уже было потрачено 400000 л.)	30 000	»
Замок в Фонтенбло	50 000	»
Карманные деньги короля (<i>al re in contanti quanto gli pare e piace</i>)	500 000	»
Подарки	500 000	»
Покупки, сделанные королем для своего удовольствия (напр., украшения и т. п.)	160 000	»
Экстренные расходы, назначение которых неизвестно (<i>spese extraordinarie che non si sanno</i>)	400 000	»
Развлечения (<i>menus plaisirs</i>)	750 000	»
Итого:	2 995 000	ливров

В *menus plaisirs*, добавляет посланник, входили расходы, предназначение которых король пожелал оставить в тайне: таковы траты на женщин и т. п.

При Генрихи IV расходы на роскошь несколько сокращаются. В последний год своего правления он предоставляет о них следующие сведения (в чистом металле

¹ Доклад Маттео Дандоло. Опубликовано у Альберти (*Alberti*. Т. 4. Р. 42—43).

тогдашний ливр примерно вдвое превосходил сегодняшний франк):

Конюшни	261 590	ливров
Придворный штат короля	435 538	»
Серебряная посуда	197 334	»
Мелкие расходы	162 180	»
Охота	88 670	»
Придворный штат королевы	541 439	»
Постройки	633 298	»
Разъезды	107 185	»
Подарки	85 798	»
Покупки	71 575	»
Итого:	2 584 607	ливров

т. е. около 5–6 млн франков по нынешнему курсу.

С этого момента расходы год от года только увеличиваются: в конце правления Людовика XIV процесс достигает кульминации. Бюджеты с 1680 по 1715 г. демонстрируют примерно ту же картину. Приведу на выбор цифры по 1685 г.¹ (в 1676–1700 гг. ливр равняется 1.48 франкам в сегодняшней валюте):

Двор короля	606 999	ливров
Убранство дворцов (<i>chambre au denier</i>)	1 618 042	»
Серебро (имеются в виду, главным образом, расходы на королевский туалет, драгоценности и т. п.)	2 274 253	»
Развлечения (<i>menus plaisirs</i>)	400 850	»
Покупка лошадей	12 000	»
Конюшня	1 045 958	»
Подарки	313 028	»
Содержание челяди (<i>prevoté de l'Hôtel</i>)	61 050	»
Охота (<i>venerie, fauconerie, louverie</i>)	388 319	»
Двор государя	1 230 000	»
Двор государыни	252 000	»
Жалование	160 437	»

¹ *Forbonnais. Recherches.* 2. P. 101.

«Карманные деньги» короля (comptant du Roi)	2 186 748	ливров
Королевские постройки	15 340 901	»
Секретные фонды (affaires secrètes)	2 365 134	»
Разъезды	558 236	»
Итого:	28 813 955	ливров

Следовательно, около 29 млн франков на личные нужды короля (связанные преимущественно с приобретением предметов роскоши) при совокупном бюджете (брутто) в 100 640 257 ливров.

О том, какие огромные суммы вливались в этих условиях в производство роскоши, мы получим еще более ясное представление, если особо рассмотрим отдельные статьи расходов.

На первом месте стоит, конечно, *строительство*. Но о королевских постройках мы располагаем и наиболее надежными сведениями: в нашем распоряжении точные и полные строительные сметы французского королевского двора с 1664 по 1779 г., в которых все расходы занесены до последнего гроша. Содержащийся в этих реестрах материал является невероятно ценным источником по истории экономики, к которому до сих пор, насколько мне известно, еще никто вообще не обращался и тем более полностью не исчерпал, хотя к нашим услугам имеется образцовое издание этих смет с 1664 по 1775 г.¹ Левассер и другие французские историки-экономисты хотя и знают эту публикацию и обращаются к ней, по-видимому, даже не подозревают, *какие* уроки из нее можно извлечь. В этой связи я, разумеется, тоже не могу во всей полноте использовать чрезвычайно богатый материал, заслуживающий основательной проработки: при умелом обращении из этого источника можно извлечь только сырой материал по истории основных ремесленных и профессиональных отраслей капитализма XVII–XVIII вв. Несмотря на это (а возможно, и как раз

¹ Guiffrey J. Comptes des bâtiments du roi sous le règne de Louis XIV. 5 vol. 1881–1896 (Collect. de Docum. inédits. Ser. 3).

по этой причине) во всех пяти томах четверного формата понятие «цеховой устав» не встречается ни разу.

Прежде всего приведу общие цифры расходов на королевские постройки по отдельным пунктам, чтобы дать представление о масштабах потребления. Всего на дворцовое строительство за время правления Людовика XIV было потрачено 198 957 579 ливров 14 су и 11 денье (т. е., если учесть, что в этот период находившийся в обороте ливр стоил от 1.22 до 1.63 нынешнего франка, — около 300 млн франков по нынешнему курсу).

Более половины этой суммы было израсходовано в первые 27 лет правления, а именно: с 1664 по 1680 г. — 73 977 269 ливров 14 су и 5 денье, с 1681 по 1687 г. — 57 657 478 ливров 6 су и 2 денье. Львиная доля из указанной суммы пошла, разумеется, на Версаль, который вкупе с устройством садов и фонтанов стоил двору около 100 млн франков (прежде принятые показатели в 600–700 млн франков, таким образом, были сильно завышены).

О том, как расходы распределялись по отдельным статьям, мы можем узнать из сводок, предусмотрительно составленных издателем. К примеру, из общей суммы расходов было потрачено:

На закупки в мануфактурах и у купцов	1730206	ливров	10	су	2	денье
На закупки в мануфактуре Гобеленов (мебель)	4041068	»	2	»	7	»
На серебряные украшения	2245289	»	14	»	10	»
На закупку мрамора, свинца и олова	3790446	»	16	»	3	»

Собственно строительные работы в начальную эпоху (1664–1680 гг.) приводятся в общей калькуляции по отдельным статьям и составляют нижеследующие суммы (для замков Версаля, Лувра и Тюильри, Сен-Жермена, Фонтенбло, Венсенна, Трианона, Кланьи и Марли):

Каменно-штукатурные работы	17 300 995	ливров	8	су	1	денье
Плотницкие работы	2 334 108	»	11	»	2	»

Кровельные работы	826 148 ливров	10 су	5 денье
Водоснабжение и канализация	2 268 087	» 19	» 7
Слесарные работы	1 878 242	» 8	» 4
Столярные работы	2 087 541	» 5	» 10
Малярные работы	2 877 875	» 16	» 3
Работа скульпторов	2 041 32	» 11	» 6
Стекольные работы	289 524	» 11	» 11
Мостильные работы (pavé)	729 738	» 16	» 10
Садовые работы	2 306 003	» 19	» 1
Земляные работы (fouilles)	3 791 064	» 18	» 9
Разные работы	350 104	» 192	»
Экстраординарные расходы	4 456 733	» 6	» 9
Всего с 1664 по 1680 г.	43 537 491 ливров	16 су	5 денье

Серебряная посуда, которой пользовался французский двор,¹ в 1689–1709 гг. большей частью пошла на переплавку; в 1689 г. это дало 82 322 марки 5 унций и 9 граммов, что в денежном эквиваленте соответствовало 2 505 637 ливрам 4 су и 9 денье.

О том, какого богатства и великолепия достигало мебельное убранство королевских замков, мы сегодня можем узнать из опубликованных инвентарных описей, содержащих, к тому же, и множество прекрасных иллюстраций.² В результате подсчета оказывается, например, что только тканых стенных драпировок в замках Людовика XIV было 334 полных комплекта (*tentures complètes*), состоявших из 2600 ковров и 140 отдельных штук полотна, и что из мануфактуры Гобеленов туда было поставлено 822 штук полотна, или 101 комплект стеной обивки.

Перечень затрат, произведенных в 1669 г., свидетельствует о роскошестве в выборе обивочных тканей:³

¹ *Guiffrey J. Inventaire gInJral du mobilier de la couronne sous Louis XIV (1663–1715) 2 vol. 1885.*

² Сообщение, опубликованное в декабрьском номере за 1697 г., читательницы могут найти у Франклина (*Franklin A. Les magasins de nouveautés. 1894. P. 227 seqq.*).

³ *Guiffrey J. Comptes des bâtiments. Loc. cit.*

Г-м Дюку и Марсольеру, купцам, за 64 аршина золотой и серебряной парчи, по 138 ливров 10 су за аршин, и за 44 аршина золотой и серебряной парчи (пунцовая и зеленая), по 133 ливров 5 су за аршин, поставленные ими Его Величеству	16 545 ливров	5 су		
Им же за парчу из Лиона	22 155	»	»	
Им же 7070 ливров, в частности: 4090 ливров за 62 аршина золотой и серебряной парчи фиолетового цвета, лионского производства, по 66 л. за аршин, и 2979 ливров 10 су за 259 аршин темно-красной камки туринского производства, по 11 ливров 10 су за аршин				»
Г-ну Рейнону за золотую и серебряную парчу	70 716	»	18 »	11 денье
Г-ну Марселину Шарлье за бархат и полупарчу	5572	»	5 »	

Замковым сооружениям соответствовал и *блеск одеяний*, которые выставлялись напоказ в их стенах. Достаточно почитать описания празднеств в «Галантном Меркурии», где один литератор XVII столетия в подробностях живописует каждый отдельный наряд¹ Людовик сам носил платье, украшенное бриллиантами на 14 млн франков. Однажды, инспектируя одну из парижских кружевных мануфактур, он накупил себе кружев на 22 000 ливров.²

В XVIII в. одеяния при французском дворе год от года становились все роскошнее, и за несколько лет до

¹ Diar Europ. С. 24. 10. 1666. Цит.: Панке (*Ranke.*, Franz. Geschichte. 3³. S. 214).

² Arch. (nat. O¹. 3792–3794. Приведено в очень познавательной книге Эмиля Ланглада (*Langlade E.* La marchande de modes de Marie Antoinette Rose Bertine. P. 29, 122).

революции этот процесс достиг своей высшей точки. Мы располагаем точными сведениями о гардеробных сметах Марии-Антуанетты.¹ В 1773 г. расходы на гардероб у тогдашней кронпринцессы составили 120000 ливров. По всей видимости, эта сумма считалась неким ординаром и позднее, хотя год от года затраты только превышали ее. Расходы на туалеты составляли:

1780	194 118	ливров	17	су
1781	151 290	»	3	»
1782	199 509	»	4	»
1787	217 187	»		

С этого момента они начали сокращаться.

* * *

А что же самка? Участвовала ли она — и в какой мере — в этом стремительном росте затрат на роскошь? В отношении итальянских князей или французских Валуа ту не о чем и спрашивать: всем известно, что они жили только ради женской любви. Но Людовик XIV, при котором роскошь как раз впервые и приобрела грандиозный размах, — разве у него главным поводом для стремления ко все большему блеску были, скорее, не тщеславие и высокомерие? Нет, именно в отношении Людовика XIV мы можем прямо-таки документально проследить, какое влияние на формирование публичной жизни короля оказывали его возлюбленные: любовь к ла Вальер подвигла его к сооружению Версаля; именно там, в маленьком охотничьем замке своего отца он проводил с ней первые свидания: «возлюбленная должна была видеть, как там, на лесном холме, воздвигается волшебный замок ее господина». С любви к ла Вальер начинаются и грандиозные празднества при дворе: инсценировки волшебных историй Ариосто, *les plaisirs d'ole enchantée*,² где король исполнял роль Руджеро.

¹ *Guiffrey J. Comptes des bâtiments du roi etc. 1. 1881. XLII.*

² Утех волшебного острова (*фр.*).

В 1674–1680 гг. был построен замок Кланьи, на который пошло 2 млн франков — тоже каприз фаворитки. И всякий раз, когда сердце Людовика бывало пленено новой возлюбленной, разливался новый поток роскоши: следующая всегда оказывалась расточительнее предыдущей, вплоть до появления м-ль Фонтанж, швырявшей в окна драгоценности, тратившей по 100 000 экю ежемесячно и недоумевавшей, когда это называли мотовством. Все знают, что в XVIII в. при французском дворе владычествовали фаворитки и что именно они задавали тон в придворной жизни. М-м Помпадур и ее вкусы начинают главенствовать в образовании всех жизненных форм: «*Nous ne vivons plus que par Mme de P. Carosses à la P., habits en drap couleur à la P., ragoûts à la P., cheminées, miroirs, tables, sofas, chaises à la P., éventails, étuis, curedents à la P.*»,¹ — свидетельствует современник.

М-м Помпадур являлась представительницей всей культуры «старого порядка», но прежде всего выразительницей его вкусов и внешних форм жизни. Она лично вмешивается в ход экономической жизни, чтобы организовать ее по своему разумению. Своего младшего брата, получившего по ее протекции титул маркиза де Мариньи, она назначает генеральным управителем над всеми постройками, садами, художественными мастерскими и мануфактурами, отправив его сначала учиться в Рим. По своему усмотрению м-м Помпадур отстраивает дворцы: Пти-Шато и Бельвю, к которому добавился Тоди (Бренборьон). Она руководит отделкой Шуази. Она собственноручно вычерчивает план галереи замка Бельвю, который своей кистью украшают Ванлоо, Буше и Брунетти, и для которого Кутон отливает статую Людовика XV. Там она устраивает пышные празднества и сама разрабатывает костюмы, в которые должны облачиться ее гости, чтобы потом получить их в подарок.

¹ Вся наша жизнь теперь на манер мадам де П.: кареты как у П., одежда из разноцветных тканей как у П., приправы как у П., камин, зеркала, столы, диваны, кресла как у П., вееры, футляры, зубочистки — все как у П. (*фр.*).

Стоил такой костюм 14 000 ливров. На белье для гостей замка Шуази она выделила 600 452 л. А совокупные ее расходы достигли таких сумм, которыми не распорядилась ни одна королева. Документально подтверждено, что за девятнадцать лет своего владычества она потратила на свои личные нужды 36 327 268 ливров.¹

Маркизе де Помпадур ни в чем не уступает Графиня Дюбарри. По скрупулезным подсчетам Леруа, с момента своего взлета она израсходовала 12 481 803 ливров 11 денье. Из этой суммы 6 427 803 ливров 11 денье приходится на платежные поручения, которые она за годы своей власти (1769–1774) выписала банкиру Божону: как известно, аббат Терре настоял на том, чтобы придворный банкир в любое время оплачивал чеки фаворитки как «bons du Roi».²

Мария-Антуанетта была последней великой кокеткой, владычествовавшей при французском дворе и заботившейся о дальнейшем повышении затрат на предметы роскоши (вплоть до начала 1780-х годов); цифры, приведенные мною выше, убедительно свидетельствуют о том, что и будучи легитимной королевой в этом направлении вполне можно было двигаться курсом великих фавориток. Нельзя также забывать, что в самые счастливые свои годы (в бытность кронпринцессой) Марии-Антуанетте приходилось выдерживать опасную конкуренцию со стороны Дюбарри и ее приспешников.

Драгоценным источником для понимания того, как самка влияла на развитие индустрии роскоши в конце эпохи раннего капитализма, являются полностью сохранившиеся сметы м-м Дюбарри (из которых, опять-таки, можно извлечь больше сведений о национальной экономике, чем из дюжины ничем друг от друга не отличающихся публикаций, посвященных цеховым уставам или указам правительства!).

Приведем здесь некоторые отрывки:

¹ État des dépenses de M-me la Marquise de Pompadour du 9 sept. 1745 au 15 avr. 1769 jour de sa mort, publ. par M. Luc. Leroy; приведено у Бодрийяра (4. P. 327).

² Королевские боны (фр.).

Суммы, выплаченные Божоном по поручениям фаворитки, нашли следующее применение:

I

Работы по золоту	313 328 ливров	4 су
Ювелиры	1 808 635 »	9 »
Ювелиры (бижутерия)	158 800 »	»
Итого:	2 280 763 ливров	13 су

II

Товары из шелка	389 810 ливров	15 су
Кружева	215 988 »	6 »
Моды	116 818 »	5 »
Галантерея	35 443 »	14 »
Итого:	75 8061 ливров	3 денье

III

Мебель	24 398 ливров	18 су
Картины, вазы	91 519 »	19 »
Итого:	115 918 ливров	17 денье

IV

Кузнецы	60 322 ливров	10 су
Вышивальщики (brodeurs)	471 178 »	»
Итого:	531 500 ливров	су

V

Экипажи	67 470 ливров	1 су
Лошади	57 347 »	»
Фураж	6 810 »	»
Итого:	131 628 ливров	1 су

VI

Золотильщики	78 026 ливров
Скульпторы	95 426 »

Золотильщики (еще раз)	48 875 ливров	12 су	6 денье
Литейщики (fondeurs)	98 000	»	
Мастера по мрамору	17 540	»	8 » 10 »
Столяры и слесари	32 240	»	8 »
Итого:	370 108 ливров	9 су	4 денье

VII

Первые работы в Люсьене	11 475 ливров	6 су	9 денье
Разбивка садов	3 739	»	19 »
Новые работы	205 638	»	9 » 4 »
Разбивка садов	3 000	»	
Итого:	323 854 ливров	2 су	5 денье

(Остальные статьи касаются расходов личного характера — подарки и т. п., — и потому нас здесь не интересуют).

Некоторые особенно ценные предметы роскоши имели следующие цены: один парадный наряд из белого бархата стоил 12 000 ливров, отделка другого — 10 500 ливров; другие наряды стоили 9000 ливров, 5840 ливров, 2400 ливров, 7600 ливров, и т. д. Комплект мебели из 12 кресел стоил 7200 л., оттоманка дополнительно 2400 ливров. Кровать в Люсьене стоила 5945 ливров. Стоимость часов — 5400 ливров, табакерки — 576 ливров; 15 муслиновых кофейных салфеток обошлись в 225 ливров, золоченая рама к портрету графини (этот тот самый портрет, где она изображена в виде музы) — в 2250 ливров.

В хозяйстве этого дома к числу самых дорогих относились и вещи из фарфора: один севрский сервиз стоил 21438 ливров, другой, подаренный графиней своему зятю, — 4856 ливров.

Что касается гобеленов, то здесь, как мы узнаём, квадратный аршин ценился в 488 ливров 5 су; значит, к примеру, «Нептун и Амимона» Ванлоо стоил 3534 ливров 14 су 5 денье, «Венера и Вулкан» Буше — столько же.

Оригиналы смет можно найти среди рукописей Национальной библиотеки (Suppl. fran. 8157, 8158). Большая их часть была опубликована Гонкурами в приложении к их книге о Дюбарри.

* * *

В течение короткого времени блеск *испанского* двора, быть может, даже затмевал блеск французского: с момента открытия серебряных копей Потоси и Гуанахуато и вплоть до времен правления Филиппа IV Мадрид являл зрелище неслыханного, все время ширившегося великолепия, а испанский стиль сделался с этих пор, как известно, во многих отношениях господствующим. Доходы, на которых покоился этот помпезный образ жизни, были весьма значительными уже при Филиппе III. По оценке венецианского посланника Томазо Контарини, они составляли 16 млн дукатов (около 150 млн франков). Правильность такой оценки подтверждается результатами исследования, проведенного по приказу Генриха IV (с целью разведать, какими ресурсами располагает его соперник); оно привело к цифре в 15 658 000 дукатов дохода (чистого), в то время как еще около 5 млн застряло у вице-королей, у сборщиков налогов и т. п. Разумеется, весьма значительная часть этой суммы шла на уплату процентов по государственному долгу (которая, как мы позднее увидим, по существу, шла только на пользу развитию роскоши). Так что, согласно подсчетам графа Лерма по 1610 г., в распоряжении короля оставалось всего лишь 4 487 350 дукатов, из которых меньше миллиона шло на содержание двора.¹

* * *

Следом за Францией и Испанией (в Западной Европе) располагалась *Англия*. Здесь высшая точка придворного великолепия приходится на эпоху правления Стюартов, видевших, впрочем, образец для себя в персонах французских королей. Отблеск придворной рос-

¹ Coll. de doc. inédits. T. IV. P. 545-561, приведено у м-м Капе (*Carey B. La Cour et la ville de Madrid etc.* 1876, а также примеч. С).

коши времен этой династии виден нам в картинах ван Дейка, Питера Лели, Гюйсманса, на которых изображены щегольски одетые мужчины и красивые, гордые женщины в великолепных парчовых и атласных одеяниях, собирающихся в тяжелые барочные складки. Описания людей той эпохи, содержащиеся, к примеру, в журнале Пепи, вполне отвечают тому представлению о жизнелюбии и сытости, которое будят в нас картины этих художников. Мы сразу вспоминаем великого Людовика, когда слышим рассказы о Карле I, с такой полнотой укомплектовавшем свои 24 замка, что мог переезжать из одного в другой, не обременяя себя поклажей; или о Якове I, выделившем на свадьбу своей дочери 93 278 фунтов стерлингов; но вновь замечаем, какая дистанция отделяла Англию от Франции, читая о том, как Карл II со смирением и печалью дает палате общин обещание впредь быть менее расточительным, чем прежде, и в конце концов довольствуется своим цивильным листом. В такие мгновения респектабельный буржуа мог ощутить свежий утренний воздух: рождение нового мира, мира, в котором предстояло господствовать духу миролюбия и добропорядочности. Однако и принцу Оранскому был по душе блеск его двора,¹ и первые два представителя Ганноверского дома во всем подражали королям.

Суммы, которыми располагали английские монархи, не могут сравниться с теми, что выжимал из своей страны Людовик XIV; и все же для тех времен они были довольно значительными и демонстрируют, насколько велик был у них спрос на предметы роскоши.

В 1549 г. расходы на содержание королевского дома составили 100 000 фунтов стерлингов — уже в пять раз больше, чем при Генрихе VII. За последующие два поколения они возросли еще в пять раз. После реставрации короли получали деньги по цивильному листу, и с этих

¹ Пышное великолепие придворной жизни Вильгельма Оранского еще до того, как он стал королем Англии, хорошо описано Бергом (*Berg. De Refugiés. 1. P. 269 seqq.*).

пор мы, опираясь на цифры, можем в точности проследить, на что они тратились.¹ Впрочем, 1 200 000 фунтов стерлингов, отпущенные Карлу II, так и не были выплачены полностью, так что бедному Карлу, который нуждался в столь многом, всю жизнь пришлось прожить финансовой нужде. В расходной части его бюджет на 1675/1676 год был определен в 462 115 фунтов стерлингов.

За время своего правления, с 5 ноября 1688 по 25 марта 1702 г., Вильгельм III израсходовал на свои личные нужды и нужды своего двора в общей сложности 8880506 фунтов стерлингов; в следующие 12 лет королева Анна израсходовала 7 604 848 фунтов стерлингов, т. е., в среднем, по 586 900 фунтов стерлингов в год (тогда как ее гражданский лист составлял 700 000 фунтов стерлингов из совокупного бюджета (мирного времени) в 1 965 605 фунтов стерлингов). При двух первых Георгах гражданский лист колеблется от 800 000 до 900 000 фунтов стерлингов, при Георге III соответствующая сумма возрастает до 923 196 фунтов стерлингов.

Тому, что придворная роскошь и в Англии являлась в первую очередь роскошью фавориток и для фавориток, нас учит интимная история этого двора. С тех пор как в Англии появился двор, в ней появились и влюбленные короли, о чьей тяге к великолепию и беззаботной жизни нам очень хорошо известно. Мы помним Барбару Палмер, помним Керуаль (для которой, когда она приезжала в Париж, двор устраивал сам Людовик XIV, так что о ней, пожалуй, справедливо говорили, что ее поясная лента в течение 15 лет удерживала вместе Англию и Францию); мы помним Катерину Седли, баронессу Дарлингтонскую, графиню Дорчестерскую и многих других официальных любовниц Стюартов; мы знаем также, что избранный королем курфюрст Ганноверский Георг-Людовиг сразу же привез с собой своих любовниц, которых

¹ Все цифры по расходам английских королей я беру из книги Синклера (*Sinclair J. Hist of the public revenue of the Brit. emp. 3 ed. 1803. Vol. 1-2.*).

позднее, уже в Англии, сделал графиней Арлингтонской и герцогиней Кендел; что даже Георг II из-за привязанности к своей прежней родине удовлетворил свою потребность в фаворитках еще Ганновере и превратил г-жу Вальмоден в графиню Ярмутскую.

* * *

Описывать точно такие же отношения при дворах немецких князей, среди которых самыми роскошными были саксонский, ганноверский и вюртембергский, или в восточных землях не имеет никакого смысла, ибо дворы эти оказали гораздо меньшее влияние на процесс экономического развития, чем государства Запада. Особо отметить следует лишь расходы на приобретение изделий из фарфора, который с начала XVIII в. научились производить и в Европе, что дало толчок развитию одной из первых крупных индустрий — в первую очередь благодаря потоку заказов, которые монархи делали как одержимые. Достаточно ознакомиться хотя бы со следующим списком заказов саксонского двора, составленным 25 февраля 1732 г.:¹ «Перечень того, что из фарфора потребно королевскому дворцу для новой передней галереи на верхнем этаже...»:

30 наконечников в шести комплектах
266 отдельных ваз разной формы
198 шт. всяких зверей, крупных и мелких
198 шт. птиц
48 мисок с крышками
170 блюд
Итого: 910 шт.

Даже небогатый прусский король заказывает в мейсенской мануфактуре изделий из фарфора на 283 679 талеров 4 грошей.

¹ См.: *Doenges W. Meißner Porzellan*. 1907. S. 76 ff., 126.

3. Преемственность между дворянами и разбогатевшими буржуа

Роскошь, в которой утопал двор, постепенно распространилась и на все те круги, что видели свой идеал в придворной жизни или состояли в каких-либо отношениях со двором; но мы можем с уверенностью сказать, что стремлением к мирскому великолепию, царившему в придворных кругах, оказались теперь охвачены все богатые люди. Мы можем в деталях проследить, насколько сильно было прямо-таки принуждение к роскоши, что исходило от монарха, в частности от Людовика XIV; а о том, какое влияние он оказывал на общество, один очевидец, заслуживающий в этих вопросах несомненного доверия, сообщает нам следующее: «Il aima en tout la splendeur, la magnificence, la profusion, il la tourna en maxime par politique et il l'inspira à toute sa cour. C'était lui plaire que de s'y jeter en tables, en habits, en équipages, en bâtiments, en jeu... C'est une plaie qui, une fois introduite, est devenu le cancer intérieur qui *ronge tous les particuliers*, parce que de la cour il s'est promptement communiqué à Paris, dans les provinces et les armées, où les gens en place ne sont contés qu'en proportion de leur table et de leurs magnificences... Par la folie des gens, elle va toujours croissant; les suites en sont infinies, et ne vont à rien qu'à la ruine et au renversement général».¹

На короля взирали как на бога, особенно во Франции: Людовик сделался *arbitre du goût*² для Парижа (Paris — pour l'ordinaire *singe de la cour*,³ считает Лабрюйер), для

¹ Во всем он любил блеск, великолепие, изобилие; это он сделал максимой своей политики и привил всему своему двору. Ему нравилось тратить деньги на угощения, на одежду, на экипажи, на строительство, на игры... Бедствие это, однажды начавшись, словно рак *разъело все государство*, поскольку от двора оно быстро перешло к остальному Парижу, а потом — провинциям и войскам, где должностные лица заботились только о размерах своего стола да о своем великолепии... Люди безумствовали, роскошь все нарастала; последствий было много, и все они вели к одному: к разорению и краху (*фр.*). — *Saint Simon*. Мем. Т. VIII. P. 125–126.

² Судьей в вопросах вкуса (*фр.*).

³ Париж, как правило, подражает двору (*фр.*).

провинции, для всей Европы. Как строил Мансар, как разбивал сады Ленотр, как проектировал мебель Лебрен, как писал портреты Риго — каждый, кому позволяли средства, хотел, чтобы именно так был построен его дом, именно так разбит его сад, так обставлено его жилище, так написан его портрет. Все это нам известно.

Но процесс распространения роскоши в свете, конечно же, не пошел бы столь быстро, великолепие не разрослось бы сверх всякой меры за столь короткое время, если бы рядом с двором не открылся еще один важный источник, из которого в мир мощным потоком хлынули сладострастие, жизнелюбие и тщеславие: если бы непреодолимая тяга к роскоши не развилась, подобно ужасной болезни, у «новых богачей», с процессом появления которых мы уже познакомились. Их влияние на изменение жизненного стиля и прежде всего их содействие количественному расширению потребности в роскоши мы теперь и рассмотрим.

* * *

К числу явлений, снова и снова повторяющихся в нашем культурном кругу, относится и то, что люди из народа, внезапно разбогатев, используют это свое богатство главным образом для того, чтобы окружить себя роскошью. И нетрудно установить те причинные взаимосвязи, что лежат в основе этого явления: с одной стороны, это неспособность грубого естественного человека получать от жизни какие-либо другие удовольствия, кроме материальных, которые легче всего извлечь, в изобилии обеспечив себя потребительскими благами; с другой стороны, это горячее желание добиться почтения наравне с обществом людей благородных, которое заставляет разбогатевшего мелкого торговца или лакея стремиться ко все большей роскоши (если он отказывается предпочесть противоположный путь и сделаться «скрягой», что мы иногда наблюдаем). Обе эти порождающие всякую роскошь движущие силы — тщеславие

и чувственное удовольствие — действуют здесь сообща, порождая чванливую роскошь.

Поэтому и в истории путь богатства сопровождается соответствующими этапами эволюции роскоши — с самого первого появления выходцев из буржуазии.

Дидро, конечно же, ошибался в своих наблюдениях, когда выразил мнение, что разбогатевшие невежды раньше жили тихо и скромно, и лишь в его времена начали выставлять свои богатства напоказ; пусть он и полагал, что может назвать имя человека, одним из первых погрузившегося в роскошь, чтобы похвастаться своим богатством: это Бонье.

Кичливых транжир мы встречаем уже во времена Данте: например, того Джакомо да Сант-Андреа, который швырял в реку золотые и серебряные приборы или поджигал здания, чтобы поднять настроение на праздник; и таких было множество, они даже составляли целое общество расточителей:¹ *brigata godericcia* или *spendericcia*.

La gente nuova e I subiti guadagni
Orgoglio e dismisura han generato
Fiorenza in te, sX che tu già ten piangi.

Inf. 16, 73–75²

Какой «историк» ныне не цитирует эти слова о Флоренции.

Но Дидро был неправ и в отношении Франции. Разве не должны мы причислять к таким выскочкам Жака Кера, разбогатевшего кредитора XV столетия, владевшего замками в Париже, Лионе, Туре и еще в семи других местах; а равно и Самблансе, или Тома Бойе, построившего Шенонсо в XVI веке? Разве забудем мы прежде всего разбогатевшего каналью века семнадцатого, упивавшегося, как сказал о нем сам Людовик XIV, «дерзкой

¹ Inf. XIII. P. 118–122, а также: *Kostanecki*. Dantes Philosophie des Eigentums, 1912. S. 8 ff.

² Ты предалась беспутству и гордыне, пришельцев и наживу обласкав, Флоренция, тоскующая ныне (*итал.*).

роскошью»? Слова, вложенные в уста Людовику, крайне поучительны; он говорит о «gens d'affaires, qui d'un côté couvraient leurs malversations par toutes sortes d'artifices et les découvraient de l'autre par un luxe insolent et audacieux, comme s'ils eussent craint de me les laisser ignorer (!)».¹

Наконец, к той же породе принадлежит и Фуке, этот отъявленный мошенник, растративший на предметы роскоши от 20 до 30 млн франков (из которых 18 млн пошли только на его замок в Во), о чем с негодованием сообщает Кольбер (который, впрочем, и сам не чурался тратить деньги с размахом), подсчитавший это в посвященном Фуке некрологе.

Внутреннюю взаимосвязь между подъемом третьего сословия и расширением потребности в роскоши мы можем во всех деталях проследить, рассмотрев этапы, когда людей, «quos virtus aut Fortuna e faece hominum extulit»,² появлялось особенно много. На этих этапах формируются соответствующие слои в структуре современной роскоши, где мы, следовательно, как и в истории богатства, можем выделить итальянскую эпоху XIV–XV вв., немецкую XV–XVI вв., испано-голландскую XVII в. и англо-французскую XVIII в.

Для нашего исследования наибольшее значение имеет тот мощный рывок вперед, который европейские народы с начала XVIII в. делают в направлении «благосостояния» и прежде всего — «жизненного благополучия»: в этот период толстосумы уже играют очень важную роль. Решающая перемена состояла, пожалуй, именно в том, что в те времена, примерно с 1720 г., роскошь охватывала все более широкие круги. Это можно понять по домовым книгам той эпохи, многие из которых дошли до нас: в богатых странах в середине XVIII в. дистанция

¹ Дельцах, которые, с одной стороны, прикрывают свои махинации всякого рода хитростью, а с другой, обнаруживают их *дерзкой и наглой роскошью*, как будто боятся, что я их не замечу (*фр.*). — Louis XIV. Mémoires. Приводится по Бодрийяру (H. du L. 4. P. 68).

² Коих добродетели или удача вывели из грязи людской (*лат.*) — Это прелестное выражение я обнаружил у Кемдена (*Camden. Britannia. 1580. P. 106*).

в сравнении с XVII в. ощущалась в высших кругах столь же отчетливо, что и та, которую мы, немцы, сегодня ощущаем в сравнении с эпохой до 1870 г.: «On a bien de la peine à s'entrtenir aujourd'hui avec ce qui reste»: ¹ подобные жалобы (многие я уже приводил выше в другой связи) мы встречаем весьма часто. И выраженные в них настроения не покажутся нам удивительными, если мы узнаем, что значительная часть приобретенных в ту эпоху крупных состояний (во втором разделе первой главы я привел некоторые данные по доходам XVIII в.) была растрчена на предметы роскоши. Д'Эпине с 1751 по 1755 г. израсходовал 1500 000 ливров. Руссель истратил 12 млн, Дюпен из Шенонсо — 7–8 млн, Савалет — 10, Буре — 40. Граф д'Артуа, сосед богатого Фавантене, полагал: «Je voudrais bien faire passer chez moi un bras de ruisseau d'or qui coule de son rocher». ² «On ne fit plus de capitaux». ³ Всех больше интересовала «роскошь» — в мебелировке, в постройках, в одеяниях. Магазины улицы Сент-Оноре, в те времена снабжавшие самыми прекрасными тканями и Францию, и за границу, в 1720 г., когда над Парижем пролился золотой дождь, опустели за несколько дней. «On n'y trouve plus de velours, d'étoffes d'or; mais on fabrique partout». ⁴ Дюшан, которому мы обязаны этими реляциями, описывает вид улиц, пестревших нарядами всех цветов радуги, украшенными великолепным шитьем, сотканными из золотых и серебряных нитей.

¹ Сегодня остатков едва хватает на то, чтобы прокормиться (*фр.*). — Сведения из семейного дневника, начатого Пьером-Сезаром де Кадене де Шарлевалем в 1728 г., продолженного в 1763 г. Франсуа де Шарлевалем и законченного его сыновьями; приводятся по сочинению де Рибба (*Ribbe Ch. de. Les Familles* 2^e 1874. P. 144). Крайне ценным собранием английских домашних бюджетов в период с 1650 по 1750 г. располагает Смитсоновский институт в Вашингтоне. Владелец этого собрания, передавший его институту, Дж. А. Холлиуэлл, опубликовал некоторые выдержки в книге: *Halliwel J.A. Some account of a collection of several thousand Bills, Accounts and Inventories etc. 1852.*

² Я бы охотно отвел к себе одну из струй того потока, что низвергался с его утеса (*фр.*).

³ Никто больше не занимается накоплением капиталов (*фр.*).

⁴ В магазинах не найдешь ни бархата, ни золоченых тканей, хотя производятся они повсюду (*фр.*).

Но обстоятельство, имевшее, по моему мнению, большое и всеобщее значение для развития современного общества, заключается в том, что богатые выскочки, поклонявшиеся только своему мамону и не выделявшиеся ничем, кроме способности за счет своих огромных средств вести роскошную жизнь, — что эти парвеню передали свое материалистическое, корыстолюбивое мировоззрение и старым благородным семействам, увлекли их за собой в водоворот жизненного благополучия. В одной из глав «Современного капитализма», где речь идет о формировании состояний, я назвал обеднение дворянства одним из источников обогащения буржуазных кредиторов и показал, как этот процесс превращения феодальных состояний в буржуазные со времен крестовых походов непрерывно развертывался во всех странах Европы. Здесь можно в заключение добавить, что одной из наиболее частых причин обеднения старых родов и прихода на их место «людей, которых фортуна вывела из грязи», было стремление расходами на роскошь сравняться с теми самыми выскочками-буржуа: и такое отрицание прежних, благородных традиций вело либо к экономическому упадку старых фамилий, либо к заключению «*honteuses alliances*»¹ с разбогатевшими финансовыми баронами, о которых нам тоже уже известно: промежуточным звеном в этом процессе, которое нас здесь, главным образом, интересует, была секуляризация аристократических родов, их подчинение материалистическим интересам. То, что именно *subiti guadagni*² богатых тюркаре явились причиной этого явления (а именно они прежде всего повинны в этой перемене, которой, впрочем, способствовало и отмеченное нами влияние двора), представляется мне, как я уже говорил, событием особого значения.

С этим роковым стремлением знати соперничать в роскошестве с толстосумами мы сталкиваемся во всех

¹ Позорных альянсов (*фр.*).

² Быстро растущие доходы (*итал.*).

странах, во все времена, когда буржуазное богатство внезапно начинает прибавлять в своих размерах. Уже в XV в. о Германии говорили: «Черствость и щегольство сделались отличительной чертой рыцарей». Пышные одеяния стали основной причиной их долгов. «Во многом от изысканных одежд, — считает один моралист, — исходит то, что у дворянства в немецких землях дела идут все хуже; они хотят блистать, как богатые торгаши в городах..., но у них нет таких денег... Поэтому они влезают в обширные долги и попадают в кабалу к ростовщикам — иудеям да выкрестам, — и им приходится полностью или частью продавать свое имущество». Так одна хейдорфская вдова за ничтожную сумму продала деревню Геппинген на Аблахе, чтобы справиться себе к предстоящему турниру платье из голубого бархата.

(Только теперь мы становимся свидетелями завершения этого процесса, в результате которого аристократия подчинилась мировоззрению третьего сословия: сегодня лишь немногие из оставшихся старых и благородных семейств предпринимают последние, все слабеющие попытки противостоять общей мамонистической тенденции нашего времени: ныне нам кажется уже едва ли не донкихотством, когда прекраснодушные представители бедного дворянства предостерегают своих братьев по сословию от опасностей, которые таит в себе роскошь, словно моль шерстяную ткань до лохмотьев разъедающая прежнее представление о благородстве.)

Во Франции процесс разложения аристократии начинается, по-видимому, несколько позднее. Сюлли, который, сам будучи аристократом старой закалки, всегда видит свою эпоху преимущественно в черном цвете, жалуется, что в последнем поколении быстро приобретаемые состояния финансовых кредиторов и арендаторов начинают оказывать пагубное воздействие на господствующие классы. Приведем здесь его замечательные слова, поскольку они помогают нам в классической форме представить одну из самых существенных перемен новейшей истории:

«Rien n'a plus contribué à pervertir parmi nous l'idée de la probité, de la simplicité et du désintéressement ou à tourner ces vertus en ridicule; rien n'a plus fortifié ce penchant malheureux au luxe et à la mollesse, naturel à tous les hommes, mais qui devient chez nous une seconde nature par le caractère de vivacité, qui fait que nous attachons tout d'abord avec fureur à tous les objets qu'on offre à notre plaisir, rien en particulier ne dégrade si fort la Noblesse Française que ces fortunes si rapides et si brillantes des Traitans et autres gens d'affaire; par l'opinion trop bien fondée, qu'elles ont répandue, qu'il n'y a presque plus en France que cette voie pour parvenir aux honneurs et aux premières places, et qu'alors tout est oublié, tout est permis».¹

Что в XVII–XVIII вв. старое аристократическое умонастроение во всех странах быстро шло на спад, нам с достаточной ясностью продемонстрировали процессы, описанные мной в третьем разделе первой главы. Здесь нужно было лишь подчеркнуть то обстоятельство, что эта перемена в умонастроении неминуемо влиwała новые воды в поток роскоши, который мы намереемся проследить вплоть до его истоков.

* * *

Но если синьор и поддался соблазну роскошной жизни, исходившему со стороны парвеню или двора, то все же в рассматриваемый период именно он придавал роскоши отпечаток, благодаря которому та эпоха, несмотря

¹Ничто так не способствовало у нас извращению идеи честности, простоты и бескорыстия или обращению этих добродетелей в насмешку; ничто так не укрепляло эту злосчастную склонность к роскоши и изнеженности, естественную для всякого человека, но только у нас ставшую второй природой в силу горячности нрава, из-за которой мы с самого начала страстно привязываемся ко всему, что доставляет нам удовольствие; ничто, в частности, не нанесло такого сильного вреда французскому дворянству, как это стремительное обогащение и блистательные успехи Третанов и других дельцов; широко распространилось мнение, что во Франции осталась едва ли не одна дорога к почестям и первым местам, а после их достижения вам уже все простят, все позволят (*фр.*) — *Sully. Mém.* 4. 1752. P. 12 seqq.

на богатевших мясников и дельцов, четко отличается от нашей как эпоха аристократическая.

Мы можем с уверенностью сказать, что в течение всего этого периода — от завоевания венецианцами Константинополя до изобретения Паулем трехтактового двигателя — единый базовый характер оставался присущ роскоши постольку, поскольку она сохраняла *придворно-аристократическую* природу. Тон задает двор или аристократия (остающаяся таковой, несмотря на приток плебейской крови): преобладает то влияние двора, как в XVII столетии (Франция), то влияние «общества», как в XVI и XVIII вв. (Италия и Англия). Но два этих элемента всегда остаются единственными носителями культуры роскоши. В своих собственных глазах и в глазах окружающих эти круги, в которых только и культивируется всяческая роскошь, резко отличаются от буржуазного мира, от этих низов, даже если в них уже скапливаются изрядные состояния. Житель Уэст-Энда и обитатель Сити — дворянин и невежа — даже в Англии отличаются друг от друга если уже и не в старом, политическом, то по крайней мере в ярко выраженном социальном смысле вплоть до конца XVIII в. Об этом говорят все проницательные наблюдатели:

«Лондонцев, проживающих на западе города, обитатели Сити порицают за их праздность, заносчивость, беспорядочный образ жизни и приверженность французским обычаям; они же ничуть не боятся этих насмешек и сами рисуют английского горожанина неотесанной грубой скотиной, всю свою заслугу видящей только в деньгах» (Аркенгольд, 1, 164).

«When I consider this great city in its several Quarters and Divisions, I look upon it as an Aggregate of various Nations distinguished from each other by their respective Customs, Manners and Interests. The Courts of two Countries do not so much differ from one another, as the Court and City in their peculiar ways of Life and Conversation. In short, the inhabitants of St. James, notwithstanding they live under the same Laws and speak

the same language, are a distinct People from those of Cheapside, who are likewise removed from those of the Temple on the one side and those of the Smithfield on the other, by several Climates and Degrees in their way of Thinking and Conversing together».¹

Поэтому, если Шатобриан говорит о своей эпохе: «La court et la ville, les gens de lettres, les économistes et les encyclopédistes, les grands seigneurs et les gentilshommes, les financiers et les bourgeois, se ressemblent: témoin les mémoires qu'ils nous ont laissés»,² — то это может быть справедливо только в отношении «сливок» общества: к «простокваше» же, как Гете называл среднее сословие, это еще не относилось; «буржуа», будь он мелким или крупным, стоял в стороне. Аристократическим остается прежде всего *весь образ жизни*. Все, что связано с деньгами и имеет денежную стоимость, достойно презрения. Хлопотать по хозяйству, сообразовывать расходы с доходами считается буржуазным занятием, каковое представляется нанятым дворецким. Зачем нам и слуги, если мы должны сами заботиться о хозяйстве. Жизнь перестанет приносить радость, если изводить себя приготовлениями. Нуждаешься в том-то и том-то — дай денег казначею, пусть он сам думает, как это приобрести. Пусть он и задолжает поставщику, что с того? Только лавочники полагают, что счета приходят для того, чтобы их оплачивали. И только лавочники взвешивают, могут они позволить себе такие-то расходы или нет.

¹Когда я размышляю об этом огромном городе с его кварталами и районами, я смотрю на него как на скопление различных наций, отличающихся одна от другой особыми нравами, манерами и интересами. Дворы двух разных государств не различаются между собой особенностями стиля жизни и общения так сильно, как отличаются друг от друга здешний двор и Сити. Иными словами, обитатели Сент-Джеймского дворца, несмотря на то, что подчиняются тем же законам и говорят на том же языке, что и жители Чипсайда, в сравнении с ними представляют собой совсем другой народ, который по настрою и уровню своего мышления и манеры вести беседу столь же далек и от населения Темпла, и от населения Смитфилда (англ.). — The Spectator. N 483. 12 June 1712.

² Придворные и горожане, литераторы, экономисты и энциклопедисты, аристократы и дворяне, финансисты и буржуа — все похожи друг на друга: это явствует из мемуаров, которые они нам оставили (фр.).

Но это аристократическое пренебрежение любым сколь бы то ни было упорядоченным хозяйством свойственно и всем спекулянтам: в этом пункте финансовые воротилы соприкасаются со старой знатью; подобно ей, они не ведут учет ни расходам, ни доходам. За одну ночь огромные суммы падают на них с неба, позволяя играючи прожить следующий день. Какой-нибудь счастливый случай уж наверняка вернет все, что было промотано накануне. В том, что касается ведения хозяйства, финансовая верхушка столь же далеко отстоит от мелкого торговца, подсчитывающего каждую копейку, что и феодальная аристократия. Понятие «экономии» ей столь же мало знакомо. Все эти специфически мелкобуржуазные представления, распространяющиеся впоследствии и на буржуазию в целом, богатым слоям раннекапиталистической эпохи еще чужды. По крайней мере тем слоям, которые мы в это время можем считать ответственными за потребление предметов роскоши. Итак, я хотел сказать, что потребление это всюду, даже там, где речь идет о тюркаре, оставалось аристократическим. Поясню, что я имею в виду, на паре примеров.

Вот перед нами, словно во плоти, знаменитый Бассомпьер, типичный представитель своей касты, и о нем нам рассказывают следующую историю:¹ на одном празднике он появляется в костюме из золотой ткани, украшенном пальмовыми листьями, усыпанном жемчужинами; весит это одеяние, по его собственным уверениям, около пятидесяти фунтов (аристократическое, значит помпезно-показное, см. ниже). Потрачено на него было 14 000 экю, из них 700 — только на пошив (плата за изготовление). Когда Бассомпьер заказывал костюм, его портной попросил 4000 экю задатка, и тот ему обещал. Потом он поехал на званый ужин, где шла игра (с 700 экю в кармане). Там он выиграл 5000 талеров, которыми на следующее утро (проявив слабость) расплатился с портным. После этого он продолжил игру и за

¹ *Bassompierre. Mém. 2 sér. T. VI. P. 56 (Coll. Michaud); см.: Frégier Police de Paris 2. P. 34.*

несколько дней выиграл сумму, достаточную для окончательного расчета с портным, и сверх того еще 11 000 талеров. Половина из них (5500) пошла на покупку украшенной бриллиантами шпаги, остальное было потрачено на разные удовольствия.

*Игроки:*¹ Орри де Фальви за один вечер проигрывает 600 000 ливров, Дапен из Шенонсо — 700 000 л., де ла Ге — 800 000 л. (у м-м де Жанлис Фенелону!); сын Парила Монтаня за одну партию в кенз — 80 000 талеров; граф Жан Дюбарри (типичный представитель обнищавшей знати XVIII в.) однажды оставляет за столом 7000 луидоров и похваляется тем, что разменял пятый миллион. К 1717 г. в Париже действовало 62 игорных дома.

*Презрение к деньгам и всему, что в них оценивается:*² маршал Ришелье швыряет в окно набитый деньгами кошелек, потому что внук, которому он его подарил, вернулся, ничего не потратив: там его подберет хотя бы подметальщик улиц. Принц Конти растаптывает каблуком бриллиант, возвращенный ему возлюбленной (поскольку подарок был сделан с известным расчетом), и посыпает порошком непросохшие чернила, которыми написал ей ответ (бриллиант стоил от 4 до 5 тыс. ливров).

Маршал де Субиз тратит 200 000 франков за один день, когда у него гостил король.

М-м де Матиньон платит парикмахеру 24 000 ливров в год, чтобы каждый день у нее была новая прическа.

Тот же самый принц Конти, которого мы видели посыпаящим *billet doux* пылью, оставшейся от благородного камня, терпит нехватку еды и дров при ренте в 600 000 ливров, потому что находит более правильным тратить свои деньги на всевозможные предметы роскоши.

Долги: м-м де Гемне задолжала своему башмачнику 60 000 л. Герцог де Лозен, промотав состояние, принесшее ему 100 000 талеров ренты, делает долгов на 2 млн лир.

¹ *Thirion Vie privée* 292; *Vie privée de Louis XV 1785; Gallier H. de Les mœurs* 1911. P. 85 seqq. (богатый материал).

² Источники у Тэна (*Taine. Origines*. 1. P. 168 seqq.).

Отличное представление о том, как вели свое хозяйство знатные люди той эпохи, дают счетные книги Розы Бертен, которые ныне раскрыл перед нами Эмиль Ланглад.¹ Когда она в начале 1790-х гг. приказала взыскать долги, были предъявлены следующие требования:

К маркизе де Буиль	за 1774–1786 гг.	на 6791 ливров
К графине де Саль	» 1778–1781 гг.	» 1148 »
К графу и графине Дюра	» 1774–1789 гг.	» 7386 »
К Ламарку	» 1774–1775 гг.	» 1558 »
К шевалье де Сен-Полю	» 1778 г.	» 1343 »

Помимо этого, ей за более долгие сроки задолжали: виконтесса де Поластрон — 19 960 ливров, герцогиня де Рошфор — 10 904 ливров, маркиза де Тоннер — 10 946 ливров и т. д., и т. п. В общей сложности знаменитой портнихе, обслуживавшей клиентов только из высших кругов, предстояло взыскать долгов на сумму в 490 000 франков.

* * *

Но и *направление, в котором развивались расходы на роскошь*, тоже определял аристократ.

Мы уже видели, какая *роскошь в одеяниях* царила при дворе, но она-то как раз является характерным признаком аристократического образа жизни вообще. Ничто так не отличало дворянина от простолюдина, как элегантный костюм, который, в зависимости от моды, бывал украшен бархатом, шелком, золотым шитьем или кружевами, а потому стоил довольно дорого, причем в равной мере и женский, и мужской.

О роскошных одеяниях XV–XVI вв. красочнее всего говорят гардеробные описи, многие из которых сохранились до наших дней: например, инвентари Валентины и Елизаветы Висконти, Бьянки Марии Сфорца, Лукреции Борд-

¹ Langlade E. La marchande de modes etc. P. 263 seqq.

жиа и т. д. Лукреция, в частности, получила в приданое 50 платьев из парчи и бархата, украшенных кружевами и золотым шитьем; когда она покидала Рим, ее костюмы и белье вывозили 150 мулов.¹

Произведения искусства во все времена являются для нас прекрасным источником, позволяющим оценить роскошь в одеяниях, равно как и описания празднеств, процессий и т. д. К примеру, Буркардус в своем дневнике (на который я уже ссылался) так рисует картину приезда в Рим неапольского принца Федерико (1492 г.): «Всадники восседали на несказанно прекрасных лошадях, все одетые в золотую парчу, с драгоценностями на груди, на беретах и шляпах. Принц был одет в платье из фиолетового бархата, шею его украшало ожерелье из жемчуга и благородных камней, стоимостью в 6000 дукатов; пояс к мечу в ту же цену, уздечка, вся унизанная жемчужинами и драгоценными камнями, стоимостью в 3000 дукатов и сбруя, позолоченная спереди и сзади».

Ренессансный костюм усложняется в барочный, последний утончается в костюм рококо. Известно, что, к примеру, в Англии в XVII в. элегантная одежда дворянина служила попросту одним из сословных признаков. Господствовавшая в те времена мода отличалась особой элегантностью: высокие рыцарские сапоги подшивали дорогими материями и отделывали кружевом. Мужские одеяния тоже по большей части изготавливались из тяжелых шелковых и бархатных тканей. Смотри ван Дейка!

А каких затрат все это требовало! Герцог Букингемский в 1625 г. располагал двадцатью семью дорогими костюмами из бархата и шелка, украшенными кружевами, жемчугом и т. д., каждый из которых стоил около 35 000 франков. На праздничный костюм, в котором он явился на свадьбу Карла I, пошло примерно 500 000 франков (Вейс). В XVII в. во Франции знатный человек и его супруга тратили на одежду целую треть своих доходов; на туалеты и экипаж — почти половину: 5000 из 12 000 ливров.²

В XVIII в. роскошь в одежде только возрастала: она становилась более утонченной, более рафинированной. Средняя цена элегантного мужского костюма достигала

¹ Polifilo. La guardaroba di Lucrezia Borgia. Dall' Archivio di Stato di Modena, 1903.

² Письмо м-м де Мэнтон к своему брату от 25 сентября 1679 г.; см. также: L'Aulnont A. H. La finance d'un bourgeois de Lille au XVII siècle. 1889. P. 51, 116.

1200–1500 л. Тому, кто следил за собой, полагалось иметь шесть летних и шесть зимних костюмов. Мужские праздничные одеяния стоили до 15000 л. Серая шаль из тонкой шерсти — 70–80 л. за аршин (Барбье).

Роскошество в выборе тонкого белья — эта особая, эротическая роскошь — тоже по-настоящему зародилось и начало развиваться только теперь. Простодушный составитель «Совершенного английского торговца» весьма сокрушается по поводу того, что типичный щеголь его эпохи, «our nicer gentleman»,¹ носил рубашки из льна по 10–12 шиллингов за аршин и менял их по два раза на день! В дедовские времена довольствовались голландским льном, вполонину дешевле, и рубашки меняли два раза в неделю. Нынешние же франты, продолжает ворчать наш свидетель, по-видимому, намного более грязен телом, чем его предки, раз ему приходится столь часто менять белье: «we may suppose their unclearer bodies require it more than those of their ancestors did».²

Броский и пышный характер роскоши как раз и составлял ее аристократичность: помпезные облачения, позолоченные кареты, украшенная галунами одежда слуг, которых держали целыми толпами: эта чрезвычайно многочисленная челядь тоже была одной из черт аристократической роскоши. Она представляла собой то, что осталось от прежней свиты: в явлении этом проступает индивидуалистическая природа аристократической роскоши, которую мы находим преобладающей в ранние периоды. Мы помним, как Адам Смит сетовал на «дурной обычай» своих современников содержать такое количество «непроизводительных рук», которые с таким успехом могли бы прясть хорошую пряжу.

Дошедшие до нас описания сложившейся к тому ситуации фактически подтверждают правомерность сетований Адама Смита. Дефо, которому тоже был глубоко противен этот аристократический обычай, сообщает нам, что даже самые обычные лондонские купцы (very

¹ Наш утонченный джентльмен (англ.).

² Compl. Engl. Tradesman. 2. 1745. P. 328.

ordinary tradesmen) держали у себя двух и более девиц на посылках, а некоторые также слугу, а то и двух; у жены одного торговца было пять прислужниц и один слуга. Голубые ливреи этих служивших лавочникам посылных можно было встретить повсюду, так что их стали называть «торгашескими ливреями», и «джентльмены» старались избегать этого цвета при выборе одежды для своих слуг.¹ Если эта аристократическая роскошь распространилась настолько, что стала предметом ежедневной заботы даже у простолюдинов, то какое же мощное развитие она получила у дворян! Мы уже не удивляемся, услышав, что у одного английского лорда содержалась сотня конюхов.²

И все же иногда огромные цифры, в которых выразилось количество челяди, повергает нас в изумление: герцог де Невер держит 146 человек, Поншартены — 113, герцог де Шуазель — 400 (из них 54 в ливреях),³ м-м де Севинье — от 30 до 40 человек.⁴ Разумеется, выходцы из низов усердно подражали господской роскоши: у одного разбогатевшего художника-пейзажиста, «Миссисипьена», мы обнаруживаем 90 слуг,⁵ и Мерсье сообщает нам как о самом общем случае: «Dans telle maison de fermier-général vous trouverez 24 domestiques portant livrée, sans compter les marmitons, aides-cuisines et 6 femmes de chambre pour madame...».⁶ Об одном тюркаре он рассказывает, что четверо слуг окружали его, когда он пил свой утренний шоколад.

¹ Defoe. Compl. Tradesman. 1727. P. 115, 116, 141.

² Archenholtz. England und Italien. 3. S. 141 ff.

³ См.: Ribbe Ch. de. Une grande dame. P. 137.

⁴ Sevigné m-me de. Lettres.

⁵ По Дюшану: Vallée O. de. Les manieures d'argent. 1858. P. 121.

⁶ В доме такого откупщика вы встретите 24 человека прислуги в ливреях, не считая поварят, кухарок и шестерых горничных для госпожи супруги (фр.). — Mercier. Tableau de Paris. 2. P. 199 seqq.

Наконец, и в *содержательном отношении роскошь* на протяжении всего этого периода была аристократической *по своей сущности*, причем не только в негативном смысле, — в том, что она оставалась недоступной массам и была ограничена узким кругом избранных. Позитивно-аристократической (если можно так сказать) роскошь тех дней была благодаря изысканности форм, которые она принимала всюду, даже у самого последнего выскочки, поскольку он вынужден был подчиниться игу хорошего вкуса, всегда свойственного лишь немногим. Эта роскошь «изысканна», всегда имеет чисто эстетическую, чисто формальную направленность. Ведь рассматриваемый период вмещает четыре стиля: готику, ренессанс, барокко и рококо. Но все это стили благородные, господские; это прежде всего именно «стили», и тем резко отличаются от стиля нашего времени, который, по существу, состоит в отсутствии всякого стиля и потому время это носит на своем челе печать плебейства.

В XVIII в. в Англии возникает что-то вроде «буржуазного» стиля, тут и там уже слышны плебейские тона: Мутер утверждает, что ему удалось распознать эту новую ноту уже в портретах Рейнолдса и Гейнсборо и считает, что она отличает Англию от Франции; мне, однако, кажется, что как раз у этих двух портретистов наиболее отчетливо проявляется аристократическая природа эпохи. Конечно, Сиддон на картине Гейнсборо изображена в повседневном костюме: «на голове большая шляпа, муфта в руке, никаких жемчугов, простая шелковая лента вокруг шеи». Да, это так. И все же! Целый мир отделяет ее от любой нашей современницы и, несомненно, отделял от жен тогдашних обитателей Сити. Не символизирует ли «Портрет полицейского» наступление последних дней аристократической культуры? Ведь это Хогарт: здесь впервые (после краткого голландского периода) слово получает «неотесанная грубая скотина». И все же к свету, который только и надо принимать во внимание при исследовании того, как эволюционировала роскошь, он еще не принадлежал.

А самка? Мы знаем, что, в частности, в XVIII в. в рамках добропорядочного общества было широко принято выделять в хозяйстве средства на любовниц: «*Quel est l'homme qui n'a pas de maotresses?*»¹ — в простоте душевной восклицает один философ того времени, — и, говоря ныне о расточительности этих кругов, мы вполне можем отсюда заключить, что добрая часть расходов приходилась на счет иллегитимной любви, а законным супругам доставалось оставшееся.

Расточительность некоторых великих куртизанок подтверждается дошедшими до нас цифрами. О «любезной Дешан» адвокат Карзилье говорит в своей защитительной речи: «Окружающая ее роскошь повергает в изумление весь Париж. Для нее разрабатываются рудники Голконды. Деньги попросту растут у нее под ногами». Многие любовницы (главным образом богатых финансистов — например, м-м Петипа и м-м Дюфрен) были известны в Париже своей «дерзкой роскошью», *luxe insolente*. И в самом деле, сквозь их пальчики утекали огромные суммы. Возлюбленной другого финансового воротилы, владельца Мезон Руж, — танцовщице из Гранд Опера — удалось выжать из своего любовника 210 000 ливров на сооружения и постройки, 150 000 ливров на украшения, 50 000 талеров на произведения живописи и серебряную посуду.² Ради танцовщицы м-ль Мино юный Шовлен наделал долгов на 1 600 140 ливров 19 су 11 денье; Сен-Жам, казначей морского ведомства, дарит м-ль де Бовуазен украшений и прочих ценных предметов на сумму 1 500 000—1 800 000 ливров и устанавливает для нее ежегодный пансион в размере 20 000 талеров. «Обычное» месячное содержание «лучших» куртизанок составляло 10 000 ливров (2000 экю).³

¹ У кого теперь нет любовницы? (фр.).

² *Thirion. Vie privée.* P. 124.

³ Много цифр приводит Юмбер де Галье (Op. cit. P. 96 seqq.) Важным источником является и книга Пьера Манюэля (*Manuel P. La police de Paris dévoilée* 1794).

Но тесную взаимосвязь между развитием роскоши в ту эпоху и господством самки (замужней или нет — все равно, лишь бы она оставалась самкой) мне хотелось бы показать с большей отчетливостью, чем это позволяют общие соображения и ссылки на расточительность отдельных прелестниц, и потому я хочу рассмотреть эволюцию роскоши более подробно и в наиболее важном ее содержании. Тем самым мы получим и более ясное представление о разнообразных возможностях роскошной жизни при «старом режиме» и сможем еще отчетливее увидеть, как от отдельных затрат на роскошь, точнее, от нагромождения разрозненных случаев увлечения предметами роскоши протягиваются нити к первоначальным структурам капиталистической организации в области торговли и промышленности.

4. Победа самки

Выше я указал на общие черты, свойственные роскоши раннекапиталистической эпохи. Теперь же мне хотелось бы обратить внимание на то, что сама роскошь за эти пять-шесть столетий тоже претерпевает изменения, и показать, в какой большой мере в этих изменениях виноваты женщины (в том их аспекте, с которым мы уже познакомились). Прежде всего мы рассмотрим:

1. Общие тенденции развития роскоши

(Отметим: речь идет о роскоши в данный, строго определенный исторический период, примерно с 1200 по 1800 г., каковой в мировой истории имел место только раз. Все попытки выделить универсальные эпохи в эволюции роскоши, предпринятые, к примеру, Рошером, слишком самонадеянны; не говоря уже об олухах, которые в столь деликатную область, какую представляют собой феномены роскоши, влезают со своим дурно понятым «материалистическим воззрением на историю».)

Среди таких тенденций я различаю следующие:

а) *Тенденция к «одомашниванию»*. В Средние века роскошь носила главным образом публичный характер, теперь она становится частным делом; но и как частное дело она больше развевалась вне дома, чем в нем самом, теперь же она все больше уходит внутрь, становится домашней: женщина уносит ее туда с собой.

Прежде (еще в эпоху Возрождения) — турниры, пышные зрелища, процессии, публичные пиры; теперь — роскошь в стенах дома. Тем самым роскошь утрачивает свой периодический характер и становится постоянной. Нечего и говорить, сколь сильно при этом возрастает потребность в предметах роскоши.

б) *Тенденция к овеществлению*. Мы видели, что в рассматриваемый период роскошь еще носила ярко выраженный личный, и потому количественно ориентированный характер, и констатировали, что в этом выражалось ее аристократическое происхождение, поскольку столь высоко оцениваемая многочисленность челяди являлась пережитком свиты прежних времен. Но со времен Средневековья личностные черты в процессе развития роскоши, вне всякого сомнения, неуклонно слабеют. Раньше роскошество в большинстве случаев исчерпывалось вербовкой многочисленных приспешников, их кормлением и увеселением во время празднеств и т. п. Теперь же многочисленная челядь становится лишь побочным явлением, сопутствующим растущему потреблению предметов роскоши. В этом овеществлении, как я называю описанный процесс, опять-таки была заинтересована женщина. Ведь от созыва многочисленной мужской свиты для нее гораздо меньше проку, чем от более пышного одеяния, более удобного жилища, более дорогих украшений. Такая перемена имеет и большое экономическое значение; Адам Смит сказал бы, что здесь осуществляется переход от «непроизводительной» роскоши к «производительной», потому что в более ранней, персональной роскоши оказываются задействованы «непроизводительные» руки, в более же поздней, овеществленной — «производительные» (в капиталистическом

смысле, т. е. как наемные работники в капиталистическом предприятии). И в самом деле, овеществление потребности в роскоши имеет основополагающее значение для развития капитализма.

Рука об руку с этим овеществлением роскоши развертывается и

с) *Тенденция к утонченности, к роскоши чувственного характера*, преследуемая самкой с особой энергией. Под тенденцией к роскоши чувственного характера я понимаю процесс, ведущий к тому, что роскошь все меньше служит каким бы то ни было идеальным жизненным ценностям (скажем, искусству) и все больше — низменным, животным инстинктам. Процесс, которому Гонкуры дали однажды такую характеристику: «La protection de l'art tombe aux ciseleurs de bronzes, aux sculpteurs ou bois, aux brodeurs, aux couturières»¹ и т. д. Так они хотели определить разницу между временами Дюбарри и Помпадур. По моему мнению, эта перемена (опять-таки крайне важная в экономическом отношении) в большей мере характеризует переход от XVII столетия к XVIII, т. е. победу рококо над барокко. Но победа эта означала не что иное как окончательный и полный триумф самки. Утверждение этого подчеркнуто женского стиля во всех областях культуры в достаточной мере доказывает справедливость отстаиваемого здесь тезиса. Сияющий лик одержавшей победу самки и в самом деле смотрит на нас со всех произведений искусства и художественного промысла той эпохи: с зеркал трюмо и лионских подушек, с небесно-голубых шелковых покрывал на кроватях под белыми тюлевыми занавесками, с нежно-голубых нижних юбок, с серебристых шелковых чулок и одеяний из розового шелка, с кокетливых, отороченных лебяжьим пухом пеньюаров, со страусовых перьев и брабантских кружев, — со всего, что впоследствии Патер (как выразился Мутер, этот несравненный знаток рококо, у которого мы заимствовали

¹ Оказываемое искусствам покровительство ограничивается чеканщиками по бронзе, резчиками по дереву, вышивальщиками и парикмахерами (фр.).

и вышеприведенные слова) сводит воедино в «салонной симфонии».

С тенденцией к чувственному теснейшим образом связана тенденция к утонченности. Утончение означает здесь рост затрат живого труда при изготовлении той или иной вещи, означает, что в процессе изготовления материал пропитывается, насыщается все большим количеством труда (если утонченность не ограничивается одним лишь использованием редких материалов). Но тем самым существенно расширяется и пространство, в котором разворачивается капиталистическая индустрия, а равно и капиталистическая торговля (например, поставка материалов, не встречающихся в данной местности).

d) *Тенденция к концентрации* — главным образом во времени. Концентрация происходит и когда мощный прогресс роскоши разворачивается в рамках отмеченного периода времени: потребляется множество предметов роскоши, испытывается множество удовольствий; и когда прежде периодические пышные празднества становятся постоянными: годовщины превращаются в регулярно возобновляемые торжества, юбилейные процессии — в многодневные маскарады, пиршества по особо торжественным дням и ежеквартальные попойки — в повседневные обеды и ужины; и когда (что мне хотелось бы отметить особо) «предметы роскоши» начинают производиться за более короткий срок, чтобы скорее послужить человеку, их приобретающему.

В Средние века производство, как правило, длилось долгое время: изготовители годами и десятилетиями занимались одним делом, трудились над одной вещью; никто не торопился узреть ее в полностью завершенном виде. Ведь и жили в те времена так долго именно потому, что жили в рамках некоего целого: церковь, монастырь, городская община или род в целом, несомненно, увидели бы завершение работы, даже если отдельный индивидуум, ее заказавший, уже давно истлел в могиле. Сколько поколений работало над Чертоза в Павии! Миланское семейство Сакки на протяжении трех веков, т. е. восьми поколений трудились над инкрустациями и интарсиями

алтарных плит. Любой средневековый собор или монастырь, любая ратуша или крепость свидетельствуют об этом: их возникновение намного перекрывало сроки жизни отдельного человека, они возводились веками, поколениями, полагавшими, что будут жить вечно.

С тех пор как индивидуум вырвался из пределов общности, превосходящей его по сроку жизни, именно его *собственные* сроки становятся мерилom его наслаждений. Отдельный человек хочет сам испытать как можно больше переживаний от превратности вещей. Даже король становится слишком самостоятельным: он сам еще хочет пожить в заложенном им замке. Когда же господство над этим миром переходит к женщине, темпам, с которыми доставляются средства для удовлетворения потребности в роскоши, придается новое ускорение. Женщина не может ждать. И уж тем более влюбленный в нее мужчина. Какова перемена в образе жизни:

Мария Медичи приказывает возвести Люксембургский дворец в неслыханно короткие сроки — всего за пять лет!¹

Строительство Версальского дворца ведется днем и ночью: «Pour Versailles, il y a deux ateliers de charpentiers, dont l'un travaille le jour et l'autre la nuit», — сообщает сам Кольбер.²

Граф д'Артуа приказывает заново отстроить Багатель, намереваясь устроить там праздник для королевы, и задействует в строительстве 900 человек днем и ночью. Когда ему кажется, что дело идет не слишком быстро, он посылает своих распорядителей на гужевую дорогу перехватывать повозки с камнем и известняком.

Но все эти перемены предстанут перед нами в намного более ярком свете, если в дальнейшем мы попытаемся проследить, как обстояли дела в отдельных, наиболее важных отраслях роскоши. Вместе с тем мы впервые по-

¹ Lübke W. Geschichte der Renaissance Frankreichs. 1868. S. 287.

² В Версале действовали две плотницкие мастерские: одна работала днем, другая ночью (фр.). — Lettres, instructions et mémoires de Colbert, publ. par P. Clément (Coll. des doc. inédits. IIIe série. T. 8. P. XLV).

лучим и адекватное представление о том количественном, а потому, как всегда, наиболее важном для экономики значении, которое присуще изменениям в приобретаемых роскошью формах.

2. Роскошь в стенах дома

а) *Роскошь в еде* сформировалась в Италии в XV–XVI вв., когда там наряду с другими искусствами возникло искусство «кулинарии». Прежде роскошествовали только в обжорстве; теперь же утонченность проникла и в это удовольствие, утвердив и здесь качество на месте количества.

От Италии роскошь в еде, как и вообще всякая роскошь, передалась Франции, где и достигла подлинного расцвета в конце XVI в. Проследить эту ее эволюцию навряд ли возможно, не написав отдельную большую работу о приготовлении блюд, которая, однако, выходила бы за рамки данного исследования. Здесь же, подобно тому как это было сделано в других случаях, мне хотелось бы задать только один вопрос: не должны ли мы за развитие кулинарного искусства и тем самым за распространение кулинарной роскоши быть благодарны опять-таки самке?

В психологическом и физиологическом аспекте дело выглядит «спорным»: в сколь близком родстве состоят между собой искусство любви и искусство приготовления пищи? Мы склонны в какой-то степени противопоставлять друг другу эотику и гурманство, когда, к примеру, периоды жизни мужчины определяем как «возраст любви», «возраст честолюбия» и «возраст чревоугодия». Люди, подобно Канту, напрочь отрицавшие эотику, слыли большими гурманами. Но мне все-таки кажется, что если бы вкус наш не утончился и не сделался вообще более чувственным благодаря влиянию женщины, мы никогда не достигли бы высоких степеней и в развитии кулинарного искусства. Не проявляется ли в том страстном чревоугодии, которое мы подмеча-

ем у старых холостяков, как раз «вытеснение» эротических влечений? Так что у мужчины гурманство соответствует любви к кошкам, одолевающей старых дев? Это тоже следовало бы проверить.

Мне представляется, что ясно сегодня только одно: существует связь между потреблением сладостей и женским господством. Мы можем отчетливо видеть ту линию, которая и поныне ограничивает зону самки: это та самая линия, которая страны, где хорошо выпекают пирожные и кексы, отделяет от стран, где это делают плохо — в Италии, Австрии, Франции и Польше это замечательные сласти, в Северной Германии — холодный пудинг, в Англии — печенье альберт.

Но эта связь феминизма (старого стиля) с сахаром приобрела чрезвычайно большое значение для экономической истории: поскольку в раннекапиталистическую эпоху над миром господствовала самка, постольку сахар быстро сделался излюбленным деликатесом, и только потому, что он распространился повсюду, всеобщим спросом вскоре стали пользоваться и такие возбуждающие средства, как кофе, какао и чай. Торговля же этими четырьмя артикулами и производство какао, кофе и сахара в европейских колониях, а также переработка какао-бобов и очистка сахара-сырца в Европе занимают в развитии капитализма очень обширное пространство.

То, что нам известно об истории этих продуктов вкусовой промышленности и об их укоренении в Европе, целиком и полностью подтверждает правильность сделанных общих выводов. В той мере, в какой эта история совпадает с историей сахара (а дело по большей части так и обстоит), хорошим источником представляется книга Эдмунда фон Липмана,¹ из которой главным образом и заимствованы нижеследующие данные.

¹ *Lippmann E. O. von. Geschichte des Zuckers, seine Darstellung und Verwendung seit den ältesten Zeiten bis zum Beginne der Rübenzuckerfabrikation. 1890.*

Первые упоминания о сахаре относятся к XIV веку; в качестве излюбленного деликатеса он утвердился в Италии в XV в. Сегодня, пишет Панцироллус, ни одно праздничное застолье не обходится без обилия всевозможных сахарных изделий; они имитируют отдельные фигуры и группы фигур, птиц и четвероногих, чудеснейшие плоды, сохраняющие свои природные краски; ремень, пиниоли, корица и другие пряности, к восхищению всего человечества, используются в качестве примесей при засахаривании; без сахара уже почти ничего не едят; сахар содержится в пирожных, сахар — в вине; пьют все уже не простую воду, а подслащенную; мясо, рыбу и яйца готовят с добавлением сахара; короче говоря, его используют уже ненамного реже, чем соль!

Посредницей, причувшей французское общество к потреблению сахара, опять-таки была Екатерина Медичи. Помимо прочего, нам сообщают, что итальянская свита этой государыни впервые познакомила Париж с искусством употребления ликеров, которое в дальнейшем сами французы довели до высших степеней. Одной из наиболее почитаемых марок в ту эпоху было «Венерино масло» (*huile de Venus*), приготавливаемое из алкоголя, сахара и шафрана. Уже трактат о сельском хозяйстве, авторство которого принадлежит Этьену, убеждает нас в том, что потребление сахара получило очень широкое распространение. Шампье Лабрюйер, личный врач Франциска I, уже в 1560 г. называет сахар незаменимой вкусовой добавкой, потребляемой, разумеется, только в высших кругах общества, поскольку он дает своим словам такое пояснение: «ибо люди, ведущие утонченный образ жизни, не едят ничего, что не было бы обсыпано сахарной пудрой». Точно так же и в Англии конфеты, желе, мармелад, засахаренные лимоны, апельсины и имбирь, а также сахарные замки, корабли и прочие фигуры уже в XVI в. считались неотъемлемыми составляющими любого изысканного стола.

Благодаря сахару с начала XVII в. в Европе входит в обычай потребление какао, кофе и чая: они становятся любимыми напитками прежде всего в аристократических кругах, в частности при дворе. Кофе, к примеру, начал пользоваться спросом во Франции лишь после того, как Лю-

довик XIV отведал его, принимая посольство султана Мухаммеда IV в 1670 г., после чего и ввел его употребление в придворных кругах. Впоследствии вокруг этого возбуждающего напитка в общественных кофейнях складывается новая роскошь, характерная для крупных городов, о которой речь еще пойдет ниже.

б) *Роскошь в мебелировке.* Развертывание жилищной роскоши находится в теснейшей связи с подробно рассмотренным нами развитием крупных городов. Именно крупный город в основном и способствовал тому, что уже в эпоху Возрождения, но особенно с конца XVII в. роскошные апартаменты и предметы обстановки стали предметом все большего вожделения. Объяснялось это, во-первых, сужением жизненного пространства, к которому неизбежно приводило скопление обширных масс людей в одном месте; во-вторых, дальнейшим исчезновением роскоши, которой была свойственна личностная окраска, тоже неизбежным, коль скоро сеньор выбирал город в качестве своего местожительства. Эти внутренние и внешние ограничения, налагаемые в городе на жизненный уклад богатых людей, в свою очередь приводили, если можно так выразиться, к интенсификации роскоши, которая, как мы видели, с одной стороны, овеществлялась, а с другой — становилась более утонченной. То, что произошло с роскошью в еде — ее подъем, вызванный совершенствованием техники приготовления пищи, — в крупном городе происходило и с роскошью жилища: место просторных, но пустых крепостей заняли более тесные, но наполняемые все бóльшим количеством ценных предметов городские квартиры: на смену дворцам пришли «палэ».

В дальнейшем этот, как мы сказали, городской образ жизни был перенесен и за пределы города: появляются сельские дома, обставленные с городской эlegantностью: загородные «виллы», которые, таким образом, как и в древности, становятся прямым следствием городской жизни. Роскошь благодаря этому достигает самых отдаленных уголков страны, которая и в этом отношении на-

чинает зависеть от большого города и господствующих в нем жизненных условий.

Когда мы читаем описания богатых городских и загородных домов, скажем, во Франции или в Англии, оставленные нам современниками на исходе XVII и на протяжении XVIII столетия, мы поначалу думаем, что авторы во многом преувеличивают, — пока частое повторение одних и тех же суждений не убеждает нас в том, что роскошь жилища в те времена, по-видимому, действительно достигла такого уровня, который даже с точки зрения нашей нынешней столь кичливой эпохи кажется попросту грандиозным. Тогда мы вспоминаем те останки мебельного великолепия эпохи барокко и рококо, которые сегодня выставлены на продажу у торговцев антиквариатом, вспоминаем изображения предметов обстановки тех лет, приводимые в книгах по истории искусства, и понимаем, что все это, ныне представляющее нашему взору лишь в виде разрозненных предметов, — все равно, на репродукциях или в действительности, — что все это некогда представляло собой единое целое и заполняло апартаменты какого-нибудь маркиза или финансового барона «старорежимных» времен. Но вспоминаются нам и те огромные суммы, которые тюркаре, как мы видели, тратили на благоустройство своего жилища.

* * *

Но кто же заставлял мужчин создавать все это великолепие? Чтобы ответить на этот вопрос, не нужно долго размышлять: квартира, в которой проживали представители благородного общества «старого режима», была гнездом, которое самка устроила с великим старанием и великой предусмотрительностью, чтобы приковать к себе мужчину: об этом со всей ясностью, какой только можно желать, свидетельствует история квартирной мебелировки.

Если уж мы так много говорим об эротике миннезингеров, — где в ту эпоху могла разыгрываться любовная жизнь? По преимуществу в лесах. Ибо крепости, конечно же, были не тем местом, где можно было провести в постели часок-другой. В любом случае под любовными утехами в те времена, по всей видимости, понималось нечто совсем другое, чем у нас сегодня. Готика и эротика хотя и рифмуются, но плохо подходят друг другу. Нет, Ренессанс и здесь впервые создал внешние условия для формирования принципиально нового образа жизни.

Все, что мы сегодня понимаем под элегантно и комфортно-квартирной обстановкой, впервые было создано в Италии в XV–XVI вв. — создано Ренессансом, который по самой своей сути больше соответствовал требованиям повседневной жизни, чем «односторонний и вымученный» декоративный готический стиль: появляются мягкие, упругие кровати, в употребление входят дорогие ковры, «про туалетные приборы, о которых больше пока нигде не говорится, легче всего узнать от новеллистов. Разнообразие и великолепие постельного белья упоминается особенно часто...»¹ и т. д. Убранство женщины! Скорее даже убранство куртизанки! Возможно, первым жилым домом в современном смысле слова, в котором удачно сочетались уют и художественный вкус, была Фарнезина — загородная вилла богатого финансиста Агостино Киджи, построенная для его любовницы, прелестной венецианки Морозины. Какова дистанция — сравнить эту роскошную обитель куртизанки хотя бы с дворцом Павла II, с которого началась новая римская архитектура: «Изящество и искрометная чувственность сделались потребностью у нового поколения» (Грегоровиус), потому что оно уже было пленено женщиной. Именно там, в Риме XVI столетия, рождается современный стиль жилищной обстановки. О дворце другой куртизанки уже знакомой нам Империи, мы читаем: «Ковры, живописные полотна, вазы и изящные украшения, изысканные книги, прекрасная ренессансная мебель

¹ *Burckhardt. Kultur der Ren. 2. P. 117.*

разливали по ее комнате такой блеск, что благородный испанский посланник однажды плюнул там в лицо слуге, просто потому что не нашел другого места для удовлетворения этой потребности».¹

Меблировка великих куртизанок становится в это время образцом обустройства всякого жилища и остается таковым, как мы еще увидим, на протяжении всех следующих столетий. В Венеции, к примеру, достопримечательностью считались апартаменты Анджели Дзаффетты: «Анджела жила в палаццо Лоредан, обставленном с поистине королевской пышностью. Фландрские ковры, парчовые драпировки, позолоченная кожа покрывали стены, в некоторых залах встречались даже росписи самых знаменитых художников. Полы были устланы турецкими коврами, на столах — прошитые золотом скатерти. Резная, украшенная инкрустациями мебель наполняла многочисленные салоны, на столиках для напитков стояли серебряные сосуды, майолики из Фаенцы, Кафаджоло, Урбино и стаканы из дорогого венецианского стекла. Хозяйка, известная своим хорошим вкусом, украсила все комнаты картинами, дорогим оружием, книгами в прекрасных переплетах, мандолинами и прочими драгоценностями».²

Можно, пожалуй, сказать, что в эпоху барокко стиль стремится освободиться от всепокоряющего влияния женщины. Но даже этот величественный стиль ей удается подчинить своему игу: *она добавляет к нему зеркало*, о котором, когда оно впервые стало использоваться в качестве комнатного украшения, один восторженный бард сложил стихи, в коих выразилось верное наблюдение:

Dans leurs cabinets enchantés
L'étoffe ne trouve plus place;
Tous les murs des quatre côtés
En sont de glaces incrustés;

¹ Gregorovius. G. d. St. R. 8e. P. 290–291.

² Chledowski C. Rom. 1912. S. 377. Там есть и другие описания подобного рода жилищ.

Chaque côté n'est qu'une glace.
Pour voir partout leur bonne grâce
Partout elles veulent avoir
La perspective d'un miroir.¹

Для того чтобы поуютнее обставить жилое пространство и удержать в нем мужчину, изобретались и другие средства: женщины наполняли комнаты благовониями и украшали их цветами. В корне неправильно было бы полагать, что во дворце м-м де Рамбуйе царили сдержанность и холод. Одна гостья, подруга хозяйки м-ль Сюдери, оставила нам следующее описание: «*Tout est magnifique chez elle et même particulier; les lampes y sont différentes des autres lieux. Les cabinets sont pleins de mille raretés... l'air est toujours parfumé dans son palais; diverses corbeilles magnifiques, pleines de fleurs, font un printems continuel dans sa chambre*». ²

И всегда самым дорогим предметом мебелировки остается кровать: м-м де Монтеспан дарит м-м де Мэн кровать стоимостью в 40 000 ливров, «*et trois autres encore très magnifiques*». ³

О том, какой степени совершенства достигала роскошь мебелировки в ту или иную эпоху, мы всегда можем узнать по тому, как были обставлены жилища царивших в то время королевских любовниц: кульминацией этого процесса в пору барокко является, конечно, Версаль, который у всех перед глазами, хотя понятно, что здесь для создания самого прекрасного из чудес, когда-либо произведенных руками человека, наряду с женской любовью действовали и многие другие побудитель-

¹ В их изумительных покоях тканей уже не встретишь; стены со всех четырех сторон выложены зеркальным стеклом; каждая стена — только стекло и ничего больше. Они желают, чтобы отовсюду была видна их грациозность, и всюду устраивают зеркальную перспективу (*фр.*). — Ренье Демаре; цит. по: *Fournier. Le vieux neuf. 2. P. 147.*

² Всюду у нее великолепие и в то же время уют; лампы в каждой комнате другие. Кабинеты уставлены сотнями раритетов... воздух в ее дворце всегда освежен благовониями; изящные корзинки с разнообразными цветами наполняют ее покои ароматом вечной весны (*фр.*).

³ И еще три других, весьма роскошных (*фр.*). — *Lettres de m-me de Sévigné. 26 Novbr. 1694.*

ные причины. Личные же апартаменты королевских фавориток, где и в эпоху барокко распускались самые изумительные соцветия роскоши, были порождением одних только любовных капризов. Я имею в виду, к примеру, дворец герцогини Портсмутской (одной из последних фавориток Карла II), о котором один очевидец рассказывает: «Мое удивление вызвало прекрасное и богатое убранство этого жилища, которое много раз сносилось и перестраивалось, чтобы угодить капризам и расточительности этой дамы, в то время как Ее величество королева тратила на свое хозяйство не больше, чем обычные дворянки... Там я увидел новейшие произведения французского ковроткачества, отличающегося красотой узора, тонкостью работы и небывалой производительностью, превосходящими все, что я когда-либо видел... Далее следовал кабинет, уставленный покрытой японским лаком мебелью, ширмами, часами, серебряными вазами, столиками, этажерками, каминным гарнитуром, жаровнями, все в массивном серебре и в бесчисленных количествах, и наконец, украшенный несколькими замечательными портретами Его величества».¹

Хорошо известно, что рококо, этот исключительно эротический стиль, впоследствии исчерпал себя именно в отделке роскошной мебелировки. Последним словом, которое нам смог сказать этот век, был Люсьен: гнездышко, которое вил для Дюбарри Людовик XV и при виде которого Гонкуры восклицают: «*Luciennes! ne dirait on pas le palais d'une de ces souverainetés falotes, comme nous en montrent les livres du dix huitième siècle en ces turqueries où règne soumis aux caprices d'une odalisque favorite le bon plaisir baroque d'un sultan fantoche?*»²

Но и каждый состоятельный человек, которому это позволяли средства, в уменьшенном виде возводил та-

¹ *Evelyn. Memorials.* 1. P. 562. Цит. по: *Savine A. L.* с. P. 160.

² Люсьен! разве сей дворец, возведенный в одно тех веселых правлений, что известны нам по книгам восемнадцатого столетия, повествующих об этой дикости, когда государство подчинялось капризам избранной одалиски, не был нелепой причудой султана-самодержца? (*фр.*) — *Goncourt E. et J. de. La Du Barry.* 1909. P. 133.

кой Люсьен для своей возлюбленной: типичным малым замком такого рода является Багатель в Булонском лесу, который супруга испанского гранда, маршала д'Этре получила от него в подарок в начале XVIII века и который впоследствии перешел в руки м-м де Монконсель, чья любовная связь с польским королем Станиславом и нашла прибежище в этом месте. Многочисленные жилища менее знатных любовниц, назывались, как известно, «*petites maisons*»,¹ и в «домиках» этих то же самое искусство доводило отделку комнат до высшей утонченности и изысканности.²

Небывалый прогресс, достигнутый в области жилищной мебелировки в XVIII в., воспринимался современниками как что-то из ряда вон выходящее: «Убранство комнат отличается преувеличенной и совершенно неуместной пышностью», — считает Мерсье, завершающий свое описание роскошных построек той эпохи следующими словами: «*La magnificence de la nation est toute dans l'intérieur des maisons*».³

Другой современник согласен с Мерсье: «Мебель стала главным предметом роскоши и требует огромных расходов. Каждые шесть лет квартира обставляется заново, чтобы извлечь пользу из всего, что нового было изобретено в сфере изящного и элегантного».

В Англии жилищная роскошь была развита даже сильнее, чем во Франции (хотя чисто феминистический оттенок парижских *petites maisons* здесь, по-видимому, отсутствовал). Один толковый наблюдатель оставил нам такую зарисовку с домов богатых англичан:

«Пышность, с которой знатные англичане украшают свои жилища, оставляет позади все, что из того же рода можно найти в Европе. Лестницы устелены пестрыми коврами, перила из красного дерева украшены изящнейшей резьбой, а над ними парадный строй больших хрустальных ламп, увитых металлической листвой; на лестничных

¹ Домики (*фр.*).

² См. описания спален у Тирьона (*Thirion*. P. 348 seqq., 352 seq.).

³ Все величие нации было сведено к интерьеру жилищ (*фр.*).

площадках бюсты, картины и медальоны; сверкающие лаком и золотом комнаты со статуэтками и развешанными на стенах живописными полотнами; камины из редчайших пород мрамора с роскошными капителями, на которых установлены величественные фигуры, вазы и т. п.; угольная сажа на до блеска отполированной стали с бронзовыми украшениями... дверные замки, весьма искусно сработанные из стали и золота; ковровые дорожки, которые нередко стоят по сотне фунтов стерлингов за один зал... оконные занавески из дорогих ост-индских тканей; роскошные часы самого разного вида, в которых собраны все достижения механики» и т. д.

Аркенгольц, Англия и Италия, 1 (1787), 170

О загородных домах тот же свидетель сообщает нам аналогичные сведения, подтверждаемые множеством других описаний.

* * *

Внимательно читая сочинения XVIII в., повествующие о роскошном образе жизни богатых людей, рассматривая изображения дворцов той эпохи и их внутреннего убранства, разыскивая по улицам старой Вены, старого Лондона и старого Парижа монументальные частные постройки, возведенные до 1800 г., получаешь вполне достоверное представление о размахе и мощи тогдашней домостроительной роскоши. Но хотелось бы, чтобы это представление опиралось на какие-то цифры, что, однако, чрезвычайно трудно осуществить.

Вот передо мной иллюстрированный сборник с видами загородных резиденций английских дворян и джентри, изданный в двух внушительного объема томах в 1779 г. Он содержит изображения 84 замков и их описания. Должен сказать, что вид этих 84 господских поместий производит весьма сильное впечатление и что само это число уже позволяет составить некоторое суждение о масштабах скопившейся в них роскоши, особенно если принять во внимание сведения из описаний отдельных замков. В качестве примера выберу замок графа Окс-

фордского (Хаутон в графстве Норфолк): строительство было начато сэром Робертом Уолполом в 1722 г. и закончено в 1735 г. Длина его, вместе с флигелями, составляет 500 футов; центральный корпус имеет в длину 165 футов. Главные помещения: салон (40 футов в длину, 40 футов в высоту и 30 футов в ширину); обои из расписанного розами вельвета; потолок расписан Кентом; камин и столы из черного и желтого мрамора; зал представляет собой помещение в 40 кубических футов с каменной галереей по трем сторонам; потолок и фриз расписывал Альтари; гостиная площадью 30 на 32 фута, завешенная желтым каффуа, отделанная гиббоновской резьбой и т. д., и т. д.; завершает перечисление еще одна галерея: 71 фут в длину, 21 фут в ширину и столько же в высоту, драпированная в норвичскую камку.

О размахе, какого строительство в XVIII в. достигло в Париже, нам кое-что сообщает Мерсье: по его мнению, за последние десятилетия этого века было построено 600 дворцов, «внутреннее убранство которых, сдается, было делом рук волшебниц, потому что воображению уже не по силам превзойти столь изысканную роскошь». В его эпоху припеваючи в Париже жили прежде всего носители трех званий — банкиры, нотариусы и строительные подрядчики (*entrepreneurs de bâtiment*). Возводились целые кварталы, сплошь состоявшие из одних роскошных дворцов.¹

На эти сведения тоже можно опереться, если и здесь принять во внимание то великолепие, с которым, как мы уже видели, сооружались отдельные здания и меблировались жилища.

3. Роскошь в городе

В большом городе тяга к роскоши все время росла; причины этого явления я уже указывал, и действительность их подтверждают лучшие наблюдатели той эпохи,

¹ См. интересное место у Монтескье (*Montesquieu Ch. E. d. L. Liv. VII. Ch. I*).

такие как Монтескье во Франции и Мандевилль в Англии; именно поэтому крупный город способствовал и увеличению потребности в роскоши. О том, в какой мере город с его претензиями начал в то время влиять на жителей провинции, насколько решительно он менял их жизненные привычки, приучал тратить деньги на роскошь, «взвинчивать» свои жизненные стандарты, наглядно свидетельствует Пьер де Каде, поместный дворянин, записавший в своей домовой книге следующую историю:

«Mon grand-père voulut aller à Paris et dans un an il dépensa 14000 livres, ce qui fit dire à son père qu'une paire de lunettes, qu'il luy apport en present, lui coûtait 14 000 livres. Il y avoit déjà un équipage dans la maison et quatre chevaux blancs; mon grand père vint de Paris avec un grand goût pour les chevaux de main... Il avoit amené de Paris un valet de chambre, du quel son père disoit, en badinant, qu'il n'asoit lui demander à boire, le voyant mieux vêtu que luy».¹

Но свое значение для развития роскоши крупный город приобретает прежде всего потому, что создает совершенно новые возможности для ведения беззаботного и пышного образа жизни. Празднества, до сих пор устраиваемые только придворными в замках государей, он распространил на широкие слои населения, которые теперь тоже создали для себя места, где предавались своим удовольствиям. Когда в конце XVIII в. в гостях у князя Монако умер герцог Йоркский, тот по приглашению короля прибыл в Англию, и увидев там вечером на улицах и в витринах лавок, остававшихся открытыми

¹ Мой дед захотел поехать в Париж и за один год потратил 14 000 ливров, своему отцу он сказал, что пара очков, которые он привез ему в подарок, как раз обошлась в 14000 ливров. Дома у него уже был экипаж с четырьмя лошадьми белой масти; дед вернулся из Парижа, научившись там разбираться в лошадях... Оттуда же он привез камердинера, о котором его отец в шутку говорил, что не решился бы попросить его принести воды, считая его более старым, чем он сам (*фр.*). — См.: *Ribbe Ch. de. Une grande dame dans son menage au temps de Louis XIV d'apres le journal de la comtesse de Rochefort. 1689. Paris. P. 167.*

до десяти часов, множество огней, вообразил, что вся эта иллюминация устроена в его честь. В этом анекдоте явственно отражается коренная перемена, которая, конечно же, еще лишь намечалась в те времена: на смену исключительно приватной роскоши приходит роскошь коллективная. Начинается коммунизация самого образа жизни, собственно характерная только для следующего периода развития народного хозяйства; здесь мы лишь вкратце ее коснемся и констатируем, что это важное следствие влияния крупного города, — из-за чего мы и упоминаем о нем в этом месте, — некогда ограничивалось исключительно рамками потребности в роскоши; что нововведения поначалу затрагивали только высшие круги общества. В становлении развертывающейся в крупных городах роскоши опять-таки чрезвычайно большую роль играет самка.

Во внимание тут главным образом нужно принять следующее:

1) *Театры*, прежде всего изысканные оперные театры, с большой пышностью строившиеся сначала в Италии, а потом появившиеся и в остальных крупных городах Европы: эпоху в истории театрального строительства составил театр Сан-Карло, возведенный в Неаполе в 1737 г. В Париже с 1673 г. действовали: Опера, или Королевская академия музыки, после смерти Мольера дававшая свои представления в Пале-Рояле; Комеди Франсез, 18 апреля 1689 г. переехавшая в новое здание на улице Сен-Жермен-де-Пре; и Комеди Итальян, игравшая свои спектакли в Бургонском отеле (с перерывом на 1697–1716 гг.).¹

Поначалу это были главным образом придворные театры, в которые, кроме самого двора, допускалась только приглашенная публика; но постепенно их двери распахнулись для всех, кто мог заплатить за входной билет. Однако и после этого лучшие театры еще долгое

¹ *Léris de. Dictionnaire... des Théâtres. 1763. P. XX seqq. См. также: Casse A. de. Histoire anecdotique de l'ancien théâtre en France. 2 Vol. 1862–1864 (главным образом, по истории литературы).*

время оставались исключительно местом встреч людей высшего общества, коим там предоставлялся еще один повод пофлиртовать и блеснуть своими нарядами.¹ Капон говорит о Париже: Королевская академия музыки (т. е. Опера) сделалась не чем иным, как «публичным домом для аристократов».

2) Публичные *музыкальные павильоны и балльные залы* (как мы их именуем сегодня), впервые с большим размахом открытые, по-видимому, в Лондоне и своей изысканностью привлекавшие всех жителей, а тем более гостей этого города. «Пантеон», самое большое и наиболее популярное из этих зданий, Дефо описывает в следующих словах:

«Nor should the Pantheon be forgotten, which in taste, magnificence and novelty of design and decoration may be pronounced superior to any thing of the kind in Europe. Its principal room is truly magnificent: it is lighted by a central dome of a considerable magnitude... The circumjacent apartments are also finely ornamented with whatever the invention of modern luxury can suggest...»²

В этом Пантеоне каждые две недели устраивался концерт, «а по его завершении бал, на который пускали любого, кто позаботился о приобретении входных билетов», — особо отмечает Дефо, поскольку в его эпоху такое времяпрепровождение еще несомненно было в новинку. Наряду с театрами и концертными залами существовали еще и

3) шикарные *рестораны*, таверны, которые в XVIII в. тоже были еще отличительной чертой одного только

¹ По истории Англии XVII в.: The character of a town Gallant; Некоторые места приведены у Савина (*Savine A. La cour galante de Charles II. P. 130 seqq.*).

² Нельзя обойти вниманием и «Пантеон», который по стилю, убранству и новизне дизайна и декораций, пожалуй, превосходил все подобные здания в Европе. Главный зал был поистине великолепен: освещала его центральная люстра внушительных размеров... Расположенные вокруг комнаты тоже были искусно украшены всем, что только может подсказать изобретательности нынешняя роскошь (*англ.*). — *Defoe-Richardson. A Tour through the island of Great Britain etc. 8 ed. 2. 1778. P. 92–93.*

Лондона; парижане, к примеру, могли только завидовать таким увеселениям. Замечательное описание лондонских таверн нам оставил Аркенгольц:¹ «По желанию в этих тавернах можно отужинать в отдельных кабинетах, где собираются более или менее многочисленные компании, с женщинами или без. Последних, однако, нужно приводить с собой; не принято в них и оставаться на ночлег, поскольку это относится только к обычаям *bagnios*». *Bagnios*, еще одна лондонская достопримечательность, представляли собой, собственно говоря, обычные бани; «но по-настоящему они предназначались для удовольствий публики обоего пола. Их помещения отличались *пышной, иногда просто королевской мебелировкой*. Все, что только могло служить услугой для чувств, можно было либо найти там, либо заказать» (через старшего официанта). «Англичане и в удовольствиях сохраняют свою серьезность, ввиду чего в таких домах с почти невообразимой важностью и обстоятельностью заключаются всевозможные сделки».

В аристократических ресторанах и связанных с ними частных салонах тратились такие большие суммы, «что они до некоторой степени оправдывают высказывание знаменитого Бомарше, который был достаточно знаком с мотовством парижан и тем не менее изумлялся сладострастию лондонцев, утверждая, что за один зимний вечер посетители лондонских *bagnios* и таверн тратили больше, чем требовалось бы на полугодовое содержание семи объединенных провинций» (Аркенгольц).

Впрочем, в Париже в XVIII в. тоже не было недостатка в роскошных ресторанах: самыми «шикарными» слыли Бовильер, Юре и Английская таверна.² Располагались они в Пале-Рояле, средоточии всей «светской жизни», из чего можно сделать вывод об их характере.

4) Вплоть до конца XVIII в. *гостиницы* тоже оставались пристанищем роскоши, поэтому число их было ог-

¹ *Archenholtz. England und Italien. 2. S. 230.*

² *D'Almáras H. Les plaisirs du Palais Royal. 1. c. P. 11.*

раниченным. В Лондоне особенно славился отель Савой, располагавшийся на том же месте, где сегодня стоит знаменитая одноименная гостиница. О том, что представлял собой такой отель в аристократическую эпоху, нам еще и сегодня напоминает версальский Резервуар. Старейшей европейской гостиницей люкс был, по-видимому, римский постоялый двор «У медведя» (*locanda dell'Orso*), построенный при Сиксте IV.

Но было и еще одно место, где разраставшийся крупный город развертывал публичную, общедоступную роскошь: то было место, где весь высший свет (читай: дамы света и полусвета), покупал свои драгоценности. Мы должны, стало быть, упомянуть и

б) *магазины*, коим с середины XVIII в. уделялось все больше внимания и которые с этих пор начали украшать, — обстоятельство, вызывавшее осуждение таких прямодушных людей, как Даниэль Дефо.¹ В своем «Совершенном торговце» он отводит целую главу описанию этого безобразия, в котором повинны «магазины изящных товаров» (*of fine shops and fine shows*) и которого скорее всего уже не допустят образумившиеся потомки. Поэтому он намеревается оставить свидетельство того, каких масштабов достигало безумие его современников, и составляет описание одной булочной (*pastry-cooks shop*: кондитерской, как сказали бы мы сегодня) со всей ее обстановкой, которая — внимание! — стоила 300 фунтов стерлингов: «Год 1710 от Рождества Христова — запомним этот год! (*let the year be recorded*)».

«Обстановка лондонской булочной в те времена включала в себя следующие детали: 1) круглые окна, все из зеркального стекла, от 12 до 16 дюймов в диаметре; 2) все проходы выложены глазурованной плиткой, в задней комнате панель из глазурованной плитки с изображениями различных пейзажей и фигур; 3) два больших трюмо и одно каминное зеркало в лавке, очень большое трюмо (7 футов в высоту) в задней комнате; 4) два больших кан-

¹ *Defoe. Complete tradesmann. 2 ed. 1727.*

делябра, один в лавке, другой в задней комнате; 5) три больших и восемь маленьких стеклянных фонарей в лавке; 6) 25 настенных светильников и пара больших серебряных люстр в задней комнате (ценой в 25 фунтов стерлингов); 7) шесть больших, изящной работы серебряных подносов для сладостей; 8) 12 больших столовых блюд, из которых три серебряные, для пирожков на праздники; 9) роспись потолков, позолота люстр, оконных рам и резьбы: 55 фунтов стерлингов. Все это вместе с некоторыми декоративными деталями, помимо мелкой посуды и китайских чашек и блюдец, и составляет, как я узнал из надежных источников, вышеозначенную сумму в 300 фунтов стерлингов».

Помня о составе лондонского общества, легко догадаться, кто в этих магазинах составлял основную часть клиентов: это были те же самые люди, что наводняли и театры: «Если бы в Лондоне был учрежден комитет скромности, подобный тому, что прежде функционировал в Вене, город бы немедленно опустел... бесчисленные отрасли пищевой промышленности, которым половина населения обязана своим заработком, да и попросту существованием, были бы полностью уничтожены, а Лондон превратился бы в пустыню. Если нужны другие доказательства, то достаточно зайти в Сити в любую из тысяч лавок и спросить, кто в них считается лучшими клиентами и наиболее частыми покупателями. Добыча, извлекаемая людьми этого многочисленного класса за одну ночь, уже на следующий день отходит к торговцам, поскольку эти несчастные предпочитают скорее голодать, но тратить свои деньги на наряды. Если бы не они, опустели бы наши театры».¹

Где-то ведь должны были оставаться те 50 млн франков, которые, по подсчетам Мерсье, ежегодно стекались в руки Венериных жриц.²

¹ *Archenholtz. England und Italien. 2. 1787. S. 231 ff.*

² *Mercier. Tableau de Paris. 3. 109 ff.*

* * *

В общем, мне кажется, что Годар д'Окур, известный генеральный арендатор, попал в самую точку, завершив посвящение своих «Турецких мемуаров» (адресованное м-м Дюте, знаменитой актрисе-куртизанке) такими словами, которые вполне можно было бы поставить и в конце этого трактата:

«Oui, mes demoiselles, vous êtes le véritable luxe, essentiel à un grand État, l'appât enviable qui lui attire les étrangers et leurs guinées; vingt modestes citoyennes valent moins au trésor royal qu'une seule d'entre vous».¹

¹ Да, мои милые подружки, вы и есть самая подлинная роскошь, составляющая жизненную необходимость всякого обширного государства; вы та соблазнительная приманка, на которую сюда стекаются иностранцы и их гиней; двадцать добропорядочных гражданок для государственной казны менее ценны, чем единственная из вас (*фр.*). — См.: *Ginisty P. P.* 40.

Глава 5

РОЖДЕНИЕ КАПИТАЛИЗМА ИЗ РОСКОШИ

Литература: отсутствует.

1. Правильная и ошибочная постановка проблемы

Проблема, которую я здесь поднимаю, — какое значение роскошь имела для развития капитализма? — вопрос о том, может ли она выступать движущей силой этого развития, и если да, то каким именно образом, живо интересовали экономистов XVII–XVIII столетий, как практиков, так и теоретиков. В каком-то смысле это был центральный вопрос, вокруг которого группировались все прочие политико-экономические вопросы, как сегодня они сосредоточиваются вокруг вопроса о преимуществах аграрного или индустриального государства. В те времена, правда, еще никто не говорил о «капитализме», а то, что имели в виду, именовали «промышленностью», «мануфактурами», просто «богатством» или еще как-нибудь. Но в отношении предмета царил единодушие: ясно было, что роскошь способствует развитию тех форм хозяйства, которые тогда только еще зарождались, а именно капиталистических, и потому все сторонники экономического «прогресса» тепло приветствовали и рост роскоши. Они хотя и опасались, что увеличивающееся потребление предметов роскоши может помешать образованию капитала, но, подобно Адаму Смиту, утешались надеждой на то, что найдется достаточное число бережливых людей, способных обеспечить необходимое воспроизводство и накопление капитала.

Правительства формировали свою политику, глядя на роскошь вполне благосклонно. В XVII в. в странах стремительно развивавшегося капитализма исчезли запреты на расходование средств; в Англии последний «одежный устав», включавший, кроме того, и запрет тратить деньги на некоторые предметы роскоши, на определенные лакомства и т. п., приходится на 1621 г.;¹ во Франции² последний эдикт о столовой роскоши датируется 1629 годом; в 1644 и 1672 гг. еще вводился запрет на чрезмерное использование благородных металлов в качестве предметов роскоши (главным образом, по соображениям денежной политики); в 1656 г. мы еще сталкиваемся с запретом на ношение шляп (касторовых) стоимостью выше 50 ливров, а в 1708 г. во Франции выходит последний одежный указ. С этого момента правящие круги разделяли убеждение в «необходимости» расходов на роскошь (в интересах капиталистической промышленности); заступались за нее и ведущие литературные умы (пока позднее не набрало силу противоположное движение «жан-жакистов»). Роскошь они ценили прежде всего за то, что она обладала способностью формировать рынки. «Il faut bien, — полагает Монтескье, — qu'il y ait du luxe (NB: в монархиях!). Si les riches n'y dépensent pas beaucoup, les pauvres mourront de faim».³

Несколько весьма тонких замечаний о значении роскоши для раннекапиталистического развития мы находим во втором томе остроумного сочинения аббата Куайера о «торговом дворянстве»: «Le luxe tient de la nature du feu qui échauffe et qui peut brûler. S'il consume des maisons opulentes, il soutient nos manufactures. S'il absorbe le patrimoine d'un dissipateur, il nourrit nos ouvriers. S'il diminue les facultés du petit nombre, il

¹ Точные данные см. у Андерсона (*Anderson. Orig. of Comm. s. h. a.*).

² Об этом лучше всего сказано в «Энциклопедии», в статье «Ограничительные законы».

³ Роскошь попросту необходима. Если бы богачи перестали тратить свои деньги, бедняки умерли бы с голоду (*фр.*) — *Montesquieu Ch. Espr. des Lois. Liv. VII, Ch. IV.*

multiplie les subsistances publiques. Qu'on proscrive nos étoffes de Lyon, nos dorures, nos tapisseries, nos dentelles, nos glaces, nos bijoux, nos équipages, l'élégance de nos meubles, les délices de nos tables, je vois tout à coup des millions de bras tomber dans l'engourdissement; et j'entens autant de voix demander du pain...».¹

Из многочисленной французской литературы, положительно отзывающейся о роскоши, выделяется сочинение проницательного еврея Пинто: «Теория роскоши, или Трактат, в котором предпринимается попытка доказать, что роскошь есть не только полезное, но и необходимое средство для процветания государства» (В 2-х т. 1771). Эпиграфом к нему взято салонное высказывание Вольтера: «Le superflu, chose très-nécessaire».²

То же воззрение — «роскошь» хотя и относится к порокам, хотя и является «злом», но в целом полезна, потому что способствует прогрессу промышленности — было распространено и в Англии: «Prodigality is a Vice that is prejudicial to the man but not to trade».³ Даже Дэвид Юм,⁴ несмотря на яркую «этическую» окраску своих взглядов, приходит к выводу: «хорошая» роскошь — благо, «дурная» — хотя и порок, все-таки лучше, чем лень, которая, скорее всего, заняла бы место роскоши, если бы оно вдруг опустело. Позднее, у Бернарда Мандевиля в «Басне о пчелах», это воззрение оформилось в настоящую систему социальной философии. Вот строки, в которых он воспекает роскошь:

¹ Природой своей роскошь чем-то схожа с огнем, согревающим, но способным и обжечь. Вынуждая богачей тратить, она дает поддержку нашим мануфактурам. Проглатывая поместья транжир, она кормит наших рабочих. Забирая наличные у немногих лиц, она способствует росту общественного благосостояния. Стоит запретить наши лионские ткани, парчу, драпри, наши кружева, зеркала и украшения, наши экипажи, нашу эlegantную мебель, деликатесы на наших столах, — и я сразу вижу, как миллионы рук впадут в полное оцепенение; сразу слышу многочисленные голоса, просящие хлеба (*фр.*) — *Abbé Coqueret. Développement et défense du système de la noblesse commerçante.* 1. 1757. P. 52.

² Излишества — вещь совершенно необходимая (*фр.*).

³ Расточительность — порок, достойный осуждения в людях, но не в торговле (*англ.*) — *Barbon. A discourse of Trade.* 1690. P. 62; приведено у Каннингема (*Cunningham.* 2. P. 392), наряду с другими отрывками того же содержания.

⁴ *Hume D. Of refinement in the arts (Essays.* 1793. 2. P. 19 seqq.).

The Root of Evil, Avarice
That Damn'd ill natur'd baneful Vice,
Was Slave to Prodigality
That noble Sin; whilst Luxury
Employ'd a Million of the Poor,
And odious Pride a Million more:
Envy itself and Vanity,
Were Ministers of Industry;
Their darling Folly, Fickleness,
In diet, Furniture and Dress,
That strange ridic'lous Vice, was made
The very Wheel that turn'd the Trade.¹

Крайне поучительны главы, в которых эта проблема обсуждается у Дефо, в его «Совершенном английском торговце». Наш бравый нонконформист исполняет здесь весьма замысловатый танец; коротко говоря, он ненавидит роскошь и восторгается квакерами, которые торгуют всякой мишурой, но сами держатся от нее подальше; однако как поборник развития торговли он все же не решается разразиться проклятиями в адрес расточительного образа жизни, ибо понимает (вот что для нас важно), что роскошество — источник роста всякого богатства: «The extravagant pride of the age feeds trade and consequently the poor».² Дефо позволяет нам сделать немало выводов касательно подлинной взаимосвязи между роскошью и капитализмом, с которыми я еще ознакомлю читателя в другом месте.

Проблема роскоши широко обсуждалась и немецкими писателями, также признававшими, что роскошь играет важную роль в развитии капитализма; Шредер, к

¹ Скупость, корень всякого зла, порок самый проклятый и ненавистный, была рабыней Расточительности, этого благородного греха; тогда как Роскошь давала занятие миллиону бедняков и служила одиозной гордостью еще миллиону: Тщеславие и сама Зависть благоприятствовали Промышленности, а стремление следовать моде в питании, в мебелировке и одежде, этот удивительный и забавный порок, стал колесом, раскручивавшим Торговлю (*англ.*). — The Fable of the Bees, or Private Vices, Publick Benefits. 6. 1732. P. 10; а также примечания I-N.

²Экстравагантная гордыня нашего века питает торговлю, а следовательно и бедняков (*англ.*).

примеру, пишет: «Мне бы хотелось, чтобы в стране было еще больше роскошества..., ибо расточительность богачей кормит множество ремесленников и бедняков...»¹

Нет никакого сомнения в том, что, когда исследователи в наши дни ставят своей задачей проследить развитие современного капитализма, им следовало бы извлечь для себя пользу из таких наблюдений проницательных и сведущих людей. Они, однако, этого не сделали. Хотя о роскоши говорилось много, хотя не было недостатка в теоретических рассуждениях о значении рынка для капиталистической промышленности, — о взаимосвязи роскоши и рынка так и не было сказано ни слова. Возможно, потому что и в вопросе о роскоши, и в вопросе о рынке исследования зашли в тупик.

К решению проблемы роскоши подходили во всеоружии этического пафоса, свойственного добропорядочному и невзыскательному бюргеру, и ничтоже сумняшеся рассуждали о ней в духе морализирующего резонерства. Даже исследования Рошера, — быть может, лучшее, что было написано о роскоши в наши дни, — в сущности, апеллируют к этическому чувству: что такое хорошая роскошь, и что такое роскошь дурная. Труды же, подобные изданной Бодрийяром «Истории роскоши» ограничиваются просто сбором разнообразного материала.

В учении же о рынке и его роли в становлении капитала со времен Маркса утвердилась весьма неудачная идея: будто бы развитию капитализма существенный импульс придало географическое распространение торгово-сбытовых связей, в частности освоение колоний в XVI в. Или, как эта мысль была сформулирована в рамках воззрений исторической школы национальной экономики, которая больше склонна к телеологии и к которой впоследствии примкнули почти все экономисты-«историки»: пространственное расширение сбыта, «дальний сбыт» и «экспорт» сделали-де «необходимой» капиталистическую организацию. В последние десятилетия этот взгляд обрел существенную опору в теории

¹ *Schröder W. von. Fürstl. Schatz- und Rentkammer etc. 1744. S. 172.*

Карла Бюхера, этого замечательного исследователя и действительно продуктивного мыслителя: ремесло — производство по заказам клиентов, капитализм — производство для неизвестного круга потребителей; ремесло — локальный сбыт, капитализм — интерлокальный.

Это направление, в котором движется сегодня мысль едва ли не всех экономистов-историков, представляется мне поистине роковым. Ведь оно, как я уже отметил, мало-помалу заводит исследование в полный тупик. Причины перехода к капиталистическому укладу хозяйства отыскиваются совсем не в том месте. Производство по заказам клиентов и дальний сбыт ни в коей мере не задают противоположность между ремесленной и капиталистической экономикой, если исследовать условия сбыта. Капитализм возможен и в случае, если производство самым строгим образом осуществляется по заказам (например, в модных ателье), а с другой стороны, бесчисленные ремесла веками процветали без какой бы то ни было капиталистической окраски, хотя сферой сбыта для них являлся весь населенный человеком мир.

Вновь направить сошедшую с рельс повозку по правильной колее помогут нижеследующие рассуждения. Они подхватывают нить в том месте, где ее уронили мыслители XVIII века, и стараются показать, что роскошь во многом ответственна за то, как развитие капитализма шло на протяжении всей раннекапиталистической эпохи, руководствуясь при этом изложенными ниже основными идеями.

Роскошь содействовала становлению современного капитализма самыми разными способами; существенную роль она играла, скажем, в процессе превращения феодального богатства в буржуазное (долги!). Здесь, однако, будет рассматриваться только ее *роль в формировании рынка*, которую в общем и целом можно охарактеризовать так.

Чтобы жить и развиваться, капиталистическое предприятие нуждается, как нам известно, в некотором минимальном сбыте меновых стоимостей. Размеры этого

сбыта зависят от двух основных параметров: периода товарооборота и величины меновой стоимости пущенных в оборот товаров. Величина меновой стоимости товаров, находящихся в обороте, в свою очередь определяется двумя факторами: меновой стоимостью отдельного товара и совокупным количеством товаров.

Тем самым минимальный сбыт может быть достигнут либо путем сбыта более ценных товаров (штучный сбыт), либо путем сбыта большего их количества (массовый сбыт).

Высокая ценность того или иного товара может достигаться двумя разными способами: благодаря увеличению количества (концентрация) или повышению качества (усовершенствование). Усовершенствование, как мы видели, может принимать разнообразные формы. Концентрация имеет место в случае товаров, которые можно назвать составными, или комплексными товарами: это локомотивы, корабли, больницы и т. п. Здесь речь идет о большом количестве ординарных товаров, которые, однако, связаны в некое единство и посредством суммирования придают этому единству высокую ценность. Сбыт таких товаров представляет собой, строго говоря, массовый сбыт в форме штучного сбыта.

В истории европейских народов, с самого ее начала, потребности в товарах грубой и тонкой обработки, насколько нам известно, развивались бок о бок; та и другая имели поначалу довольно скромный объем, так что обе долгое время удовлетворялись в рамках ремесленно-крестьянской или барщинной организации. При этом покрытие грубой потребности, как правило, осуществлялось в границах деревни, барского двора или города (с окрестностями), и следовательно, покоилось на локально-экономической основе, тогда как тонкая потребность, коль скоро она не удовлетворялась производством в господских дворах, т. е. в рамках собственного хозяйства, а междугородняя торговля не обеспечивала поставку высококачественных товаров, покрывалась ремесленниками, которые издавна работали на интерлокальные или интернациональные рынки.

В Средние века и в ближайшие следующие столетия развитие протекает таким образом, что грубая потребность не претерпевает, в основном, никаких изменений, и стало быть, на первых порах вообще не принимается капитализмом в расчет: потребность в предметах обихода для больших масс населения, а также потребность в средствах труда (разного рода орудиях, приспособлениях, механизмах) вплоть до конца раннекапиталистической эпохи (за исключением двух моментов, о которых будет сказано ниже) удовлетворялась в рамках собственного хозяйства или с помощью ремесленников. Причина этого явления ясна: поскольку население не росло в численности и уже не сосредоточивалось в отдельных местах, а транспортабельность товаров не увеличивалась, постольку не возникало и массовой потребности в товарах индивидуального потребления; поскольку технология производства товаров и их транспортировки в принципе не менялась, постольку не возникала потребность в составных товарах, а следовательно, не возникал и рынок капиталистического производства или капиталистического товарного сбыта.

Исключения, о которых я упомянул, т. е. те сферы, в которых уже до наступления эпохи развитого капитализма, т. е. до конца XVIII в. развертывался массовый сбыт множества товаров грубого качества или сбыт составных товаров, это 1) колонии, которые, таким образом, *тоже* поспособствовали становлению рынка капиталистической индустрии, прежде всего 2) современные армии. Огромное значение войсковых потребностей для формирования капитализма я демонстрирую во втором томе этих «Исследований». Здесь, таким образом, нужно пока осветить другую сторону проблемы — нужно показать, какую большую роль в становлении капитализма сыграло развитие роскоши, а значит, и становление потребности в ней.

Когда я говорю, что намерен показать, каким значением растущее потребление предметов роскоши обладало для развития капитализма, то в соответствии с нынешней научной модой это, конечно же, означает: дать

историко-эмпирическое описание связей, имеющих место между двумя этими комплексами явлений. Однако сделать это не так-то просто и с первого раза удастся, разумеется, не вполне. При моем подходе к делу иначе и быть не может, и потому основную работу по приведению конкретных доказательств для каждого отдельного случая должны будут проделать следующие поколения историков-экономистов.

Что особенно затрудняет выполнение задачи, так это неряшливость, с которой, как правило, сообщаются экономические факты: когда говорится об «экономическом подъеме», «росте производства», «расширении сферы сбыта», а мы не знаем, имеется ли при этом в виду ремесленная или капиталистическая организация хозяйства, т. е. не знаем вообще ничего. Поэтому представить по рассматриваемой проблеме что-либо большее, нежели добытые мной и изложенные ниже доказательства взаимосвязи между роскошью и капитализмом, в настоящий момент, на основе уже опубликованных материалов, не представляется возможным.

2. Роскошь и торговля

1. Оптовая торговля

Вполне вероятно, что торговля товарами приобрела капиталистические формы раньше, чем их производство. Хотя я сильно сомневаюсь в том, что во времена Средневековья состоятельные дома городов Италии, Испании, южной Франции или южной Германии скопили свои богатства преимущественно благодаря товарной торговле, а наоборот, полагаю, что другие обстоятельства сыграли в возвышении этих немногих крупных предприятий над общей массой мелких торговцев более существенную роль, я все же не хочу исключать возможность того, что и дома, занимавшиеся только товарной торговлей, могли развиваться в капиталистические

предприятия. Впоследствии же — а именно это нас и интересует — причиной их расширения стала как раз торговля предметами роскоши.

Вся более или менее развитая торговля, в отношении которой только и встает вопрос о капиталистической организации, в Средние века сосредоточивалась в Италии и заключалась, следовательно, либо в вывозе продуктов, произведенных в Италии (а также ввозе необходимых для их производства сырья и полуфабрикатов), либо в доставке и развозе товаров, поставляемых с востока.

Из северных стран Италия импортировала главным образом шерсть (для флорентийской индустрии роскоши, с которой мы еще познакомимся ближе), меха и тонкое льняное полотно. Основная масса итальянского экспорта, по всей вероятности, оплачивалась наличными (в частности, выручкой немецких серебряных копей).

Экспортировала же Италия на Север шелк и товары из шелка, сукно тонкой пряжи, изделия из тонкого стекла, хлопок и хлопчатобумажные изделия, которые, как мы еще увидим, вплоть до начала Нового времени считались роскошью, вино и оружие.

Все товары, провозимые через Италию или ввозимые сюда с Востока, тоже служили удовлетворению потребности богачей в предметах роскоши, за исключением, пожалуй, лишь ввозимых по заказу церкви, таких как ладан, хотя и в этом случае, конечно же, налицо были траты на роскошь, которые позволяла высокая концентрация денежных средств. При этом, — пока речь идет о столетиях средневековья, и даже Нового времени, вплоть до нашей современной эпохи, столь филантропической, столь пекущейся о людских массах, — к роскоши я отношу и заграничные медикаменты: народ и городские жители лечились еще травами, произрастающими в полях и лесах их родины.

По торговле с Востоком Вильгельм Гейд приводит такой список товаров (я упорядочил предметы сообразно целям их использования).

1. *Медикаменты*, служившие и специями при приготовлении блюд: алоэ, дерево алоэ (использовавшееся также в парфюмерии и как материал для отделки шкафов), бальзам, кост, галанга, чернильные орешки, имбирь, камфора, кардамон, опий, манна, мумие, миробалан, ревень, кассия, шафран (использовавшийся также в производстве красок), скаммония, трагант (производство красок), туция, цедвар;

2. *Пряности* и т. п.: прежде всего перец, но перец вплоть до Нового времени, по крайней мере на протяжении всех Средних веков, считался предметом роскоши и использовался только в кухнях богачей: сильные мира слали его друг другу в подарок; гвоздика, стоившая в два-три раза дороже перца, мускатный орех, корица, сахар, до XIX в. тоже остававшийся лакомством богатых людей;

3. *Благовония*: бензой, мастиковая смола, мускус, сандаловое дерево, ладан, гагат, из которого также вырезали разнообразные фигуры;

4. *Красители*: квасцы, бразильское дерево, марена, индиго, кермес, лакка: все это служило сырьем для приготовления изысканных красок; мастиковая смола (для производства лаков);

5. *Сырье для тканей*: шелк и тончайший египетский лен;

6. *Украшения*: драгоценные камни, кораллы, жемчуг, слоновая кость, фарфор, стекло, серебряная и золотая канитель;

7. *Сырье для производства одежды*: шелковая ткань, парча, бархат и тончайшее льняные, шерстяные и хлопчатобумажные ткани, такие как бокказин, бэкрем, камлот, по виду напоминающие шелк и такие же дорогие.

Все эти материалы частично перевозились с Востока в Европу, а позднее также вывозились из Италии на Восток и в европейские страны.

Насколько высоко было качество товаров, которыми торговали в Средние века, мы можем приблизительно узнать по таможенной вырубке, например на таможне в

Кома. По подсчетам Шульте,¹ стоимость товаров, провезенных через Готтар в XV в., колебалась от 320 000 до 518 000 гульденов, из которых 53 приходились на 1 миланский золотой гульден. Общий вес этих товаров колебался предположительно у отметки в 25000 центнеров, так что стоимость одного центнера составляла около 50 флоринов, а одного фунта — полфлорина (около 4 марок по нынешнему курсу).

В содержании торговых связей мало что изменилось и после великих географических открытий XV века, поскольку Восток и Запад, Америка и Европа вплоть до начала XIX в. обменивались, по существу, лишь высококачественными товарами, предметами роскоши. Росли только количества, да к старым наименованиям добавилось несколько новых, прежде всего четыре знаменитых возбуждающих: табак, кофе, какао и чай, которые, однако, (за исключением, пожалуй, табака) до самого окончания раннекапиталистической эпохи тоже можно представить только на столах богачей и которые, стало быть, все еще остаются предметами роскоши.

Следующие цифры дают приблизительно верное представление о размерах потребления важнейших вкусовых изделий в прошедшие столетия:

Ост-индская компания ввозила в Англию чай:

в 1668 г.	на 100 гульдена
в 1710 г.	1420 центнера
в 1731 г.	8168 »
в 1761 г.	26 192 »
в 1784 г.	86 083 »

Если допустить, что половина этого количества оставалась и потреблялась в самой Англии, то потребление на душу населения (по сведениям Финлезона, численность населения составляла в 1700 г. около 5 млн человек, в 1750 г. — около 6 млн, в 1800 г. — 9187 млн) выражалось бы в таких цифрах:

¹ *Schulte A. Gesch. d. mittelalt. Hdls. 1. 1900. S. 720 ff.*

в 1700 г.	0,01 гульдена	
в 1730 г.	0,08	»
в 1760 г.	0,2	»
в 1784 г.	0,5	»

тогда как в 1906 г. в Соединенном Королевстве потребление чая составило 270 млн унций, т. е. примерно 6.5 унции на человека, 30–35 унций на семью. Картина станет еще определеннее, если привести другой подсчет; потребление чая, как оно, *в среднем*, сегодня практикуется в английской семье, могли себе позволить:

К 1800 г. потребление кофе в Европе (согласно А. фон Гумбольдту!) достигло 1 400 000 центнеров; население Европы к тому времени составляло (по Белоху) 120 млн человек, т. е. на каждого жившего в то время европейца приходилось уже примерно по 1 унции кофе в год; можно сказать, что это возбуждающее средство начало тем самым распространяться в качестве массового продукта. Для сравнения: в 1910 г. каждый немец, проживавший в границах рейха, потреблял уже около 6 унций кофе в год.

Сахара в то время (тоже по Гумбольдту) в Европе потребляли 4 500 000 центнеров, по 3–4 унции на душу населения; сегодня в Германии на душу населения в среднем приходится 38 унций. То обстоятельство, что в XVIII в. сахар еще никоим образом не получил широкого распространения как подсластительное средство, объясняется статусом меда, тем местом, которое он все еще занимал. В Германии его еще и в 1750 г. предпочитали использовать для подслащения, при консервировании фруктов, а также — в качестве добавки — в пивоварении. Можно предположить, что в богатых западноевропейских странах сахар перестал быть продуктом, предназначавшимся исключительно богатым людям, примерно в середине XVIII в., в остальной же Европе — только в начале XIX в.

Предметом роскоши оставался и один товар индийского импорта, который в XVII–XVIII вв. занимал в торговле очень важное место, а сегодня его носит каждая почтовая секретарша; речь идет о *ситце*, точнее, о набивных тканях из индийского хлопка, а также других хлопчатобумажных товарах, прибывавших в Европу из Азии. В конце XVII–начале XVIII в. индийский коттон

вошел в моду у богачей и грозил серьезной конкуренцией отечественным производителям. Угрозу эту ощутили владельцы фабрик по производству тонкого сукна и шелковых тканей, что подтверждает правильность нашего предположения относительно того, что в качестве покупателей здесь выступали именно богатые классы. В этом же нас убеждает борьба, которую города (например, французские) вели против нарядов из индийского ситца (мода на которые была введена м-м Помпадур, хотя подлинного расцвета достигла только в Трианоне!): с 1700 г. их ношение в городах было *запрещено*. Однако запреты, конечно же, не имели никакого успеха: мы видим, что, выезжая из Парижа на свои загородные виллы, элегантные дамы по-прежнему одевались в коттон, и знакомимся с любопытными эпизодами. Например, супруга маршала де Виллара ввозила индийские ткани контрабандой. 17 июля 1715 г. маркиза де Нель совершенно открыто появилась в саду Тюильри в «robe de chambre brodée de fleurs de soie et façon des Indes sur une toile du même pays».¹ Всеобщее восхищение и ярость одежных надзирателей: начальник полиции бежит к маркизу и заявляет ему протест. Тот обещает побеседовать с женой, что бы она впредь... и т. д.² (чем окончилась разразившаяся по этому поводу семейная сцена, служебная записка, к сожалению, не сообщает).

Учитывая все вышесказанное, мы сможем составить правильное представление о *заморском импорте в Европу* в XVII–XVIII вв., если изучим статистические данные по импорту тех лет; картина все та же — и в Англии, и в Голландии, и во Франции. Индийские компании ввозят 1) пряности, 2) лекарственные средства, 3) красители, 4) шелк и шелковые ткани, 5) хлопок и хлопчатобумажные ткани, 6) драгоценные камни, фарфор, а также 7) кофе, табак, сахар, чай и какао. Достаточно будет привести хотя бы одну схему такого импорта.

¹ В домашнем платье из шелка, расшитом цветами, скроенном по индийскому фасону и сшитом из полотна той же страны (*фр.*).

² *Martin. Louis XIV. P. 288 seqq.*

Французский импорт из Восточных Индий в 1776 г. составил:¹

Кофе	3 248 000 франков
Перец и корица	2 449 000 »
Муслин	12 000 000 »
Индийский лен	10 183 000 »
Фарфор	200 000 »
Шелк	1 382 000 »
Чай	3 399 000 »
Разное: шелковые ткани, моллюски, испанский тростник (камыш), селитра	3 380 000 »
Итого:	36 241 000 франков

Расплачивались за эти товары либо деньгами с американских золотых и серебряных копей (основная масса), либо продуктами домашнего производства, например текстильными изделиями. Среди последних значились, конечно, и товары не самого высокого качества: предметы одежды для негров и малайцев, а равно и для представителей средних слоев в населенных европейцами колониях, скажем, североамериканских (поскольку в большинстве из них ремесленное производство было запрещено). Но для общей оценки заморской торговли в ту эпоху это несущественно: несмотря ни на что, она остается зависимой от потребления предметов роскоши, остается эксклюзивным частным делом богатых людей, и существованием своим обязана исключительно средствам, затрачиваемым ими на приобретение предметов роскоши. Ведь коль скоро ввозимые товары, как мы видели, представляли собой, главным образом, продукты высокого и редкого качества, то безразлично, каковы были товары вывозимые: они были всего лишь формой оплаты, случайной по своему характеру. Без импорта предметов роскоши никакая торговля вообще была бы не возможна, поскольку, не будь его, обитатели отдаленных стран не смогли бы покупать и европейские

¹ Таблица из книги: *Chaptal. Ind. francce.* 1. P. 130.

товары (исключение составляют лишь земли с богатыми залежами благородных металлов: согласно торгово-статистическим документам, использованным Александром фон Гумбольдтом,¹ в 1802 г. Мексика импортировала из Испании товаров на 20 390 859 пиастров, экспортировала же только на 8 416 930 пиастров, покрыв остаток своим серебром).

Об одной из самых важных отраслей международной морской торговли, о которой нам точно известно, что развиваться она могла только в капиталистических формах, нужно упомянуть особо: я имею в виду *работорговлю*. Хотя эксплуатируемый ею товар и не был собственно предметом роскоши (или все-таки был?), он тем не менее был непосредственно задействован в производстве предметов роскоши, в чем мы позднее еще убедимся.

Мы располагаем массой свидетельств об объеме работорговли, зачастую весьма различающихся между собой. Наиболее известной и, пожалуй, заслуживающей наибольшего доверия является калькуляция, произведенная Бэкстоном.²

Ежегодно из Африки ввозилось:

Работорговцами-христианами	около 400 000 негров
Работорговцами-магометанами	около 100 000 негров
Итого:	500 000

Из 400 000 объектов христианской работорговли 280 000 гибли в бегах, при транспортировке и в течение первого года, так что в конечном итоге в распоряжении у рабовладельцев оставалось всего 120 000 рабов. Ввиду общей потребности в рабской силе, существовавшей к началу XIX в., эта цифра вовсе не кажется высокой, и правильность ее подтверждается официальными подсчетами, получившими известность в последнее время. Мы

¹ *Humboldt A. von. Essai politique sur le royaume de la Nouvelle Espagne. 4. 1811. P. 366 seqq.*

² *Buxton. The African Slave Trade. 1840.*

знаем, например, что на французские Антилы в период с 1780 по 1789 г. ввозилось в среднем по 30–35 тыс. негров в год. Если общее число рабов, содержавшихся в то время на французских Антилах, оценить предположительно в 240–260 тыс., то ежегодный ввоз составит $1/7$ – $1/8$ долю. Если же общее число рабов составляло 7–8 млн человек, то показатель ежегодного возмещения в 120–150 тыс. представляется скорее низким, чем высоким.

Но дело даже не в том, чтобы дать точное количественное представление о размерах развернувшейся в те времена торговли товаром «рабская сила». Для наших целей вполне достаточно констатировать, что речь при этом шла о многих десятках тысяч рабов в год, а в течение всего периода, когда практиковалась работорговля, — о миллионах человек, на которых (а только это нас здесь и интересует) можно было хорошо нажиться.

О масштабах работорговли в эпоху Средневековья надежные сведения отсутствуют. Но что она уже и в те времена касалась значительных человеческих масс, мы можем увидеть по описаниям арабской работорговли, а также по случайным сообщениям, хотя содержащимся в них цифрам и свойствен некоторый авантюрный оттенок. Нам рассказывают, к примеру, что в 1310 г. сицилийский флот неожиданно атаковал остров Джерба у берегов Туниса, и что в результате этого нападения в рабство было обращено 12 000 женщин и детей; что в 1355 г. один генуэзский адмирал без всякого повода захватил и разграбил Триполи, причем в рабство было продано 7000 мужчин, женщин и детей.¹

Народами, поочередно игравшими в работорговле ведущую роль, которая не исключала, однако, и участие других наций, были евреи,² венецианцы,³ генуэзцы, пор-

¹ *Langer. Sklaverei in Europa. S. 16.*

² *Schipper. Anfänge d. Kapit. bei den Juden. 1907. S. 19 ff.; Caro. Soz. u. W.-Gesch. d. J. 1. S. 137 ff.; см. также: Heyd. 2. S. 542 ff.*

³ Подтверждения см. у Р. Гейнена: (*Heynen R. Zur Entst. d. Kapit. in Venedig. 1905. S. 32 ff.*).

тугальцы, французы и англичане. Последние четыре нации, сменяя друг друга, держали в своих руках монополию на торговлю неграми. Определить, какую долю в работорговле имели различные торговые народы, помогут следующие цифры.

В 1769 г. с побережья Африки (от мыса Бланко до устья реки Конго) было вывезено:¹

Великобританией	53 100 негров
Францией	23 520 »
Голландией	11 300 »
Британской Америкой	6300 »
Португалией	1700 »
Данией	1200 »

Согласно Брайану Эдвардсу, в 1791 г. на берегах Африки действовало 40 европейских факторий, занимавшихся работорговлей, из них 14 английских, 3 французских, 15 голландских, 4 португальских и 4 датских. Вывезено же в этом году было:

британцами	38 000 негров
французами	20 000 »
португальцами	10 000 »
голландцами	4000 »
датчанами	2000 »

В течение всего XVIII в., т. е. в наиболее важную для нас эпоху, Великобритания, несомненно, являлась центром мировой работорговли, в самой же Великобритании таким центром был Ливерпуль: в 1771 г. в море вышли 192 английских невольничьих корабля;² среди них: 107 из Ливерпуля, 58 из Лондона, 23 из Бристолья и 4 из Ланкастера. Постлитуэйт оставил нам список всех невольничьих кораблей, принадлежавших ливерпульским

¹ *Anderson. Orig.* 4. P. 130 (по свидетельству «одного французского автора»).

² *Edwards. Hist of the West Ind.* 2. P. 65.

купцам; в его время их было 88, минимум с шестьюдесятью, максимум с 550, но как правило с тремя-четырьмя сотнями рабов на борту.¹ В Ливерпуле работорговля развивалась стремительными темпами, в 1729 г. купцы этого города владели только одним баркасом водоизмещением в 30 тонн, а в 1751 г. из Мерси в направлении невольничьих берегов выходили уже 53 судна с грузоподъемностью в 5334 т.

В XVII–XVIII вв. морская и, в частности, колониальная торговля, несомненно, была основным полем, на котором развивался торговый капитализм. Рядом с ним теряется из виду международная европейская торговля, а тем более интерлокальная торговля в пределах отдельных стран. Тем не менее и в ней тут и там вызревали капиталистические формы, и важно иметь в виду, что эта *внутриевропейская торговля* тоже была главным образом связана с предметами роскоши. Международная торговля, которая велась с размахом и вполне капиталистическими методами, но при этом не была связана с предметами роскоши, касалась, насколько я могу судить, только двух статей: зерна и меди, — в обоих случаях торговля этими товарами определялась потребностями современного войска, что будет показано во втором томе моих исследований.

О том, какие товары в XVII–XVIII вв. перевозились из одних европейских стран в другие, мы можем узнать (если привести только один пример) из перечня товаров, вывезенных из Франции в Голландию; перечень этот был составлен парижской Торговой палатой в 1658 г., но хорошо осведомленный автор «*Batavia illustrata*» заявлял, что по многим пунктам он сохранял свою значимость и в его время (начало XVIII в.), хотя за минувшие годы, как мы еще увидим, национальная индустрия роскоши получила развитие и в Голландии. Такой ход событий типичен в пору крепнущего капитализма; страны одна за другой начинают сами производить те товары, которые раньше посредством торговли получали от сво-

¹ *Postlethwayt*. Dict. of Comm. 1. P. 709 seq. Статья «Англия».

их более развитых в капиталистическом отношении соседей: сначала ведущей промышленной державой была Италия, затем Франция, а вскоре за ними последовали Англия, Голландия, Германия и т. д.

Упомянутый перечень я привожу здесь.¹

Франция ввозит в Голландию (не только для потребления в ней самой, но и для повторного вывоза):

1. Бархата, плюша, сатина, золотой и серебряной парчи, тафты и других серебряных тканей из Тура и Лиона	более чем на 6 000 000 франков	
2. Тесьмы, шелковой и крученой каймы, шнурков и пуговиц, произведенных в Париже, Руане и соседних с ними городах	на 2 000 000	»
3. Шелковых шляп, а также головных уборов из другого материала, произведенных в Париже и Руане	на 1 500 000	»
4. Перьев, поясов, ширм, масок, головных уборов, зеркал, золоченых рам, часов и всевозможных мелочей, которые французы называют «бижутерией»	на 2 000 000	»
5. Перчаток, пошитых в Париже, Клермоне, Вандоме и Руане	на 1 500 000	»
6. Шерстяной пряжи пикардийского производства	на 500 000	»
7. Бумаги всякого вида, произведенной в Пуату, Шампани, Лимузене, Оверни и Нормандии	на 2 000 000	»
8. Швейных игл и других игл из слоновой кости, эбенового дерева, самшита, а также роговых гребней, изготовленных в Париже и Нормандии	на 500 000	»
9. Галантерейных изделий из железа и стали, произведенных в Оверни	на 500 000	»
10. Парусины из Нормандии и Бретани	более чем на 5 000 000	»

¹ *Onslow Burrish. Batavia illustrata or a view of the Policy and Commerce of the United Provinces etc. 1728. P. 354 seqq.*

11. Предметов жилой обстановки: кроватей, матрасов, стеганых оде- ял, простыней, бахромы и т. д.	более чем на 5 000 000 франков
12. Вин разного сорта	более чем на 9 000 000 »
13. Бренди, уксуса и сидра	более чем на 2 000 000 »
14. Шафрана, мыла, меда, миндаля, маслин, каперсов, слив и других плодов	на 2 000 000 »
Итого:	39 500 000 франков

Таким образом, все это были предметы роскоши, за исключением п.10 и, может быть п. 13, поскольку бренди и сидр вполне могли предназначаться корабельной команде или солдатам.

По оценке Моро де Жонне, намного более половины общей стоимости французского *импорта* времен Людовика XIV составляли следующие товары, ввозимые из Италии, Англии и Нидерландов: изделия из шелка, сукно тонкой пряжи, драпировка (*tentures*), батист, кружево, стальные и чугунные изделия тонкойковки (*coutellerie*) и галантерейные товары (*mercerie*).¹

2. Розничная торговля

Но более глубокое, более длительное и существенное влияние роскошь оказала не на оптовую, а на розничную торговлю. Если в раннекапиталистическую эпоху в оптовой торговле все еще существовали важные отрасли, вполне капиталистические по своему характеру и тем не менее не связанные с предметами роскоши (торговля медью в XVI, торговля зерном в XVII в.), то, как мне представляется, вплоть до XIX в. нельзя указать ни одну рознично-торговую сделку, мало-мальски организованную в духе капитализма, в которой предметов купли-продажи не выступали бы предметы роскоши. На-

¹ Moreau de Jonnès. *Etat écon. et soc. de la France*. 1867. P. 349.

против, мы можем со всей определенностью проследить, как потребность в роскоши и неизменная алчная готовность торговцев удовлетворять эту потребность — именно в те десятилетия, когда склонность к расточительному образу жизни среди состоятельных людей, как мы видели, резко возросла; в десятилетия около 1700 г., когда кошельки парижских, амстердамских и лондонских спекулянтов начали наполняться бразильским золотом, — как забота об удовлетворении этой потребности богатого человека в эти времена заставляет торговца оставить прежнюю ремесленную рутину и стать на путь прогрессивного капиталистического развития.

Скорее всего, мы не смогли бы с такой наглядностью постичь внутреннюю причинно-следственную связь между развитием роскоши и капиталистической розничной торговлей, если бы счастливый случай не сохранил для нас один источник, по которому мы до самых мелочей можем проследить те перемены, которые со времен Реставрации вплоть до 1730-х годов претерпела *английская торговля товарами из шелка*. Таким источником служит история этих процессов, которую хорошо осведомленный автор «Английского торговца» рассказывает, опираясь на свой собственный опыт,¹ — опыт человека, который с полным на то правом может сказать о себе самом, что никому из его современников — *by years and experience* — не удалось бы лучше рассказать об этом эпизоде.

Торговец шелковыми тканями (*mercser, mercier*), несомненно, является наиболее типичным представителем торговли предметами роскоши в ту эпоху спесивого богатства. Господство леди здесь не имеет границ. Вся торговля скроена по ее мерке. Здесь в оборот пускаются самые дорогие объекты, на которые нацелена потребность в роскоши, потому что торговля шелковыми изделиями

¹ Complete English Tradesman. 5 ed. 1745. Ch. LI. Кроме этого пятого издания у меня есть еще только второе, вышедшее в 1724 г.; главы, на которую я ссылаюсь, в нем *еще нет*. Находясь здесь, в Германии, я не могу выяснить, содержались ли эти дополнения уже в третьем и четвертом изданиях.

включает в себя, разумеется, торговлю золотой и серебряной парчой, бархатом, а возможно и кружевами.

Шелковый торговец старой закалки, каким мы встречаем его в Лондоне еще при последних Стюартах и каким он, по-видимому, оставался еще пару десятков лет (я все же полагаю, что наиболее серьезные сдвиги начались лишь в конце XVII в.), был оптовиком и розничным торговцем в одном лице. Иными словами, в торговле изделиями из шелка еще не было особых розничных дельцов: кто закупал материал у производителя, тот и продавал его аршинами своим клиентам. В раннюю эпоху так поступали все, даже очень крупные торговцы. Мы видим, например, что Фуггеры, даже когда они уже почти достигли зенита своего могущества и своего богатства, сами разрезали шелк и бархат; правда, они отпускали «золотого сукна» по 36 флоринов за аршин, флорентийской или миланской камки по 8–10 флоринов за аршин, шелкового бархата по 4 флорина за аршин не кому-нибудь, а королевским придворным.¹ И все-таки! Королевские купцы, торговавшие, помимо этого, и медью, и с императорами. Ни Арнольд, ни Фридлендер-Фуль сегодня уже не стали бы продавать нашему императору два метра тесьмы.

Ко времени знаменитого пожара и еще двадцать лет после него все наши лондонские mercers обитали в Сити, где они обосновались, пожалуй, еще со времен Плантагенетов, на улице Патер-ностер, специально для них и построенной, и продавали там свои ткани в темных подвалах, куда сверху, сквозь окна проникал скудный свет: «The spacious shops, backware houses, sky-lights, and other conveniencies, made on purpose for their trade, are still to be seen»,² — говорится даже в пятом издании «Совершенного английского торговца» (1745). Их складские помещения были невероятно велики (prodigiously great). И торговали они точно так же, как это делали их

¹ Zeitschr. d. histor. Ver. für Schwaben und Neuburg. 6. S. 38–39.

² Все еще можно видеть вместительные магазины, задние дворы, застекленные крыши и прочие удобства, предназначенные для ведения торговли (англ.).

предки времен Плантегенетов. Лучшие клиенты, включая и двор, приходили к ним сюда, на узкую улочку Патер-ностер. Телеги располагались в два ряда: по одной стороне они въезжали, по другой выезжали; таково было предписание, ибо на этой тесной улочке невозможно было развернуться: купцы сами нанимали двух постовых, которые должны были поддерживать порядок. Таких подвалов, в коих днями просиживали зажиточные купцы, насчитывалось около пятидесяти. Остальное место занимали подручные этой почтенной профессии: тесемочники (*lace-men*) из центра Йвлейна; магазины пуговиц (*button-shops*) в конце Чипсайда; магазины пряжи (*crewel-shop*) и бахромы (*fringe-shop*) неподалеку, на Блобледдер-стрит.

Все коренным образом переменялось, когда наступили веселые времена: «*as the gay humour came up*». (Наш очевидец не указывает точных временных границ; он говорит: здесь жили они, старые торговцы шелком, «*about twenty years after the fire*», «*and even in that time... as the gay humour came up...*»,¹ — а поскольку пожар случился в 1666 г., это было уже правление Карла II, — времена, к которым вполне применим эпитет «веселые».) Ведь именно в эту пору начался бурный рост числа розничных торговцев: с улочки Патер-ностер, которая сделалась слишком тесной, они стали перебираться на окраины Лондона — в Олд-Гейт, на Ломбард-стрит и в Ковент-гарден, который после этого и получил свое имя. Поскольку улицы там были пошире, клиенты, разъезжавшие только в каретах, предпочитали делать покупки в новых магазинах, в Сити больше не появлялись даже придворные; Патер-ностер опустела, и через два года с небольшим старики-шелкоторговцы были вынуждены покинуть свои подвалы и последовать за потоком клиентов: подобно тому, как на море, — добавляет автор, — рыбаки следуют за рыбой, когда она меняет место обитания. (Не были ли новые «*out lying mercers*»,²

¹ Спустя двадцать лет после пожара... и именно в ту пору... когда настали веселые времена... (*англ.*).

² «Пришлые шелкоторговцы» (*англ.*).

совершившие революционный переворот в торговле товарами из шелка, теми *евреями*, которые переселились в Лондон следом за женой Карла II или За Оранцем? По-видимому, иначе и быть не могло.) Еще через десять лет опустел и Ковент-гарден: шелкоторговцы искали новое место, как пчелы в пору роения, и осели, наконец, на Ладгейт-хилл (the swarm settled on Ludgate-hill), на этот раз надолго. Количество предприятий, специализировавшихся на торговле шелком, которых в 1663 г. было всего 50–60, за это время возросло до 300–400.

Примерно в то время, когда шелкоторговцы покинули свое местожительство, где прежде обитали веками, и широко расселились по всему Лондону, многие другие торговцы (и ремесленники) тоже съехали со своих старых улочек, на которых они проживали в течение всего Средневековья. Численность многих из них, к примеру, тех, кто торговал льняным полотном, — тоже относившимся к предметам роскоши, — при этом неизмеримо возросла (*monstrously increased*). Тонкое белье сделалось в это время, как мы уже видели ранее, роскошью богатей и их любовниц.

История эта учит нас тому, что ввиду стремительного возрастания спроса количество предприятий, торговавших предметами роскоши, за короткое время значительно увеличилось, а сами они покинули насиженные места. Но тем самым оказалась отперта дверь, через которую современный торговый дух проник в тихие покои розничной торговли, и превращение средневековых розничных лавок в капиталистические предприятия стало вопросом времени. Ибо в результате этих перемен — резкого и неуклонного роста и смены места обитания — розничная торговля становилась на почву экономического расчета, возникала необходимость вступать в конкурентную борьбу с соседями, изобретать и применять наиболее целесообразные методы привлечения клиентов. А именно в этом и выражалось распространение капиталистического духа. Как именно он процрадывался в торговавшие предметами роскоши лавки крупных городов, как он в них утверждался, мы можем в точности

проследить, если сумеем верно истолковать те немногие сведения, которыми располагаем относительно тогдашней организации розничной торговли.

Основные события, случившиеся в столетие, последовавшее за переездом старых шелкоторговцев с улицы Патер-ностер, заключались в следующем:

1. Произошло *разделение* розничной и оптовой торговли: лишь немногие из упомянутых выше 300—400 шелкоторговцев могли еще оставаться оптовиками.

2. Владельцы начали обставлять свои магазины с *большей элегантностью*, чтобы привлечь клиентов и сделать пребывание в них более приятным для людей тонкого вкуса, каковые и составляли их клиентуру. Мы ясно видим, что первыми такое усовершенствование обстановки предприняли *toy-men*, т. е. те, кого мы могли бы назвать галантерейщиками, если при этом иметь в виду только галантерейные товары наивысшего качества, украшения и т. п. В каком-то смысле именно изящная безделушка (*toy*) стала кульминацией свойственных той эпохе представлений о роскоши. По-французски эти дорогостоящие вещицы назывались «*bijoux*», что в те времена означало не «украшение», в узком смысле слова; так назывались милые пустяки, забавные безделицы, изготовленные из драгоценного металла с приложением не менее драгоценного труда. В этих лавках встречались представители элегантного света, прежде всего аристократы, заходившие туда за покупками для своих возлюбленных. Ибо именно здесь приобретались те «*bijoux frivoles*»,¹ «которые дарят порядочным женщинам, денег не берущим (*que l'on donne aux femmes honnêtes qui n'acceptent de l'argent, mais bien des colifichets en or, parcequ'ils ont un air de décence!*)»,² как полагает Мерсье, оставивший нам описание «Пти Дюнкерк»³ — популярного в его время модного магазина,

¹ Пустые безделушки (*фр.*).

² Которые дарят порядочным женщинам, не берущим денег, но охотно принимающим всякие безделушки, насколько это имеет видимость благопристойности (*франц.*).

³ *Mercier. Tableau de Paris. 1783. Ch. DLV.*

в котором в первые дни года толпились «*petits seigneurs*»,¹ так что приходилось вызывать охрану. «Такого блеска не встретишь ни в каком другом магазине (*rien n'est plus brillant à l'œil que cette boutique*)»; в свой последний приезд в Париж Вольтер почтил его своим визитом: «Он усмехнулся, увидев все эти порождения роскоши; думаю, он заметил некоторое сходство между сверканием этих побрякушек и своим собственным стилем», — добавляет Мерсье.

3. Прежние отраслевые магазины начинают принимать форму, характерную для современной розничной торговли, становясь, как я их назвал,² *предметно-целевыми*, в которых товар сортируется в соответствии с потребностями покупателей. В каком-то смысле галантерейщик (*toy-man, marchand bijoutier*) уже был выразителем этого принципа; выставляя на продажу детали женского туалета, он по-новому группировал в лавке свой товар. По-видимому, и шелкоторговец становится в это время владельцем ателье по производству платья: «Он торгует шелком, бархатом, парчой, а также бесчисленным множеством дорогостоящих безделиц, служащих украшением женского пола (*an innumerable train of expensive trifles for the ornament of the Fair-Sex*)».³ Но по-настоящему первым предметно-целевым магазином, насколько мне известно, было предприятие, торгующее предметами мебели и жилой обстановки, в котором было собрано все, что служило украшению жилья, причем все это, само собой разумеется, отличалось наилучшим качеством. Отчасти в такие магазины мебелировки превращались, по всей видимости, лавки обойщиков; в них теперь можно было найти столы, комоды, всевозможные произведения столярного искусства (*tous les ouvrages d'ébenisterie*), зеркала, люстры и т. д., — рядом с кроватями и подушками, занавесями и стенными коврами,

¹ Мелкие помещики (*фр.*).

² Для понимания всей этой картины можно привлечь работу «Современный капитализм», где мною были рассмотрены тенденции развития современной розничной торговли.

³ *Campbell R. The London Tradesman. 1745. P. 47.*

которые они изготавливали сами.¹ Отчасти это были просто торговцы такими вещами, но и у них весь товар был собран в одной лавке. Они торговали картинами, гравюрами, канделябрами, бра, люстрами, фигурами из бронзы, мрамора, дерева и других материалов, каминными и карманными часами, бюро, шкапами, выдвижными ящиками, столами, геридонами из позолоченного дерева, мраморными столиками, а также прочими товарами и мелочами, служившими украшению жилища (*marchandises et curiositez propres pour l'ornement des appartements*).²

В Лондоне в эту пору мы обнаруживаем точно такие же предприятия. Всевозможные предметы мебелировки здесь под одним потолком выставляли на продажу прежде всего высококлассные столяры-краснодеревщики (*cabinet-makers*), и мебель эта лишь отчасти изготавливалась ими самими. Подобные лавки обставлялись иногда с таким великолепием, что больше напоминали дворцы (*they look more like Palaces*), и инвестированный в них капитал был чрезвычайно высок (*their Stocks are of exceeding great Value*).³ Наряду с ними существовали также и мебелировочные магазины обойщиков, в точности как в Париже: некоторые из этих драпировщиков владели несколькими магазинами, где на продажу всегда было выставлено множество готовых товаров.⁴

4. *Овеществление* взаимоотношений между продавцом и клиентом, которым прежде всего характеризуется всякое позднейшее капиталистическое развитие, начинается в этих крупных магазинах, торговавших предметами роскоши: насколько я могу судить, «Пти Дюнкерк» был первым предприятием розничной торговли, установившим и державшим «твердые цены».⁵

5. «...В этих *крупных* магазинах роскоши» — этим определением я уже коснулся последнего и наиболее

¹ Enc. méth. Man. 2. P. 219 (статья «Ковродел»).

² *Savari*. Dictionnaire du Commerce 2. P. 714.

³ General Description of all Trades 1747. P. 49.

⁴ General Description... P. 215.

⁵ *Mercier*. Tableau de Paris. 7. P. 73.

важного пункта. Ибо очевидно, что по мере реализации всех вышеназванных принципов торговли расширялся — и не мог не расширяться — капиталистический базис, на котором основывались торговые предприятия.

В частности, о магазинах шелковых товаров нам сообщают, что они бывали весьма велики и вели обширную торговлю. По сведениям начала XVIII в., в одной из парижских розничных лавок (у Гальпена) в день иногда отпускалось материи на 80 000 ливров.¹ В 1727 г. «Совершенный английский торговец» рассказывает о некоем шелкоторговце, в магазине которого было занято великое множество рабочих и служащих (a great many servants and journeymen). Перед одной дамой, которую он обслуживал и которая намеренно пробыла у него два часа, так ничего и не купив, он выложил товара на 3000 фунтов стерлингов. Там же повествуется о другом шелкоторговце, у которого оборот достигал 40 000 фунтов стерлингов в год. Размер капитала, с которым в середине XVIII в. можно было открыть магазин шелковых тканей, один свидетель оценивает в 500–2000 фунтов стерлингов, другой — в 1000–10 000 фунтов стерлингов: «но и 10 000 фунтов, если ими неправильно распорядиться, произведут в этой отрасли лишь легкий шум».

Данные эти я извлек из двух любопытных и важных источников,² на основе которых можно определить уровень концентрации капитала в отдельных отраслях розничной торговли в Лондоне середины XVIII века. В них в алфавитном порядке перечислены все практиковавшиеся в тогдашнем Лондоне промыслы, и для каждого (в качестве ориентировочных для выбирающих себе профессию учеников или их родителей) указана минимальная сумма, необходимая для трудоустройства. Благодаря этим сведениям мы можем убедиться в правильности вышеизложенной точки зрения, согласно которой именно магазины, торговавшие предметами роскоши, и едва

¹ Correspondance du marquis de Balleroi. Publ. par le Comte E. de Barthélemy (у Юмбера де Галье. P. 57).

² A General Description of all Trades etc. 1747; *Campbell R.* The London Tradesman, being a compendious view of all the Trades. Professions Arts etc. 1747.

ли не только они, выдвигали действительно широкие притязания (к примеру, требовали свыше 500 ф. ст. основного капитала). К ним относятся следующие:

Книготорговля	500–5000 фунтов стерлингов		
Магазины китайских товаров	500–2000	»	»
Аптекарские товары	500–2000	»	»
Бакалейные товары	500–2000	»	»
Галантерея (тесьма, кружево и т. д.)	500–2000	»	»
Магазины трикотажных изделий (прежде всего шелковых)	500–5000	»	»
Теплицы (цветы и букеты)	500–1000	»	»
Нитяные изделия	500–1000	»	»
Украшения	2000	»	»

Из торговцев, которых нельзя отнести к числу торговавших исключительно предметами роскоши (по крайней мере непосредственно, хотя и они в конечном счете жили за счет богатых горожан), основным капиталом в размере более 500 фунтов стерлингов располагали только те, кто торговал углем, сталью и древесиной.

Чрезвычайно важное значение торговли предметами роскоши обуславливается еще и тем фактом, что торговые компании создавались обычно только купцами, торговавшими шелком и льном, или ювелирами (банкиры).¹

Таким образом, в розничной торговле — и именно в ней — капитализм тоже развивался благодаря распространению роскоши. Причины этого лежат на поверхности; в свернутом виде они уже рассматривались во всем предшествующем изложении. Приведу их ниже еще раз:

1. Капиталистическая организация торговли подразумевает самым своеобразием находящегося в обороте товара; это наиболее дорогостоящий и высококачественный товар, который первым среди всех остальных появляется на рынке в больших количествах.

2. Свообразие клиентуры способствует этому движению к капитализму; покупатели предъявляют очень вы-

¹ Complete English Tradesman. 1. 1745. P. 215.

сокие претензии к элегантности товара и любезности в обслуживании, к тому же эти аристократы (причина, которой в те счастливые времена придавалось, по-видимому, весьма большое значение, поскольку все советчики в торговых делах признавали ее важность) никогда не платили наличными, а то и вообще не платили; и тот, кто торговал товарами роскоши, при прочих равных условиях всегда должен был иметь в своем распоряжении большой капитал, поскольку его оборот (при предоставлении товаров в кредит) осуществлялся более медленными темпами.

3. Роскошь и сельское хозяйство

1. В Европе

В сельском хозяйстве спонтанное развитие капитализма начиналось по мере того, как земля, которую раньше возделывали крестьяне, превращалась в пастбище овец, предназначавшееся для удовлетворения растущего спроса на шерсть. В Средние века и позднее так обстояли дела, в частности, на юге Италии, в Испании и Англии. В Англии, как известно, помещичье овцеводство расширялось при Тюдорах за счет старых крестьянских хозяйств столь мощно и столь стремительно, что Томас Мор как-то в сердцах воскликнул: «Овца сожрала человека!» Я, правда, придерживаюсь мнения, что размеры уже «огороженных» к тому времени, т. е. превращенных главным образом в овечьи пастбища, площадей несколько преувеличиваются; и тем не менее процесс формирования крупных капиталистических предприятий действительно шел в сельском хозяйстве, и движение это продолжалось вплоть до XVIII в. Для становления современного капитализма этот процесс имеет двоякое значение: во-первых, поскольку создает формы самой капиталистической организации; и во-вторых, поскольку способствует формированию капиталистической промышленности, сокращая пространство, где добывал средства к существованию самостоятельный мелкий хозяин на селе.

И все это движение в целом, опять-таки, является порождением роскоши, ибо шерсть, вырабатываемая во вновь учреждаемых овцеводческих хозяйствах, служила материалом для производства тончайших тканей, которые высокоразвитое ткацкое производство Фландрии, Брабанта и Флоренции поставляло богатейшим потребителям, как еще будет показано в ходе дальнейшего изложения.

Помимо этого воздействие роскоши на сельское хозяйство выражалось еще и в том, что благодаря ему совершенствовалось и утончалось производство, а это в свою очередь вело к росту доходов, а следовательно и стоимости земли, и если и не побуждало собственников к учреждению капиталистических товарных хозяйств, то по крайней мере насыщало сельскохозяйственное производство капиталистическим духом, который впоследствии подрывает старые, феодальные формы сельского хозяйства и косвенно освобождает путь для общего капиталистического развития (что я и попытался продемонстрировать в своей книге «Современный капитализм»).

В этом отношении большинство технических и экономических перемен, которые мы замечаем в европейском сельском хозяйстве вплоть до XIX столетия, происходило благодаря росту потребности в товарах роскоши, свойственной богатым слоям населения. В сравнении с тем, какое влияние на сельское хозяйство оказала эта потребность, влияние массового спроса (в частности, спроса на зерно), несомненно, отходит на второй план. Революция в массовом спросе касается только одного момента: когда (как будет показано во втором томе настоящих «Очерков») в XVI в. на сцене внезапно появляются современные армии с их грандиозными требованиями. В остальном же производство зерна, обеспечивавшее потребности постепенно растущего городского населения, по-прежнему осуществлялось в рамках средневекового, феодального сельского хозяйства. Если со мной тут захотят поспорить и скажут, что развитию сельского хозяйства в большей мере способствовали размеры потребления зерна в таких крупных городах мира,

как Лондон, Париж, Амстердам, Милан или Венеция, то я возьму реванш, напомнив, что и сами эти города в их совокупности были порождением роскоши. Но я полагаю, что нам нет надобности прибегать к таким конструкциям, чтобы изменения, которые произошли в сельском хозяйстве до начала XIX в., отнести в основном именно на счет роскоши.

Стремительный взлет *итальянских* коммун в эпоху позднего Средневековья привел к тому, что почти повсюду в Италии сельское хозяйство приобрело современные черты: «L'abbondanza dei capitali aveva posto il paese in grado di dare ampio svolgimento alle opere d'irrigatione, di prosciugamento, di dissodamento ed ad altre miglionne. La ricchezza diffusasi in tutti I ceti della popolazione aveva... promosso l'aumento e il *raffinamento della produzione agraria*. La prosperità delle industrie tessile aveva offerto il modo di allargare considerevolmente la coltivazione di varie piante industriali etc...»,¹ — к такому заключению приходит один из лучших знатоков истории сельского хозяйства в Италии. А что в полях и в виноградниках тогдашней Италии действительно веял капиталистический дух, нам ясно показывает изучение большинства городских статутов, в которых речь почти всегда идет о сельском хозяйстве; чего они добиваются, это защита собственников от мошенничества и нерадивости арендаторов или колонов, формирование института полевых сторожей (*saltari*), установление штрафов за хищение с полей и т. д.

Подобные процессы развертывались в средние века и в сельском хозяйстве *Бельгии*, а кое-где, разумеется, также и в Германии, Франции и Англии, пусть даже в этих странах влияние развивающегося городского капитализма еще не было столь сильно, чтобы привести к преобразованию аграрной ситуации уже в эпоху Средневековья.

¹ Избыток капиталов дал стране возможность широко развернуть ирригационные и дренажные работы, распашку новых земель и прочую мелиорацию. Богатство, разраставшееся во всех сословиях, всех слоях населения..., способствовало увеличению объема и повышению качества сельскохозяйственной продукции (*итал.*). — *Bertagnolli C. Delle vicende dell' agricola in Italia. 1881. P. 226 seqq.*

Можно сказать, что уникального расцвета капиталистическое сельское хозяйство достигло в XVI в. в *Испании*: он был порожден быстро и интенсивно возраставшим спросом, в частности со стороны недавно разбогатевших конкистадоров, но и со стороны торговцев и финансистов, живших в испанских городах. На юге страны грандиозные размеры приобрело виноделие. Только Кадис с Севильей вывозили в Америку 140 центнеров вина. «В те времена влиятельные севильские купцы вознамерились обеспечить своим делам еще более мощный подъем, взяв в свои руки культивирование наиболее вожделенных сортов. Поскольку в их распоряжении находились неимоверно большие средства, было достаточно одной их воли, и долина Гвадалквивира до самой Сьерра-Морены словно по мановению волшебной палочки покрылась колышущимися нивами, великолепными фруктовыми и масличными садами и виноградниками, урожаем с которых доверху наполнялись корабельные трюмы».¹

В XVI в. кортесы жаловались, что вино, производство которого оказалось более рентабельным, отбирало почву у хлеба. Поэтому они старались воспрепятствовать тому, чтобы зерновые угодья сокращались под натиском виноградников.²

Но с особенной ясностью взаимосвязь между «подъемом сельского хозяйства» и возраставшим спросом на предметы роскоши можно проследить в *Англии* в течение XVII и особенно XVIII в. Нет никакого сомнения, что здесь революцию в сельском хозяйстве произвело растущее значение Лондона как центра потребления роскоши. И если истоки современного, рационального сельского хозяйства нам следует искать именно в Англии, то это в той же мере объясняется своеобразием статуса Лондона, в какой Колумелла со товарищи были обязаны своим процветанием древнему Риму.

Еще авторы, у которых мы черпаем сведения о сельской жизни в Англии последней четверти XVIII в., —

¹ Häbler K. Die wirtschaftliche Blüte Spaniens im XVI. Jahrhundert. 1888. S. 35.

²Свидетельства у М. Й Бонна (*Bonn M. J. Spaniens Niedergang. 1896. S. 113*).

Артур Янг,¹ обработчики Дефо, появившегося в 1788 г. в восьмом издании,² и даже Иден,³ — поспособствовали тому, что у нас сложилось впечатление, будто сельское хозяйство Англии в той мере, в какой оно развивалось новыми путями, импульсы к этому развитию получало исключительно от Лондона; точно так же и в донесениях из графств, которые в конце XVIII в. были составлены по поручению Торговой палаты, столица изображается центральным светилом, которое только и озаряет своим светом провинции. Всюду, где товары производятся для Лондона, сельское хозяйство прогрессирует: в теоретическом плане в его интенсивности можно выделить правильные круги, расходящиеся от центра «Города». Предпочтительнее выглядят графства Эссекс («the whole face of the country like a garden»),⁴ Суссекс,⁵ Кент,⁶ Суррей,⁷ Хартфорд,⁸ Норфолк,⁹ Суффолк,¹⁰ в которых «improvements of husbandry»¹¹ пользовались особенно большой популярностью. Если путешественник сталкивался с интенсивной работой сельскохозяйственных предприятий на большом отдалении от Лондона, он бывал удивлен, что довелось «вдали от столицы» увидеть нечто подобное,¹² и, наоборот, недоумевал, если область, лежащая невдалеке, не в состоянии была извлечь из своего расположения никакой пользы и продолжала двигаться старой колеёй экстенсивного земледелия.¹³

¹ Из работ А. Янга для наших целей особенно интересна его «Поездка по Югу» (*Young A. A six weeks tour through the southern countries of England & Wales*); я пользуюсь вторым изданием (1769).

² *Defoe D. A Tour etc.*

³ *Eden F. M. (Sir). State of the Poor or an History of the labouring Classes in England from the Conquest to the Present Period etc. 3. Vol. 1797.*

⁴ Вся страна — один цветущий сад (англ.). — *Defoe. 1. P. 101.*

⁵ *Young A. Southern Tour. P. 78 seqq.*

⁶ *Defoe. 1. P. 139, 160.*

⁷ *Ibid. 1. P. 199, 206.*

⁸ *Ibid. 2. P. 137.*

⁹ *Ibid. 1. P. 65; Young. Op. cit. P. 21 seqq.*

¹⁰ *Young A. P. 49 seqq.*

¹¹ Сельскохозяйственные усовершенствования (англ.).

¹² *Defoe. 3. P. 10* по Линкольнширу.

¹³ *Young A. P. 200*, по окрестностям Солсбери.

Цены на большинство сельскохозяйственных продуктов растут по мере движения от периферии к столице;¹ провинциальные жители справедливо подметили, что шоссе, которые в основном лучами расходились от Лондона по всей стране,² заставляют их тратить больше средств на поддержание своей жизни,³ и что лондонцы выхватывают у них из-под носа лучшие пищевые продукты, предоставляя им только облизываться.⁴

Если же спросить, благодаря чему Лондон мог оказывать столь большое влияние на уровень цен на сельскохозяйственные продукты, а тем самым и на формирование аграрно-промышленных предприятий, то ответ будет заключаться в том, что революцию тут произвел вовсе не рост населения. Ибо последний отнюдь не был так уж высок на протяжении всего XVIII века. Если доверять расчетам Петти и Кинга, то население Лондона уже в 80-е годы XVII в. составляло примерно 700 000 жителей,⁵ едва ли возросло за следующую сотню лет⁶ и в начале XIX в., в 1801 г., которому предшествовали еще несколько десятилетий небывалого притока, достигло цифры в 864 845 человек.

Столь существенное возрастание спроса на продукты сельского хозяйства в значительной мере было вызвано, скорее, тем, что *утончались вкусы потребителей* из состоятельных кругов населения. К тому же выводу мы придем, если рассмотрим динамику цен на различные сельскохозяйственные продукты в течение XVIII в.; мы видим, в частности, что английские цены на зерно, по крайней мере в первую половину столетия не обнаруживают никакой тенденции к росту, тогда как цены на многие другие продукты, прежде всего на мясо, напротив, растут.⁷ Факты, которыми мы располагаем относи-

¹ Ibid. P. 308 seqq.

² Hasbach, Die englischen Landarbeiter in den letzten hundert Jahren und die Einhegungen. 1894. S. 11 (Schriften des Vereins für Sozialpolitik. Bd. 59).

³ Young A. P. 317.

⁴ Defoe. 1. P. 182.

⁵ Петти говорит о 670 000. См. первый очерк в издании 1699 г.

⁶ Defoe. 3. P. 265.

⁷ Сводные таблицы у Гасбаха (Hasbach. S. 116 ff.).

тельно того, как действительно складывалось потребление, вполне подтверждают выдвинутую гипотезу. Прежде всего весьма значительным в Лондоне XVIII века было именно *потребление мяса*, которое, к тому же, за это время существенно возросло. Даже если не придавать слишком большого веса цифрам, сообщаемым, к примеру, Иденом,¹ — по его подсчетам, потребление мяса (кроме свинины и телятины) в конце века составило 90 фунтов на душу населения, т. е. величины, которой даже и до сих пор достигли не все крупные города, и, кроме того, в 60-е годы возросло на 50 % на душу населения, если предположить, что оно увеличилось на 100 000 человек, — то все равно нет никаких сомнений в том, что мяса потреблялось чрезвычайно много. О том же свидетельствуют, например, и дошедшие до нас описания знаменитого скотного рынка в Смитфилде,² который открывался два раза в неделю и не знал равных на Земле, или не менее известного мясного рынка Леденхолл, на котором, как заметил один испанский дипломат,³ за месяц продавалось такое количество мяса, что им можно было бы на год обеспечить всю Испанию.

По имеющимся у нас сведениям в середине XVIII в. в Лондоне действовало не менее 17 «больших мясных рынков», торговавших «всеми сортами нежнейшего мяса», на которых продавались также домашняя птица и дичь, «помимо множества разъезжих мясников», обеспечивавших своим товаром семьи, проживавшие на большом отдалении от рынка.⁴

О том же мы можем узнать и из сообщений об английском скотоводстве, широко распространившемся и отчасти уже достигшем высокого развития в XVIII в. Все они согласны в том, что развитое сельское хозяйство подразумевает прежде всего разбивку кормовых пастбищ и интенсивное разведение скота: так было в Кенте и в Норфолке, в Эссексе и в Сомерсетшире. Во многих об-

¹ *Eden*. 1. с. P. 334.

² *Defoe*. 2. P. 111.

³ *Ibid*. 2. P. 112.

⁴ *Miege-Bolton*, *The present state of Great Britain and Ireland*. 10 ed. 1745. P. 102.

ластях развернулась уже широкая специализация скотоводческих хозяйств — прежде всего, разумеется, между овцеводством и разведением крупного рогатого скота, но также и в более широком смысле, когда горные провинции, такие как Девоншир, начинали заниматься самим разведением скота, а плодородные низменности, подобные Сомерсетширу, — поставкой кормов.¹

О стремительном развитии скотоводческих хозяйств свидетельствует потрясающее воображение прирост среднего веса отдельного животного. На рынке Смитфилд он составлял:

	Быки	Телята	Овцы	Ягнята
1710	370 фунтов	50 фунтов	28 фунтов	18 фунтов
1795	800 фунтов	148 фунтов	80 фунтов	50 фунтов

Такую же тенденцию к специализации, позволяющую нам сделать вывод как о большей утонченности потребления, так и о высоком развитии техники сельскохозяйственного производства, мы наблюдаем и в отношении других продуктов сельского хозяйства. Перелистывая тома описаний сельской жизни, принадлежащих авторству Дефо, явственно вспоминаешь картины из посвященных земледелию сочинений римских писателей. Так, мы читаем об областях, чьей специализацией была поставка хмелевых культур (ячменя или солода),² тогда как другие выращивали необходимый для производства хмель.³ В одной местности предпочтение отдается выращиванию овса,⁴ в другой — картофеля.⁵ Лучшая домашняя птица разводится в окрестностях

¹ *Defoe*. 1. P. 324.

² Суррей, Беркшир, Оксфорд и особенно северный Уилтшир; собранный на сельских полях ячмень, предназначенный для лондонского рынка (отдельный рынок для солода был устроен в Куинхите), обрабатывался в Абингдоне, Фарингдоне (в том числе и перерабатывался в солод).

³ Близ Геннингема в Суффолке (*Young A. Southern Tour*. P. 69), в особенности же в окрестностях Фарингема (Суррей), где некогда цветущее зерновое хозяйство полностью сменилось выращиванием хмеля; *Defoe*. 1. P. 196; *Young*. P. 217.

⁴ Главным рынком овса для Лондона был Кройдон (Суррей); *Defoe*. 1. P. 217.

⁵ Части Эссекса; *Young*. P. 266.

Доркинга (Суррей),¹ лучший сыр изготавливается в Оксфордшире и Глостершире,² лучшее сало — в Уилтшире и Гемпшире,³ тогда как области вдоль Темзы занимаются плановыми поставками древесины,⁴ а в ближайших окрестностях Лондона на огородах выращиваются овощи. Kitchen-garden⁵ простираются до самого Грейвза, где выращиваются наилучшие сорта спаржи.⁶

2. В колониях

На колониальное сельское хозяйство рост европейского спроса на роскошь повлиял совсем по-другому: здесь к жизни непосредственно были вызваны капиталистические предприятия, задуманные на широкую ногу, — возможно, первые в подобном роде.

Что производимые почти во всех европейских странах продукты были высококачественными предметами роскоши, мы прежде всего узнали из перечней товаров колониальной торговли. Ибо эти обладавшие высокими достоинствами товары производились главным образом в сельском хозяйстве заморских стран. Артикулами, которые здесь нужно принять во внимание прежде всех остальных, были: сахар, какао, хлопок (до середины XVIII в. остававшийся роскошью) и кофе, целиком производившиеся в американских колониях, а также пряности — основной продукт восточноазиатских колоний; табак я исключаю, поскольку он, как возбуждающее средство, был распространен и в низших слоях населения (кроме наиболее изысканных сортов): «dans les colonies on ne travaille que pour le luxe», — со знанием дела сообщает один автор начала XVIII в.⁷

¹ Defoe. 1. P. 209.

² Defoe. 2. P. 32, 181.

³ Ibid. 2. P. 32.

⁴ В частности, лесистые местности Беркшира и Бэкингемшира: Defoe. 2. P. 32, 55.

⁵ Огороды (англ.).

⁶ Defoe. 1. P. 120.

⁷ В колониях работают только на роскошь (фр.). — Mélon. Essai sur le commerce. 1734 (Coll. des Ec. P. 696).

Если не принимать во внимание трудовой устав, служивший руководством в добыче пряностей в голландских колониях и развившийся в сложную систему принудительного привлечения к производству местного населения, то все вышеперечисленные товары роскоши производились в европейских колониях на крупных плантациях, носивших уже вполне капиталистический характер. По всей видимости, справедливо говорится о том, что здесь, вдали от традиций европейской культуры, и началось формирование чисто капиталистических отношений. Конечно, понятие капитализма в дальнейшем нужно трактовать более широко: капиталистическими следует называть и те организации, которые основаны на подневольном труде, по крайней мере если труд этот исполняют купленные на рынке рабы. Ибо всем известно, что предприятия в европейских колониях базировались на рабском труде. Однако все прочие атрибуты, характерные для капиталистического предприятия, конечно же, были налицо: всевластие принципов коммерции, торжество экономического рационализма, размах, социальный разрыв между руководителем производства и рабочими: «Сословие рабочих, занятых ручным трудом, которые больше ничего собой не представляют, выступает здесь в виде черного рабства во всей его чистоте и неприглядности» (Кнапп).

Крупнокапиталистический характер был присущ плантационному хозяйству уже в Средние века в принадлежавших *итальянским городам* колониях в Эгейском море. Здесь, на плодородной земле островов Крита, Хиоса, Кипра производилось вино, добывались хлопок, индиго, мастиковая и лаудановая смола, колоцинта, выращивались рожковые и тутовые деревья, смоква, маслины, но главное — здесь производился сахар. В окрестностях Лимиссо, например, Корнаро владели обширной плантацией сахарного тростника, которую Гистеле называл главным хранилищем всего Кипра. Когда эти местности в 1494 г. объезжал итальянец Казола, там работало 400 человек.

Позднее все эти особенности достигли гигантских размеров в *американских колониях*, где после краткого эпизода «красного» рабства господствующий статус приобрело рабство «черное».

Кэрн, один из лучших специалистов по теории рабовладельческого хозяйства, вскрыл причины того, почему черное рабство и производство, организованное по образцу крупного предприятия, во все времена связаны между собой, — как мы в полном взаимном согласии обнаруживаем их и в английских вест-индских колониях, и на Кубе, и в Бразилии, и на юге Северо-Американских Штатов: наши богатые плантаторы, считает Клей, скупают поля менее зажиточных соседей, расширяют свои угодья и наращивают состав рабов. Немногие богатеи, способные выжить при более низкой норме прибыли и имеющие возможность дать немного отдохнуть своим истощенным полям, сгоняют с этих мест множество независимых собственников.¹

Находящиеся в нашем распоряжении цифровые данные о размерах отдельных плантаций подтверждают правильность этих общих выводов. Согласно Лабату, который был хорошим наблюдателем, в 1700 г. стоимость плантации на французских Антилах оценивалась в 350–400 тыс. франков.² Сахарная плантация, описанная Александром фон Гумбольдтом,³ занимала более 650 гектаров земли, на которой трудилось 300 негров; величина капиталовложений составляла 2 000 000 франков. Другая, с 220 рабами, оценивалась в 35 000 фунтов стерлингов.⁴ В 1791 г. на французском Гаити было 792 плантации, из которых 341 в среднем стоили 180 000 франков, а остальные 451 — по 230 000 франков, и ежегодно они экспортировали не менее 750 000 центнерометров сахара на сумму свыше 100 млн франков; весь остров находился в руках небольшого числа плантаторов, которые

¹ Cairnes J. E. The Slave Power. 1863. P. 76.

² Labat. Nouv. Voyage aux isles d'Amérique. 1742.

³ Humboldt A. von. Nouv. Esp. 3. 179.

⁴ Hüne. Darstellung aller Veränderungen des Sklavenhandels. 1820.

назывались *les gros habitants*¹ и составляли замкнутую касту знатных господ.²

Представление о масштабах плантационного хозяйства и его огромном значении легче всего составить себе, приняв к сведению количество использовавшихся в нем рабов. Это вовсе не сложно, так как у нас есть достаточно точные статистические данные о численности рабов, по крайней мере для XIX, а частично и для XVIII в. Своей кульминации использование рабов достигает незадолго до отмены рабства, когда уже не все плантации, как раньше, служили производству предметов роскоши, в частности, когда хлопковые рабы уже снабжали пряжей своих европейских собратьев. Необходимые вычеты сделать будет несложно.

В 1778 г. в английских вест-индских владениях было задействовано 663899 рабов-негров.³ В других колониях, относительно которых мы располагаем более подробными сведениями,⁴ рабство развивалось следующими темпами (я привожу первый достоверный показатель и тот, которым характеризуется верхний предел):

Мартиника	1700	14 566
	1831	86 299
Гваделупа	1700	6 725
	1831	99 039
Французская Гвиана	1695	1 047
	1831	19 102
Бурбон	1776	26 175
	1834	70 425
Ямайка	1658	1 400
	1817	343 145
Барбадос	1722	69 870
	1829	81 500
Антигуа	1774	(верхний предел) 37 808

¹ Знатными островитянами (*фр.*).

² *Handelmann*. *Gesch. der Insel Hayti*. 1860. P. 28.

³ *Anderson*. *Orig. of Comm.* 4. P. 690.

⁴ *Moreau de Jonnès A.* *Rech. stat. sur l'esclavage colonial*. 1842.

Маврикий	1776	25 154
	1826	63 432
Куба	1774	44 333
	1827	286 942
Пуэрто-Рико	1778	6 530
	1836	41 818

Общее число рабов во всех рабовладельческих странах в 30-е годы XIX в. составляло 6 822 759 человек.

Не лишена некоторого очарования мысль о том, что милые барышни Парижа и Лондона могли поднять на ноги эту огромную чернокожую армию.

4. Роскошь и промышленность

1. Значение промышленности, производящей предметы роскоши

Здесь, в сфере промышленного производства, простирается то поле, на котором влияние роскоши особенно ощутимо; здесь взаимосвязь между расширением спроса на предметы роскоши и развитием капитализма очевидна даже слепому; здесь она ощутима просто наощупь.

Но если мы даже на почве самого поверхностного опыта, без всяких дальнейших разъяснений, можем констатировать, что многочисленные отрасли промышленности возникли ради удовлетворения спроса на предметы роскоши, что, следовательно, многие из них можно назвать отраслями «индустрии роскоши», то, когда мы глубже вдаемся в суть дела, перед нами все же встает вопрос: не слишком ли размытым оказывается *само понятие индустрии роскоши*, не следует ли нам в первую очередь договориться о том, что мы здесь под ним будем подразумевать.

Индустрия роскоши, скажут нам, это индустрия, производящая предметы роскоши: дорогие платья, элегантную мебель, украшения и т. п. Но что, если разобратся, представляют собой предметы роскоши? Ска-

жем, те, которые были только что перечислены и имеют между собой то общее, что все они непосредственно служат удовлетворению потребности в роскоши, несомненно, относятся к товарам индивидуального потребления, к товарам первого порядка. Поэтому предприятия, на которых эти товары производятся, мы без колебаний можем отнести к индустрии роскоши. А выделка парчи или бархата — не следует ли и ее причислить к этой отрасли? Между тем она производит не товар индивидуального потребления, но и средство производства (материю для пошива платьев), т. е. товар второго порядка. Но если шелкоткачество является одной из отраслей индустрии роскоши (а не относить его к ним означало бы попросту насиловать наш язык, т. е. разъединять то, что между собою связано), то разве не следует причислить к ним и шелкопрядение, поскольку оно изготавливает сырье для шелковой пряжи, так сказать, высококачественный товар третьего порядка? А ткацкий станок, на котором прядут шелк, — он тоже относится к предметам роскоши, и следовательно производство ткацких станков мы тоже должны относить к этой индустрии? Если же считать, что со средствами труда, к каковым принадлежит ткацкий станок, дело обстоит по-другому, то что мы скажем о лесопильне, снабжающей досками мебельную мануфактуру, т. е. вырабатывающей товар второго порядка на пути к созданию такого предмета роскоши, каким является изящная мебель, — можно ли ее причислить к предприятиям индустрии роскоши?

Думаю, нет. Полагаю, что даже чугунолитейный завод, на котором были отлиты чугунные трубы для версальских фонтанов, т. е. произведен товар, без которого не могло быть возведено это необычайно роскошное сооружение, мы не можем отнести к этой отрасли.

Какая-то связь между промышленными предприятиями такого рода и эволюцией роскоши, конечно же, существует. И если значение этого культурного феномена мы захотим оценить во всей его широте, то должны будем принять во внимание и эти его особенности. Ибо всех этих промыслов, которые хотя бы в некоторой мере уча-

ствуют в покрытии спроса на предметы роскоши, в мире попросту не существовало бы, если бы в нем не было роскоши. И очень многие отрасли раннекапиталистической промышленности появились на свет отчасти как раз благодаря ей. Хотя связи тут иногда бывают очень отдаленными: по мере того как стекольная промышленность и прочие ветви индустрии роскоши расходовали на свои нужды древесину в лесах, все более возжеланным топливом становился каменный уголь, и спрос на него становился тем выше, чем больше людей оседало в купающихся в роскоши крупных городах. Так возникла одна из крупнейших индустрий раннекапиталистической эпохи: угольная промышленность Ньюкасла.

Но говоря о влиянии роскоши на преобразование промышленного производства, я имею в виду даже не эту индустрию; она связана с роскошью не напрямую, и ее можно было бы назвать *опосредованной* индустрией роскоши. Скорее, я веду здесь речь об индустрии роскоши в «собственном» смысле слова, которая вполне отчетливо воспринимается нами (по крайней мере интуитивно) как особая категория промышленности, отличающаяся от других. Не следует, однако, ограничивать понятие *подлинной*, так сказать, *непосредственной* индустрии роскоши теми промыслами, которые производят предметы роскоши первого порядка, поскольку тогда нам пришлось бы, как уже было сказано, исключить такие общепризнанные отрасли «индустрии роскоши», как выделку парчи или золотого галуна.

По моему мнению, признаком, задающим существенное определение индустрии роскоши, можно считать качество самого производимого товара: в зависимости от того, является ли он сам продуктом высокого качества, вырабатывающий его промысел может или не может быть отнесен к отраслям индустрии роскоши. Поэтому шелкопрядильня, хотя на ней производятся предметы роскоши третьего порядка, относится к таким отраслям, а лесопильня, производящая предметы роскоши второго порядка, — нет. Если роскошь и приводит к возникновению капитализма в таких промышленных отраслях,

производящих товары не самого высокого качества, то это всегда происходит благодаря массовому сбыту. И, разумеется, массовому сбыту, осуществляемому ради удовлетворения спроса на предметы роскоши.

Таким образом, сейчас мы рассматриваем только непосредственную индустрию роскоши. Но даже если иметь в виду только ее, все же сфера влияния роскоши и ее роль в формировании экономической системы капитализма исключительно велики. К сожалению, нам скорее всего придется с самого начала отказаться от надежды составить себе какое бы то ни было количественное представление об этой роли, в частности оценить, в какой мере роскошь участвует в процессе перевода промышленного производства в русло капиталистической организации. Мы не в состоянии сделать это даже сегодня, т. е. прибегая к помощи хорошо разработанной профессиональной и промышленной статистики. И не можем просто потому, что ни ныне, ни в прошлые столетия отрасли индустрии роскоши (или хотя бы индустрии качества) в количественных, цифровых значениях не учитывались. Заходит речь о «шерстоткачестве», но ни одна статистика в мире не проводит различения, идет ли дело о производстве тонкого или же только грубого сукна; и так происходит повсюду. Поэтому в отношении множества производств, хотя в целом их объем отражается в количественных показателях, невозможно сказать, насколько велики в их пределах масштабы индустрии роскоши, тогда как относительно других отраслей промышленности, занимавшихся производством исключительно предметов роскоши, таких как выделка гобеленов, производство галуна или ювелирный промысел, это сделать можно. Такие производства, где наряду с тонким товаром вырабатывался и товар грубого качества, можно, в противоположность к «чистым» отраслям индустрии роскоши, назвать «смешанными» отраслями.

Итак, если даже сегодня (в частности, для Германии) невозможно сказать, какой процент промышленных рабочих занят в сфере индустрии роскоши, насколько же

более ограниченными возможностями мы располагаем, пытаясь определить подобные количественные соотношения для прошедших столетий, для которых у нас нет даже общей отраслевой статистики.

И если мы, несмотря на это, все же хотим оценить значение, присущее спросу на роскошь в процессе развития промышленного капитализма, то должны, как и во всех аналогичных случаях, идти окольным, индуктивным путем, изучая всевозможные монографии; мы должны прежде всего постараться выявить для себя принципиальное своеобразие, которым отличаются особые явления промышленной жизни, признанные и повсюду рассматриваемые именно как отрасли капиталистической индустрии роскоши.

Тогда сможем, по крайней мере, показать:

1) что широкий размах и особое, абсолютное значение приобретали некоторые отрасли индустрии роскоши, и это их значение мы можем ощутить на многочисленных примерах;

2) что промышленные отрасли, наиболее явно связанные с роскошью, очень рано приняли капиталистические формы;

3) что в рамках одних и тех же промыслов капитализм, как правило, прежде всего развивался в тех отраслях, которые производили предметы роскоши;

4) что в отраслях индустрии роскоши в первую очередь происходило становление крупнокапиталистических и крупнопромышленных форм организации производства.

Все это проступит для нас более отчетливо, если мы по отдельности рассмотрим отрасли чистой и смешанной индустрии роскоши.

2. Чистая индустрия роскоши

а) Шелковая промышленность. О том, что в раннекапиталистическую эпоху шелкопромышленность играла чрезвычайно важную роль в экономической жизни евро-

пейских народов, знают даже наши «историки». Значит, этот факт можно считать в известной степени установленным и не тратить время на его доказательство. Приведем здесь некоторые цифры. Стоимость лионских шелковых изделий в период с 1770 по 1784 г. составляла примерно 60 млн франков в год (по данным Encycl. meth). Совокупный импорт во Францию в 1779–1781 гг. выражался в сумме 208, 216 и 269 млн франков соответственно, экспорт – в сумме 235, 236 и 260 млн франков, значит, общий объем внешней торговли составлял в эти годы 443, 452 и 529 млн франков; таким образом, стоимость товаров из шелка, произведенных в одном только Лионе, составляла $1/8$ – $1/7$ этой суммы. Поскольку общая стоимость всех товаров, перевезенных через немецкую границу в 1911 г., составила 19.161 млн марок, полная сумма в 60 млн франков сегодня соответствовала бы 2400–2700 млн марок. Для сравнения: согласно производственной статистике имперского экономического ведомства, общая стоимость выплавленного в Германии чугуна (в 1908 г.) составила 657 152 000 марок, стоимость выделанной хлопчатобумажной пряжи — 644 464 000 марок, стоимость добытого каменного угля (1910 г.) — 1 535 258 000 марок. Следовательно, чугун, пряжа и уголь вместе имеют для нынешнего народного хозяйства цивилизованной страны приблизительно такое же значение, какое для народного хозяйства Франции в XVIII столетии имела шелкопромышленность одного Лиона, причем нужно еще учесть, что 130 лет назад внешняя торговля играла в экономике европейских стран гораздо более весомую роль, чем сегодня. Шелковая промышленность Берлина производила товара на 3–4 млн талеров, в то время как общая стоимость продукции, вырабатываемой на берлинских фабриках и мануфактурах составляла около 6 млн талеров (в 1783 г., по подсчетам Николаи, — 6 098 226 талеров).

Эта стандартная для того времени индустрия стала одним из первых промыслов, которые оказались подчинены капиталистической организации (что нас здесь как раз и интересует), так что мы вполне можем сказать, что

она составила эпоху в истории промышленного капитализма. При этом уже очень рано в шелкопромышленности обнаруживаются характерные примеры всех форм капитализма: подобно тому как в ней, по-видимому, впервые получил развитие кустарно-промышленный способ производства, мануфактура и фабрика в своей завершенной, развитой форме тоже впервые встречаются именно в сфере шелкопромышленности; шелкопрядильни XIV в. были колыбелью крупных производственных корпораций.

В каких формах шелкопромышленность развивалась во многочисленных итальянских (в частности, венецианских и генуэзских) *ближневосточных колониях*, нам не известно. Вероятно, здесь производственная система была на рабстве или крепостной зависимости. В европейских же государствах капиталистическая шелкопромышленность — и прядение, и ткачество — на первых порах развивалась почти исключительно в рамках *кустарного* способа производства, причем началось это развитие, как я уже говорил, довольно рано.

Как видно из Статутов от 27 марта 1324 г., в *Париже* уже в начале XIV в. прядильщицы и крутильщицы, «*filaresses*», как их называли, состояли в отношении наемных работниц со своими работодателями — шелкоторговцами, закупавшими шелк-сырец и, по прохождении стадий прядения, кручения и выделки, продававшими его для шитья, производства кружев или тканей.¹

По той же раздаточной системе шелкопромышленность (в частности, шелкоткачество) в XIV в. была организована в Венеции,² в XV в. — в Генуе (Статут 1432 г.),³ на том же трудовом уложении основывались и прочие центры *итальянской шелкопромышленности* — Лукка, Флоренция, Милан. Когда в XVI в. шелковая мануфактура возникает в Лионе, она тоже появляется в виде кустарной промышленности: уже первый Статут

¹ См.: *Pariset E.* Hist de la Fabrique lyonnaise. 1901. P. 15.

² *Broglio d' Ajano R.* Die venetianische Seidenindustrie. 1893. S. 2.

³ *Sievehking H.* Die genesische Seidenindustrie (Schmollers Jahrbuch. 21. 1897. S. 101-103).

1554 г. содержит пространные определения касательно расхищения сырья,¹ а эдикт от 28 января 1554 г. говорит о «скупщиках, которые руководят предприятием, притом что сами не просиживают весь день за ткацким станком» («marchands conduisant la manufacture de velours et de draps de soie sans être assis toute la journée sur le métier et mener la navette»)² Мы знаем, что впоследствии кустарно-промышленная организация производства шелка превалировала и во всех остальных странах.

Однако наряду с раздаточной системой в шелкопромышленности, по-видимому, уже очень рано получило развитие и закрытое *крупное коллективное предприятие* — в форме мануфактуры или по преимуществу фабрики. Пожалуй, шелковый промысел и предлагает нам первый в средневековой Европе достоверный пример фабрики, действовавшей на капиталистической основе. Конечно, нужно с большой осторожностью истолковывать дошедшие до нас от ранних веков сообщения о зарождавшейся в те времена индустрии. Ведь зачастую, когда речь там идет о фабриках или мануфактурах, подразумевается отнюдь не форма предприятия, а всего лишь сам промысел, ремесло как таковое; и даже когда говорится, что тот или иной предприниматель открыл шелковую мануфактуру, в которой заняты 500 человек, все еще остается неизвестным, идет ли речь о крупнопромышленной или о кустарной организации производства.

И все же примеры крупнопроизводственных форм в шелкопромышленности можно с достоверностью обнаружить даже для очень раннего времени; для шелкоткачества, конечно, не ранее XVI в. Первой известной мне мануфактурой в этой отрасли было предприятие Рауле Виара, одного из основателей лионской шелковой индустрии, разместившего под одной крышей 46 ткацких станков. Но еще раньше (причем сразу в виде фабрик)

¹ Pariset E. Op. cit. P. 35.

² См.: Godart. L'ouvrier en soie. 1899. P. 89.

крупные предприятия появляются в шелкопрядении. Предприятия, которые описывает Алидози и которые представляли собой шелкопрядильни на 4000 нитей с водяным приводом, по свидетельству этого автора, возникли еще в первой половине XIV в., поскольку сохранились сведения о том, как 23 июня 1341 г. город Болонья выдал некому Болоньино ди Баргезано из Лукки разрешение на устройство такой механической шелкопрядильни, в которой «одна-единственная машина выполняет работу за 4000 прях». Интересующее нас место выглядит так:

«Sono certe machine grandi, le quali mosse da un piccolo canaletto d'aqua di Reno fanno ciascuna di loro con molta prestezza Filare, Torzere ed addoppiare quattro milla fila di Seta, operando in un istante quel, che farebbono quattromila Filatrici e quell' acqua ha proprietà di fare la Seta buona e vaga e lavorano ogn' anno centottanta milla libre di Seta, cioè centomilla di forestiera, e ottantamilla di nostrana con la seta doppia, e secondo, che n' è abbondanza. E la più antica memoria che di questi hò trovata è stata dell' anno 1341 à 23 guigno, che la città concesse licenza à Bolognino di Barghesano da Lucca, habitante in Bologna, nella Capella di S. Lucia di potere construere un filatoio da seta nella capella di S. Biagio sopra il fossato presso le mura della Città. Et nel 1345 fu fatto un decreto, che Giovanni Oreto della Capella di S. Colombano potesse havere acqua per un filatoio da seta nel borgo Polecino».¹

¹ Там стоит несколько больших машин, приводимых в движение водой из маленького, отведенного от Рено канала, и каждая из них с большой скоростью прядет и скручивает по 4000 шелковых нитей, т. е. одновременно выполняет работу четырех тысяч прядильниц, причем водяной привод позволяет им вырабатывать шелк высокого качества, сотнями тысяч фунтов ежегодно, а именно, 100 000 привозного и 80 000 нашего, с двойной нитью, но и того еще не хватает. Есть очень старая запись, гласящая, что они были приобретены и установлены 23 июня 1341 г., и что город выдал некому Болоньино ди Баргезано из Лукки, проживавшему тогда в Болонье, рядом с капеллой Санта-Лючия, лицензию на строительство шелкопрядильни возле капеллы Сан-Бьяджо, за рвом, вблизи городской стены. А в 1345 г. был издан декрет, по которому некому Джованни Оreto из капеллы Сан-Коломбано дозволялось брать воду для шелкопрядильни в селении Полецино (*итал.*). — *Alidosi A. Istruzione delle cose notabili di Bologna. 1621. P. 37.*

По 1371 г. Алидози ниже (с. 38) называет 13 «*filatogli di seta*»;¹ все они принадлежали коммуне и сдавались предпринимателям в аренду.

Эта болонская крутильно-мотальная машина пользовалась широкой известностью. И. Бехер пишет о ней:² «В Италии, в Болонье, изобрели шелкопрядильную машину, которая сама разматывает и скручивает шелк, но механизм этот очень громоздкий, дорогой и трудно регулируемый, состоит из многих тысяч деталей, зубцов и ремней, из-за чего часто ломается. Итальянцы держат его в таком достоинстве и секрете, что показывать его кому-либо запрещено под страхом виселицы. Примерно такую же машину, сделанную по образцу итальянской, я видел в *Мюнхене*, но она мне не очень понравилась: слишком дорого стоит и состоит из множества мелких деталей».

Судя по этим словам, такие крупные машинные шелкопрядильни вряд ли были распространены за пределами Италии. Скорее всего, в других странах крупные шелкопрядильные фабрики начали развиваться только в XVII в., когда нашлось применение изобретению самого Й. Бехера. Он рассказывает нам, что его машина была установлена на фабрике, которую город Гарлем построил специально для этой цели: фабричное помещение было трехсот футов в длину и обошлось в 40 000 флоринов. Бехер приехал в Нидерланды в 1676 г.; в начале 1680-х гг. он упоминает о крупных «шелковых фабриках», открытых в Утрехте и обеспечивавших куском хлеба 500 работников; вполне возможно, что речь шла именно о шелкопрядильнях. Впрочем, изобретение Бехера способствовало, скорее, возврату от фабрики к мануфактуре, поскольку его «машина редко ломалась, легко заводилась и работала без особого грохота, так что один человек мог одновременно разматывать тысячи прядей, тогда как болонскую машину приводила в движение вода».

¹ Шелкопрядилен (*итал.*).

² *Becher J. J. Narrische Weisheit. 1686. S. 19 ff., 234.*

Итак, с XIV в. в Италии, а с XVII в. уже, несомненно, и в северных странах существовали шелкопрядильни, организованные как крупные промышленные предприятия (в Англии их называли silk-mills,¹ что, возможно, свидетельствовало о наличии водяного привода). Дефо в своих разъездах встретил такую «шелковую мельницу» в Шеффилде; построена она была по стокпортскому образцу: 5 этажей в высоту, 90 ярдов в длину и работало на ней 200 человек.²

б) *Кружевная промышленность*. Эта отрасль индустрии роскоши имела большое значение для некоторых стран и отдельных их районов. В 1669 г. во Франции в производстве кружев было занято 17 300 работников и работниц.³ В королевстве Саксония в XVIII в. целые слои населения жили за счет своих коклюшек. Хорошо, что Христиан Людвиг Циглер, управляющий ганноверским земельным строительством, 18 июня 1775 г., желая достичь Шнееберга, предпринял поездку из Хемница в Цвениц и что впечатления, полученные от этого путешествия, он изложил в письме к своему другу Иоганну Бекману, ординарному профессору экономии в Геттингене:⁴ благодаря этому письму мы знаем хотя бы, как тогда обстояли дела с плетением кружев в рудных горах, знаем, что в каждом доме «на столе лежало ровно столько коклюшных подушечек, сколько в нем было женщин». Мы узнаём, что дети уже с пяти лет «начинали выплетать кайму с помощью пары коклюшек, а одной трёхлетней девчужке игрушкой служил перевязанный шнурком мешочек с четырьмя спицами».

Если эти плетеные кружева, возможно, уже в XVIII столетии перестали быть исключительно предметом роскоши, которую могли себе позволить только богатые люди, то о тонких нитяных кружевах, которые выделывались в Брананте, а со времен Кольбера также и во

¹ Шелковые мельницы (англ.).

² Defoe D.. A Tour through the island of Great Britain. 3e. 1778. P. 104.

³ Moreau de Jonnés A. Etat écon. et soc. de la France. 337.

⁴ Beckmann J. Beiträge zur Oekonomie etc. 1. 1779. S. 108 ff.

Франции, можно сказать, что они находили сбыт только в высших кругах общества.

Производство всегда было организовано одинаково: работников нанимали коммерсанты, «которых в рудных горах называли „кружевниками“»; под их началом состояли (во Франции) распределительницы, каждая из которых, в свою очередь, имела в услужении 4–5 работниц.

Но наряду с этим в кружевной индустрии возникли предприятия совершенно особой организации, подобных которым я не знаю ни в какой другой отрасли: учреждались (во Франции) настоящие пансионаты, в которых работницы жили и столовались, а возможно, и получали свои уроки. О таких заведениях сообщается в некоторых бухгалтерских документах.¹

При устройстве в 1699 г. такой «*manufacture de dentelles*»² в Сен-Дени некто Клеман де Гуфревиль подает следующую смету:

Нити и т. п.	6000 ливров
20 кроватей для наставниц	1000 »
200 кроватей для учениц и работниц	6000 »
400 пар покрывал для них	1000 »
40 пар покрывал для кроватей на- ставниц	400 »
Столовая посуда	500 »
Столовое белье	500 »
Жалованье наставниц (по 200 л.)	4000 »
Довольствие учениц (по 100 л.)	20 000 »
Итого:	96 300 ливров

с) *Производство зеркал* развертывалось на весьма широкой крупнокапиталистической основе; в 1704 г. во Франции конкурировали две компании: Домб (Тур-ла-Виль) и Сен-Гобен (Париж). Последнюю двумя годами ранее за 990 000 л. купил Антуан Даженкур, богатый парижанин.³ На зеркальной мануфактуре в Фобу-

¹ Из Национального архива; цит. по: *Martin*. Louis XIV. 1899. P. 240–241.

² Кружевной мануфактуры (*фр.*).

³ *Martin*. Op. cit. P. 301.

ре (Сент-Антуан) трудилось 500 рабочих. Мерсье оставил нам описание этого предприятия, где 400 человек работали в одном шлифовальном зале.¹

d) *Производство фарфора* было в XVIII в. индустрией роскоши par excellence. Фарфоровые мануфактуры, в большей или меньшей степени организованные на казенный счет, возникли в Мейсене (1709), Вене (1718), Гексте (1720), Венсенне (1740), Севре (1756), Капо ди Монте близ Неаполя (1743), Фюрстенберге (1744), Берлине (1750), Франкентале (1755), Нимфенбурге и Людвигсбурге (1758), Копенгагене (1772). Вокруг них кишмя кишели частные предприятия.²

Фарфоровые мануфактуры быстро разрастались в крупнейшие предприятия, какие только знала тогдашняя эпоха. В Берлинской мануфактуре уже в 1789 г. было занято 400 рабочих.³ Персонал Мейсенской рос следующими темпами:⁴ 1719 г. — 26 человек, 1730 — 49, 1740 — 218, 1745 — 337, 1750 г. — 378 человек.

e) *Прочие отрасли*. Нет смысла приводить здесь аналогичные данные по другим отраслям чистой индустрии роскоши, как это было сделано для вышеперечисленных, которые я выбрал лишь в качестве примера. Это только утомило бы читателя, поскольку всюду господствует одна и та же картина: насколько мне удалось установить, не было ни одной отрасли, действительно производящей предметы роскоши, которая самое позднее к концу XVIII в. не приняла бы капиталистическую, а нередко и крупнопромышленную форму, если только она (как чаще всего и было) с самого начала не строилась на капиталистической или крупнопромышленной основе. Такова (со времен Мурано) *стекольная промышленность*, такова же и *промышленность сахарная*: по подсчетам Кемдена, лондонский «кондитер» в XVIII в. дол-

¹ *Mercier*. Tableau de Paris. 9. P. 319 seqq.

² *Martin*. Op. cit. P. 150 seqq.

³ *Wiedfeldt O.* Entwicklungsgeschichte der Berliner Industrie. 1898. S. 322.

⁴ *Böhmers V.* Urk. Geschichte und Statistik der Meißner Porzellanmanufaktur von 1710 bis 1880, mit besonderer Rücksicht auf die Betriebs-, Lohn- und Kassenverhältnisse (Zeitschr. d. Kgl. sächs. Stat. Bureaus. 26. 1880. S. 44 ff.).

жен был располагать капиталом в 1000–5000 фунтов стерлингов; таково *ювелирное дело*, как и всякая работа по золоту: Франсуа-Тома Жермен, знаменитый ювелир, в 1748 г. унаследовавший от своего отца место в Лувре, пустил в оборот 3 000 000 франков и обанкротился на 2 400 000 франков, минимальный капитал лондонских ювелиров должен был составлять 500–3000 фунтов стерлингов; в Берлине крупнейшим предприятием в XVIII в. была золотая и серебряная мануфактура, производившая галуны, ленты, кисти и т. п.; в 1784 г. на ней работало 813 человек, в 1799 — 1013, в 1801 г. — 1151 человек; таково же и *производство вышивки*: в 1774 г. один француз основал в Берлине мануфактуру, обеспечивавшую заработком 77 работников и производившую множество «богато отделанных вещиц из шелка, служащих украшением мужскому и женскому полу»; таково и *производство искусственных цветов*: в 1776 г. в Берлине была учреждена первая фабрика такого рода, на которой в 1784 г. было произведено товара на 24000 имперских талеров и было занято 140 «особ женского пола».

3. Смешанные отрасли

Мы видим, что в отраслях индустрии роскоши повсюду царит капитализм и что производство в них зачастую организовано в рамках крупного предприятия; в рассмотренных нами случаях такое предприятие и сам капитализм развивались *наряду* со старым ремесленным производством. Но в какой мере индустрия роскоши и капитализм действительно неотрывны друг от друга и, следовательно, какое чрезвычайное значение для развития капитализма имело увеличение спроса на предметы роскоши, мы вполне сможем оценить, только когда проведем перед нашим мысленным взором те отрасли этой индустрии, которые развивались в рамках старых ремесел, из этих ремесел путем их дифференциации. Ведь тогда мы увидим (и в историко-экономическом аспекте это самое важное познание, которое мы тут можем обрести),

что сферы ремесленного производства, которые оказались подчинены капитализму, всегда охватывали те производства, которые служили удовлетворению спроса на роскошь. Иными словами, во многих ремеслах уже в раннекапиталистическую эпоху шел процесс дифференциации: квалифицированный, художественный труд отделялся от грубой ручной работы и обособлялся в своих собственных, специальных промыслах; последние принимали капиталистический характер, тогда как низкоквалифицированный труд еще долгое время оставался прерогативой ремесленника, пока и он (но уже только в наши дни) не сделался объектом капиталистической организации производства. *Ремесло и индустрия роскоши стали взаимоисключающими противоположностями* также и в сознании современников, о чем ясно свидетельствует прекрасное и весьма достопримечательное описание Мерсье:

«Les artisans paroissent les individus les plus heureux. Tirant parti de leur industrie et de leur dextérité, ils se tiennent à leur place, ce qui est aussi sage qu'infiniment rare. Sans ambition comme sans vanité, ils *ne travaillent que pour leur entretien et leurs divertissements(!)*, ils sont honnêtes et civils envers tout le monde, parce qu'ils ont besoin de tous les états. La vie des artisans est rangée; on dirait qu'étant voués à des occupations plus utiles *que celles des arts de luxe* ils en sont récompensés par le calme de la conscience et la tranquillité de la vie. Un menuisier a un air de probité que n'a point le peintre en émail».¹

¹ Ремесленники, казалось, были очень довольны. Извлекая выгоду из своего промысла и своих умений, они были на своем месте, проявляя редкую мудрость. Не имея никаких амбиций и честолюбивых замыслов, *они работали только ради поддержания своего существования да ради своих удовольствий(!)*, они были честны и учтивы по отношению ко всему остальному миру, поскольку вели дела со всеми условиями. Ремесленники жили размеренной жизнью; им словно предрешено было заниматься делами более полезными, чем занятия *изящными ремеслами*, за что они вознаграждались спокойной совестью и безмятежной жизнью. Столяру свойственна честность, какой никогда не бывает у художника, занимающегося росписью по эмали (*фр.*). — *Mercier*. Tableau de Paris. 11. 1778. P. 41–42.

Чтобы отличить такие промыслы от отраслей чистой индустрии роскоши, мы будем называть их «смешанными», поскольку они работали на удовлетворение как тонких, так и более грубых потребностей.

Разумеется, здесь тоже не может быть речи о том, чтобы выполнить полный обзор всех интересующих нас промыслов. Поэтому я вновь удовольствуюсь тем, что обосную правильность моего хода мыслей на примере некоторых из них, наиболее важных.

а) *Шерстеобрабатывающая промышленность*. Нет нужды говорить, что шерстеобрабатывающая промышленность наряду с шелкообрабатывающей была важнейшей отраслью в раннекапиталистическую эпоху. Само собой разумеется, она вырабатывала ткани и для бедных, и для богатых. Однако там, где мы сталкиваемся с «расцветом шерстепромышленности», где она составляла гордость занимавшихся ею городов и государств и умножала их богатство, это всегда была промышленность, вырабатывавшая тонкие, дорогие ткани, т. е. «индустрия роскоши», и уже в ранние времена она была организована по капиталистическому образцу, по образцу крупных предприятий (до тех пор, пока потребности армии в свою очередь не вызвали к жизни весьма значительную по своему размаху, капиталистическую отрасль ткачества, производящую товары массового потребления).

Иными словами, в той мере, в какой шерстеобрабатывающая промышленность участвовала в формировании современного капитализма, она была именно индустрией роскоши.

Пожалуй, самым ранним, но уже вполне капиталистическим, на широкую ногу организованным производством было *флорентийское* шерстоткачество. Общеизвестно, что именно оно вкупе с шелкопромышленностью составляло основу блеска и могущества Флоренции (коль скоро они объяснялись не одними только финансовыми махинациями). А что эти промыслы очень рано, вероятно, уже с XIII в., базировались на капиталистической основе, в своих прекрасных исследованиях убедил

тельно показал Альфред Дорен.¹ Уже первый цеховой устав Калималы (1300 г.) свидетельствует о том, что кустарно-промышленное производство пустило здесь глубокие корни.

Но нет никаких сомнений и в том, что шерстепромышленность относилась к индустрии роскоши в строгом смысле слова. История цеха Калималы (который, как известно, представлял собой обрабатывающее предприятие) довольно темна. Достоверно только одно: флорентийская торговля достигла полного расцвета лишь после того, как благодаря введению ряда перерабатывающих процессов (крашение и отделка) удалось настолько повысить качество и достоинство ввозимого с севера грубого фабриката, что он смог удовлетворить самым утонченным притязаниям, которые стремительно разраставшаяся роскошь предъявляла и на Востоке, и на Западе. Претензии и вкусы мусульманского мира были известны, флорентийцы сами импортировали из султаната Альгавры тончайшее сукно: благодаря этому они мало-помалу сумели проникнуть в секреты заморской индустрии роскоши, в техническом отношении более совершенной, научились придавать грубому сукну, производимому в северных странах, тонкий блеск, переливающиеся краски, коими флорентийский продукт и стал с той поры отличаться от всякого другого.² «Più ranni e più fini sanno fare in Firenze che in alcuno altro luogo»,³ — писал Горо Дати в середине XV в.

Так, в силу особых качеств своей продукции шерстеобрабатывающая индустрия Флоренции возвысилась над подобной промышленностью других городов и стран. В самом городе производители тонкого сукна тоже начали обособляться от производителей грубого (поскольку в общем потоке продукции встречались, конечно же, и товары не столь высокого качества). В XIV в. они были разделены даже топографически:

¹ Doren A. Die Florentiner Wollentuchindustrie. 1901. S. 23.

² Doren A. Op. cit. S. 22.

³ Известно, что во Флоренции производится больше тканей, — причем более изысканных, — чем в каком-либо другом месте (*итал.*).

речь идет о противостоянии района Гарбо и квартала Сан-Мартино. Но что мне кажется более всего любопытным, так это то обстоятельство, что в Гарбо, где вырабатывались товары грубого качества и массового потребления, обитали мелкие мастера, более заинтересованные в цеховой, ремесленной организации производства, тогда как в Сан-Мартино, где, собственно, располагались предприятия индустрии роскоши, верховодили представители торгового капитализма. Об этом свидетельствуют по крайней мере распри, которые постоянно возникали между Гарбо и Сан-Мартино.¹

Об *испанской* шерстепромышленности мы знаем мало. По известным данным, она пережила «расцвет» в XVI веке. Но мы можем составить себе некоторое представление об ее устройстве, если примем во внимание, что это, во-первых, была именно индустрия роскоши (поскольку речь идет о «расцвете»), и во-вторых, что она была организована по капиталистическому образцу (коль скоро производила товары роскоши).

Гвиччардини рассказывает: «Oggi hanno cominciato in qualche luogo a attendervi e di già in qualche parte della Spagna si lavorano panni e drappi da altebassie e d'oro in fuori come in Valenza, in Toletto, in Sibilìa».² А в относящемся к XVI в. описании одной торжественной процессии в Сеговии есть следующий поучительный пассаж:

«Вторыми шли шерстепромышленники и сукноделы, которых в народе неправильно именуют «купцами». На самом деле это настоящие отцы семейств, которые в своих домах и за их пределами дают работу множеству людей, каждый — двум, а то и трем сотням человек. Чужими руками они производят огромное количество *тончайшего сукна*».³

¹ Doren A. Die Florentiner Wollentuchindustrie. S. 86 ff.

² Ныне в некоторых городах начали обращать на вас внимание и во многих провинциях Испании — в Валенсии, Толедо, Севильи — уже производятся сукно и золотые ткани (*итал.*). — Guicciardini. Opere. 6. P. 275–276; цит. по: Habler K. Die wirtschaftliche Blüte Spaniens. 1886. S. 47.

³ Colmenares. Hist de la insegne ciudad de Segovia. P. 547; цит. по: Bonn J. M. Spaniens Niedergang. 1896. S. 120.

Во Франции тонкосуконная промышленность в XVII в. была сосредоточена в Руане и его окрестностях, в Седане, Эльбеве и Реймсе.¹ Но именно здесь капиталистическая организация труда достигла в XVII–XVIII вв. необычайно широкого размаха. Впрочем, седанская мануфактура относилась к предприятиям средней величины и распределительного типа: из четырех привилегированных «*entrepreneurs de fabrique*»² двое имели по 104 ткацких станка, третий — 65 и четвертый — 50; из 21 непривилегированных один — более 40, четверо — более 30 и т. д.³ Но я прежде всего имею в виду заведения братьев ван Робе, представлявшие собой крупные промышленные предприятия весьма значительного размера. Мы располагаем точной статистикой,⁴ позволяющей нам до мельчайших деталей изучить, как было организовано производство на этих предприятиях. Мы видим, что процесс обработки шерсти до получения готового продукта был разделен на 22 части и что на самом маленьком предприятии работало ни много ни мало 1692 человека, в том числе 822 мастерицы за прялками и 200 ткачей на сотню ткацких станков. Это индустрия роскоши. Наряду с ней сохранялось и ремесленное шерстоткачество, производившее обычные товары.

Наибольшей славой пользовалась в XVIII в. шерстеобрабатывающая промышленность *Англии*. Именно на ней, как принято было говорить, покоилось «благосостояние страны»: «*Wool is eminently the foundation of the English riches*» (Дж. Чайлд). В 1738 г. на обработке шерсти в Англии было занято полтора миллиона человек. Цифра, конечно, неточна, и все же... Стоимость экспортированных товаров из шерсти уже в 1700 г. составляла 3 000 000 фунтов стерлингов, к 1815 г. она возросла до 9 381 426 фунтов стерлингов.⁵

¹ *Martin*. Louis XIV. P. 17.

² Фабричных предпринимателей (*фр.*).

³ *Enc. méth Manuf.* 1. P. 337.

⁴ Подлинные документы частично опубликованы Левассером (*Levasseur*. 2. P. 421 seqq.).

⁵ *Porter*. *Progress of the Nations*. 3 ed. 1851. P. 169.

Промышленность эта вырабатывала, конечно же, не только тонкие, но и грубые шерстяные ткани. Разумеется, английскую шерстеобрабатывающую промышленность нельзя целиком отнести к индустрии роскоши. В более поздние времена, особенно когда мощным потребителем английских товаров из шерсти стала Америка (в 1815 г. из 9 млн фунтов стерлингов 4 млн были вывезены в Соединенные Штаты), грубые ткани для буржуазии и народных масс, по всей видимости, даже преобладали. Но все же это была и индустрия роскоши *тоже*. И притом в весьма значительном объеме. Ведь тонкое английское сукно, равно как и дорогая фасонная пряжа, в XVIII в. было предметом вожделения богатых людей всего мира. Чтобы привести только один пример: на севере Германии, в Польше и в России представители высших слоев предпочитали в эту эпоху носить одежду именно из английской шерсти: «In all which countries the nobility, gentry and principal burghers are clothed with English cloth, druggets, serges, stuffs etc and consume a very great quantity».¹ В России, в частности, сам царь, весь его двор и вся знать от Петербурга до Москвы и далее до Астрахани «в последние несколько лет» (как сказано в «Совершенном английском торговце» за 1745 г.) полностью перешли на английскую шерсть, и только ее и носят: «To the infinite increase of our trade tither».²

Напрашивается следующий вопрос: как разница между грубым и тонким шерстопрядением сказывалась в английской шерстепромышленности на различии в формах хозяйственной и производственной организации? Такой вопрос, насколько мне известно, прежде никогда не ставился; мне же он представляется одним из наиболее важных в рамках рассматриваемой нами обширной проблемы.

И если на основе доступного мне материала я осмеливаюсь ответить на этот вопрос утвердительно, то все

¹ Во всех этих странах дворянство, помещики и знатные горожане одеваются в английские одежды из драгета, саржи и других материй, причем завозят их в очень большом количестве (англ.). — Complete English Tradesman. 2. P. 290.

² Что способствует нескончаемому росту доходов с нашей торговли (англ.).

же делаю это с большой осторожностью. Факты, позволяющие нам прийти к определенному выводу, таковы: в конце раннекапиталистической эпохи в английской шерстеобрабатывающей промышленности, как известно, параллельно существовали две системы организации производства:¹ кустарная промышленность и ремесло. Первая, которую также называли «западноанглийской» системой, превалировала на западе Англии, а также в обширном ткаческом регионе на востоке страны, в Норфолке, и на юге. Ремесло же сохраняло еще свою неприкосновенность в северных районах, в Йоркшире. Две эти обширные области — север и все прочие части — отличались друг от друга прежде всего как области производства аппаратной и гребенной пряжи. Но именно из гребенной шерсти производились особо тонкое сукно, фланель и т. п. Получается, что товары высокого достоинства, предметы роскоши, вырабатывались в областях с капиталистической организацией производства, тогда как более грубые, не столь высококачественные по-прежнему производились в ремесленной сфере?

Можно напомнить еще и о том, что ткацкое производство, организованное в мануфактурах, — о котором много говорилось уже в XVI в.:

В огромном зале длинный ряд,
Две сотни прялок здесь стоят. —

так описываются заведения Джека Ньюбери², и такой пример крупнопроизводственной организации вовсе не единичен для той эпохи, — что эта шерстепромышленность, организованная в форме крупных предприятий, относилась, по всей видимости, к индустрии роскоши: продукция Джона Уинчкомба и того же Джека Ньюбери пользовалась всеевропейской славой; что предприятия эти располагались во всяком случае в уже подвергшихся

¹ Основным источником, с которым работают все позднейшие исследователи, является издание: Report from the Committee of the House of Commons on the Woollen Manufacture of England. 1806.

² Источники см. в кн.: Ashley. Engl. W. Gesch. 2. P. 270.

разлагающему влиянию капитализма западных областях Англии: Ньюбери, монастырь Мальмсбери, который один богатый сукнодел по имени Стамп арендовал для того, чтобы разместить там ткацкие станки, Сайрнчестер, где была выстроена внушительных размеров сукновальня, аббатство Осни близ Оксфорда, которое намеревался арендовать все тот же Стамп, — все они расположены на западе, в областях развитой шерстепромышленности. Рассказывают также, что в Норидже в XVI в. богатые скупщики в больших объемах производили товары из шерсти, которые до тех пор импортировались из Италии, а следовательно ткани эти отличались высоким качеством и относились к предметам роскоши.¹

б) Вопрос о *льнообрабатывающей промышленности* представляется мне крайне проблематичным. Несомненно, что в значительной степени — в Силезии, в Вестфалии, в Ирландии — она относилась к индустрии роскоши. Ведь это она поставляла лондонскому щеголю XVIII в. тонкое нательное белье по 10–12 шиллингов за аршин; она производила дорогой батист и газ; она поставляла великолепные скатерти, которые еще и сегодня поражают наш взор в музеях. Но в больших количествах она вырабатывала и ткань, шедшую на одежду неграм. Особенно много дешевого холста производилось в Ирландии: полотно, отмеченное премией Ирландской Льянной палаты в 1747–1748 гг., стоило, по-видимому, от 6 до 10 денье за ярд!

Но я не могу сказать, каким образом качество продукта соотносилось с формами хозяйственной и производственной организации. Мы знаем, что в конце XVIII в. ремесло и кустарный промысел развивались параллельно. Но как между ними распределялось производство предметов роскоши и товаров массового потребления? Вопрос этот настолько важен, что заслуживает уже докторской диссертации.

с) *Портняжное дело*. В области портняжного ремесла в XVIII в. стали выделяться отдельные предприятия, пе-

¹ 1–2 Phil. and Mar. c. 14 (*Cunningham. Growth. 1⁴. P. 525*).

реходившие на рельсы капиталистического развития: это были те, которые работали на утонченного, а значит платежеспособного потребителя, и производили они, таким образом, товары роскоши.

Странно то, что в пошиве одежды для мужчин первым на капиталистическую основу было поставлено изготовление готового платья, что нынче давно уже не принято: по-видимому, поставка готового платья в XVIII в. вовсе не шла вразрез с правилами хорошего тона. Можно доказать, что готовое платье, как предмет роскоши, изготавливалось и в Англии, и во Франции. Одно место, свидетельствующее о существовании такого обычая в XVIII в., содержится во «Всеобщей сокровищнице торгового сословия и т. д.», и звучит оно так:

«Платья сегодня входят в сферу публичной торговли, причем в количествах, бльших, чем то потребно Германии, и не только многие знатные немцы выделяют свои деньги на покупку *дорогостоящих*... платьев и т. д., но и сами французы целыми сундуками везут их на наши ярмарки...»¹

Другим подтверждением является рекламное объявление, помещенное неким Дартигалонгом в номере «Афиш, анонсов и прочих объявлений» за 4 апреля 1770 года:

«Le sieur Dartigalongue, maître et marchand tailleur à Paris, a établi depuis quelque tems *un magasin d'habits neufs tout faits*, de toutes espèces, de toutes tailles, et des plus à la mode. Si ceux de magasins ne sont pas au goût des personnes, qui veulent être promptement habillés, il est en état de les satisfaire presque à l'instant, *par la quantité d'ouvriers qu'il employe*. Il entreprend toutes les livrées avec le plus d'économie possible. Il fait des envois en province et jusque dans les pays étrangers; mais les personnes qui voudront lui écrire sont prié d'affranchir leurs lettres».²

¹ Allgem. Schatzkammer der Kauffmannschaft etc. 1741. P. 1213–1214.

² Г-н Дартигалонг, парижский мастер-закройщик и торговец, спустя некоторое время открыл *магазин новой одежды* самого разного вида, из самой разной

Полагаю, текст объявления ясно свидетельствует о том, что речь в нем шла о костюмах для «лучших» клиентов. Ливрея в те времена, вне всякого сомнения, тоже относилась к дорогостоящим предметам одежды.

Но если А. Франклин, разыскавший это объявление, считает,¹ что г-н Дартигалонг был «первым конфекционистом», то он заблуждается, если только не имеет в виду: первым известным по имени. Факт предложения готового платья может быть твердо установлен и для гораздо более раннего времени; ведь и заметка, приведенная первой, относится уже к 1741 году.

В Лондоне мы уже в XVII в. встречаем портных, представляющих готовое платье в лучших кварталах города. Обычай этот появился, по-видимому, в середине века, т. е., судя по всему, опять-таки в ту оживленную эпоху, когда торговцы товарами из шелка, как мы уже видели, сновали по городу «подобно роящимся пчелам». Одно сочинение, относящееся к 1681 г.,² сокрушается по поводу этого нововведения: «Многим еще памятно время, когда в лондонских магазинах нельзя было купить готовое платье». Портные, работающие на клиента (*accustomed tailor*), противостоят продавцам платья (*taylers being salesmen*), снимающим дорогое жилье в фешенебельных кварталах, предоставляющим долгосрочный кредит своим знатным клиентам (значит, торговали они именно роскошными платьями!) и задействуют в своих мастерских десятки и даже целые бригады работников (*scores* — подразделения из 20 человек).

Но главным полем, в котором шло развитие капиталистического портняжного дела, была все же (и остается таковой по сей день) работа на заказ.

материи и к тому же пошитой по последней моде. Если имевшиеся в магазине платья оказывались не по вкусу покупателю, желавшему, тем не менее, поскорее одеться, то он был в состоянии удовлетворить это желание в тот же момент, *поскольку держал при себе множество работников*. Помощников он нанимал со всей возможной экономией. Он отправлял товар в провинции и даже за рубеж; но тем, кто хотел написать ему, приходилось платить за его конверты (*фр.*).

¹ *Franklin A. Les magasins de nouveautés. 1894. P. 265.*

² *The Trade of England revived. 1681. P. 36; цит. по: Webb S., Webb B. History of Trade Unionism. 1894. P. 26.*

Описание мастерской одного лондонского закройщика, составленное Р. Кемпбелом,¹ безоговорочно подошло бы к любому сегодняшнему ателье такого рода: весьма притязательная публика, для которой чаще всего приходится работать в долг; очень высокие издержки на дорогие ткани и приклад, которые стоили больше, чем составляла заработная плата; разделение труда на высококвалифицированную работу закройщика и специализированную швейную работу. Закройщик зарабатывает много: кроме обрезков материи (cabbage) и чаевых, которые джентльмены обычно вручали ему на примерке, он получает по гинее в неделю; хорошие закройщики пользуются спросом. Остальные портные «многочисленны как саранча» и, как правило, «бедны как крысы»; на три-четыре месяца в году они остаются без дела, т. е. представляют собой пролетариев в полном смысле слова. Стоит напомнить, что именно портные образовали первый из известных нам профессиональных союзов.²

На вполне широкую ногу в XVIII в. был поставлен пошив изысканной дамской одежды и шляп: уже не раз упоминавшаяся выше портниха Марии-Антуанетты однажды обанкротила 3 млн франков пассива.³

d) *Кожевники*. В сапожном деле, как и в портняжном, более развитых форм организации прежде всего достигает тонкая работа на заказ. В Париже XVIII века мы встречаем «магазинного мастера» (как его для Бреслау изобразил Кантер),⁴ обслуживавшего только знатных клиентов: «Сапожник этот носит черный костюм, обильно напудренный парик и жилет из шелка; он больше походит на регистратора»; однако он еще лично снимает мерку с г-жи графини. «У его коллег пальцы запачканы смолой; они носят потрепанные парики и грязное белье; но (!) они работают для народа,

¹ *Campbell*. P. 192.

² *Webb S., Webb B.* Op. cit. P. 26.

³ *Langlade E.* La marchande de modes de Marie Antoinette.

⁴ *Kanter H.* Die Schuhmacherei in Breslau (Schriften des Ver. f. Soz-Pol. 65. S. 26).

их обувь предназначена не для ножек прекрасных маркиз». ¹

Шорник, поставляющий роскошную упряжь, — «действительно важный и полезный делец». Он должен располагать большим запасом свободных денег (a large stock of ready money), «поскольку его материал стоит дорого, а знатные клиенты (the Gentry), как правило, платят своему шорнику не раньше, чем прочим поставщикам». ² Тогда, в XVIII в., такой шорник стоял еще только на пути к мануфактуре: он давал работу многочисленным ремесленникам, остававшимся еще «самостоятельными» производителями.

Дубильный промысел во Франции в начале XVIII в. был организован в «мануфактуры» по следующим сортам кож, выделка которых была, таким образом, предоставлена капиталистам: венгерские кожи, английские телячьи кожи, марокен, кожи буйвола и серны. ³ То же сообщается и в отношении Берлина: ⁴ «Производство тонких сортов кожи, таких как сафьян, кордуан, датские кожи и т. п., было введено в Берлине французскими эмигрантами в середине XVIII в., частично в форме крупных предприятий, на которых впоследствии стали заниматься и выделкой кож („датские перчатки“»).

е) *Шляпники*. «Каждой особе мужского пола, от регента до последнего крестьянина, требуется шляпа. Поэтому шляпник является неотъемлемой фигурой среди всех ремесленников государства. Но поскольку большинство шляпников, особенно в маленьких городках, как правило, изготавливают лишь дешевые и низкосортные шляпы, знатные же персоны — государственные чиновники, богатые и состоятельные люди — к таким шляпам относятся весьма презрительно, а желают носить изящные, поскольку само по себе понятно, что в стране изготавливаются и такие...» ⁵

¹ Tableau de Paris. 11. 1778. P. 19.

² Campbell. P. 233 seqq.

³ Savary. Dict. du Comm. 2. P. 631.

⁴ Wiedfeldt O. Berliner Ind. S. 364.

⁵ Bergius. Cam. Magaz. 3. P. 236.

Так учреждались первые «мануфактуры» по изготовлению изящных шляп; сначала во Франции — в Париже, Марселе, Лионе, Руане, Кандбеке и т. д.: уже в конце XVII в. мы встречаемся с одним знаменитым шляпником, которому в Руане помогали 19 подмастеров, из которых 12 последовали за ним в Роттердам.¹ Позднее также в Англии, где, к примеру, изготавливались все кардинальские шапки (по 5–6 гиней за штуку!). Наконец, и в Германии: в Эрлангене и Берлине. Здесь, в Берлине, шляпный промысел вплоть до конца XVIII в. почти повсеместно носил вполне ремесленный характер, который в изготовлении дешевых сортов сохранился до середины XIX в. В 1782 г. была, однако, основана шляпная фабрика, на которой работало 37 рабочих, производивших «шляп превосходного качества и изящества» на сумму 21 800 имперских талеров (тогда как весь состоявший из 133 работников шляпный цех произвел в том же году шляп всего лишь на 45 240 имперских талеров).²

f) *Строительство*. Уже при Папах Возрождения строительство больших дворцов и соборов полностью вписывалось в капиталистические рамки. К примеру, Бельтрано ди Мартино из Варезе, уроженец Комо, бывший подрядчиком при Николае V, командовал целой армией работников и владел в Риме крупными кирпичными заводами и обжиговыми печами; ежегодно он запрашивал в папской казне около 30 000 дукатов. Иные чересчур занятые подрядчики уже не в состоянии были лично контролировать ход строительства сразу на всех площадках и отряжали вместо себя прорабов или надсмотрщиков (*soprastante*); Филарет в своем трактате подсчитал, что один такой надсмотрщик приходился на каждые 85 каменщиков.³

¹ *Négociations du Comte d'Avaux*. 5. P. 267; цит. по: *Weiß Ch. Hist., des réfugiés prot. de France*. 2. P. 131.

² *Wiedfeldt O. Berliner Ind.* S. 209.

³ *Müntz E. Les arts et la cour des papes*. 1. P. 104. 84 n. 3; см. также: *Burckhardt J. Geschichte der Renaissance*. 3. Aufl. 1891. S. 19–20.

Неудивительно, стало быть, что уже в XVII в. на строительстве французских королевских замков мы встречаемся с предпринимателями, располагающими весьма большим капиталом. Строительные сметы, о значении которых я уже упоминал, хотя оно вполне раскрывается для нас только в этом пункте, позволяют нам по отдельности рассмотреть все задействованные в строительстве специальности и точно установить, какие суммы они получали для осуществления своей деятельности. Отсюда легко будет увидеть, каковы были размеры оборота этих предприятий, как они развивались в течение нескольких лет и т. д. На основе этих сведений о строительстве в Париже конца XVII—начала XVIII в. у нас складывается приблизительно следующая картина:

Каменные и плотницкие работы (разумеется, лишь в той мере, в какой во внимание принимаются крупные монументальные строения) были организованы уже как вполне крупнокапиталистические. Рассматривая две эти специальности, мы все время наталкиваемся на одни и те же фирмы, большей частью представленные двумя компаньонами и прямо именуемые: «entrepreneurs du bastiment neuf du Louvre», «entrepreneurs des ouvrages de charpenterie du bastiment du Louvre»¹ и т. д. На 1664 г. это крупная строительная фирма Жак Мазьер & Пьер Бержерон, получившая на каменные работы в Лувре 861 330 ливров в один год и 610600 в другой, и еще 200 965 ливров 3 су на работы в Версале; это Понсле Кликен & Поль Шарпантье с капиталом в 100–150 тыс франков; в следующем году к этим фирмам добавилось еще полдюжины.

Ближе всего к этим главным строительным специальностям стоят *кровельные работы*, тоже уже в значительной мере охваченные капиталистическими преобразованиями. Я пронаблюдал за деятельностью некоего Ш. Ивона и обнаружил, что в 1664 г. он производил работы

¹ «Предприятие по новому строительству в Лувре», «Предприятие по плотницким работам на строительстве Лувра» (англ.).

в Лувре, Сен-Жермене и Версале, на которые ему потребовалось 49900 л. К тому же калибру относилась и фирма Жан Пиллар & Клод Френо; они именовали себя: «*maistres couvreurs, entrepreneurs des ouvrages de couverture et plomberie*».¹

Остальные строительные специальности — *столярное, слесарное, стекольное ремесло* и т. д. — в начале современной эпохи пребывали еще в ремесленной стадии; по всей видимости, здесь работали зажиточные мастера с полудюжиной компаньонов и учеников: иногда по 10–20 на одной стройке, с общей сметой в пару тысяч ливров в год; самое большее — 20 700 л. у столяров, если допустить, что четыре столяра, в 1666 г. получившие 63 000 л., и еще четыре, получившие 59 000 и 16317 л., не представляли собой одну и ту же фирму; напротив, некоторые слесари, пожалуй, уже превращаются в мелкокапиталистических предпринимателей (особенно в более поздние годы). Дело выглядит так, будто в период с середины XVII до начала XVIII в. происходит даже «концентрация» (отчасти вызванная бурной строительной деятельностью короля и его приближенных): в 1715 г. Франсуа Кафен, владелец слесарной фирмы (*serrurier*), выполнил работ уже на 51578 л. 11 с.; это позволяет все же сделать вывод, что его предприятие объединяло в себе, самое малое, 12–15 человек, даже если выделенные ему средства ограничивались только указанными суммами.

Организация строительного дела в Париже в конце XVIII в., как она описана у Мерсье, отчетливо обнаруживает черты крупного капитализма, насколько дело касается крупных и монументальных построек.² Сам Мерсье, правда, не говорит в этом месте открыто, что крупные стройподрядчики занимались именно возведением роскошных зданий, но из более ранних сообщений этого же свидетеля мы знаем, в какой мере великолепные строе-

¹ Мастера-кровельщики, *предприниматели* по кровельным и водопроводным работам (*фр.*).

² *Tableau de Paris*. 8. P. 166 seqq.

ния, возводимые на деньги богатых финансистов, задавали тон в архитектурной истории тогдашнего Парижа.

г) *Стеллажное, обивочное и шорное дело* в раннекапиталистическую эпоху утратили ряд функций, которые соединились в новой, капиталистической по своему характеру отрасли индустрии роскоши: *производстве карет*. К середине XVIII в. каретное дело уже проделало половину пути к вполне совершенной мануфактуре. Наивысшей формы своего развития оно достигает в Лондоне,¹ где в стенах одной мастерской объединяет работников, изготавливающих кузов кареты, включая набивку и кожаную обивку сидений, а за ее стенами задействует резчика, колесника, литейщика (по арматуре и т. п.), кожевника, кузнеца и седельника.

Но даже в таком полуразвитом виде каретное дело уже в те времена требовало «a great stock of ready money» — значительного капитала; и не в последнюю очередь опять-таки из-за того, что благородным клиентам приходилось предоставлять длительные сроки оплаты кредитов. Ведь каретники имели дело исключительно с дворянами и прочей знатью (with none but Nobility and Quality), и довольно часто тут вообще не доходило до платежа.

Впрочем, именно в это время каретное дело начало бурно развиваться в Англии, где способность самостоятельно управлять каретой сделалась предметом особой гордости среди тогдашних дворян: «Our nobility and gentry even now taking pride in driving themselves».² Поэтому там, где одним поколением ранее проживало всего десятка два каретников (10–12 в Сити и едва ли еще столько же по остальному Лондону), теперь ими — объединившимися в компании — были заселены уже целые улицы.³

h) *Столярное* (мебельное) дело имело тенденцию разрывать пределы ремесленной организации с тех давних пор, как начало поставлять предметы роскоши. Поэтому

¹ Campbell. P. 229 seqq.

² Сегодня наши дворяне и помещики даже гордятся тем, что сами правят своей каретой (англ.). — Gen. descr. of all Trades. P. 65.

³ Complete English Tradesman. 2. 337.

мы очень рано (в Аугсбурге, например, уже в XVI в.) обнаруживаем, что труд краснодеревщика, выполнявшего «благородную работу», до некоторой степени противопоставлялся «простому ремеслу». Если простым ремесленникам разрешалось иметь в помощниках, как правило, одного, с 1549 г. — двух человек, то в случаях, когда требовалось выполнить более объемную «благородную работу», изыскивались возможности преодолеть это ограничение.¹

Позднее, в XVII в., высококвалифицированное столярное ремесло начинает развиваться в форме крупных предприятий, которые на первых порах функционируют не в рамках капиталистических отношений, а как поддерживаемые королем и государством. Образцом предприятия по выпуску высококачественной мебели, вплоть до нынешних Объединенных Мастерских, стала, как известно, Королевская мануфактура Гобеленов, расцветшая под руководством Кольбера.² В ней производилось все, что служило украшению обстановки королевских дворцов, т. е. не только резная и инкрустированная мебель из эбенового дерева, черепахового рога и цветной древесины, но и стенные и напольные ковры, люстры и канделябры из бронзы и хрусталя, золотая и серебряная посуда, украшенная драгоценными камнями и т. д.

Здесь не место описывать, как под руководством выдающихся художников (Лебрен долгое время был здесь директором, Бодонен Ивар, ван дер Мейлен и Батист Моннуайе работали живописцами, братья Ангийе, Куазево и Тюби — скульпторами, Одран, Русле и Леклерк — граверами) руками огромного штаба работников (только в ковровом отделе было занято 250 человек) в этих мастерских творились чудеса искусства в великолепном стиле Людовика XIV (хотя написать историю организации художественного промысла было бы весьма благодарной задачей для талантливого ума). Достаточно

¹ *Cohen A.* Das Schreinergerwerbe in Augsburg (Schriften des Ver. f. Soz-Pol. 64. S. 500).

² Точное описание мануфактуры Гобеленов, сделанное на основе подлинных документов, есть у Левассера (*Levasseur.* 2. P. 242. seqq.).

будет отметить, что здесь имело место как нигде более интенсивное потребление предметов роскоши, приведшее также к одному из наиболее решительных переворотов в способе организации производства, что впоследствии сыграло важную роль и в развитии современного капитализма. Ведь именно по образцу Королевской мануфактуры Гобеленов капиталистические столярные мастерские устраивались во всех центрах потребления предметов роскошной мебели. В самой Франции первым примером вполне развитой мануфактурой по производству изящной мебели было, пожалуй, знаменитое предприятие Шарля Буля. Буль, руководивший работой вместе с четырьмя своими сыновьями и производивший продукцию сначала только для королевского двора, а позднее и для высородных особ за его пределами, поставлял все виды мебели из бронзы и дерева, включая часовые корпуса, бюро, комоды, кухонные шкафы, люстры, сундуки, геридоны и т. п. Он был в моде в период с 1672 по 1732 г.; в 1720 г. (афера Южных морей!) общий объем продукции, принятой к производству в его мастерских (они размещались в Лувре) составил 80 000 ливров.¹

Впоследствии на широкую ногу дело было поставлено и у знаменитых английских краснодеревщиков: Шератона и Чиппендейла.² В Германии производство роскошной мебели (и только такой, потому что производство обычной вплоть до середины XIX в. сохраняло ремесленный характер) в XVIII в. тоже было организовано по капиталистическим методам и осуществлялось на крупных предприятиях. У нас одной из первых капиталистических столярных мастерских было предприятие в Майнце, превратившееся в поставщика роскошной мебели благодаря страсти к роскошеству, царившей при дворе курфюрста.³

¹ *Levasseur*. 2. P. 310.

² *Clouston R. S.* English Furniture and Furniture Makers of the XVIII Century. 1906 (в организационные проблемы автор, к сожалению, не вдается).

³ *Hirsch R.* Die Möbelschreinerei in Mainz, in den Schriften des Ver. f. Soz.-Pol. 34. S. 296, 312.

Точно в таком же направлении развивались и многие другие ремесла. Берлинские *галантерейщики* пережили расцвет в конце XVIII в.: 259 мастеров держали при себе 248 помощников и 170 учеников. «Богатые же заказы, с применением золотой и серебряной тесьмы, выполнялись на золотой и серебряной мануфактуре, где они раздавались позументщикам для домашней работы».¹ Обычную *помаду* в XVIII в. поставляли парикмахеры; однако существовали две фабрики, на которых изготавливалась косметика и «помада для отращивания волос».² *Мыловары* жили сытой и безмятежной жизнью, пока в один прекрасный день не было изобретено душистое мыло. «Фабричная система возникает с появлением душистого мыла». В XVIII в. производственная сфера была строго разделена между ремесленной мастерской и капиталистическим предприятием: первая поставляла обычные сорта мыла, второе — более изысканные, к примеру марсельское и т. д.³ В самом Марселе, сделавшемся центром производства высокосортного мыла, в 1760 г. на 38 мыловаренных фабриках действовало 170 котлов и работала тысяча рабочих.⁴ В Лондоне производителю душистого мыла требуется начальный капитал в 2000–3000 фунтов стерлингов.⁵

Но примеров, на мой взгляд, приведено уже достаточно. Лучше будет, если в завершение этих исследований мы еще раз определим причины, повлекшие за собой столь единообразное развитие во всех областях промышленного производства.

¹ *Wiedfeldt O. Op. cit. S. 188.*

² *Ibid. Op. cit. S. 390.*

³ *Ibid. S. 386.*

⁴ *Martin. Louis XIV. P. 144.*

⁵ *Gen. Descr. P. 399.*

4. Потребление предметов роскоши и его революционизирующая сила

Так что же подвигло ремесла стать на путь капитализма еще до того, как тому поспособствовала техника? Почему в одном месте ремесленная организация сохраняется, тогда как в другом ее сменяет капиталистическое производство?

Как я уже упоминал выше, приверженцы господствующего мнения отвечают: в том, что капитализм начинает превалировать в сфере промышленного труда, повинно географическое расширение сбыта. Я же на это возражаю: намного более важно то влияние, которое на способ организации промышленного производства оказал возросший потребительский спрос на роскошь. В очень многих случаях (но не во всех!) именно растущее потребление предметов роскоши открывало капитализму двери, через которые он проникал в такую мирную жизнь ремесленных городов. Думаю, что проведенные изыскания подтверждают правильность моего взгляда.

Возможно, мне захотят возразить примерно следующим образом: ты заблуждаешься; промыслы, которые ты вполне правомерно назвал отраслями индустрии роскоши и которые, в самом деле, раньше всех остальных попали под власть капитализма, оказались охвачены им *не потому*, что относились к индустрии роскоши, а потому что были отраслями индустрии экспорта; ибо эта особенность тоже свойственна каждой из них. На это я отвечу: нет, это ты ошибаешься, друг мой. И ошибка твоя двоякого рода.

Во-первых, вовсе не все отрасли индустрии роскоши с капиталистической организацией производства являются в то же время и экспортными. В качестве примера можно привести мебельные, каретные или ковровые мануфактуры, портняжное и сапожное дело. Все эти производства носили «местный» характер, зачастую даже были явно ориентированы «на покупателя».

Во-вторых, не все экспортные промыслы имели капиталистический характер. На протяжении всего Средневековья существовало бесчисленное множество ремесел с интерлокальным и интернациональным сбытом. Такие ориентированные на экспорт ремесла сохранились вплоть до новейшего времени: еще в начале XIX в. йоркширское шерстоткачество и силезское льноткачество, поставлявшие продукцию на мировой рынок, целиком и полностью оставались в рамках ремесленной организации.

Таким образом, расширение географической сферы сбыта не может быть решающей причиной распространения капитализма во всех без исключения видах промысла.

В подтверждение своему представлению о том, что такой решающей причиной является возрастающее потребление предметов роскоши и, следовательно, выше-названные промыслы переходят на капиталистические рельсы *именно потому*, что относятся к индустрии роскоши, я привожу следующие доводы:

1. Причины, делающие тот или иной промысел, в котором производятся предметы роскоши, более подходящим для капиталистической организации производства, заключены в *природе производственного процесса*. Для изготовления товара, обладающего особыми достоинствами, почти всегда требуется дорогостоящее *сырье*, которое часто приходится завозить издалека. Следовательно, предпочтительнее здесь выглядит человек, обладающий большим богатством и лучше подкованный в торговых делах: если парижские «*filaresses*» уже в XIII в. пряли шелк для шелкоторговцев за определенную плату, а последние потом продавали его в городах, тогда как лен и шерсть даже столетия спустя крестьяне все еще обрабатывали «за свой счет», — то какая иная причина способствовала в данном случае кустарно-промышленной организации производства, если не та, что дорогостоящее сырье находилось в собственности одного только шелкоторговца.

Но зачастую и *процесс* изготовления того или иного предмета роскоши требовал больших затрат, нежели

требовалось при производстве обычного товара. Это *в те времена*; сегодня такое утверждение уже не соответствует действительности. Вспомним текстильную промышленность прошлых веков (крашение и отделка!), вспомним, как тогда производили стекло и фарфор, как ткали ковры на узелковых станках, как делали зеркала, короче говоря, большинство процессов, составлявших самую суть индустрии роскоши. Итак, здесь преимуществом опять-таки обладает человек, «располагающий бóльшим капиталом». Но процесс производства предметов роскоши требует не только бльших затрат, но и большего умения, он гораздо сложнее и предполагает превосходство в знаниях, кругозоре, прирожденных талантах и т. п.: именно по этой причине из общей массы выделяются наиболее толковые и, в этом смысле, лучшие люди, которые благодаря своим дарованиям только и могут стать новыми субъектами хозяйствования, более всего подходящими для роли его руководителей и организаторов. Но зачастую высокие качества товара могут быть получены лишь в том случае, если и процесс его производства уже поднялся на более высокую ступень благодаря кооперации и специализации труда: капиталистическое ателье по пошиву платья на заказ поставляет высококачественный товар лишь потому, что высококвалифицированный труд одного талантливого закройщика используется массой вполне посредственных портных. Дифференциация же действий высокой квалификации возможна лишь на более широкой производственной основе, которую как раз и создает особая организация труда, вызванная к жизни развитием капиталистического предпринимательства.

2. Причины, заставляющие отрасли индустрии роскоши быстрее других входить в капиталистическое русло, заключены в *природе сбыта*. Я не хочу настаивать на идее, с которой мы уже встречались выше и которая при «старом режиме», по всей видимости, была широко распространена: именно, что свойственная аристократам небрежность в вопросах платежей вела к тому, что производители предметов роскоши нередко оставались в

проигрыше, но в любом случае делала необходимыми более обширные капиталовложения, чем требовалось обычно.

Более важным мне представляется тот факт, что сбыт предметов роскоши, очевидно, подвержен более существенным колебаниям конъюнктуры, нежели сбыт товаров массового потребления. История индустрии роскоши, во всех ее отраслях, учит нас одному: капризы богачей, чьи вкусы в эпоху раннего капитализма начинают определяться «модой», весьма переменчивы. И быстрая смена их настроений ведет, с одной стороны, к частым перебоям в сбыте, а с другой — требует от производителя изрядной бойкости ума, поскольку ему приходится приспособливать свое производство ко все новым и новым желаниям покупателей. Но капиталистическая организация производства в гораздо большей степени, чем ремесленная, способна и противодействовать неблагоприятной конъюнктуре, и максимально использовать благоприятную.

К этим общим, «в самой природе вещей» лежащим причинам, добавляется еще одна.

3. Историческая причина, заключающаяся в том, что в средневековой Европе все отрасли индустрии роскоши были созданы искусственным путем — либо правителями, либо предприимчивыми иностранцами. В становлении современной промышленности иностранец (как я подробнее опишу в другом месте) вообще играет решающую роль: от гумилиатов, учредивших сукнодельную индустрию во Флоренции, до французских эмигрантов, ставших отцами-основателями берлинской промышленности, длится непрерывное странствие промышленников, учреждавших на чужбине одно предприятие за другим. И предприятия эти относились главным образом как раз к индустрии роскоши, развитие которой было больше всего по душе и местным суверенам.

Но всем этим промыслам, возникшим либо благодаря протекции, либо по инициативе иностранцев, с самого начала был свойствен рациональный характер. Чаще всего они возникали за пределами старых цехо-

вых ограничений и конфликтовали с традиционными интересами коренных ремесленников. Их основатели не считались ни с кем и ни с чем, кроме интересов целесообразности, и именно поэтому они раньше всего стали той почвой, на которой происходило изначальное развертывание новой, экономически более выгодной хозяйственной системы.

Важнейшим же условием, которое должно было быть выполнено, чтобы могла появиться такая экономическая система, был все-таки соответствующий ее существованию сбыт. Поскольку же

4. (Последняя причина!) иные возможности обширного сбыта — массовый сбыт товаров невысокого качества или сбыт крупногабаритных, сложных товаров — предоставились в основном значительно позже, постольку богачам, стремившимся превратить свои деньги в капитал, оставалось только вкладывать их в различные отрасли индустрии роскоши.

Так роскошь, которая сама, как мы видели, была законным плодом незаконной любви, привела к рождению капитализма.

К н и г а 2

ВОЙНА И КАПИТАЛИЗМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Случаю было угодно, чтобы эта книга вышла в свет, когда военные интересы вновь занимают людские умы больше, чем какие-либо иные. Это обстоятельство поможет по достоинству оценить ту огромную роль, которую война играла, играет и будет играть в жизни нашей культуры, пока судьбу народов определяют мужчины. Оно поможет, в частности, увидеть, насколько связаны друг с другом война и экономика, хотя до сих пор, как это ни странно, никто еще удосужился дать систематическое описание этой связи. Думаю, что крайне любопытные результаты, к коим привели мои исследования, оправдают предпринятое дело и придадут публикуемой книге значение, несколько выходящее за узкие рамки историко-экономических проблем. Ибо я всегда не в последнюю очередь заботился о том, чтобы итоги моих разысканий были интересны не одним только коллегам-специалистам, но и всем остальным — в данном случае, прежде всего образованному офицерству.

Миттель-Шрейберхау
в Исполиновых горах
12 ноября 1912 г.

Вернер Зомбарт

В в е д е н и е

ДВОЙСТВЕННЫЙ ЛИК ВОЙНЫ

Источники и литература

Поскольку многие из тех, кто будет читать эту книгу, не являются ни военными, ни историками военного дела и потому не располагают подробными сведениями о военно-научной литературе, в которой обсуждается или, по крайней мере, затрагивается рассматриваемая здесь проблема, ниже я привожу краткий обзор наиболее важных трудов, уделяя преимущественное внимание, конечно же, только тем из них, что могут сослужить какую-либо службу при изучении внутренней организации армии и в особенности ее содержания. В этот обзор не входят, таким образом, специальные военно-исторические сочинения, а также литература по стратегии и тактике и летописные «истории полков». Однако и из работ, имеющих отношение к нашей проблеме, я, само собой разумеется, привожу только самые общие, позволяющие сперва сориентироваться в обширном материале. Впоследствии читатель сам без труда сможет перейти к более специальным сочинениям.

1. Библиографические издания, справочники и т. д.

Справочный аппарат военной науки находится в превосходном состоянии: в нем есть что-то от педантичной чистоты и опрятности образованного прусского офицера, общаться с которым, по словам Гете, приятнее, чем с кем бы то ни было другим. Такое же удовольствие доставит нам краткое пребывание в хорошо темперированной атмосфере военно-научной литературы.

Из *библиографических* изданий назову четырехтомное издание Полера (*Pohler. Bibl. hist. milit. (bis 1880), Kassel & Leipzig, 1886–1899*), но в первую очередь отсылаю к ра-

боте фон Шарфенорта (*Scharfenort. Quellenkunde der Kriegswissenschaften für den Zeitraum von 1740–1910. Berlin, 1910*). Пригодятся также *каталоги* библиотек Военной академии и Генерального штаба (появившиеся теперь в новом издании).

Словари по военной науке: *Poten B. Handwörterbuch der ges. Militärwissenschaften, 9. Bde. 1877–1880; Hartmann E. Kurzgefaßtes Militär-Handwörterbuch für Armee und Marine, 1896; Frobenius H. Militär-Lexicon*. В этих изданиях исторический материал практически отсутствует.

Обширная история литературы по вопросам военной науки освещена в ученом труде М. Йенса (*Jähns M. Geschichte der Kriegswissenschaften, vornehmlich in Deutschland. 3 Teile. München, 1889–1891*), позволяющем делать выводы и о фактической стороне дела.

2. Общая история армейской организации

а) Основные труды

В первую очередь следует назвать два сочинения, каждое из которых, оставаясь в своем роде шедевром, содержит только тот недостаток, что обрывается там, где только начинает пробуждаться наш интерес: в момент учреждения современных армий. Я имею в виду труды Йенса (*Jähns M. Handbuch einer Geschichte des Kriegswesens, Berlin, 1878–1880* (снабжен атласом и доведен до эпохи Возрождения)) и Дельбрюка (*Delbrück H. Geschichte der Kriegskunst im Rahmen der politischen Geschichte*), из которого мы пользуемся здесь только третьим томом (*Das Mittelalter. Berlin, 1906*). Если труд Йенса отличается обилием исторического материала, то книга Дельбрюка — гениальным истолкованием фактов и мастерским изложением. Удовольствие от чтения этой прекрасной книги нам едва ли испортят даже те отчасти прямо-таки гротескные ошибки, которые иногда случаются у автора именно там, где он рассуждает об экономических проблемах.

Из более ранних исследований по военному делу заслуживают статьи в энциклопедии Крюница, помещенные под рубрикой «Война» в 50–53 томах.

Попытка систематизировать всю историю организации армии и управления ею была предпринята Л. фон Штейном (*Stein L. von. Die Lehre vom Heerwesen als Teil der Staatswissenschaft. Stuttgart, 1872*).

В современной литературе особо выделяется более популярная, но не лишенная оттого многих достоинств книга О. Нейшлера (*Neuschler O. Die Entwicklung der Heeresorganisation seit Einführung der stehenden Heere*, Bd 1: *Geschichtliche Entwicklung bis zum Ausgang des XIX Jahrhunderts*. Leipzig, 1911).

б) По отдельным странам

Германия: из более ранних литературных источников назову работы Флемминга (*Flemming, Der vollkommene deutsche Soldat*, 1726 (в тексте цитируется множество приказов, распоряжений и т. п.)) и Гофмана (*Hofmann J. A. Abhandlungen von dem ehemaligen und heutigen Kriegsstaate*. 2 Bde. Lemgo, 1769).

Тридцатилетняя война: *Heilmann J. Das Kriegswesen der Kaiserlichen und Schwedischen zur Zeit des Dreißigjährigen Krieges*. 1850; *Droysen G. Beiträge zur Geschichte des Militärwesens in Deutschland (Zeitschrift für Kulturgeschichte*. Bd. 4); *Loewe V. Die Organisation und Verwaltung der Wallensteinischen Heere*. Freiburg, 1895.

Бранденбург — Пруссия: особо отметим следующие труды: *Hennert C. W. Beyträge zur brandenburg-preußischen Kriegsgeschichte unter Friedrich III.*, Berlin, 1790; *Crousaz A. von. Die Organisation des brandenburgpreußischen Heeres von 1640 bis 1865*, Berlin, 1865; *Schmoller G. von. Die Entstehung des preußischen Heeres* (сначала вышло в свет в обозрении *Deutsche Rundschau*. Bd III. Heft 11. впоследствии было переиздано в сборнике очерков *Umriss*, 1897); *Jany. Die Anfänge der alten Armee. Urkundliche Beiträge und Forschungen zur Geschichte des preußischen Heeres* (издание Генерального штаба), Heft 1, Berlin, 1901 (превосходное, чрезвычайно поучительное сочинение); *Jany. Die alte Armee von 1665–1740*. Ibid. Heft 7. Berlin, 1905; *Lehmann G. Die brandenburgische Kriegsmacht unter dem Großen Kurfürsten (Forschungen z. brandenb. und preuß. Gesch. Bd. I)*; *Schroetter F. von. Die brandenburg-preußische Heeresverfassung unter dem Großen Kurfürsten*. Leipzig, 1892.

К популярным описаниям относится книга Г. Лие (*Liebe G. Der Soldat in der deutschen Vergangenheit*. 1899), особенно ценная ввиду множества любопытных иллюстраций и входящая в знаменитую серию «Монографии по истории германской культуры», а также работа Беккера

(*Becker*. Aus der Jugendzeit der stehenden Heere Deutschlands und Oesterreichs. Karlsruhe, 1877), содержащая массу интересных сведений.

Франция: *Guillaume M.* Hist. de l'organisation militaire sous les ducs de Bourgogne. 1847; *Sicard M. F.* Histoire des institutions milit. des Français etc. 4 tom. 1834; *Boutaric E.* Institutions militaires de la France. 1863 (до сего дня остается непревзойденным трудом, не имеющим себе подобных в историографии всех прочих стран). Поскольку времена после Людовика XIV Бутарик рассматривает лишь обзорно, своеобразным продолжением его работы можно считать книгу Мансьона (*Mention. L'armée de l'ancien régime de Louis XIV à la révolution.* 1900). — Из новейшей литературы о *первых шагах становления французской армии*, имеющих особенно важное историческое значение, мы опираемся, главным образом на работы Полофа (*Roloff G.* Das französische Heer unter Karl VII (Historische Zeitschrift. Bd. 93)) и Коно (*Cosneau E.* Le connétable de Richemont, 1886, — весьма детальное исследование).

Англия: Сегодня история английской армии подвергается скрупулезной обработке в задуманном с большим размахом сочинении Фортеスキю (*Fortescue J. W.* A History of the British Army. London, 1903 seqq.). И если речь в нем главным образом ведется о внешних обстоятельствах (войнах и т. п.), то все же в отдельных главах находят отражение и внутренние процессы (организация войска). Наряду с сочинением Фортескию ценность сохраняют и некоторые прежние работы, среди которых выделяется двухтомник Гроуза (*Grose F.* Military antiquities. London, 1812): сокровищница любопытнейших сведений.

3. История вооружений

В этой литературе почти повсюду речь идет о *технике*. С тем, как развивалась техника вооружений, можно познакомиться по работам: *Decker.* Versuch einer Geschichte des Geschützwesens. Berlin, 1819; *Schmidt R.* Die Handfeuerwaffen. Basel, 1875–1878 (в хронологическом порядке); Quellen zur Geschichte der Feuerwaffen (издано Немецким Национальным музеем), Leipzig, 1872–1877; *Thierbach M.* Die geschichtliche Entwicklung der Handfeuerwaffen, Dresden, 1888–1899; *Demmin A.* Die Kriegswaffen in ihrer geschichtlichen Entwicklung. 4. Aufl.

Leipzig, 1893; *Boeheim W.* Handbuch der Waffenkunde. Leipzig, 1890. Организационные проблемы обсуждаются и в работах Арантеги (*Arantegui D. J.* Apuntos historicos sobre la artilleria española, 1891; я с ней знаком только по выдержкам, приводимым Дуро (*Duro C. F.* Armada Española)) и Рейценштейна (*Reitzenstein J. Frh. von.* Das Geschützwesen und die Artillerie in den Landen Braunschweig und Hannover von 1365 bis auf die Gegenwart. 1896 seqq., — содержит массу любопытных подробностей).

Много сведений по истории оружия (в том числе и в связи с организацией армейских действий) разбросано на страницах монографии Л. Бека (*Beck L.* Geschichte des Eisens), из которой для нас особый интерес представляют второй и третий тома. В трудах по общей истории военного дела, в частности в работе Йенса, тоже иногда встречаются подробные экскурсы в историю вооружений.

Из старой литературы упомяну лишь знаменитую книгу Фроншпергера (*Fronsperger.* Vom Geschütz, Feuerwerk und Festungen. 1557), а также издание: Das neu eröffnete Arsenal. Hamburg, 1710, — четвертый раздел которого повествует об изготовлении и хранении оружия.

4. История продовольственного снабжения армий

Из новейших научных исследований, посвященных общему рассмотрению этой темы, я не знаю ни одного, которое касалось бы более раннего времени. Замечательная работа О. Мейкснера (*Meixner O.* Historischer Rückblick auf die Verpflegung der Armeen. Wien, 1895 ff.) ограничивается войнами XIX века. К делу относятся публикуемые в Acta Borussica документы по зерноторговой политике (Bd 2. Die Getreidehandelspolitik und Kriegsmagazinverwaltung Brandenburg-Preußens bis 1740. Berlin, 1901).

Существует также ряд весьма дельных специальных исследований: *Minckwitz A. Frh. von.* Die wirtschaftlichen Einrichtungen, namentlich die Verpflegungs-Verhältnisse bei der Kursächsischen Kavallerie vom Jahre 1860 bis zum Anfang des laufenden Jahrhunderts (Neues Archiv für Sachs. Gesch. Bd II); *Schwartz F.* Organisation und Verpflegung der preußischen Landmilizen im Siebenjährigen Kriege. Leipzig, 1888.

Но по существу дела мы все еще вынуждены ограничиваться обращением к старым литературным источникам. Имеются выдающиеся труды, в частности на французском языке, которые, однако, в основном ограничиваются изображением французских обстоятельств, хотя то тут, то там затрагивают и другие страны. Очень интересна книга Дюпре д'Ольне (*Dupré d'Aulnay. Traité général des subsistances militaires. 2 vol. 4°. 1744*). Автор служил «военным комиссаром и генеральным директором продовольствия» и писал «с целью дать руководство тем, кто имеет намерение стать предпринимателем». Книга состоит из двух частей; в первой рассматривается «общее понятие управления доставкой продовольствия, фуража, скотобойнями, госпиталями, продовольственным и артиллерийским обозами»; вторая охватывает следующие вопросы: 1) тарифы, 2) исчисление вероятных войсковых потребностей, 3) образцы заявок, 4) образцы договоров на поставки, 5) образцы административных договоров, 6) инструкции для чиновников и т. д. Здесь же приведены подробные указания для поставщиков: как им надлежит представлять на рассмотрение свои предложения, как организовать свои действия, как производить закупки и т. д.

Не менее поучительны работы Шенвьера (*Chennevières. Détails militaires nécessaires à tous les officiers et principalement aux commissaires de guerre. 2 vol. Paris. 1750*) и Андуина (*Andouin X. Histoire de l'administration de la guerre. 3 vol. 1811*).

На немецком языке к тому же ряду относится опубликованная в пятом томе «Походной библиотеки офицера» работа Рихтгофена (*Richthofen E. Frh. von. Der Haushalt der Kriegsheere. 1839*).

О военном комиссариате см., в частности: *Weise K. G. Über das Feldkriegskommissariat. Ulm, 1794* (автор занимал пост «выездного секретаря королевско-прусского военно-полевого комиссариата», поэтому касается он исключительно отношений в прусской армии); *Enthüllungen des Raub- und Plünderungssystems des Kommissare der preußischen, österreichischen und neufränkischen Armeen, 1799* (работа почти полностью посвящена мошенничеству французских поставщиков и комиссаров. Автор ставит себе в заслугу «многолетнюю работу на поставках» и «непрестанное общение с поставщиками»).

5. История обмундирования

В этой области пригодные для наших целей источники особенно скудны. И хотя от многочисленных сочинений по истории военного костюма буквально рябит в глазах, все они принадлежат, скорее, истории моды, поскольку касаются лишь фасонов, выкроек и расцветок военной униформы. Из сочинений такого рода можно назвать следующие: *Knötel R.* Handbuch der Uniformkunde. Leipzig, 1896; *Suttner G. von.* Reiterstudien. Beiträge zur Geschichte und Ausrüstung der vorzüglichen Reiterarten im XVI–XVII. Jahrhundert. Wien, 1880; *Luard J.* History of the dress of the British soldier. London, 1832; *Marbot, Noirmont.* Costumes militaires françaises. 3 vol. 1846; *Quarré de Verneuil.* Le costume militaire en France et les premiers uniformes. Paris, 1877.

Напротив, совершенно новый тип научной литературы, которую мы тоже можем привлечь для изучения экономических и административных сторон проблемы воинского обмундирования, образуют работы, недавно опубликованные в официальном сборнике «Geschichte der Bekleidung und Ausrüstung der königlichen preußischen Armee» (Weimar. 1906 ff.). Лучшие специалисты впервые использовали в этих работах относящийся к данной области богатый материал берлинских архивов. На сегодняшний день в свет вышли две первые части.

6. История военно-морского флота и кораблестроения

Эта отрасль литературы изобилует замечательными работами, старыми и новыми.

Касательно военно-морского дела и кораблестроения вообще мы располагаем целым рядом произведений, которые хотя и относятся к сравнительно давним временам, однако все еще сохраняют свою значимость, поскольку содержат материалы, больше нигде не опубликованные. К ним прежде всего относятся следующие: *Charnock J.* A History of Marine Architecture. 3 vol. London, 1800–1802; и *Jal A.* Archéologie navale. 2 vol. Paris, 1840. Таких «Морских археологий» и прежде выходило немало. Обзор наиболее важных сочинений по военно-морскому делу и кораблестроению, относящихся к XVII веку, содержится в трактате *Der geöffnete See-Hafen* (2 Teile. Hamburg, 1715), который и сам по себе богат интересными сведениями.

Работу дю Сена (*Sein A. du. Histoire de la marine de tous les peuples. 2 vol. Paris, 1863–1879*) можно почти целиком отнести к области военной истории.

Напротив, устройство *военно-морских сил отдельных стран* было подвергнуто серьезному и весьма подробному рассмотрению в многочисленных трудах, из которых я назыву только наиболее важные и появившиеся в самое последнее время:

Голландия: Jonge J. C. de. Geschiedenes van het Nederlandsche Zeewezen. 10 Vde. Harlem, 1858; в приложениях содержится ценный материал по истории внутренней организации флота и кораблестроения.

Испания: Duro C. F. Armada Española. 9 vol. Madrid, 1895–1903; по сути дела, это история морских войн, но в нее входит и несколько глав об управлении войсками. Богатый материал по истории «Непобедимой Армады» содержит другая работа того же автора, вышедшая в 1884 г. и посвященная этой экспедиции.

Италия: Manfroni C. Storia della marina italiana. 2 vol. Roma, 1897 ff.; почти исключительно политического содержания. Напротив, история средневекового генуэзского флота нашла превосходного интерпретатора в лице Э. Гейка (*Heuck Ed. Genua und seine Marine, 1886*).

Франция: Roncière Ch. de la. Histoire de la marine française. 4 vol. Paris, 1899 seqq.; главным образом, военная история, так что в стремлении обратиться к внутренней истории французских военно-морских сил придется вернуться к более ранним сочинениям. Из последних назыву работу Э. Сю (*Sue E. Histoire de la marine française. 4 vol. Paris, 1837*). В этом произведении, которое ныне почти всегда получает низкую оценку, когда о нем высказываются писатели (по-видимому, они просто заимствуют друг у друга готовое суждение, не утруждая себя тем, чтобы самостоятельно проверить его справедливость в отношении оцениваемого предмета), содержится очень много весьма полезного документального материала, который, впрочем, после авторской обработки и впрямь иногда предстает несколько похожим на роман (ведь это автор «Парижских тайн»!).

Англия: Понятно, что литература этой страны особенно богата историческими описаниями национального флота, его развития и свершений. Но все прежние работы общего

характера сегодня превзойдены в замечательном труде Лэрд-Клоуза (и его соавторов) (*Laird Clowes W. The Royal Navy. 5 vol. London, 1897 seqq.*). Первый том повествует о событиях до 1603 г., второй — до 1714, третий — до 1783 г. Довольно обширное место в них отведено «гражданской истории». И все же наряду с этим образцовым сочинением, украшенным к тому же многочисленными иллюстрациями, нельзя обойти вниманием и замечательную книгу Оппенгейма (*Oppenheim M. History of the Administration of the Royal Navy. London, 1896*), представляющую собой совершенно исключительное по своему богатству собрание материалов (во многом послужившее основой и авторам «*The Royal Navy*»), доводящую исследование до времен Республики и содержащую множество фактов, важных для понимания проблем, обсуждаемых в настоящих очерках.

Когда мы исследуем истоки современного капитализма и воскрешаем в памяти внешние обстоятельства, при которых он появился на свет, наше внимание почти неизбежно обращается к непрерывным раздорам и войнам, коими полнится эпоха со времен крестовых походов до наполеоновских кампаний: Италия, как и Испания, на протяжении всего позднего Средневековья представляет собой сплошной военный лагерь; распря между Англией и Францией не прекращается сотню лет в XIV–XV вв.; в XVI в. Европа лишь 25 лет провела без войн, в XVII в. — лишь 21 год, таким образом, получается, что из 200 лет 154 были годами войны. Голландия воевала 80 лет: с 1568 по 1648 г. и 36 лет с 1652 по 1713 г., итого 116 из 145. Так продолжалось вплоть до того времени, когда европейское человечество в последний раз было сильно возбуждено революционными войнами. Простое рассуждение убеждает нас в том, что, по всей видимости, имеет место определенная связь между войной и капитализмом.

И довольно часто исследователям действительно доводилось констатировать такие связи. Но все же, насколько мне известно, говоря об отношениях между капитализмом и милитаризмом, они никогда не думали о

том влиянии, которое капитализм оказывал на политику народов, и только войны всегда рассматривали как следствие капиталистического развития.

Каковыми они, несомненно, в значительной мере и являются. Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы увидеть, что «капиталистические» интересы становились движущей силой в большинстве схваток, в которые итальянские республики вступали друг с другом или со странами Босфора, а позднее и в войнах XVI–XVIII в. То были битвы за злачные места — никакого сомнения.

«То, что в 1556–1559 гг. не получилось у французов, удалось нидерландцам в их «освободительной войне» (1568–1648) — сломить колониальное могущество Испании, лишить ее первенства в мировой торговле, приостановить развитие ее национальной экономики; капитализм переносит свою штаб-квартиру в Нидерланды. Едва переместившись туда, он вновь сталкивается с завистливыми соседями, обеспокоенно следящими за его развитием; Кромвель начинает борьбу с Нидерландами: в 1651 г. выходят Законы о мореплавании, с 1652 по 1654 г. идет торговая война. В союзе с Англией Франция и Швеция с 1672 по 1678 г. противоборствуют расцветающим Нидерландам. Затем ведущей капиталистической державой на некоторое время становится Франция; в какой-то момент кажется, что французская торговля хочет слиться с испанскими колониальными владениями. Но уже появляются завистники: Германия, Голландия и Англия в 1688–1697 гг. ведут коалиционную войну против набирающей мощь Франции, в а войне за испанское наследство (1701–1714) Голландия и Англия с успехом оспаривают у нее приобретение испанских колоний. Наконец, остаются только два сильнейших противника, Франция и Англия, противоборствующие друг другу в 1756–1763 гг. Англия выходит из этой борьбы победителем и тем самым утверждает свое верховенство на мировом рынке».

Все это так. И были времена, когда ученые гордились, если ту или иную войну, как и любое другое вели-

кое событие мировой истории, им удавалось объяснить экономическими причинами.

Но ныне такое «материалистическое понимание истории» непременно должно расстаться с ролью нашего единственного путеводителя. Оно уже исполнило свой долг. Теперь нам предстоит сделать следующий шаг. И если мы сегодня отказываемся от «экономического воззрения» на историю, верой и правдой служившего целому поколению, то даем ему отставку с тем же чувством, с каким отправляем на покой старого преданного слугу, — не потому, что он вообще ни на что не годен, а лишь потому, что состарился и уже не столь сноровист, как прежде; слугу, которого чтят и в дальнейшем. И следовательно, мы отказываемся от «материалистического понимания истории» не потому, что считаем его «ложным» — как метод единообразного понимания исторических явлений оно не более ошибочно и не более истинно, чем другие, — а просто потому, что оно больше не приносит плодов. Оно сделалось бесполезным: золотая жила, к которой оно нас привело, уже полностью выработана. В самом деле: все, что за последнее время удалось с его помощью добыть в исторических описаниях, оказалось пустой породой. К тому же теперь, когда оно вошло составной частью в политическую программу одной партии, оно воистину сделалось годным лишь на роль буки, которым пугают детей.

Это означает, что проблему «война и капитализм» тоже нужно выволочь из объятий, в которых ее сжимает исторический материализм. И быстрее всего это удастся, если изменить вопрос на обратный и спрашивать не о том, в какой мере война является следствием капитализма, а о том, насколько и по каким причинам сам капитализм оказывается следствием войны.

Насколько я знаю, в такой строгой форме эта проблема вообще еще не поднималась. Хотя было сделано немало попыток выявить ту роль, которую война играет в «экономической жизни». Но это слишком слабая формулировка: пока мы не ограничим наше рассмотрение

строгими рамками какой-либо одной, четко определенной хозяйственной системы, мы будем вслепую размахивать жердью в густом тумане («историки»!).

Каковы же эти вызываемые войной последствия? Прежде всего, если в слабой формулировке мы спрашиваем о последствиях для «экономической жизни», то первым и важнейшим, а на первый взгляд даже единственным таким последствием будет *разрушение*, с которым, очевидно, самым тесным образом связана любая война.

Война-разрушительница: этот образ всплывает в нашем воображении, когда мы хотим наглядно представить себе ее воздействие на материальную культуру. «Беспощадная фурия пронеслась по земле». Города разграблены. Деревни и поля разорены. Красные петухи над крышами. Скот, разбредаящийся по стране. Распавшиеся государства. Остатки населения, ждущие голодной смерти. Кто не знаком с такими описаниями, прежде всего касающимися Германии времен Тридцатилетней войны? Недавно Роберт Хенигер вновь нам о них напомнил.¹ Но в XVI—XVII вв. они могли относиться и ко многим другим странам. В частности, ужасы войны на себе в полной мере испытала Франция. «Всюду руины; скот большей частью уничтожен, так что пахать больше не на чем, и зачастую обширные участки земли лежат невозделанными», — пишет в 1574 г. итальянский посланник Кавалли. «Quasi tous les villages estoient inhabitez et deserts»,² говорится в одной декларации 1595 г.; в итоге — «cessation presque générale du labour».³ «Il est cogneu, — заявляют нотабли на своем собрании 1597 г., — que l'on faisait avant les troubles quatre fois plus de manufactures de draps de laine qu'à présent. Témoins la ville de Provins en Brie où il y avoit huit cents mestiers de draps et n'y a

¹ Hoeniger R. Der Dreißigjährige Krieg und die deutsche Kultur (Preuß. Jahrbücher. 138. 1909. S. 402 ff.).

² Едва ли не все села опустели и обезлюдели (фр.).

³ Сельскохозяйственные работы почти повсюду прекратились (фр.).

pas pour le jourd'hui quatre mestiers». ¹ Люди самого уравновешенного склада оказываются выбиты из размеренной колеи: «En temps ordinaire et tranquille on se prépare à des accidents modérés et communs; mais à cette confusion où nous sommes depuis trente ans, tout homme français, soit en particulier, soit en général, se voit à chaque heure sur le pied de l'entier renversement de sa fortune» (Montaigne). ²

Но как наихудшее следствие нескончаемых войн ощущалось то, что распоясавшаяся солдатня и обедневшие дворяне осваивали ремесло разбойников; страну прочесывали их банды — бич и городских, и деревенских жителей. В конце концов дичало и само население; оно утрачивало прежнюю бодрость и трезвость рассудка; вид крови, страданий и бесчинств войны развращал и ожесточал его, как сказано в сообщениях того же Кавалли.

Сегодня мы приобрели привычку считать подобные описания преувеличенными. Мы знаем, что писатели-современники слишком сгущали краски, когда заводили разговор о бедствиях войны. В конце концов именно собственным нытьем они и доводили себя до слез. И все же горожанам и крестьянам бесчинства солдатни причиняли немало вреда.

В отношении одной страны мы располагаем даже количественной (и, по моему мнению, единственной относящейся к столь раннему периоду) оценкой такого вреда, нанесенного ее народному хозяйству в ходе длительных военных действий: речь идет о Пьемонте времен войны за испанское наследство. Подсчет этих убытков приводим ниже. ³

¹ Получается, что до наступления смуты мануфактур по производству шерсти у нас было вчетверо больше чем сейчас. Возьмем, к примеру, провинцию Бри, где размещалась сотня шерстопрядилен, а сегодня их всего четыре (фр.).

² В обычные, спокойные времена мы бываем готовы к разным мелким неприятностям; но в той суматохе, что окружает нас вот уже тридцать лет, все французы и в целом, и по отдельности ежедневно ощущают, что фортуна может целиком и полностью к ним перемениться (фр.).

³ Einaudi L. La finanza sabauda all' aprisi del secolo XVIII. 1908. P. 373.

Пожары, вызванные действиями врага	4 184 608	ливров
Пожары, вызванные действиями союзников	691 826	»
Присвоение скота врагом	1 492 032	»
Присвоение скота союзниками	325 412	»
Вывоз движимого имущества и <i>vettovaglia esclusi li foraggi</i> , ¹ враг	16 322 235	»
Вывоз движимого имущества и <i>vettovaglia esclusi li foraggi</i> , союзники	4 985 637	»
Уничтожение фруктовых деревьев, враг	3 810 882	»
Уничтожение фруктовых деревьев, союзники	2 335 690	»
Контрибуция, выплаченная врагу	3 177 093	»
Итого	37 325 415	ливров

В Пьемонте тогда проживало 1 200 000 жителей!

Однако вытекавшие из подобных разрушений неблагоприятные последствия были, по всей видимости, не такими уж продолжительными. И когда Тридцатилетнюю войну делают первоочередной причиной упадка и длительной экономической отсталости Германии, это говорит лишь о недостаточном знакомстве с фактами. Франция в XVI–XVII вв. пережила войну, длившуюся больше тридцати лет, и, несмотря на это, к концу XVII в. подошла первой торговой и промышленной державой Европы.

Но война разрушала не одни только селения и государства. И то сдерживающее влияние, которое она оказывала на ход экономической жизни, было намного более широким, чем можно заподозрить по самым жалостливым описаниям военных бедствий. Но *это* делается понятным лишь в том случае, если мы скорректируем проблему уже рекомендованным выше способом, если со всей определенностью спросим: какое значение имела война для развития *экономической системы капитализма*. Вот тогда-то мы и обнаружим, что она, несомненно, сдерживала ее развитие, что она, таким образом, являлась для капитализма препятствием отнюдь не

¹ Продовольствия, за исключением фуражного корма (*итал.*).

только в одном аспекте. Я имею в виду даже не разрушение уже сформировавшихся капиталистических образований, каковое, конечно же, часто бывало следствием разрыва торговых сношений, непомерного налогового бремени и иных тягот войны, или следствием ненадежности транспортных связей и государственных банкротств. Хочу привести лишь один пример, удачно характеризующий все перечисленные разновидности помех.

Франция вывезла в Голландию в 1686 г. на 72 млн ливров, в том числе на 52 млн продуктов промышленного производства; в 1716 г. всего на 30.7 млн ливров и на 2 338 000 ливров промышленных продуктов.¹

Как можно заниматься торговлей, жалуются в 1594 г. испанские кортесы, если с капитала в 1000 дукатов приходится платить налог в 300 дукатов? За три года капитал будет израсходован.²

Нидерландская Ост-индская компания с 1697 по 1779 г. понесла убытков на 41 275 419 флоринов в индийских легких деньгах (= 33 020 335 флоринов в нидерландских тяжелых деньгах), хотя на своих торговых сделках она еще заработала довольно много (в 1776–1777 гг. 50 %, в 1778–1779 гг. 55 %). Убытки были вызваны большими затратами, на которые ей пришлось пойти ради того, чтобы сохранить свое положение во вражеской стране. «Если бы Компания оставалась только купцом, о сокращении числа сделок в те времена не могло бы быть и речи. Но общество было еще и сувереном, и административные издержки поглотили все доходы от торговли. Последних даже не вполне хватало, поскольку „купец вынужден был платить за то, что проедал властитель“».³

В начале XVI в. Бирингуччо открыл при Ауранцо, в долине верхней Пьявы, медные и серебряные копи, быстро достигшие расцвета. О дальнейшей участи рудника он сообщает:⁴ «Без сомнения, мы собрали бы там добрый уро-

¹ *Arnould. De la Balance du commerce etc. Tab. 3.*

² *Ranke. Fürsten und Völker Südeuropas. 1³. S. 455.*

³ *Klerk de Reus G. C. Geschichtlicher Überblick der Niederländisch-ostindischen Kompagnie. 1894. S. 193; см. также S. 191.*

⁴ *Biringuccio. Pirotecnica. Lib. I. C. II.*

жай, если бы судьба не наслала на нас войну между императором Максимилианом и венецианской синьорией, приведшую к тому, что окрестности Фриоля и Кармии опустели, и заставившую нас отказаться от наших планов и разрушить все уже возведенные там постройки. А поскольку война затянулась надолго, это привело к распаду нашей компании...».

Французская компания Восточных Индий (1664–1719) потерпела крах из-за волнений и беспокойств, вызванных войнами Людовика XIV, которые он вел с морскими державами на всех морях и побережьях: из 55 лет ее существования 27 приходится на морские войны.¹

Государственное банкротство 1575 г., при Филиппе II, оказало разрушительное воздействие на многие дома Севильи, Рима, Венеции, Мадрида, Лиона, Руана, Антверпена, Аугсбурга и др. Но больше всех пострадали генуэзцы. «Кредит повсюду сведен на нет этим новшеством», — пишут Фуггерам из Антверпена. Томас Мюллер сообщает из Севильи: «Два этих банкротства приносят почти столько же вреда, что и половинный декрет; ибо из-за них торговля с (Вост)-Индией, за счет которой все до сих пор и жили, полностью прекратилась». После этой катастрофы народное хозяйство Испании представляло собой попросту груды развалин.²

Я имею в виду, скорее, значительно более серьезное препятствие, которое война ставила перед развивающимся капитализмом в силу того, что разрушала самые ростки, из коих он должен был произрастать. Ростки эти скрывались в состояниях, которые способны были сделаться капиталистическими и уже с начала Средневековья повсеместно рождались из тысяч сливавшихся друг с другом источников. На протяжении столетий война ставила таким состояниям бесчисленные препятствия на пути превращения в капитал, поскольку пользовалась ими в своих целях. Тот, кто шел по свету с открытыми глазами, ни в какие в прежние времена не мог игнорировать то обстоятельство, что частные состояния,

¹ *Kaepelin P.* La Compagnie des Indes orientales. 1908. P. 647.

² *Ehrenberg E.* Das Zeitalter der Fugger. 2. 1896. S. 205 ff.; см. также: *Ranke.* Fürsten und Völker. 1. S. 421 ff.

вместо того чтобы приносить пользу торговле и промышленности, перемещались в казну государства, расходовавшего их главным образом на военные нужды: государственные займы, обещавшие владельцу состояния изрядную и не требовавшую никакого труда выгоду, высосали сперва все крупные, а затем и все средние и мелкие состояния, чем сильно задержали процесс накопления капитала.

Такие явления постоянно вызывали жалобы со стороны всех, кто был заинтересован в развитии коммерции, особенно в XVIII веке.

В Англии:

«Of course every wise man would take his money out of trade and carry it to the Treasury as the better market. There was at that time (sc. z. Z. Williams) at least 20 or 30 % to be got fairly, by supplying the government; the money paid was sure to return again in a few years and being lent again on new securities, it can be no wonder that so profitable a traffic has from a moderate stock produced even 80 Millions in 60 years».

«The public funds ... engross that ready money that should otherwise be employed in trade either by proprietors or others...»¹

Во Франции:

«Cet argent fait pour alimenter le commerce et soutenir l'industrie, va se perdre éternellement dans les coffres royaux. Ces coffres attirent tout ce qu'ils peuvent attirer...»

«Elle (la poche des capitalistes) appelle ... les richesses, fait la loi, écrase; abyme tout concurrent, est étrangère à l'agriculture, à l'industrie, au commerce ... Consacrée à l'agiotage elle est funeste...»

¹ Всякий разумный человек, конечно же, изъял бы свои деньги из оборота и переместил бы их в казну как в более надежный рынок. В те времена (т. е. при Вильгельме III) при поддержке правительства, он давал самое малое от 20 до 30% прибыли; потраченные деньги неизменно возвращались в течение немногих лет и ссужались вновь под новые гарантии; неудивительно, что за 60 лет столь прибыльные вложения привели к тому, что сравнительно небольшие капиталы выросли до 80 миллионов... Государственные средства ... вобрали в себя те наличные деньги, которые в противном случае использовались бы в торговле их владельцами или другими лицами... (англ.). — *Postlethwayt. Dict. of Commerce*. 2. 1758. P. 285 (статья «Денежный интерес»); *ibid.* P. 764 (статья «Спекуляция на бирже»).

«Je ne passe point devant l'hôtel des fermes sans pousser un profond soupir: je me dis, là s'engouffre l'argent arraché avec violence de toutes les parties du royaume, pour qu'après ce long et pénible travail, il rentre altéré dans les coffres du roi».¹

В Голландии:

«Вечные жалобы на то, что никто не желает вкладывать свои деньги в торговлю, в промысел или в земледелие, что всем хочется разбогатеть в праздной лени, отчего они и размещают свои деньги за границей».²

И история убеждает нас в том, что эти авторы были правы в своих наблюдениях. Со времен Средневековья, с тех пор как города и князья начали брать займы, для всех, кто делал сбережения, было делом решенным, что в первую очередь они будут вкладывать свои деньги в займы государям и городским властям. Пока долги еще оставались личными, свои деньги королям ссужали только богачи (деньги эти, впрочем, частично притекали к ним уже из вкладов, как о том сообщает Виллани в отношении сумм, которые Барди и Перуцци ссужали английскому королю). Позднее, когда появились долевыи долги, и тем более долги неличные, в государственную казну стали стекаться и накопления небогатых людей.

В 1353 и 1398 гг. в Венеции распродавали торговые дома, чтобы на вырученные средства приобрести долю в государственном долге.³

¹ Деньгам этим, предназначенным для оживления торговли и поддержки промышленности, суждено было навеки пропасть в королевских сундуках. Эти сундуки поглощали все, что могли вместить... В нем (кармане капиталистов) скапливались ... богатства, он творил законы, становился все тяжелее; он разорял конкурентов, но чуждался земледелия, промышленности, торговли ... Посвящаемый биржевой игре, он всюду сеял разруху... Проходя мимо откупных домов, я не могу сдержать глубокого вздоха; я говорю себе: вот где проматываются деньги, насильно отторгнутые от всех краев королевства, чтобы после всех этих долгов и мучительных трудов вновь оказаться в королевских сундуках (фр.). — *Mercier*. Tableau de Paris. 1784. 1. P. 229; 3. P. 190.

² *Laspeyres E.* Gesch. der volksw. Anschauungen der Niederländer. 1863. S. 254.

³ *Sieveking H.* Genueser Finanzwesen. 1. 1898. S. 174.

О столпотворении вокруг *grand parti*¹ короля Генриха II, имевшем место в 1555 г., один современник писал: «Одному Богу ведомо, в какое возбуждение людей приводила жажда этих непомерных прибылей: все сбегались сюда, чтобы разместить свои деньги в *grand parti*, включая даже простых слуг, притащивших свои сбережения. Жены продавали украшения, вдовы отдавали свои пенсии, чтобы поучаствовать в *grand parti*, короче, все неслись туда как на пожар».²

Чтобы дать представление об огромных суммах, которые благодаря всему этому были выведены из процесса образования капитала (и это только на первых порах, т. е. прямым путем!), я приведу количественные показатели долгов, сделанных важнейшими городами-государствами и крупными государствами со времен средневековья до начала XIX в.

Путь и в этом отношении указывали:

1. *Итальянские* города:

Постоянный долг *Генуи* растет с 1257 г. В 1322 г. совокупный государственный долг *Генуи* исчислялся суммой в 831 496 ливров с начислением 8–12 %. В 1354 г. консолидированный долг вырос до 2 962 149 л.; в 1378–1381 гг., во время борьбы с Венецией, было сделано 10 принудительных займов в среднем по 100 000 флоринов под 8 %, так что в конце XIV в. к упомянутым 2.9 млн л. прибавилось еще 2.5 млн. В 1470 г. государственный долг *Генуи* составил 12 млн л., в 1597 — 43.77 млн.³

В 1380 г. во Флоренции было государственного долга на 1 млн золотых флоринов, в 1427 — на 3 млн; с 1430 по 1433 г. 70 семейств выплатили в *Conto di gravezza*⁴ 4 875 000 фл.⁵

Венецианский дож Мочениго, выплативший при жизни 4 млн дукатов долга, после смерти (1423) оставил непо-

¹ Государственный займ (*фр.*).

² См.: *Ehrenberg E.* Op. cit. 2. S. 107.

³ *Sieveking H.* Die kapitalistische Entwicklung in den italienischen Städten des Mittelalters (Vierteljahrschrift für Soc- und W.-Gesch. 7. S. 84). См. его же *Genueser Finanzwesen.* 1. S. 100, 110, 160.

⁴ Податной банк (*итал.*).

⁵ *Pagnini.* Della decima. 1. 1765. P. 33.

гашенными еще 6 млн. В 1520 г. состояние Монтевеккьо насчитывало 8 675 613 дукатов.¹

2. Франция:

1595 ²	296 620 252	ливра	
1698 ³	2 352 755 000	»	
1715 ⁴	3 460 000 000	»	
1721 ⁵	1 700 733 294	»	
1764 ⁶	2 157 116 651	»	
1789 ⁷	4 467 478 000	»	
1800 ⁸	40 216 000	»	ренцы
1814 ⁹	63 307 637	»	»

3. Голландия:

1660 ¹⁰	140 000 000	гульденов
1698 ¹¹	25 000 000	фунтов

4. Англия:¹²

1603	400 000	ф. ст.	
1658	2 474 290	» »	
1701	16 394 702	» »	} война за испанское наследство
1714	54 145 363	» »	
1727	52 092 235	» »	
1739	46 954 623	» »	
1748	78 293 313	» »	
1755	74 571 840	» »	} семилетняя война между Англией и Францией
1762	146 682 844	» »	
1775	135 943 051	» »	
1784	257 213 043	» »	} освободительная война

¹ Sieveking H. Genueser Finanzwesen. 1. S. 161.

² Forbonnais. Recherches et considérations sur les finances de France depuis l'année 1595 jusqu'à l'année 1721. 1. 1758. P. 28.

³ См. Forbonnais. Op. cit. 2. P. 296.

⁴ Levasseur. Histoire des classes ouvrières etc. 2. 1900. P. 353.

⁵ Boiteau P. Fortune publique et finances de la France. 2. 1866. P. 14.

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Block M. Statistique de la France. 1². 1875. P. 481.

⁹ Ibid.

¹⁰ De Witt. Interests of Holland, цит. по: Anderson. Origins of the Commerce etc. 2. P. 413.

¹¹ См. Forbonnais. Op. cit. 2. P. 296.

¹² Sinclair J. Hist. of the publ. Revenue. 1³. 1803. P. 220, 288, 426, 439, 451, 460, 472, см. также: Porter. The Progress of the Nation. 3 ed. 1851. P. 474.

1793	261 735 059	ф. ст.	} наполеоновские войны
1816	885 186 323	» »	

5. *Европа*:

1714¹ 300 000 000 ф. ст.

Нет никакого сомнения: в этих цифрах отражаются понесенные капитализмом большие и тяжелые потери.

И тем не менее! *Без войн капитализм вообще бы не состоялся.* Война не только оказывала разрушительное воздействие на самые устои капитализма, она не только препятствовала его развитию; в такой же мере она и способствовала ему и вообще впервые делала его возможным, поскольку важнейшие условия, с которыми связан всякий капитализм, исполнялись только в ходе разного рода столкновений. Я имею в виду прежде всего само *образование государств*, как оно протекает в Европе в период с XVI по XVIII в., поскольку именно оно явилось предпосылкой самостоятельного развертывания экономической системы капитализма. Но современные государства — и это даже не нужно доказывать — во всем порождены исключительно силой оружия: и их внешние очертания, их границы, и ничуть не меньше их внутренняя структура, их административное управление и финансовая система возникли непосредственно в ходе выполнения военных задач в современном смысле слова; этатизм, фискализм и милитаризм на протяжении этих столетий составляли единое целое. Каждому известно, что, например, *колонии* завоевывались и отстаивались в тысячах кровавых схваток: начиная с итальянских колоний в Леванте и заканчивая великой английской колониальной империей, которая шаг за шагом с мечом в руках отвоевывалась у других наций.

Колонии завоевывались в борьбе с местными жителями, а также в схватках с другими европейскими нациями, ревниво оспаривавшими друг у друга приоритет. Конечно, кое-где и дипломатические ловки помогали той или иной

¹ *Postlethwayt*. Op. cit. 2. P. 310.

стране добиться преимуществ в торговле с чужеземным народом; нам известны многочисленные договоры, заключавшиеся с местными правителями и гарантировавшие европейской нации всевозможные привилегии. Особенно часто договоры заключались с ближневосточными колониями, где европейцы имели дело с цивилизованными или хотя бы получившими народами. Встречаются они и в азиатско-американских областях. По-французски такие договоры назывались *фирманами*, и в них (как, скажем, в фирмане 1692 г., которого Деланд добился в Чандернагоре от могола для французской компании Восточных Индий) содержались, к примеру, следующие договоренности: компания выплачивает моголу 40 000 ливров, 10 000 сразу и далее по 5000 ежегодно; французы получают право свободно торговать в провинциях Бенгалия, Орисса и Бехар; с теми же привилегиями и теми же обычаями, что и голландцы; как и последние, они платят 3.5 % пошлины.

Но сколь бы хороши ни были такие договоренности, дело ими, конечно, не исчерпывалось. Уже только для того чтобы туземцы их соблюдали, от страны, заключавшей с ними договор, требовалось такое проявление власти, которое внушило бы надлежащее почтение местному властителю. Кроме того, всегда приходилось считаться с тем или иным соперничающим европейским государством, которое в любой момент было готово с мечом в руках побороться за свое место.

Именно поэтому колониальная история генуэзцев и венецианцев представляет собой историю бесконечных войн.¹ Самые выгодные договоры и здесь доставались тем государствам, которые проявляли наибольшее упорство: «В ходе этих столкновений республика (Венецианская) по существу ограничивалась тем, что приводила в обороноспособное состояние свою штаб-квартиру в Негрепонте. Вероятно, это и поспособствовало тому, что в 1277 г., при повторном заключении двухгодичного договора с Михаилом Палеологом, она потребовала для себя более благоприятных условий» (Хейд). Такова же с XVI в. и история западноевропейских народов: решающим и здесь оставалось проявление власти в ходе военного выступления: «Il faudrait envoyer des vaisseaux du Roi afin de les fair voir sur les côtes et surtout n'épargner ni poudre ni boulets, et

¹ В книге Хейда очень много места отведено перечислению таких договоров.

c'est d'une grande conséquence afin d'abattre l'orgueil des Hollandais..., fomenter la guerre entre Anglais et Hollandais et secourir toujours le plus faible...; la Comp. étant établie une fois, il ne tiendra qu'au Roi d'être le maître des Indes», — говорится в меморандуме директоров французской ост-индской компании 1668 г.¹

Мы знаем, что с XVII в. вошло в обычай передавать суверенные права государства, в том числе и средства ведения войны, в распоряжение привилегированных торговых обществ, на долю которых вследствие этого выпадала, по сути дела, задача завоевания колоний, так что между ними разгоралась борьба за сулившие выгоду территории (по мере того, как они обнаруживались за пределами Европы). Очевидно, что в этой борьбе решающей оказывалась в конце концов мощь государственной власти и что победа достигалась не усилиями мирных торговцев, а хитростью ловких дельцов и грубостью отважных мореплавателей.

«L'on coneitra par là qu'il faut que les personnes qui sont à la tête des Compagnies dans les Indes, aient d'autres qualités que celle qui regarde la fonction simplement d'un habile marchand; c'est un service mêlé, où il est nécessaire de savoir un peu de tout», — сообщает в письме домой Ф. Мартен, чей взгляд всегда отличался ясностью.² И это относилось ко всем нациям: победу в борьбе одерживали самые напористые из них, самые беспощадные, лучше других владевшие военным ремеслом.

Крайне ясным и потому наилучшим примером того, как осуществлялся захват колониальных владений, является история африканских торговых обществ.

Сначала Африку захватили португальцы. Наряду с ними там прочно обосновались и англичане: королева Елизавета даровала привилегию одной из компаний. После

¹ Нужно было послать туда королевских вассалов, чтобы они присматривали за берегом и, главное, не щадили ни пороху, ни пуль; это было весьма последовательно, если целью было сломить гордость голландцев..., разжечь войну между ними и англичанами и оказывать постоянную поддержку слабейшей стороне; с самого момента учреждения компании подразумевалось, что господином обеих Индий будет король (фр.). — *Kaepelin P. La Comp., des Indes Orient. 1908. P. 322.*

² Отсюда становится понятно, что люди, стоящие во главе Индских компаний, должны обладать иными качествами, нежели просто способностями ловкого коммерсанта; это весьма непростая должность, где требуется знать понемногу обо всем (фр.). — *Kaepelin P. Op. cit. P. 63.*

этого англичане основали свой первый форт на Золотом берегу, а затем, во времена Стюартов, на реке Гамбии. В 1621 г. была учреждена голландская вест-индская компания, наделенная правом владения всеми землями на западном побережье Африки и на восточном побережье Америки, а также исключительным правом вести торговлю в этих областях. Но поскольку интересовавшими компанию землями уже владели португальцы, неизбежны были столкновения, которые вскоре и последовали: в 1637 г. голландцы захватили первый португальский форт в Африке, а вскоре и все остальные, которые формально были закреплены за ними договором 1641 г. Но на пути стояли еще англичане; теперь голландцы и в их отношении предъявили претензии на право исключительной торговли: они отрядили два военных корабля для постоянного курсирования вдоль побережья и охоты на прибывающие английские торговые суда.¹ Таким образом, теперь стало ясно:

во-первых, что частные торговцы-англичане не в состоянии тягаться с объединенными силами голландской вест-индской компании;

во-вторых, что договорам между заинтересованными государствами не следовало придавать слишком большого значения (опыт ост-индской компании);

в-третьих, что есть только одно средство выстоять против такого противника, как голландская вест-индская компания: всех английских торговцев нужно было тоже объединить в рамках одного общества и вручить ему все властные полномочия и привилегии, в которых оно нуждалось.

Результатом этих соображений явилось учреждение «Companny of Royal Adventures of English trading into Africa» в 1662 г.

После этого началась хорошо организованная борьба между обеими компаниями: англичане тоже обустроивают форты, тоже снаряжают военные корабли и т. д. Каких затрат это требовало, показывают следующие цифры: на сооружение и обеспечение фортов африканского побережья компания в 1672–1678 гг. потратила 390 000 фунтов стерлингов, в 1678–1712 гг. — 206 000, в 1712–1729 гг. —

¹ Список захваченных английских кораблей см.: *Postlethwayt. Dict.* 1. P. 927.

255 000; итого в совокупности 851 000 фунтов стерлингов за эти 57 лет! Но зато англичанам никто уже не мешал владеть своими землями. Постлитуэйт, сообщая об этом на основе заслуживающих доверия современных ему источников, добавляет: «For 250 years past, it has been the constant policy of all such European nations... (открывавших чужие земли)... to build and maintain forts and castles; and in virtue of such possessions to claim a right to whole Kingdoms and to tracts of land of a vaste extent and to exclude all other nations from trading into or from them».¹

Если же вспомнить, какую выдающуюся роль колонии сыграли в развитии современного капитализма — как его прообразы, способствовавшие формированию самого духа капитализма, капиталистических состояний и капиталистического рынка, — то уже одного этого эффекта — завоевания колониальных владений — будет достаточно для того, чтобы рассматривать войну и как одну из основ формирования капиталистических устоев. Таков двойственный лик войны: в одном месте она разрушает, зато созидает в другом.

Но чтобы высказать эту мысль, не было надобности писать еще одну книгу. Ибо это известно даже любому «историку». Моя же забота состояла, скорее, в том, чтобы доказать, что война принимала намного более непосредственное участие в построении экономической системы капитализма — и именно потому, что *она создала современные армии*, которым надлежало обеспечить выполнение важных условий для развития капиталистического хозяйства. Условия же, которые тут нужно принять во внимание, таковы: формирование состояний, дух капитализма и прежде всего обширный рынок. Нижеследующие исследования преследуют цель раскрыть

¹ На протяжении 250 прошедших лет стратегия всех этих европейских наций... (открывавших чужие земли) заключалась в том, чтобы возводить и в исправности содержать крепости и башни; и благодаря обладанию ими утверждать права государства в целом на обширнейшие территории, не позволяя другим нациям ни ввозить туда товар, ни вывозить его оттуда (англ.). — *Postlethwayt. Dict.* 1. 725 (ст. «Англия»). См. там же (р. 728) обзор состояния укреплений, вооружений, боеприпасов и личного состава команд на африканском берегу.

взаимосвязи между развитием милитаризма и капитализма. В первую очередь я всегда буду стараться показать, в какой мере современные армии, становление которых я прослеживаю, способствовали развитию экономической системы капитализма 1) в формировании состояний, 2) в становлении соответствующего образа мыслей и 3) (прежде всего!) в образовании рынка.

Эпоха, которую охватывают мои описания, это время с момента возникновения современных армий примерно до конца XVIII в. Для развития современного капитализма это были решающие годы, годы взросления, в которые оно обретало свою цель и направленность. Я утверждаю, что такое огромное значение милитаризм имел только в эту, раннекапиталистическую эпоху. Позднее к нему добавляются тысячи других составляющих, течение экономической жизни в равной, если не в большей мере определяется тысячей других причин помимо милитаристских интересов, оказывающих преобладающее влияние лишь до начала эпохи развитого капитализма. Но это-то все и решает, поскольку именно в этот период запечатлеваются основные черты характера современного капитализма.

Глава 1

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ АРМИЙ

1. Вызревание новых форм организации

1. Теоретически возможное устройство армий

Общее армейское устройство может принимать следующие виды:

1. По *организационному центру* мы различаем частные армии и армии государственные (городские и т. д.): в первом случае войска в рамках того или иного общественного организма набирают отдельные (частные) лица, отправляющие их затем сражаться за собственные интересы или за интересы других лиц; во втором организацией войск занимаются публично-правовые инстанции, «общественные тела» — государства, сословия, города и т. п.

2. По *сроку службы* армии делятся на постоянные и непостоянные (можно сказать: передвижные армии): в одном случае они формируются раз и навсегда, не подлежат роспуску даже при отсутствии особого повода к войне; в другом собираются только на время, когда в них возникает потребность. В свою очередь постоянная армия может выступать в двух разновидностях: как присутствующая или как отсутствующая, в зависимости от того, находится ли *miles perpetuus*¹ «под ружьем», или же во временном увольнении для исполнения своих гражданских занятий. Если какая-то часть постоянного войска остается под ружьем, в то время как другая его часть находится в отпуске, то мы будем вести речь о кадровой армии.

¹ Солдат постоянной армии (*лат.*).

Если понятию «постоянная армия» дать более узкую формулировку, то под ним следует понимать тех военных, которые числятся под ружьем. Часто только их мы и имеем в виду, когда говорим о постоянной армии в начале ее истории, поскольку категория временно уволенного бойца в те времена еще не существовала.

Столь же неопределенным (и точнее, неопределимым, поскольку речь здесь идет только о разнице в степени, а не в сути дела) остается и понятие профессиональной армии. Оно лишено двусмысленности лишь в том случае, если под ним подразумеваются войска, целиком состоящие из профессиональных военных, т. е. из людей, занимающихся военным ремеслом столь долго, сколько позволяют их силы (сегодня таковыми являются наши офицеры действительной службы). Но, с другой стороны, профессиональная армия представляет собой также и народное ополчение с многолетним сроком службы, в отличие от «милиции», состоящей из недостаточно обученных или вообще не обученных бойцов.

Для наших целей строгое различие всех названных типов не так важно. Достаточно будет, если ниже мы дадим верное описание каждого из эмпирических образований, как они выступают в европейской истории.

3. Мы подразделяем армии также по виду и способу «мобилизации войск». Здесь мне представляется целесообразным различать две большие группы — принудительные и добровольные армии, подразумевая тем самым, что в первом случае боец, становясь под знамена, следует принуждению (внешнему), что он обязан туда явиться, даже если бы того не хотел (и то, что впоследствии он может беспрекословно и даже с воодушевлением повиноваться приказам военачальника, к делу не относится; его профессиональное отношение к делу никак не связано с правовым отношением отдельного бойца к армии, на котором здесь как раз и ставится акцент); тогда как во втором случае он поступает сообразно своему свободному выбору (т. е. может и не присоединяться к войску, если того не хочет).

Принудительные армии очень разнятся по своему характеру в зависимости от происхождения и формы воинской обязанности. Принуждение может иметь частно-правовое или публично-правовое обоснование. Частно-правовое принуждение охватывает саму личность бойца, который в этом случае выступает в качестве «раба». Его военная обязанность обуславливается тем обстоятельством, что он несвободен как личность, тогда как в другом случае она вытекает из его принадлежности к определенному сообществу. Боец «призывается» в армию как крестьянин, как рыцарь или как чей-либо подданный: таким путем набираются «призывные армии», которые либо охватывают лишь какую-то часть народной общности, и потому становятся классовыми армиями, либо происходят из народной общности в целом, и тогда это народные армии.

Напротив, «добровольные» армии состояются из бойцов, взявшихся за оружие по своему собственному свободному решению. Если это их решение принимается в надежде на успешное завершение общей борьбы, если они объединяются ради «защиты Отечества» или ради того, чтобы отстоять какие-либо иные интересы, то мы будем говорить о добровольческих армиях в собственном смысле слова. Если же они исполняют воинскую службу за ту или иную плату, если они «вербуются» и по договору обязуются исполнять определенные функции за денежное вознаграждение, то перед нами не что иное как «армии наемников».

4. По внутренней структуре можно также различать *индивидуальные* и *коллективные армии*; более подробные пояснения этому различию я собираюсь дать в ходе дальнейшего изложения.

Предпринятая выше классификация армий не совпадает с обычной. Но мне она представляется целесообразной, особенно ввиду нижеследующих рассуждений. Скажем, само противопоставление «постоянных» и «наемнических» армий может кое-кому резать слух, доставляя едва ли не физическую боль подобно тому, как это происходило бы при противопоставлении «конкретного»

и «выпуклого». Мы поступим правильно, если во избежание подобных просчетов будем иметь в виду, что точки зрения, в соответствии с которыми вычленяются те или иные виды войск, весьма отличаются друг от друга. И помнить о том, что выделяемые таким способом особенности армий могут многократно смешиваться друг с другом: государственная армия может быть постоянной или передвижной, профессиональной или ополченческой, набираться из наемников или по призыву. В свою очередь наемнические армии тоже бывают постоянными или передвижными, частными или государственными и т. д.

Схема организации армий

Среди армий следует различать:

I. По их *организации*:

1. Частные.
2. Государственные.

II. По *сроку существования*:

1. Постоянные:
 - а) присутствующие,
 - б) отсутствующие (кадровые).
2. Передвижные.

III. По *сроку обучения бойцов*:

1. Профессиональные.
2. Непрофессиональные (ополченческие).

III. По *способу мобилизации*:

1. Принудительные:
 - а) по частному праву (из рабов),
 - б) по публичному праву (из призывников),
 - а) классовые,
 - б) народные.
2. Добровольные:
 - а) добровольческие,
 - б) наемные (по вербовке).

IV. По *внутреннему членению*:

1. Индивидуальные.
2. Коллективные (массовые, состоящие из подразделений).

2. Сухопутная армия

Между лучшими знатоками военной истории идет спор о том, к какому времени следует отнести возникновение современной армии: в то время как во Франции событием, которым можно датировать рождение современной французской армии, долгое время почти все исследователи считали начало ордонанс-компаний Карла VII (1445), в последнее время начали высказываться мнения, в соответствии с которыми слава основателя французской армии должна быть отдана лишь его сыну, или даже Франциску I, а то и более поздним королям. Возникновение современного войска в Англии многие относят к 1509 г. или даже к более раннему времени, тогда как другие годом его основания считают 1643 или 1645-й. Прусская армия, согласно большинству исследователей, возникла при Великом курфюрсте, но остается все же неясным, в каком году или даже в каком десятилетии это произошло, и некоторые «подлинным» основателем прусского войска считают лишь Фридриха Вильгельма I.

Такие колебания не должны казаться нам удивительными, если только мы учтем, что исследователи выдвигают весьма различные признаки, по которым они предлагают отличать современную армию. Да и есть ли у современного войска такие отличительные признаки, с помощью которых можно было бы с уверенностью отличить его от средневекового? Можем ли мы четко отличить, скажем, наемническую армию от призывной, классовую от народной и т. д.?

Если по-порядку рассмотреть критерии, которые в том или ином случае предлагались в качестве отличительных для «современного войска», то, по-видимому, нет. Раньше считали, что новшеством, положившим конец феодальной эпохе и открывшим современную, было как раз «наемничество». Сегодня нам, однако, давно уже известно, что, как явление, наемничество уходит своими корнями в глубокое Средневековье, что оно, пожалуй, столь же старо, что и рыцарство, и что

наемнические армии всегда действовали наряду с рыцарскими.

Наемные войска мы обнаруживаем у греческих императоров¹ и у халифов² начиная с IX в. Но и в истории европейских государств мы сталкиваемся с ними уже в X в.: монах Рише сообщает, что в 991 г. граф Анжуйский выступил в поход против графа Бретанского с войском, состоявшим из вассалов и наемников (*conductitii*).³

Довольно рано наемничество развивается в Англии: в 1014 г. Этельред собрал 21 000 фунтов стерлингов на войсковые нужды,⁴ а со времен «Книги Судного дня» замена вассальной повинности денежной выплатой и наем рыцарей становится самым привычным делом.⁵

Позднее, в XII–XIII вв., наемничество становится повсеместно распространенным институтом: из наемников состояли армии норманнов, отправлявшиеся в Италию либо затем, чтобы служить грекам в их борьбе с сарацинами, либо чтобы воевать против самих греков на стороне знатных лангобардских родов и сословий. Наемники составляли значительную часть войска Людовика Святого: и конницы, и пехоты; пешие отряды были, пожалуй первыми пехотными подразделениями, ротами численностью в сто человек под водительством одного рыцаря, о которых, возможно, умалчивают хроники, но зато с достаточной ясностью сообщают сметы.⁶ Система наемников уже в XII в. достигла такого развития, что сохранились имена их знаменитых предводителей, ставших прототипами позднейших кондотьеров.⁷

Все это примеры из феодального мира. Само собой разумеется, что в *городских* оборонных уложениях наем-

¹ Delbrück H. Geschichte der Kriegskunst. 3. 1907. S. 197.

² Delbrück H. Op. cit. S. 217.

³ Richer. Ed. Guadet. 2. P. 266; цит. по: Boutaric. Inst. mil. de la France. 1863. P. 240.

⁴ Sax. Chron. 420–421; цит по: Laird Clowes. Royal Navy. 1. P. 45.

⁵ Прежде всего это подтверждается исследованиями Дж. Г. Раунда (*Round J. H. The Introduction of Knight service into England*), вторично опубликованными в издании Feudal England. 1909. P. 225–314.

⁶ Bibl. de l'Ec. des chartres, IIIe serie. T. III, см.: Boutaric. Op. cit. P. 246.

⁷ Delbrück H. Op. cit. S. 323.

ничество везде и уже очень рано сделалось органической составной частью.¹

Но считать наемников особым отличительным признаком современного войска непозволительно еще и по той причине, что составной частью современных армий, вне всякого сомнения, всегда были войска, набираемые по призыву.

Точно так же появление современного войска нельзя связывать и с возникновением постоянной армии. Ибо и «постоянные» армии имеют намного более давнюю историю, чем существование современного войска. Даже если мы не хотим называть «постоянной армией» рыцарское войско (хотя это было бы вполне правильно, поскольку оно было именно «постоянным», т. е. всегда находилось в распоряжении короля, пусть даже лишь *in potentia* и *in absentia*), то не подлежит все же никакому сомнению, что существовавшая в те времена государева *scara*² обнаруживает все признаки, какие только вообще можно выделить у постоянного войска: это был военный отряд, окружавший монарха, всегда готовый выполнить его приказы и никогда не распускавшийся (*miles perpetuus*). Этот особый отряд «личной охраны» мы встречаем и в начальную эпоху современных государств; итальянские тираны держат его при себе точно так же, как французские и английские короли или немецкие князья — это «*gens d'armes*», «*men-at-arms*»³ или «трабанты».⁴

Быть может, современные армии отличаются от средневековых тем, что для них характерна *королевская командная власть*? Если бы мы сделали такое предположение, то в поисках начал истории современного войска

¹ Литература по немецким городам приведена у Дельбрюка (*Delbrück H.* Op. cit. S. 459).

² Свита (*итал.*).

³ Fortescue J. W. A Hist. of the British Army. 1. 1889. P. 23 seqq., 112.

⁴ Jany. Die Anfänge der alten Armee (Urk. Beiträge und Forsch. z. Gesch. d. preuß. Heeres, 1. Heft. 1901. S. 22 ff.); о точно таких же отношениях в Саксонии говорится в цитируемой Яни работе Шимпфа (*Schimpff. Die ersten kursächsischen Leibwachen, aus dem Nachlaß des Oberhofmeisters von Minckwitz. 1894*).

нам вновь пришлось бы спускаться в глубокое Средневековье. Ибо по крайней мере во Франции королевская дружина со времен феодализма находилась под единым началом коннетабля, в помощь которому с 1349 г. был придан генерал-капитан, а высшее управление военной техникой и тяжелыми орудиями (после изобретения пушек) с 1274 г. вменялось в обязанность стрелковому командиру, одному из королевских чиновников.

Или же ответственной за превращение средневековой армии в современную нам следует считать *оружейную технику*, как многие и делают? Но это тоже означало бы учинять насилие над фактами. С введением огнестрельного оружия в истории армий, конечно же, вовсе не начинается новая эпоха, ибо никто не сочтет современными войска, сражавшиеся в битве при Креси, где это оружие уже использовалось, и, с другой стороны, никто не станет отрицать, что характер «современных» был уже присущ армиям конца XVII в., хотя в них еще отчасти применялись и копья.

Так что же? Получается, что в военной истории мы вообще ни под каким углом зрения не можем установить четкое различие между средневековой и новоевропейской эпохой? Но ведь мы вполне отчетливо ощущаем, что армии, появляющиеся перед нами в начале XVIII в., в принципе отличаются от войск, действовавших еще даже в XV столетии, а потому должны также допустить, что где-то между 1500 и 1700 г. (если достаточно широко очерчивать эту эпоху) в организации войска произошли, по всей видимости, существенные перемены. Противоречие здесь, как и во многих других подобных случаях, может быть разрешено, если мы откажемся от попыток выделить в качестве решающего какое-то одно событие и с момента его наступления начинать отсчет новой эпохи. У современного войска — как и у современного государства или у современного капитализма — нет строго определенного года рождения. Более того, его возникновение не подразумевает даже необходимого развития каких-либо совершенно новых явлений: по-прежнему менялись старые установления, неприметно об-

новлялись прежние обычаи и нравы, сливались в единый поток развивавшиеся параллельно процессы, и наконец эти постепенные и частные преобразования привели к появлению новых форм, которые ныне в своей целокупности кажутся нам в корне отличными от предшествующих; и если мы теперь хотим составить о тех и других правильное понятие, то должны, разумеется, со всей мыслимой четкостью противопоставить их друг другу, пусть даже вполне сознаем, что в эмпирической реальности этот процесс преобразования не содержит такого момента, когда мы могли бы сказать: вот отсюда начинается новое; что нельзя указать отдельный фактор развития, которому можно было бы приписать обновляющее действие.

Современное войско это войско постоянное и государственное. Две всегда наличествовавшие тенденции — сделать короля (как представителя государства) единственным главнокомандующим и отдать войска в его постоянное распоряжение — развиваются, таким образом, до своего логического завершения, когда эти принципы получают всеобщее признание. Победа этих двух принципов получает и свое внешнее выражение (можно было бы даже сказать «символическое», если бы оно не имело в то же время столь реального значения для основной идеи современного войска), — она выражается в заблаговременном резервировании денежных средств и использовании их на оснащение и вооружение постоянной государственной армии; средств, которыми свободно распоряжается монарх, так что благодаря этому и сроки боеготовности войска, и степень его административного подчинения становятся зависимыми от его воли; эта вновь учреждаемая материальная власть государя как бы сама собой сводит в органическое единство два важнейших признака современной армии — то, что она является постоянной, и то, что она является государственной. Теперь монарх получает в свои руки «средства и людей», и этим обеспечивается придание войску его новой формы, благодаря этому оно стало тем, чем и должно было стать: мечом в руке государя, которому оно в

свою очередь только и придает впервые его особый статус, так как в мире политики «властитель ни на что не годится, когда он не распоряжается средствами и людьми», как выразился Великий курфюрст в своем политическом завещании 1667 года.

Если мы постигнем внутреннюю взаимосвязь этих трех моментов — оснащенности средствами, постоянного характера действия и государственного управления, — а также их основополагающее значение в процессе образования современных армий, то, вне всякого сомнения, будем склоняться к тому, чтобы приписать реформам *французского* короля Карла VII поистине эпохальное значение.

События развивались следующим образом:¹ до 1439 г. Карл мог располагать лишь скудными и нерегулярными ассигнованиями сословий, еще сохранявших ему верность. Этот финансовый беспорядок и нехватка денежных средств стали причиной самоуправства наводнивших страну армейских банд. «Как часто командиры, дравшиеся на стороне короля, отказывались выполнять приказы своих военачальников, как часто за стенами своих крепостей они позволяли себе гнуснейшие злодеяния». Сначала Карл попытался стать во главе этих отрядов, выделив им определенный доход в каждом из округов. В 1439 г. он приступил к наведению порядка, пытаясь придать таким отношениям постоянный и единый для всей страны характер. 2 ноября появился ордонанс,² в основе которого лежала мысль о том, что войска, предназначенные для ведения длительной войны, нельзя удержать в узде, если не выплачивать им регулярное жалование и не подчинить их единому командованию. Знатные аристократы отказывались набирать собственные отряды без позволения короля и уступали ему исключительное право назначать командиров, которые после этого наравне с ним несли ответственность за

¹ *Ranke. Franz. Gesch.* 1³. 1877. S. 55 ff.

² *Lettre de Charles VII pour obvier aux pilleries et vexations des gens de guerre.* 2 Nov. 1439. *Ord. des rois de France.* XIII. P. 306 (*Ranke. Op. cit.*).

все учиненные их солдатами бесчинства. Кроме того, им было также запрещено самовольно облагать своих подданных податью или увеличивать размер податей, взимаемых для нужд войны; в целях своевременной выплаты войскового жалования королю было предоставлено право собирать единый налог как с подданных знати так и со своих собственных областей. Право это король трактовал как постоянное: постоянство оплаты (*denarius perpetuus*) само собой означало и постоянную воинскую службу (*miles perpetuus*). По решению орлеанского парламента королю дозволялось принимать жесткие и широкомасштабные административные меры. Разумеется, Ранке с полным на то правом называет эту реформу «одним из величайших преобразований». Ведь именно ей в конце концов обязана своим возникновением небывало многочисленная и небывало эффективная для своей эпохи армия, с которой Карл VIII позднее вторгся в Италию, и те великолепные войска, с которыми Франциск I выигрывал свои битвы.

То, что произошло во Франции в середине XV в., в других европейских странах повторилось лишь два столетия спустя. В *Англии* армия консолидируется только во времена Республики. Решающими мерами здесь, по-видимому, оказались¹ постановление Парламента 1643 г., в соответствии с которым постоянный состав армии Эссекса ограничивался 10 000 пеших и 4000 конных, а также указ от 15 февраля 1645 г., возлагавший на комиссию Обоих Королевств задачу по «созданию армии нового образца» (после того как армия Эссекса в 1644 г. капитулировала) — *the New Model Army*.

Как известно, позднее существование постоянной государственной армии еще раз попало под вопрос, когда «Билль о правах» возвел в ранг основного закона государства положение о том, что в мирное время содержание постоянной армии «противозаконно». Поскольку, однако, обойтись без армии было невозможно, с 1689 г. Парламент разрешал производить вербовку в войска

¹ Источники см. у Фортеस्कью (*Fortescue J. W. Op. cit. P. 204 seqq.*).

специальным, ежегодно принимаемым законом, который назывался: *Bill to punish mutiny and desertion etc.*¹ Именно на этом «Билле о мятежах» покоится с тех пор все устройство английской армии.²

Для *Германии*, т. е. для немецких земельных князей, решающее значение, как мне кажется, приобрела 180-я статья постановления рейхстага от 17 мая 1654 г. В статье этой был сформулирован принцип, согласно которому «всем курфюршеским подданным, селянам и горожанам всех рангов» вменялось в обязанность «в захвате и удержании нужных крепостей, площадей и гарнизонов оказывать содействие своим земельным князьям, властям и начальникам». По сути дела, постановление передавало право устанавливать размер ассигнуемых ландтагами взносов в руки княжеских властей и «тем самым сыграло весьма важную роль в развитии *miles perpetuus* на немецких территориях».³

Мы не станем здесь детально разбирать процесс *превращения армии в государственную*, который шаг за шагом шел параллельно становлению постоянной армии; достаточно сказать, что в начале XVIII столетия современное войско уже приняло законченную государственно-правовую и административно-техническую форму. В Пруссии, ставшей отныне самой передовой из немецких земель, завершение преобразований ознаменовано кабинетским указом от 15 мая 1713 г. В нем «временному наемничеству» был нанесен последний удар, поскольку всем уже завербованным в войска предписывалось теперь нести свою службу до тех пор, пока Его Величество не даст им отставку.⁴ Замещение всех офицерских должностей тоже закреплялось за королем: только теперь, при Фридрихе Вильгельме I, неограниченное монаршее право назначать на руководящие посты своих ставленников, как и во всех остальных об-

¹ Закон о наказании за мятежи и дезертирство (англ.).

² *Gneist*. Engl. Verw.-Recht. 2^e. 1867. S. 952 ff.

³ *Jany*. Die Anfänge der alten Armee. S. 118–119.

⁴ Впервые использовано Йенсом (*Jähns*. Gesch. d. Kr.-Wiss. 2. 1554).

ластях административного управления, сделалось безоговорочно признанным и свободно осуществлялось также и в армии.¹

Но если мы попытаемся представить себе «современную армию» во всем ее своеобразии, сложившая картина явит нашему взгляду еще и другие характерные черты ее устройства и организации: перед нами возникнет учебный плац, мы увидим, как вычленяются и входят друг в друга «войсковые подразделения»: перед нашим взором под командованием иерархически ранжированных, вышестоящих и подчиненных начальников пройдут армейские корпуса, полки, батальоны и роты. Это означает, что современному войску присуще и военно-техническое своеобразие. А именно, оно предстает перед нами как такое войско, которое можно было бы назвать коллективной, *массовой* или составной армией, и этим опять-таки четко отличается от любого средневекового войска.

Особенность такой массовой армии состоит в том, что она действует прежде всего как единое целое, как сведенная в тактическое единство многоголовая масса бойцов. Когда в битву вступала тысяча рыцарей, они не представляли собой единой массы, но оставались тысячей сражавшихся рядом друг с другом воинов-одиночек; тысяча же скачущих в атаку современных кавалеристов как бы объединена в единый кулак. В них и через них оказывает свое действие надындивидуальное единство массового тела, одушевляемого единым общим духом. Таковую общность духа обеспечивают осуществляющие командование военачальники. Таким образом функции духовного руководства и телесного действия здесь отделены друг от друга и исполняются разными лицами, тогда как раньше они были совмещены в одном и том же лице. Значит, здесь проходил тот самый процесс дифференциации, что столь характерен для развития всей современной культуры. И в первую очередь напрашивается аналогия с развитием форм ор-

¹ *Schmoller*. Die Entstehung des preuß. Heeres («Umrissen») usw. S. 267.

ганизации экономической жизни: от ремесленной к капиталистической.

Эта дифференциация руководящей и исполняющей функций впоследствии порождает множество новых явлений, характерных для современного военного дела: прежде всего я имею в виду строевую подготовку и дисциплину, с помощью которых механическим путем налаживается связь между руководящими и исполняющими органами. «Шаг в ногу» — то, в чем прежде упражнялись греки и римляне, что в новые времена переняли швейцарцы и шведы; то, что Леопольд Дессауский ввел в обычай в прусской армии, — можно рассматривать как символ современного войска.

Я полагаю, что влияние, которое современное военное дело оказывало здесь на культуру в целом и, в частности, на экономическую жизнь, оценено еще не в полной мере. В переломном XVII веке происходит распад и дробление естественного человека, господствовавшего еще в эпоху Возрождения, но оказавшегося неспособным во всей полноте развернуть экономическую систему капитализма. Формируется частный человек, человек дела, человек долга. Считается, что за рождение этого нового человека отвечает религия, особенно пуританская. Но принимается ли при этом в расчет, насколько тесно пуританство связано с милитаризмом? Следовало бы все же припомнить, что «дух милитаризма» (the military spirit) насаждался в новой войске не кем-нибудь, а Кромвелем, что именно Мильтона переполняли милитаристские идеи.

И пуританство, и милитаризм стремились к одним и тем же идеалам: преодолеть человека, как он был сотворен, подчинить его целому высшего порядка. Поэтому и милитаристские «добродетели», которым учили в XVII и XVIII вв., большей частью совпадают с теми, что отстаивались нонконформистами, кальвинистами и пуританами. *Лейтмотивом становится дисциплина.*

В трактате Давида Фасмана «Происхождение, слава, великолепие и превосходство военного и солдатского сословия, а также восемнадцать надлежащих ему досто-

инств», вышедшем в Берлине в 1717 г., эти самые 18 качеств бравого солдата перечисляются в следующем порядке:

1. Богобоязненность
2. Смекалка
3. Храбрость
4. Презрение к смерти
5. Трезвость
6. Бдительность
7. Терпеливость
8. Непритязательность
9. Преданность
10. Повиновение
11. Почтительность
12. Внимательность
13. Отвращение к мерзким усладам
14. Честолюбие
15. Кротость
16. Исправность в несении службы
17. Знание дела
18. Здоровое естество

Те же самые достоинства приводятся и в официальном указе Фридриха Вильгельма I, несомненно, вдохновленного трактатом Фасмана; как видим, пуританство, милитаризм и капитализм по большей части сходятся в понимании добродетелей.

Можно поэтому согласиться, что военная дисциплина родилась из пуританского духа и что ее утверждению способствовали пуританские идеи, или считать, что для ее распространения во вновь сложившихся условиях имелись свои особые причины, — несомненным остается то, что в деле проникновения во все сферы жизни нового духа армия выполнила гораздо более существенную работу. Свою роль здесь сыграл учебный плац, на котором в тяжелой, упорной и многолетней борьбе был наконец повержен прежний человек, человек инстинкта.

Решающая перемена, произошедшая в военном деле в XVI—XVIII вв., состояла в том, что за это время вольный наемник превратился в хорошо обученного, вышко-

ленного строевого солдата, за которым стоял капрал со своей палкой. Множество строевых обязанностей, строгая дисциплина и муштра сделались отличительной чертой Нового времени. И эта работа не могла пройти бесследно для капитализма, нуждавшегося точно в таких же людях. Нужно ли сомневаться в том, что именно люди, в свое время занимавшиеся на плацу, позднее применяли на фабриках новое искусство управления: уже оказывал свое воздействие поданный армией пример, и царивший в ней дух распространялся в остальных слоях населения, пестовался и передавался по наследству в семьях, проникая и вновь оживая, наконец, и в экономической сфере. А о том, что вовсе не экономическая жизнь отражалась тут на военной дисциплине, как обычно полагают закоренелые приверженцы материалистического понимания истории, свидетельствует временной порядок, в котором эти явления следовали друг за другом.

В любом случае, мне представляется несомненным, что здесь заключена проблема, очень важная для понимания генезиса всей современной культуры, в частности культуры экономической, и если мы подробно ее обсудим, труд наш, надеюсь, будет вознагражден.

Прообразом новой массовой армии было швейцарское народное ополчение XIV века; позднее гуманистические изыскания обратили наше внимание на массовые армии греков и римлян; я имею в виду военно-исторические труды Макиавелли и легионы французского короля Франциска I. Но современное государство, вне всякого сомнения, и само по себе, без каких бы то ни было прообразов, породило бы эту форму организации войска, подобно тому как современный капитализм в силу жесткой необходимости сам по себе, из самых глубин своей сути, породил крупное предприятие как форму организации труда, поскольку эти внешние, проявленные формы были заключены в недрах их самих.

Современное государство неизбежно из самого себя породило бы дифференцированную массовую армию, потому что только она соответствует внутренне присущей

ему тяге к экспансии, к развертыванию власти. Развитие оружейной техники тоже могло сыграть здесь свою роль. Но первостепенной причиной в формировании современной войсковой организации оно не являлось, равно как и (сравнение невольно напрашивается снова и снова) в формировании крупнопроизводственных форм в рамках экономической системы капитализма. В аспекте оружейной техники основой каре — тактической единицы, в виде которой перед нами впервые предстает современное массовое войско, — было копьё, и это построение должно было еще сильно измениться, прежде чем в нем стало возможно вести стрельбу из огнестрельного оружия. Позднее огнестрельное оружие своим монотонным механическим воздействием, конечно же, укрепило структуру массовой армии, придало ей черты автоматизма и сделало необходимыми формы, которые впервые родились лишь благодаря чьему-то свободному решению (подобно тому как паровой двигатель способствовал переходу от мануфактуры к фабрике).

Но изначально массовая армия была учреждена именно свободной волей монарха и явилась выражением глубинной сущности нового государства: только массовая армия создавала возможность быстрого и непрерывного развертывания. Разделение руководящей и исполняющей функций и обусловленная им механическая передача приобретенных навыков обеспечивали возможность за короткое время превратить в умелых солдат любое количество необученных новобранцев. А поскольку тактический успех начинал все больше зависеть от массовых действий, что еще очевиднее проявилось после внедрения огнестрельного оружия, постольку, разумеется, росла и потребность в увеличении размеров армии, с которыми отныне (при прочих равных условиях — выучке, вооружении и т. д.) было тесно связано могущество государства.

В итоге перед нами как бы сама собой вырисовывается последняя и для целей нашего исследования самая важная черта современной армии: *свойственная ей тенденция к экспансии*, которой не было и не могло быть ни

у феодального, ни у городского войска. Современная армия является, пожалуй, первым примером того, как обществу удалось поставить себе на службу тягу к расширению, ко всему иному, сменившую прежде, статическое и безмятежное отношение средневекового мира и до основания потрясшую всю нашу культуру. Тенденция к квантификации, связанная с этой тягой и позднее мощно развертывающаяся в капитализме, тоже впервые проявилась именно здесь, в современной армии.

Не знающие границ притязания современного монарха выражаются в увеличении размеров войска, подобно тому как не знающие границ притязания предпринимателя-капиталиста — в увеличении денежных сумм. Увеличение численности войск и накопление капитала — процессы, несомненно, родственные: тут и там происходит количественный рост, распространение сферы власти за пределы личных, индивидуальных возможностей, преодоление телесных и душевных границ отдельного человеческого существа и т. д. и т. п.

Между двумя этими процессами может при этом и не существовать никакой причинной связи. Вполне возможно, что они протекают самостоятельно, параллельно друг другу, а может быть, происходят от одного общего корня.

3. Флот

Организация ведения морской войны обнаруживает, разумеется, много общих черт с войной сухопутной. Прежде всего, в военно-морском флоте мы встречаем те же формы набора войска, что и в сухопутной армии: на суше и на море в равной мере имеет место и призыв, и наемничество, и кондотьерство.

На протяжении всего Средневековья забота о формировании флота в *Англии* возлагалась на портовые города (Cinque Ports): Дувр и Сэндвич выставляли королю по 20 кораблей на 20 дней в год, на каждом находилась

команда из 21 человека. Другие города обязаны были набирать матросов и поставлять провиант (stores) (Книга судного дня. 1. 3. 336). Мы видим, что уже в 1635 г. флоту требовались 44 корабля, общей грузоподъемностью в 11 500 тонн и 8810 членов команд. Нужно, конечно же, сразу сказать, что те города и районы, которые не могли поставлять свои корабли, обязаны были предоставить вместо них соответствующую сумму (*Rhymer. Foedera*. 19. P. 658 seqq., 697). Наряду с этим в Англии уже очень рано появился наемный флот. Хроника 1049 года сообщает (*Sax. Chron*, 441–442): «Король Эдуард отпустил 9 наемничьих кораблей, и они отбыли: корабли и кто на них находился. Осталось 5 кораблей, и король пообещал им выплатить жалование за 12 месяцев». См. также: *Laird Clowes. The Royal Navy*. 1. P. 19, 50, 79.

Развивалось и чистое предпринимательство: так, в 1337 г. Эйтон Дориа из Генуи обязался выставить французскому королю для войны с королем английским 20 галер с экипажем и орудиями, за 900 зол. флоринов за корабль ежемесячно; еще 20 галер пришли из Монако. Договор напечатан в издании: *Jale A. Arch. nav.* 2. 1840. P. 333 seqq.

Испанский флот уже во времена Карла V состоял исключительно из наемников. Государственных военных кораблей у Карла вообще не было: даже для галер, которые он формировал за свой счет, вооружение и снаряжение поставляли предприниматели. Размер жалованья определялся старыми ордонансами, в последний раз оно регламентировалось указом от 5 ноября 1554 г. В качестве «предпринимателей», т. е. кредиторов, оплачивавших весь процесс оснастки судов до сдачи их в эксплуатацию, выступали знатные дворяне, рыцари, помещики и даже духовенство. Однако Карл V пользовался не только испанскими наемничьими кораблями, но и итальянскими, под водительством Дориа, Чентурьоне и Гобо. Дисциплина и весь образ жизни на таких кораблях ничем не отличались от тех, что были приняты в лагерях ландскнехтов: на них имелись даже женщины. Во время одной тунисской экспедиции на борту находилось не менее 4000 (?) проституток (*enamoradas*).¹

¹ *Duro C. F. Armada Española*. 1. 1895. 331 seqq.

Но то, чем война море отличается от войны на суше, пожалуй, еще более существенно. И прежде всего: на море никогда не было рыцарей. В морской войне эти выросшие на клочке родной земли воины-одиночки, составлявшие столь характерную черту средневекового военного дела, по чисто внешним причинам участия не принимали. Тактика здесь принципиально, с самого начала, разрабатывалась в расчете на массовые действия. И пусть при захвате вражеского судна тоже применялось единоборство, все же военный успех здесь зависел главным образом от того, насколько удачными окажутся маневры корабля, всегда являющиеся результатом усилий многих людей, среди которых один отдает приказы, а остальные следуют его указаниям. Насколько отличаются друг от друга, к примеру, происходившие в одном и том же столетии рыцарские сражения и схватки венецианских галер с генуэзскими, где на весельных скамьях сидели сотни рабов!

Вторая особенность морской войны заключается в том, что ее ведение крайне сильно связано с расходом природными материалами, использование которых по своей эффективности зачастую намного превосходит действия человеческих индивидуумов. К полной экипировке воина добавляется еще корабль, постройка и эксплуатация которого требует неизмеримо более значительных средств, чем изготовление оружия для отдельного солдата или даже снаряжение боевого коня.

И что особенно интересно: всей этой оснасткой, имеющей столь важное значение для ведения войны, в готовом виде располагает обычный купец на борту своего торгового корабля!

Эта особенность фактического положения дел уже очень рано привела к формированию характерной для морской войны системы организации войска: речь идет о приспособлении торгового флота к решению военных задач. Эту систему мы обнаруживаем в действии у всех занимавшихся мореплаванием народов Европы на протяжении всего Средневековья.

В одной из хроник (Ann. Jan. 281. 45) за 1274 г. читаем: «Capitanei quidem Janue... armari fecerunt omnes quas potuerunt habere galeas et que potuerunt in Janue reperiri que quidem fuerunt numero...»¹ (число отсутствует).

В военно-морском флоте Англии еще в XVI–XVII в. преобладали (цифры я приведу ниже) торговые корабли, которые в это сравнительно более позднее время еще легче было приспособить к военным целям, поскольку, по образцу характеру тогдашней торговли, они и сами, по сути дела, являлись средством вооруженной борьбы: по оснащенности орудиями они редко уступали военным.

С другой стороны, преобладающая роль материальных расходов в морской войне довольно рано привела к появлению того, что можно было бы назвать *постоянным флотом*. Если уж у монарха находились средства на постройку кораблей, то они на долгое время оставались в его распоряжении; в отличие от солдата они не требовали все новых и новых затрат. Конечно, для ведения войны нужны были еще матросы и морские пехотинцы. Но корабли в значительной степени обеспечивали монарху военную мощь, остававшуюся, таким образом, «постоянной» до тех пор, пока они сохраняли боеспособность. Создается такое впечатление, что короли и города уже в очень ранние времена располагали собственными кораблями. То, что нам сообщается о кораблях короля англосаксов Эдгара (959–975),² звучит уже вполне как рапорт о ежегодных маневрах постоянного флота. А о генуэзской республике нам точно известно,³ что уже в XIII веке у нее были военные корабли, причем не только купленные, но и построенные по ее заказу. Сведения о том, что собственными кораблями и даже верфями располагала и Венеция, тоже уходят в глубину Средневековья.

¹ Капитаны же заставляли защищать Геную всякого, кто мог приобрести себе галеру, кого только они могли в Генуе разыскать, коих числом было... (лат.). — *Heuck E. Genua und seine Marine. 1886. S. 116.*

² Цит. по: *Laird Clowes. Matt. of West. 1. P. 41.*

³ *Heuck Ed. Genua und seine Marine. 1886. S. 116.*

Процесс превращения военно-морского флота в *государственную* вооруженную силу тоже начался намного раньше, чем процесс огосударствления сухопутного войска. Вероятнее всего (хотя связь эта мне полностью не ясна), королевский уголовный суд был той инстанцией, которая связала корабельные команды с верховной властью короля.

В *Англии* уже при Эдуарде III весь флот находился под командованием короля: капитаны судов не вправе были наказывать матросов (если не получали на то специального разрешения). Такое установление содержалось в Черной книге Адмиралтейства, которая была составлена предположительно до 1351 года.¹ Главная инстанция, призванная поддерживать и применять постоянные военно-морские силы, в Средние века сформировалась на посту верховного лорда-адмирала. Должность эта впервые появляется в XIV в.; имена непрерывно сменявших друг друга лорд-адмиралов дошли до нас с 1405 года. То были высшие чиновники, осуществлявшие текущее управление (*government*) военно-морскими силами. Некоторые исследователи² датируют возникновение в Англии «постоянного флота» 1512 годом, когда Генрих VIII учредил военно-морское ведомство, что дало ему возможность иметь в своем постоянном распоряжении большее количество мощных кораблей (тут, однако, этот король вовсе не был первым). Достоверно то, что с этого момента число королевских судов стремительно возрастает (притом, что пользоваться частными кораблями отнюдь не перестали), а управление ими становится все более централизованным.

Точно так же события развивались и во *Франции*. Призыв, система фрахтовки и королевские суда дополняли друг друга. Довольно рано флот был подчинен государственному началу: в 1327 г. командование поручается гроссадмиралу, носящему титул «адмирала

¹ Laird Clowes. 1. P. 150.

² Anderson. Orig. of Comm. 1512; Gneist. Engl. Verwaltungsrecht. S. 1069.

Франции» и председательствующему в адмиралтейском суде. Увеличивается число королевских кораблей (особенно с начала XVII в.): Ришелье несомненно можно считать зачинателем не только французских колоний, но и французского военно-морского флота, который впоследствии радикально консолидируется уже при Кольбере (как английский — при Кромвеле).

2. Рост численности войсковых подразделений

Выше было сказано, что свойственная современной армии тенденция к росту представляет собой наиболее важную для нас в этой связи черту его своеобразия, поскольку влечет за собой крайне важные экономические последствия, в частности (при прочих равных условиях) скорее превращает растущую величину нуждающейся группы в массовую потребность. Чтобы дать более четкое представление о феномене экспансии современных армий, хочу привести некоторые *цифры, характеризующие численный состав войск* крупнейших государств Европы.

1. Сухопутные войска

Одним из важнейших результатов, к которым Ганс Дельбрюк пришел в третьем томе своей «Истории военного искусства», является доказательство того, что *в Средние века численность армий была значительно ниже*, чем полагали до сих пор. Применительно к способам ведения войны это означает то же самое, что было показано мной в отношении торговли, что многие другие исследователи еще раньше показали в отношении общих пропорций народонаселения, в частности численности городских жителей: во внешнем измерении средневековый мир был весьма мал (что только придает внушительности его внутреннему величию). Раньше считалось, что в битве при Гастингсе сошлись

сотни тысяч, даже миллионы сражавшихся (по одной оценке их было до 1 200 000); в действительности же норманнское войско насчитывало, вероятнее всего, менее 7000 человек, во всяком случае не намного больше, а войско Гарольда было еще малочисленнее: от 4000 до 7000 человек.

Даже в эпоху крестовых походов, когда набирались самые многочисленные за все Средние века армии, они оставались сравнительно небольшими: наибольшее количество рыцарей, сражавшихся в одной битве в Палестине, мы можем оценить примерно в 1200, пехотинцев — в 9000 человек. Общая численность войск в битве при Асдоде, вероятно, может быть оценена в 8000 человек, и число это, пожалуй, все же завышено. Войска, собранные Фридрихом Барбароссой под Миланом, тоже можно отнести к самым многочисленным для эпохи Средневековья; но и здесь упоминаемые хронистами десятки и сотни тысяч — чистый вымысел; речь шла, по-видимому, лишь о нескольких тысячах рыцарей. В битве при Кортенуова (1237), одной из самых грандиозных для того времени, за каждую из сторон дралось в лучшем случае по 10 000 бойцов.

Мы можем с достаточной точностью оценить масштабы набора средневековых войск, если за основу примем общее количество рыцарей в той или иной стране: по подсчетам Морриса, в Англии в XIII в. их насчитывалось не более 2750; на каждого рыцаря приходилось примерно по два оруженосца; итого во всей Англии жило около 8000 всадников. Максимальный размер пешего войска, набранного в 1277 г. лишь на очень короткое время, следует оценить в 15 640 человек.

Самой большой армией, которую когда-либо видело Средневековье, было войско, в 1347 г. приведенное Эдуардом III к Кале; оно насчитывало 32 000 воинов — «неслыханная для Средних веков военная мощь», как завершает свои подсчеты Дельбрюк.¹ И глядя на такие

¹ *Delbrück H. Gesch. d. Kriegskunst. 3. S. 476; остальные цифры см. там же, S. 153, 229, 344, 348, 363, 404.*

цифры, мы должны еще иметь в виду, что все эти крупные армии всегда созывались лишь на крайне непродолжительный срок.

Произошедший со времен Средневековья стремительный рост численности войск, которые теперь созывались на длительное время, выражается в следующих цифрах:

1. *Франция*:¹ Карл VII держал при себе 4500 кавалеристов и 8000 пехотинцев (лучников), правда, как полагает наш очевидец, А. Бод, только на бумаге.

Людовик XI оставил после своей смерти 4500 gens d'armes, «un bon nombre de Suysse, grant nombre de francs archers et d'autres gens de guerre, qu'on estimoit 60 000 combattant à sa solde, qui estoient payés, tout prêts à le servir contre ses ennemis»² (Жишра). Но это, по-видимому, был уровень военного времени?

По 1492 году (т. е. во времена правления Карла VIII) венецианский посланник Контарини указывает такой личный состав: кавалерия — 3500 копий (по одному на три лошади), лучники — 7000, инвалиды (mortes-payés) — 10 000.

Войско, с которым Карл VIII вторгся в Италию, включало в себя 42 000 пеших, 6500 копий (по одному на троих конников) (согласно Nouveau voyage littéraire de deux religieux bénédictins).

У Франциска I было 50 000 пехоты и 15 000 рыцарей.

Во времена Карла IX совокупная численность армий, противостоявших друг другу в религиозных войнах, составляла 130 000 пешими и 35 000 конными (согласно Дэйвити).

Генрих IV располагал 51 000 пехотинцами, готовыми к маршу.

Во времена Тридцатилетней войны Франция уже могла поднять на ноги свыше 100 000 человек: с 1636 по

¹ Самые точные и надежные сведения приведены у Бутарика (*Boutaric. Inst. mil. livre V. Ch. VIII*).

² Вооруженных бойцов, «изрядное количество швейцарцев, много вольных стрелков и других военных, что в сумме составляло 60 000 комбатантов, коим выплачивалось жалованье за службу в борьбе против его врагов.

1642 г. в боевых действиях принимали участие 142 000 пехотинцев и 22 000 кавалеристов.

Согласно некоторым сообщениям, численность войск Людовика XIV временами доходила до 400 000 человек (?). Количество полков варьировалось; особенно колеблется число пехотных: в 1697 г. их было 151, в 1712 — только 121.

В середине XVIII столетия французская армия имела такой состав:

Пешее войско	121 полк
Кавалерия	1/6 всего личного состава
Жандармерия	8 эскадронов
Легкая кавалерия	60 полков
Общий состав	1787 офицеров
	17 056 лошадей
Драгуны	634 офицера
	6240 драгун
Вся конница	2629 офицеров
	26 608 бойцов
	25 108 лошадей

Полевая артиллерия: 3—4 человека на 1000 человек войска; после 1764 г. ее состав возрастает на 42 %, так что на каждую тысячу человек полевой армии приходится 4 орудия.

2. *Бранденбург-Пруссия.* Еще внушительнее выглядит рост прусской армии: в несколько стремительных рывков он за более короткое время происходит в стране намного менее обширной и богатой.

В 1630 г., когда Густав Адольф высадился на берегу Померании и началась Шведская война, вся боевая мощь Георга Вильгельма заключалась в 4 краковских и 2 бургсдорфских ротах, вместе насчитывавших 1200 человек, включая необученных новобранцев.¹ Ко дню его смерти армия разрослась до 4650 человек (по секретным подсчетам Шварценберга).²

¹ *Jany.* Die Anfänge der alten Armee. S. 57.

² *Jany.* Op. cit. S. 76.

На момент смерти Великого курфюрста его армия имела следующий состав:

6 батальонов гвардии	3600 человек
30 батальонов пехоты	18 000 »
32 эскадрона кавалерии	3840 »
8 эскадронов драгун	980 »
20 гарнизонных рот	3000 »
Всего пехоты и кавалерии:	29 420 человек
Вместе с артиллерией, инженерными войсками, обозом и т. д.:	около 32 000 человек

Фридрих I оставил после себя:

38 батальонов пехоты	27 500 человек
32 эскадрона кавалерии	4160 »
24 роты драгун	1944 »
20 гарнизонных рот	3000 »
Всего пехоты и кавалерии:	36 604 человек
Всего	38 000–40 000 человек

Согласно рапорту генерала фон Массова общая численность войск после смерти Фридриха Вильгельма I составляла 83468 человек, распределявшихся на 32 пехотных (66 батальонов), 12 кирасирских, 6 драгунских и 2 гусарских полка, 1 батальон полевой артиллерии, 1 батальон гарнизонной артиллерии, 4 гарнизонных батальона и 4 юнкерских полка.

Наконец, Фридрих Великий оставил после себя:

Пешей гвардии	1 полк
Гренадерской гвардии	1 батальон
Пехоты	53 полка
Драгун	12 полков
Гусар	10 полков
Полевой артиллерии	4 полка
Гарнизонной артиллерии	12 рот и 4 команды
Саперов	4 роты
Понтонеров	1 команда
Гарнизонной пехоты	8 полков и 4 батальона

Юнкеров	4 полка
В целом: пехоты	120 000 человек
кавалерии	40 000 »
артиллерии и саперов	10 000 »
гарнизонных войск	30 000 »
Итого	200 000 человек

Во всех этих подразделениях (за исключением времени, отведенного на маневры) в последние годы правления Фридриха постоянно действовало 143 000 человек, из которых многие (до 40 000) еще освобождались от службы как свободные караульные. И все же! Сколь огромна эта военная мощь, если принять в расчет размеры страны и численность населявших ее жителей. Если сопоставить по отдельным годам округленные цифры личного состава армии и всего населения в целом, получим следующее соотношение:

	Армия	Население
1688	30 000	1 000 000
1713	40 000	1 500 000
1740	80 000	2 200 000
1786	200 000	5 400 000

В 1740 и 1786 гг. численность армии в мирное время составляла около 4 % всего населения: в соответствии с этой пропорцией нынешняя действующая армия насчитывала бы 2 600 000 человек. Но показатели по армии прежних лет и без дальнейших доказательств могли бы продемонстрировать, какую роль она играла в формировании рынка: 4 % населения были выведены из прежних рамок, в которых удовлетворение спроса осуществлялось в частных хозяйствах и ремесленных мастерских!

3. *Численный состав постоянных армий европейских стран* во второй половине XVIII в. один из ученых соавторов энциклопедии Крюница (Bd. 50. S. 746), чьи опубликованные в т. 50–53 статьи о военном деле отличаются высокой осведомленностью, опираясь, по всей

видимости, на самые надежные источники, оценивает в нижеследующих цифрах:

Австрия (в мирное время)	297 000	человек
Австрия (в военное время)	363 000	»
Россия (регулярная армия)	224 500	»
Пруссия	190 000	»
Франция	182 000	»
Великобритания	21 000	»
Испания	85 000	»
Швеция	47 800	»
Дания и Норвегия	74 000	»
Польша	17 000	»
Португалия	36 000	»
Соединенные Нидерланды	36 000	»
Курфюршество Саксония	24 600	»
Курфюршество Брауншвейг-Люнебург	25 600	»
Курфюршество Пфальц-Бавария	12 200	»
Курфюршество Майнц	2 200	»
Курфюршество Трир	1 200	»
Курфюршество Кельн	1 100	»
Гессен-Кассель	15 000	»
Гессен-Дармштадт	4 000	»
Вюртемберг	6 000	»
Веймар	80	»
Гота	1 760	»
Байрейт-Анспах	3	пехотных полка, гусарский корпус, лейбгвардия
Брауншвейг	2	пехотных полка,
	1	драгунский,
	1	артиллерийский
Мекленбург-Штрелиц	50	человек
Мекленбург-Шверин	1500	лейбгвардия, лейбгусары
Пфальц-Цвейбрюкен		
Баден	3000	человек
Ольденбург	3000	»
Цербст	2	полка (один на американском жа- лованье!)
Вальдек	3	роты
Липпе-Шаумбург	1000	человек

Швейцария	13 000	человек, «како- вые всегда долж- ны быть под ружьем»
Сардиния	24 000	человек
Королевство обеих Сицилий	25 000	»
Папская область	5 000	»
Тоскана	3 000	»
Венеция	6 000	»

2. Военно-морские силы

а) *Итальянские государства*

В XIII в. крупнейшей морской державой Европы была республика Генуя. Ее военно-морской флот даже по сегодняшним понятиям был в те времена отнюдь не мал, для средневековых же масштабов — просто невероятно велик. Цифры, однако, едва ли можно оспорить; они вызывают доверие своей непредвзятостью. Гейк, известный своей добросовестностью, тоже полагает, что они соответствуют действительности. Основной источник — «Генуэзские Анналы».

Уже в середине XII в. (1147–1148) против испанских сарацин в море выходят 63 галеры и 163 единицы других плавательных средств. В 1242 г. против объединенного сицилианско-пизанского флота сражались 83 галеры, 13 тарид и 4 больших грузовых судна. В 1263 г. в греческих водах курсировали 60 генуэзских боевых галер. В 1283 г., судя по имеющимся источникам, в дело было введено целых 199 галер (включая малые эскадры). Если принять в расчет, что на одной галере служило 140 гребцов, то на 199 их одних (без бойцов!) должно было находиться 27 860 человек. Приходится предположить, что галеры эти снаряжались и выходили в море *друг за другом*. Сообщают нам и о масштабах набора в морские команды: в 1285 г. республика приняла на службу из округа Ривьеры 12 085 человек, из них 9191 гребец, 2615 морских пехотинцев и 279 моряков

(nauclerii). Они были распределены на 65 галер и 1 галеон.

б) *Испания*

«Непобедимая Армада», побежденная Англией в 1588 г., в момент отправления из Лиссабона состояла из 130 парусников и 65 галер (в бой позднее вступило на два корабля меньше). В совокупности эти корабли вмещали 57 868 тонн груза и экипаж в составе 30 656 человек, «не считая вольноопределяющихся, священников и прочих гражданских лиц».¹ (Имеющиеся в библиотеках Германии книги не позволяют нарисовать в количественном отношении точную картину развития испанского флота. Девятитомный труд Дуро об «Испанской Армаде» ни о чем подобном не сообщает. «Рассуждения о мореплавании», принадлежащие перу того же автора и затрагивающие, по-видимому, именно эту сторону проблемы, остались мне недоступны).

с) *Франция*

Как я уже говорил, французский военно-морской флот достигает своего впечатляющего величия главным образом благодаря усилиям Кольбера. Состав кораблей, принятый Кольбером при его вступлении в должность министра (1661), выглядел следующим образом:²

3 корабля первого ранга
8 кораблей второго ранга
7 кораблей третьего ранга
4 баржи (flûtes)
8 брандеров (brûlats)

Итого: 30 боевых кораблей

После смерти Кольбера (1683) общее число судов, готовых к выходу в море, выросло до 176 единиц, к которым следует добавить еще 68 находившихся в процессе постройки, так что общее количество составляет 244 корабля. Из них:

¹ Duro C. F. La Armada Invincible. 1884. Doc. 110; цит. по: Laird Clowes. 1. P. 560.

² По официальным спискам (*Sue E.* 4. P. 170).

12 судов первого ранга
20 второго ранга
39 третьего ранга
25 четвертого ранга
21 пятого ранга
25 шестого ранга
7 брандеров
20 барж
17 больших барж (barques longues)

d) *Нидерланды*

Голландские военно-морские силы тоже за несколько десятилетий XVII века развиваются из зачаточного состояния, быть может, — самый первый и самый мощный флот тогдашней Европы. Еще в 1615–1616 гг. военно-морские силы Нидерландов состояли¹ из 43 по большей части утлых суденышек, из которых 4 вмещали команду из 90 человек, 11 — из 50–80 и 9 — из 52 человек; остальные 19 были и того меньше. В совокупности личный состав флота насчитывал 2000, самое большее 3000 человек. В 1666 г. Соединенные Нидерланды выставили против англичан 85 кораблей с совокупным экипажем из 21 909 человек офицеров и матросов.

e) *Швеция*

В XVI–XVII вв. Швеция была могущественной морской державой. Рождение ее военно-морского флота состоялось при Густаве Ваза, в 1522 г. В 1566 г. список кораблей состоял уже из 70 названий. Новый подъем флот переживает в начале XVII в.: в 1625 г. был построен 21 новый корабль, подготовлено к эксплуатации 30 галер.²

f) *Англия*

Великобританию я упоминаю последней, потому что хочу более детально и пристально рассмотреть развитие этой крупнейшей европейской военно-морской державы,

¹ *Jonge J. C. de. Geschiedenes van het Nederlandsche Zeewezen. Vol. I. Bijlage XII.*

² App. A. in Publ of the Navy Records Society. Vol. XV. 1899. О России при Петре I см.: *History of the Russian Fleet during the Reign of Peter the Great. By a Contemporary Englishman. 1724. Ed. by Vice-Adm. Cyprian A. G. Bridge.*

чье стремительное восхождение можно сравнить только с внезапным подъемом военного дела в Пруссии. Ниже следующие данные взяты из самых разнообразных источников, к которым я отсылаю в соответствующих местах.

Мы видели, что Генриха VIII можно считать если и не основателем английского флота, то по крайней мере его первым могущественным покровителем. Еще его отец мало заботился о своих военно-морских силах. Когда ему требовались военные корабли, он довольствовался фрахтовкой торговых судов. Генрих VIII сразу же приступил к строительству нового королевского флота. В 1514 г. он уже располагал 24 кораблями грузоподъемностью в 8460 т., на которых служили 26 капитанов, 3500 солдат, 24 боцмана (masters) и 2880 матроса.¹ За время своего правления он обзавелся 85 военными кораблями: 46 было построено, 26 куплено и еще 13 захвачено на море.² К концу жизни у него оставалось 71 плавательное средство, включая 30 грузовых кораблей общей вместимостью 10 550 т. Эдуард VI на пятом-шестом году своего властвования располагал 53 кораблями грузоподъемностью 11 065 т и с экипажем в 7995 человек.³

Затем, вплоть до прихода к власти Елизаветы, численность кораблей несколько снижается: у Марии их было 46; Елизавета наследовала 32 корабля грузоподъемностью 7110 т с экипажем в 5610 человек;⁴ по сообщениям одного, как можно надеяться, достаточно осведомленного свидетеля, в 1573 г. количество кораблей упало до 13.⁵

¹ Cotton Mss. Otho. E. IX. P. 47; цит. по: *Charnock J. A History of Marine Architecture.* 2. 1801. P. 91 seqq.

² *Oppenheim M. History of the Administration of the Royal Navy.* 1896. P. 52.

³ Report of the Commissioners appointed to enquire into the State of the Navy etc. 1618; *Charnock J. Op. cit.* 2. P. 246.

⁴ Ibid.

⁵ По работе г-на Берчета, много лет служившего секретарем в Морском ведомстве, выдержки из которой приводит Андерсон (*Anderson. Orig. of Comm.* 2. P. 139 seqq.).

После этого начинается период лихорадочного вооружения, плодом которого стала победа над «Непобедимой Армадой», одержанная в 1588 г. Состав английского флота в этой знаменитой битве нам хорошо известен. Мы видим, что в те времена на государственные военно-морские силы все еще приходилась лишь меньшая часть судов и бойцов, что большинство кораблей и команд были наемными. Интересно будет привести здесь перечень кораблей, из которых состоял этот победоносный флот:¹

Корабли королевы	34	6289	человек
Торговые суда сэра Френсиса Дрейка	34	2394	»
Корабли, оплаченные городом Лондоном	30	2180	»
Торговые суда под командованием лорда-гроссадмирала			»
нанятые на 8 недель	8	530	»
на все время кампании	10	221	»
Зафрахтованные корабли	15	810	»
Каботажные суда под командованием лорда-гроссадмирала	20	993	»
Каботажные суда под командованием лорда Генри Сеймура	23	1090	»
Корабли с вольноопределяющимися	23	1044	»
Итого:	197	15 551	человек

Решающая победа не надломила силы победителей: состояние флота поддерживалось на прежнем уровне и в дальнейшем. Его состав к концу елизаветинской эпохи даже немного увеличился: на 44 году правления этой королевы военную службу несли 33 корабля, 5 галер, 4 баржи общей грузоподъемностью 14 060 тонн и с экипажем в 6846 человек.

При поздних Стюартах развитие замедлилось. На 1618 г.: 33 корабля, пригодных к исполнению службы, и 10 непригодных общей грузоподъемностью 15 670 тонн; на 1624 г.: 35 кораблей годных к несению службы грузо-

¹ State Papers relat. to the defeat of the Spanish Armada. 2. P. 323-341, 376-387 (*Laird Clowes*. 1. P. 604).

подъемностью 19 339 тонн (без галер и лихтеров (hoys)).¹

Затем, во времена Республики, последовал внезапный и стремительный рост всех вооружений: с 1649 по 1660 г. к уже имевшимся добавляется 207 новых кораблей, из которых в 1660 г. 121 еще сохранял боеспособность.²

К примеру, в 1653 году в состав военно-морских сил (согласно Чарноку) входил 131 корабль с общим экипажем около 23 000 человек. И флот, выставленный англичанами в 1666 году против голландцев, был вполне достоин своего могущественного противника (силу которого мы оценили выше): то были 80 кораблей и 21 085 офицеров и матросов.³

В 1660 году водоизмещение военно-морского флота Англии выросло до 62 594 тонн⁴ и, стало быть, за период, по продолжительности ненамного превышающий одно человеческое поколение, увеличилось втрое.

Но непрерывный рост при этом не прекращался: в 1688 г. водоизмещение достигло уже 101 032 тонн,⁵ а в конце столетия (1695) — 112 400 тонн. На эту пору мы имеем весьма любопытную возможность сопоставить, как выглядел английский флот в начале и в конце XVII в. Наш источник⁶ приводит следующие цифры:

	1607 г.	1695 г.
Число кораблей грузо- подъемностью от 50 тонн и выше	40	более 200
Их общее водоизмеще- ние	около 23 600 тонн	свыше 112 400 тонн
Их экипаж	7800 человек	45 000 человек

и т. д.

¹ По докладу парламентской следственной комиссии: S. P. Dom. CLVI. 12 (*Laird Clowes*. 2. P. 18).

² Полный список приводит Оппенгейм (*Oppenheim*. P. 330-338).

³ *Laird Clowes*. 2. P. 267.

⁴ См.: *D'Avenant. Colliber* (*Anderson*. 2. P. 579).

⁵ Источники см. у Андерсона (*Anderson*. 2. P. 579).

⁶ *Bishop Gibsons Continuation of Cambdens Britannia*. V. I (*Anderson*. 2. P. 608).

Общее водоизмещение королевского военно-морского флота Великобритании составляло:¹

1715	167 596 тонн
1727	170 862 »
1749	228 215 »

К концу рассматриваемой нами эпохи в состав английского флота (по адмиралтейским регистрам на 31 мая 1786 г.) входили 292 боевых судна, из них: 114 линейных кораблей, 13 50-пушечных кораблей (подобных линейным), 113 фрегатов, 52 боевых шлюпа. На линейных кораблях в море выходило от 500 до 850 человек экипажа. Разумеется, большинство кораблей было освобождено от службы. В полном вооружении на 1787 г. находилось 12 линейных, 5 50-пушечных кораблей, 35 фрегатов и 62 (!) боевых шлюпа. Постоянное жалование выплачивалось 18 000 морякам, в том числе 14 140 матросам и 3860 морским пехотинцам.

г) Обзорные данные по составу военно-морских сил европейских государств в конце XVIII в (энциклопедия Крюница):

Великобритания	278 боевых кораблей, включая 114 линейных
Франция	221 боевой корабль
Соединенные Нидерланды	95 боевых кораблей
Дания и Норвегия	60 вооруженных судов
Сардиния	32 боевых корабля
Венеция	30 боевых кораблей
Обе Сицилии	25 » »
Швеция	25 линейных кораблей
Португалия	24 боевых корабля
Папская область	20 боевых кораблей
Тоскана	«несколько фрегатов»

¹ По одной работе 1749 года (*Anderson*. 3. P. 274).

Глава 2

СОДЕРЖАНИЕ ВОЙСКА

1. Войсковые финансы

1. Военные расходы

Теперь, после того как перед нашими глазами полностью завершилось это интенсивное развитие, мы ищем его экономическое выражение — и находим прежде всего в тех расходах, которых государству стоила война и, стало быть, содержание войска. Когда я в дальнейшем буду приводить те суммы, которые главнейшие из милитаристских держав тратили на войсковые нужды в XVI, а особенно в XVII и XVIII веках, я, разумеется, не сообщу ничего нового. Но ради взаимосвязи целого нужно все-таки указать здесь эти всем известные цифры.

Вести войну во все времена было делом разорительным. И то, что нам известно о расходах на вооружение и содержание войск в эпоху *Средневековья*, тоже повергает нас в изумление размерами этих затрат. Совокупные затраты на первый крестовый поход Людовика IX составили 1 537 570 ливров 10 су и 10 денье, расходы за 1250—1253 гг. — 1 053 476 ливров 17 су и 3 денье.¹

Сорок галер, нанятых французским королем у Эйтона Дориа из Генуи в 1337 г. на четыре месяца, стоили ему 144 000 золотых флоринов, т. е. более миллиона марок по нынешнему курсу — столько же, сколько прино-

¹ *Gottlob A. Die päpstlichen Kreuzzugssteuern des XIII. Jahrhunderts. 1892. P. 48 f.*

сил годовой оборот в торговле крупнейших ганзейских городов.¹

На войну с Мاستием II делла Скала Флоренция выделила 600 000 золотых гульденов; длившаяся шесть месяцев война против графа Вирту стоила ей 3.5 млн флоринов; за 1377–1406 годах на военные нужды было потрачено 11.5 млн флоринов; война против герцога Миланского, закончившаяся в 1418 году, менее чем за два года поглотила 3.5 млн флоринов.²

В 1388 г. военный бюджет города Нюрнберга на 14 месяцев составил 78 466 флоринов: примерно в три раза больше совокупных расходов на городское хозяйство в мирное время.³

Однако мы только что установили, что средневековые армии были весьма невелики: насколько же должны были возрасти расходы на военные цели в XVI в., когда начался стремительный рост численности армий, когда наряду с этим расширением состава войсковых подразделений шел еще и процесс усовершенствования вооружений (огнестрельное оружие!).

Согласно подсчетам д-ра Хр. Шейрля, в 1522 году шестимесячное боевое оснащение без учета продовольствия, обоза и т. п. в среднем обходилось в 560 000 флоринов Испанский армейский корпус, который во второй половине XVI столетия пришлось направить на юг Италии и содержать там в течение приблизительно двух с половиной лет, требовал около 1.25 млн дукатов. Расходы испанской короны на подавление восстания в Нидерландах составляли 2–3 млн золотых крон в год — намного больше годового дохода нидерландского правительства в пору расцвета тамошней торговли.⁴

В новую эру войсковые финансы вступили с появлением и уже обратившим на себя наше внимание стремительным ростом постоянных армий. С этих же пор статьи о военных расходах начинают регулярно вноситься в

¹ Договор опубликован в издании: *Jal A. Archit. nav.* 2. P. 333 seqq.

² Данные у Паньини (*Pagnini. Della decima.* 1. P. 33).

³ *Chron. deutsch. Städte.* 1. S. 188.

⁴ *Ehrenberg R. Zeitalter der Fugger.* 1. 1896. S. 10.

государственный бюджет, так что теперь мы можем с достаточной точностью проследить, как росли расходы на военные и армейские нужды в крупнейших государствах Европы.

О том, что в это движение были вовлечены даже мелкие итальянские князья, свидетельствует финансовое состояние герцогства Эсте, точными сведениями о котором мы располагаем благодаря одному замечательному исследованию.¹ Военные ассигнования только за полстолетия с 1543 по 1592 г. выросли в следующих пропорциях:

1543	
Оснащение замка (monizioni del Castello)	720 ливров
Оснащение прочих укреплений (monizioni delle Fabbriche)	17 939 »
Выплата жалованья внутренним и внешним (ufficio del soldo dentro e fuori)	22 216.3.9 »
Итого	40 875.3.9 »
1592	
Оснащение укреплений	98 924.7.4 ливров
Выплата жалованья	59 672.14.1 »
Итого	158 597.1.5 ливров

Далее, крупные военные державы, к которым мы в Италии можем отнести *Пьемонт*. Военный бюджет Пьемонта с 1580 по 1708–1709 гг. формировался следующим образом:²

1580	334 673	пьемонских ливров
1605	553 271	» »
1660	1 209 482	» »
1680	1 610 958	» »
1690	2 823 516	» »
1696 (год войны)	9 397 074	» »

¹ Sitta P. Saggio sulle istituzioni finanziarie del ducato estense nei secoli XV e XVI. 1891.

² Prato G. Il costo della guerra di successione spagnuola e le spese pubbliche in Piemonte dal 1700 al 1713, 1907. P. 259–260; см. также: Einaudi L. La finanza sabauda all' aprirsi del sec. XVIII. 1908. P. 350 seqq.

1700	2 750 000	пьемонских ливров
1701	4 738 341	» »
1705	4 917 002	» »
1708–1709	8 000 000	» »

Только в войне за испанское наследство, к которой приведенный список имеет отношение лишь в части своей, Пьемонт полностью развернул свою военную мощь, в соответствии с чем война эта стоила маленькой стране (а население ее насчитывало тогда 1 200 000 жителей) необычайно высокие суммы. В 1700–1713 гг. расходы составили:¹

На войско и артиллерию	77 101 990	ливров
На укрепления	8 963 364	»
На интендантство (закупка продовольствия, зерна и т. д.)	39 490 178	»
Итого	125 555 532	ливров

Эта сумма составляла 59.12 % общих расходов, к которым добавлялись еще

Проценты по долгу	39 408 940	ливров
Итого	164 964 472	ливров

Всего 77.72 %, т. е. по 137 ливров на душу населения; в сегодняшней Германии это соответствовало бы сумме в 9 млрд марок.

Испания, по-видимому, уже миновала вершину, достигнутую при Альбе (1610 г.), когда формировала следующий военный бюджет:

Жалованье войскам	653 963	дуката
Флот	530 000	дукатов
Гвардия и hommes d'armes	200 000	»
Укрепления	50 000	»
Арсеналы	100 000	»
Артиллерия	22 500	»
Итого	1 556 463	дуката
Расходы на Фландрию	1 800 000	дукатов

¹ Prato G. Il costo della guerra. 1907. P. 402–403. Tab. XXXL; см. также: Einaudi L. La finanza sabauda. 1908. P. 360 seqq.

По результатам изысканий, проведенных по указанию Генриха IV и почти в точности совпадающих с оценкой венецианского посланника Томазо Контарини (16 млн дукатов), *чистый* доход испанского короля составлял в те времена 15 658 000 дукатов (еще 5 миллионов застревали у вице-королей, сборщиков налогов и т. д.). Впрочем, бóльшая их часть уходила на выплату процентов по долгу, так что согласно подсчетам графа Лерма в распоряжении оставалось только 4 487 350 дукатов.¹ Таким образом, с учетом процентов расходы на военные нужды в тогдашней Испании составляли примерно 93 % совокупного государственного дохода.

По *Франции* первой достоверной сметой военных затрат представляется бюджет 1542 г., включавший, однако, по всей видимости, только ординарные статьи. Ниже я по-отдельности привожу эти цифры,² на которые до сих пор обращали мало внимания:

2000 офицеров	900 000	франков
растущие	25 000	»
Обычные расходы на военные нужды (как в мирное время)	200 000	»
Ординарная артиллерия, как на каждый год и т. д.	54 000	»
Экстраординарная артиллерия	19 000	»
Марсельский флот	140 000	»
Западный флот	14 000	»
Дворцовая гвардия и т. п.	20 000	»
200 юнкеров (по 400 фр. каждому)	80 000	»
Шотландская гвардия	34 000	»
3 отряда французских лучников	93 000	»
Швейцарская гвардия	13 000	»
Пограничные укрепления в Пикардии	90 000	»
Пограничные укрепления в Шампани	15 000	»
2 (?) пенсии швейцарцам	200 000	»
Жалование главным коннетаблям	17 000	»
Обычная выплата англичанам, по кредиту на шесть лет	200 000	»
Итого:	2 114 000	франков

¹ Coll. de docum. ineditos. T. III. P. 545, 561; цит. по: *Carey B. La cour et la ville de Madrid. 1876. App. Note C.*

² Сообщение посланника Маттео Даноло см. у Альбери (*Alberi. Ser. I. Vol. IV. P. 42*).

Общие расходы за этот год, значительная часть которых, конечно же, пошла еще на уплату процентов по военному долгу, составили 5 788 000 ливров.

В XVII в. затраты на военные нужды быстро растут и достигают кульминационной точки в период войн Людовика XIV. В 1601–1608 гг., при Генрихе IV, для этих целей было потрачено в среднем около 6 млн ливров, в 1609 г. — около 9 млн.¹ При Людовике XIII этот показатель удваивается, при Людовике XIV вновь возрастает уже вчетверо. Приведу основные статьи из военного бюджета по двум годам, которые разделяет около полувека:²

	1639 г., ливров	1680 г., ливров
Швейцарцы (Ligues Suisses)	400 000	652 567
Экстраординарные расходы на военные нужды	12 000 000	62 070 550
Гарнизоны	3 000 000	2 419 399
Артиллерия	600 000	704 277
Военно-морские силы	2 500 000	14 405 795
Укрепления	600 000	12 678 609
Гратификации войскам	—	1 323 804
Галеры	—	3 614 753
Итого:	19 100 000	97 869 754
При общем бюджете в:	29 900 000	129 691 599
	= 60 %	= 74 %

В бюджете, сформированном Неккером на 1784 г.,³ военные расходы составляли:

На общие нужды	124 650 000	ливров
На флот	45 200 000	»
Итого:	169 850 000	ливров

к каковой сумме следовало добавить:

¹ *Compte de l'extraordinaire de guerres (Poirson. Histoire de Henry IV. 2. P. 350).*

² См.: *Forbonnais. Recherches. 1. P. 242; 2. P. 101.*

³ *Necker M. De l'administration des Finances en France. 1784. 2. P. 384 seq.*

Выплаты по процентам военного долга	207 000 000 ливров
Обратные выплаты	27 500 000 »
Итого:	404 350 000 ливров

Такая сумма была затрачена на нужды армии при общей сумме расходов в 610 млн ливров, что составляет около двух третей.

*Бранденбург-Пруссия.*¹ В годы правления Великого курфюрста военные налоги достигали 2 500 000 талеров, что составляло две трети от совокупного дохода государства. Ими, конечно, покрывались и кое-какие другие издержки, расценивавшиеся как военные (дипломатия, строительство замков и т. д.); с другой стороны, помимо них на войсковые нужды использовались также субсидии и долги.

При Фридрихе III:

Общий доход достигал	4 млн талеров
Затраты на войсковые нужды	2,2 » »

При Фридрихе Вильгельме I начинается бурный рост:

Чистый доход в 1739–1740 годах составил	6 917 192 талеров	10 грошей	4 пфеннигов
Откуда на военные нужды пошло	5 039 663	»	3 » 22 »
В военную казну	914 416	»	
Итого:	5 954 079 талеров	22 грошей	5 пфеннигов

т. е. военные расходы составили 86 %.

Фридрих Великий в последние три года своего правления потратил в среднем:

На военные нужды	12 419 457 талеров
На двор и прочие гражданские нужды	3 946 676 »

¹ Все данные по Бранденбургу-Пруссии взяты из работы А. Ф. Риделя (*Riedel A. F. Der brandenburgisch-preußische Haushalt in den beiden letzten Jahrhunderten. 1866*).

Здесь военные расходы составили 75,7 % от общей суммы.

При Фридрихе Вильгельме II (1797–1798):

Общий доход составил	20 499 382 талеров 22 грошей и 7 пфеннигов
Затраты на войсковые нужды	14 606 325 * 17 » и 3 »
Итого:	71 %

При Фридрихе Вильгельме III (1805–1806):

Общий доход	26 956 858 талеров
Военные затраты	17 185 112 »
Выплата процентов по государственному долгу	1 896 296 »
Государственная казна	1 100 000 »
Итого:	20 181 408 талеров, т. е. 75 %

Наконец, нам нужно еще посмотреть, какие средства на военные нужды тратила в прошедшие века держава, которой ведение войны, несомненно стоило дороже, чем всем остальным: *Англия*.

По свидетельству компетентных источников, в эпоху Ланкастеров расходы на флот составляли около 50 000 фунтов стерлингов¹. В XVII в. расходы на флот по отдельным годам достигали следующих сумм:²

Год	Количество		Расходы на		
	военных кораблей	торговых кораблей	военные корабли	торговые корабли	вместе
1643	36	32	133 760 фунтов 3 су 9 денье	74 881 фунтов 11 су 6 денье	332 869 фунтов 15 су 3 денье
1647	43	16	124 395 фунтов 12 су	44 743 фунтов 8 су	244 655 фунтов

¹ Laird Clowes. The Royal Navy. 1. P. 345.

² Oppenheim. P. 295, 368.

Год	Общий доход	Расходы на флот
1652–1653	2 600 000 франков	1 400 000 франков
1654	–	1 048 731 » 13 су 8 денье ¹
1656–1657	1 050 000 франков	2 600 000 »
1657–1658	951 000 »	2 600 000 »
1658–1659	1 517 000 »	2 600 000 »

Бюджеты мирного времени (в фунтах стерлингов) составляли:²

Правление	На флот	На сухопутную армию	На артиллерию	Совокупный расход
Карл II	300 000	212 000	40 000	1 171 315
Вильгельм III	877 455	300 000	50 000	1 907 455
Анна	765 700	425 905	58 000	
Георг I	740 000	900 000	73 000	
Георг II	900 000	900 000	80 000	
Георг III (1770 г.)	1 573 422	1 513 412	227 907	

Согласно Синклеру, совокупные расходы военного и мирного времени составляли (в фунтах стерлингов):

Правление	На флот	На сухопутную армию	На артиллерию
Вильгельм III	19 822 141	22 017 706	3 008 535
Анна	23 484 574	32 975 331	2 100 676
Георг I	12 923 851	13 842 467	1 064 449
Георг II	71 424 171	74 911 521	6 706 674
Георг III (до 1788 г.)	116 725 948	96 565 762	17 079 011
Итого за сто лет с 1688 по 1788 г.	244 380 685	240 312 967	29 959 345

Поскольку это может показаться интересным некоторым читателям, приведу в заключение подробный военный бюджет на 1781 г., в котором совокупные расходы составляют 24.4 млн фунтов стерлингов, а расходы на военные нужды — 17.5 млн. К последним нужно, однако, добавить еще 5.5 млн, использованных на обратную выплату по казначейским билетам и на покрытие дефицита косвенных налогов. Таким образом, вместе с этими 5.5 млн на военные нужды было потрачено 23 млн фун-

¹ Thurloes State Papers. 2. P. 64 (Anderson. Orig of Comm. 2. P. 430).

² Sinclair. History of the Public revenue. 1803. 2. P. 57, 61, 73, 109.

тов стерлингов, что составляет почти 94 % от общей суммы расходов.

Военный бюджет Англии на 1781 г. состоял из следующих статей:¹

Боеприпасы для 90 000 моряков, включая 20317 морских пехотинцев и артиллеристов	4 446 000 фунтов	5 су	8 денье	
Ординарный бюджет флота	386 261	»	5 »	8 »
Строительство и ремонт боевых кораблей	670 016	»		
Погашение ссуд на флот	3 200 000	»		
Ведомство сухопутных вооружений (office of ordnance)	582 924	»	11 »	9 »
Ведомство военно-морских вооружений	234 000	»		
Экстраординарные расходы на артиллерию на 1781 г.	252 104	»	3 »	4 »
То же по 1780 г.	447 182	»	4 »	6 »
На 39666 человек численного состава сухопутных войск	1 049 774	»	8 »	11 »
На верховного командующего и его штаб	42 927	»	16 »	
Гарнизоны крепостей и войска за границей	1 488 927	»		
Субсидии и содержание немецких войск	715 117	»	15 »	7.5 »
Ополчение на севере Англии	672 457	»	15 »	
Обмундирование для ополченцев	99 679	»	13	4 »
Дополнительные роты ополченцев	6010	»	3 »	9 »
80 независимых пехотных рот	117 608	»	6 »	8 »
Выплата жалованья за 1780 г.	8452	»	4 »	8 »

¹ См.: *Anderson*. 4. P. 399.

Выплата жалованья 2 батальонам лорда Джона Мюррэя	1107 фунтов 16 су 4 денье
Экстраординарные, непредвиденные расходы на военные нужды	3 351 589 » 13 » 4.5 »
Расходы на инвалидов и непосредственные расходы	190 000 фунтов

Огромного, граничащего с предельным напряжением всех сил в последствии еще раз потребовала борьба с Наполеоном. За четырнадцать лет, с 1801 по 1814 г., Англия израсходовала:

На флот	237 441 798 фунтов стерлингов
На сухопутные войска	337 993 912 » »
На боевые орудия	58 198 904 » »
Итого:	633 634 614 фунтов стерлингов

т. е. 13–14 млрд марок, или в среднем по 45 259 615 фунтов стерлингов в год (900 млн марок). Всегда нужно иметь в виду, что Великобритания в те времена (в первом десятилетии XIX в.) представляла собой страну с 10–12 млн человек населения, что, следовательно, на душу населения приходилось по 80–90 марок военных расходов в год; это соответствует военному бюджету в 6 млрд марок для сегодняшней Германии, которая между тем расходует ныне на военные нужды примерно около 1 млрд марок (полностью включая проценты и погашение государственного долга).

2. Мобилизация средств

В дальнейшем нам еще не раз предстоит увидеть, какое значение эти военные расходы, — поскольку они действительно производились, поскольку эти суммы действительно расходовались, — имели для развития капитализма. Здесь же пока уместно лишь задаться вопросом: не оказывала ли уже сама мобилизация средств, предназначенных для достижения военных целей, значительного влияния на формирование современной экономики, — коль скоро эти средства выражались в ука-

занных выше суммах, т. е. в той мере, в какой они проходили через казну государства.

Способы изыскания средств для покрытия войскового спроса ничем не отличались от тех, какими государства получают свои доходы и в прочих случаях: источниками таких доходов были земельные поступления и налоги в самом широком смысле слова, с одной стороны, и займы — с другой. Отдельно нужно сказать лишь об особой форме получения доходов, игравшей в предшествующие столетия большую роль в поставке средств для ведения войны: о выплате субсидий. Именно к такой форме по большей части прибегали в своих войнах богатые страны, особенно Голландия и Англия: они оказывали поддержку князьям (в частности, немецким), испытывавшим нужду в деньгах, которые и сражались за них в их битвах. Речь зачастую шла о весьма крупных суммах, очень существенных для финансовой системы небольших государств. Так, Великий курфюрст в 1674–1688 гг. получил 2 863 281 талеров 19 грошей; Фридрих III — 14 млн талеров; Фридрих Великий с 1758 по 1761 г. получал от Англии по 670 000 фунтов стерлингов ежегодно, т. е. в общей сложности 13,5 млн марок.¹ За два десятилетия, заполненных войнами против Франции (1793–1814), Англия выплатила иноземным властителям не менее 46 289 459 фунтов стерлингов, т. е. почти миллиард марок субсидий.²

Значение же, которое имела для развивавшегося капитализма мобилизация средств на военные нужды, я вижу главным образом в следующем.

1. Она стимулировала *образование капитала*. Ввиду рассмотренных нами выше обстоятельств, заключающихся в том, что налоговое бремя и интенсивное использование кредитования как раз препятствовали накоплению капитала, это звучит парадоксально. И все же нет сомнения в том, что изыскание средств на ведение войны, с одной стороны, конечно, замедлявшее формирование состояний, с другой стороны придавало им ускоре-

¹ Riedel A. F. Op. cit. S. 34, 47, 93.

² Porter G. R. The Progress of the Nation. 1851. P. 507.

ние, причем именно там, где состояния эти более всего стремились принять капиталистический характер: рост налогов, а также предоставление, передача или переадресация государственного кредита дали возможность разбогатеть многим, кто впоследствии либо использовал свое богатство для непосредственного развития промышленности и торговли, либо стимулировал развитие капитализма, увеличивая собственные расходы на предметы роскоши (как я попытался показать в первом томе настоящих «Очерков»).

Другими словами: очень значительная часть буржуазного богатства, в той или иной форме участвовавшего в становлении капитализма, возникла в XVI–XVIII вв. благодаря откупу налогов (в частности, во Франции) либо за счет прибыли от процентов или приплат по государственным займам (как в Голландии и Англии).

Я бы слишком отклонился в сторону от центральной проблемы настоящих исследований, если бы захотел подробнее проследить, как означенными путями протекало формирование капиталистических состояний. Этот вопрос я намереваюсь во всей взаимосвязи рассмотреть в одном из следующих томов «Очерков», предметом которого станет процесс возникновения буржуазии, и потому сейчас удовольствуюсь лишь тем, что приведу несколько цифр, способных подтвердить правильность высказанного утверждения.

Богатство и само стремительное обогащение французских откупщиков (*fermiers généraux*) сделалось притчей во языцех. Дидро спрашивал одного молодого честолюбца: «*Savez-vous lire? — Oui. — Un peu calculer? — Oui. — Et vous voulez être riche à quelque prix que ce soit? — A peu près. — Eh bien, mon ami, faites-vous secrétaire d'un fermier général et continuez dans cette voie.*»¹ Свидетельства современников в достаточной мере подтверждают правильность такого напутствия. В одной из ре-

¹ Вы умеете читать? — Да. — Немного считать? — Да. — И вы хотите разбогатеть, чего бы это ни стоило? — Пожалуй. — Ну, мой друг, тогда вам следует сделаться секретарем откупщика и никогда не сходить с этой дороги (*фр.*). — Приведено у Тирьона (*Thirion H. La vie privée des Financiers au XVIIIe siècle. 1895. P. 19–20.*)

золотой собрания нотаблей 1626 года о чиновниках финансовых ведомств говорилось: «On les voit devenir riches et opulents en peu d'années».¹ Один памфлетист писал: «Il ne suffit pas aux trésoriers de gagner cent mille écus en un an. Ils veulent faire leurs commis et partisans aussi riches qu'eux».² «Cela fit beaucoup de personnes extrêmement riches»,³ — заключает рассудительный и всегда хорошо осведомленный Гурвиль.

Но в нашем распоряжении есть и более подробные данные, вполне подтверждающие справедливость таких общих заявлений. Достаточно вспомнить историю жизни таких людей, как Бульон, Эмери и Фуке, или таких сильных мира сего, как Мазарини, становившихся обладателями огромного богатства, следуя указанным путем: в 1622 г. у Бульона было 60 000 экю ренты, в 1632 г. он стал суперинтендантом, а в 1640 г. (год его смерти) оставил после себя ренту размером в 700 000 ливров.⁴ Мазарини оставил состояние в 60 млн ливров и т. д.

Превосходную панораму богатств, принадлежавших французским финансистам, предлагает список «дельцов» (*gens d'affaire*), приговоренных в 1716 г. к разного рода штрафам за неприглядные махинации. В списке этом⁵ значится 726 человек, и общая сумма наложенных на них штрафов составляет 147 355 433 ливра. Отдельные штрафы колеблются от 2000 до 6 600 000 ливров, к каковой наивысшей сумме был приговорен знаменитый Антуан Кроза (на самом деле, в королевскую казну перетекла лишь малая часть взыскиваемого ущерба, который, по предположениям, составлял около 20 млн!). Распределение по отдельным ступеням обложения дает в результате следующую картину:

¹ Все видят, как они богатеют и погрязают в роскоши за несколько лет (*фр.*) — *Normand Ch. La bourgeoisie franCCcaise au XVIIe siècle.* 1908.

² Казначеем недостаточно заполучить сотню тысяч экю за один год. Они хотят, чтобы их прихлебатели и приказчики сделались таким же богатыми, как и они сами (*фр.*) — *Les caquets de l'accouchée.* Coll. Jannet-Picard. 2e journée. P. 50–51.

³ Это позволило многим несказанно разбогатеть (*фр.*).

⁴ *Normand.* P. 160.

⁵ Полностью опубликован в издании: *D'Argenville. Vie privée de Louis XV.* Nouv. ed. Vol. I. 1783. P. 231–256.

Штраф ниже 50 000	ливров	наложен на	298 человек
50 001 — 100 000	»	»	105 »
100 001 — 200 000	»	»	127 »
200 001 — 300 000	»	»	68 »
300 001 — 400 000	»	»	42 »
400 001 — 500 000	»	»	26 »
500 001 — 1 000 000	»	»	40 »
1 000 001 — 20 00 000	»	»	13 »
Свыше 2 000 000	ливров	»	6 человек

О том, какие деньги можно было заработать под займы на военные нужды, достаточно убедительно свидетельствует история двух богатейших семейств раннекапиталистической эпохи: Фуггеров и Ротшильдов.

Согласно произведенным расчетам, в Англии с 1792 по 1816 г. прибыль от ажио на военных займах составила 52 млн фунтов стерлингов.¹

Фуггеры и Ротшильды, своим богатством обязанные именно войне, демонстрируют нам два способа, какими это богатство могло быть приобретено; их можно противопоставить друг другу как немецкий (непосредственное предоставление ссуды) и еврейский (выпуск биржевого займа): в одном случае личный кредит предоставляется с глаза на глаз; в другом безличный кредит — за спиной у «общественности».

Но здесь я затрагиваю уже другой пункт, в котором мобилизация средств на ведение войны сыграла чрезвычайно важную роль в формировании капитализма, поскольку

2. она способствовала *коммерциализации экономики*. Первые всемирные биржи возникли в XVI в. непосредственно из торговли государственными исполнительными листами, как нам со всей наглядностью показал Эренберг. В ходе эволюции системы государственных займов впоследствии возникла и достигла всестороннего развития фондовая биржа. Торговля и спекуляция фондовыми ценными бумагами впервые широко развернулась,

¹ *Wilson Ch. De l'influence des capitaux anglais sur l'industrie européenne depuis la révolution de 1688 jusque'en 1846. 1847. P. 45.*

конечно же, на акциях крупных межконтинентальных торговых компаний. Но наряду с ними свое значение всегда сохраняли и государственные исполнительные листы. Из 44 бумаг, котировавшихся в середине XVIII в. на амстердамской бирже, 25 относились к внутренним займам и 6 к немецким. К концу столетия число внутренних облигаций выросло до 80, немецких — до 30. Но подлинная свистопляска еще только начинается. На исходе XVIII в. одна эмиссия следует за другой (это и естественно: см. приведенные выше цифры роста государственного долга). Если за все время существования амстердамской биржи до 1770 г. на ней было сделано займов на 250 млн флоринов, то за 14 лет с 1818 по 1832 г. одни только Ротшильды выпустили публичных долговых ордеров на сумму в 440 млн марок.

Биржу создала война: сначала, как было только что установлено, фондовую (позднее мы увидим, что она участвовала и в становлении товарной биржи). Но (странное совпадение!) биржу создавали и евреи. Немецкая воинственность и еврейская деловитость здесь поработали вместе. Но поскольку тема возникновения биржи подпадает как под рубрику «Война», так и под рубрику «Еврейство», я могу здесь ограничиться этими краткими замечаниями и за дальнейшими разъяснениями отсылаю читателя к своей книге «Евреи и экономика», где детально рассмотрен процесс коммерциализации экономической жизни и приобретения ею биржевого характера.

3. Хочу указать еще на одно последствие, которое, в частности, могли оказать на экономику *выплаты субсидий* (в самом проведении которых существенная заслуга, конечно же, принадлежала денежным воротилам); последствие, на которое, насколько мне известно, до сих пор обратил внимание только один исследователь¹ (разумеется, впоследствии он сделал его центральным пунктом всех своих изысканий). Следовало бы определить, в

¹ Автор весьма любопытного сочинения, на которое ссылается предыдущее примечание.

какой мере обильные перечисления наличных денег за границу, осуществлявшиеся при выплате субсидий, влияли на состояние курса английской валюты. Скорее всего по этой причине обменный курс долгое время складывался не в пользу Англии. Известно, однако, что неблагоприятный валютный курс становится своеобразной премией для экспорта. Стало быть, непрерывные отчисления наличных сильно способствовали развитию английского экспорта, а держась за него, шел в гору и промышленный капитализм. В самом деле, за период с 1698 по 1822 г. стоимость английского экспорта превысила стоимость импорта на 33 183 171 фунтов стерлингов. А то, в какой мере в этом превышении виноват неблагоприятный валютный курс, в какой мере в установлении такого курса повинны выплаты денежных субсидий, должно когда-нибудь стать предметом серьезного исследования.

4. То обстоятельство, что приток в страну крупных денежных сумм, в частности в виде *военных репараций*, способен сделать более оживленным ход капиталистического развития, слишком хорошо известно, чтобы приводить для него особые доказательства. «Благословенные миллиарды» и «эпоха грюндерства» во все века представляли собой взаимосвязанные явления.

2. Принципы оснащения войска

Содержание армии, когда о нем заботится какая-либо высокая инстанция, всегда осуществляется посредством двух актов: сначала средства добываются, а затем применяются. Государство (город или любой другой субъект, которому служит армия) выполняет функцию посредника, связывающего друг с другом два конечных пункта: войско с его потребностями и его подлинного кормильца. От того, *как именно* применяются средства, находящиеся в распоряжении государства и используемые им для содержания армии, зависит характер и масштаб воздействия, оказываемого вооруженными силами

на экономику страны в военное и мирное время. Но для того чтобы ясно и отчетливо понять, как фактически (и, следовательно, исторически) эти средства применялись в европейских государствах в XVI–XVIII вв., мы должны сперва представить себе различные *возможности* их применения. Применение средств здесь означает то же самое, что и оснащение войска: применяя находящиеся в его распоряжении средства в соответствии с их предназначением, государство занимается оснащением армии. Таким образом, нам нужно достичь ясности в том, каким образом может осуществляться это оснащение, но сначала твердо установить, что мы вообще будем понимать под оснащением войска.

Организация оснащения армии есть составная часть управления ею. Ее задача состоит в том, чтобы обеспечить войско всем необходимым для его существования и исправного исполнения своих функций. Эти необходимые блага подразделяются на: 1) вооружение; 2) транспортные средства (главным образом лошади и телеги); 3) средства содержания (пища, одежда и жилье). В зависимости от того, идет ли речь о доставке той или иной категории благ, возникает проблема:

- a) вооружения;
- b) транспортировки (оснащения лошадьми);
- c) довольствия;
- d) обмундирования;
- e) предоставления жилья.

Далее, проблемы эти можно решать на основании весьма отличающихся друг от друга принципов. Прежде всего оснащение войска может быть по-разному организовано в зависимости от того, *какой инстанции вменено в обязанность это оснащение*. В связи с этим последнее может базироваться либо на принципе централизации, либо на принципе децентрализации. В случае децентрализации каждый воин сам приносит все, что ему требуется: оружие, коня, средства пропитания. Напротив, централизованным называется такое оснащение, когда заботу о нем принимает на себя тот или иной центральный орган, «верховный военачальник», как сказали бы

мы сегодня; когда государство само поставляет оружие и транспортные средства, когда оно само обеспечивает пропитанием всех воинов. Это, опять-таки, может происходить двумя принципиально различными способами: с одной стороны, государство может осуществлять эту заботу при посредстве своих собственных органов, своих чиновников. Тогда мы говорим, что государство (город и т. д.) берет оснащение армии «под свой контроль». С другой стороны, государство может поручить оснащение войска посредникам, которые в этом случае будут заниматься им профессионально, т. е. за плату. Тогда мы говорим о «системе поставок», организуемых государством и предназначенных для оснащения армии.

Между чистой централизацией и чистой децентрализацией располагается множество промежуточных ступеней. Возможно, например, что о своем содержании каждому воину приходится заботиться в частном порядке, но государство принимает при этом ряд мер, обеспечивающих ему бесперебойное и недорогое предложение. Возможно, что оснащением не занимается ни государство, ни отдельные воины, а оно вменяется в обязанность какой-либо посредующей инстанции, скажем, полковнику или ротному командиру (так называемое поротное хозяйство).

Но организация оснащения армии принимает столь разнящиеся друг от друга формы, потому что каждый из указанных организационных принципов в свою очередь оставляет открытыми весьма разнообразные возможности для приобретения тех предметов потребления, которые требуются для оснащения войска. Ведь, с одной стороны, предметы эти могут поставляться самой той инстанцией, которая должна заботиться об оснащении. К примеру, государство может производить оружие, униформу, выращивать хлеб и лошадей в своих собственных хозяйствах, а затем предлагать готовые к употреблению товары отдельным воинам. С другой стороны, тот, кто обязан заботиться об оснащении, — государство, ротный командир или сам воин, — может тем или иным способом приобретать продукты, уже изготовленные *другими людьми*.

Но «приобретать» эти продукты можно, в принципе, весьма различными способами: можно просто отнять их, не предоставив прежнему владельцу никакого возмещения, — возникающая таким путем «система» оснащения представляет собой чистый грабёж и разбой. Можно также предложить владельцу какую-либо компенсацию за тот предмет, который он нам уступает; поскольку такая компенсация чаще всего выражается в денежной форме, этот предмет у него можно выкупить. Такое «приобретение за плату», опять-таки, может осуществляться двумя различными способами: принудительно, когда у владельца интересующего нас продукта нет выбора, отдать нам его или нет, а зачастую нет и возможности самому устанавливать цену; в этом случае перед нами система реквизиций (requisition, purveyance); либо же добровольно, путем покупки «без посредников», когда продавец сам принимает решение о продаже и сам определяет размер отпускной цены.

Схема организации оснащения армии

I. Предметы оснащения:

1. Оружие (вооружение);
2. Лошади, телеги и т. п. (транспортные средства);
3. Средства содержания:
 - а) продукты питания: довольствие;
 - б) одежда: обмундирование;
 - в) жильё: расквартирование.

II. Сама организация подразделяется

1. по инстанции, в обязанность которой вменено оснащение войска:
 - а) децентрализация;
 - б) централизация:
 - а) под своим контролем;
 - б) путем поставок;
 - в) промежуточные формы;
2. по способу доставки продуктов:
 - а) собственное производство;

- b) присвоение готовых к использованию продуктов:
 - α) без компенсации: разбой и грабеж;
 - β) за плату:
 - αα) принудительная продажа: реквизиция;
 - ββ) свободная продажа без посредников.

Все эти системы оснащения войска, различающиеся между собой по тому или иному признаку, могут, к тому же, скрещиваться друг с другом самым различным образом: система, основанная на децентрализации, в меньшей мере, чем построенная на принципе централизации, может пользоваться для достижения своей цели и самостоятельным производством предметов потребления, и грабежом, и реквизициями, и свободной куплей-продажей.

Но совсем пестрой картина оснащения армии становится ввиду того, что столь разнообразные системы могут быть сопряжены с самыми разными формами армейского устройства. В результате рождается неисчислимое количество различных комбинаций. Нельзя даже утверждать, что тот или иной метод оснащения необходимым образом связан с той или иной формой армейского устройства, пусть даже само собой разумеется, что в государственной армии легче реализовать централизованное оснащение, чем в частной; пусть даже наемная армия скорее будет склоняться к приобретению готовых товаров, чем к самостоятельному их производству. Но с необходимостью ни один принцип оснащения не связан с какой-либо определенной формой организации вооруженных сил (как и в истории в то или иное время находят свое фактическое воплощение все возможные комбинации).

Скорее уж какого-то конкретного метода оснащения войска требует та или иная техника ведения войны. Так, из применения артиллерии несомненно вытекает некоторая централизация в вопросе поставки орудий: отдельного воина нельзя обязать к тому, чтобы он при-

вез с собой пушку, подобно тому как от него можно потребовать явиться с собственной алебардой или мушкетом.

Точно так же своеобразие, присущее мореплаванию, само собой диктует необходимость какой-то минимальной централизации в вопросе довольствия: если корабль выходит в море на месяц, то запас продовольствия на сотню или тысячу человек команды в любом случае должен находиться в трюмах уже в момент отправления из гавани. В принципе здесь можно применять и децентрализованную систему (и в истории она действительно применялась: в XII в. на гелуэзских кораблях): это означает, что и здесь каждого матроса и каждого стрелка можно обязать самостоятельно позаботиться о своем довольствии; но централизованная система оснащения в этом случае, конечно же, напрашивается с большей очевидностью, чем в случае сухопутных подразделений, которые ежедневно могут заново добывать себе пропитание.

Если в дальнейшем мы хотим проследить, как организация оснащения армии развивалась на протяжении последних столетий и какое значение это ее развитие имело для современного капитализма, то основное внимание мы должны направить на взаимосвязь, имеющую место между этой организацией и формированием рынка, т. е. товарного спроса. В частности, мы должны постараться выяснить, в какой мере и каким способом армейский спрос порождает то, что мы называем массовым спросом. Ибо в том, что именно таким образом возникает *первый крупномасштабный массовый* спрос, я вижу один из наиболее важных моментов влияния милитаризма на капитализм. Если же сначала мы спросим себя, что же такое представляет собой этот «массовый спрос», то ответ будет следующим.

Массовый спрос — это либо спрос на крупные (составные, комплексные) товары, либо спрос на большое количество однородных товаров. Обе разновидности массового спроса возникают благодаря некому соединению. Соединение это осуществляется либо за счет техниче-

го процесса (когда возникает спрос на большие пушки, большие корабли, большие казармы), либо за счет всего лишь организационного совмещения отдельных актов потребления (когда оружие для тысячи стрелков доставляется не каждым из них по отдельности, а на всех сразу).

Отсюда становится ясно, какие факторы могут влиять на возникновение массового спроса и, следовательно, на соединение единичных актов потребления. Это, прежде всего:

1. Техника, которая для достижения полезного эффекта каждый раз требует соединения определенного количества материала в одном предмете потребления и применения определенного количества живого труда при обработке этого материала, порождая тем самым минимальный спрос на производимые товары и на необходимую для производства того или иного предмета рабочую силу, с которыми связана сама возможность технического процесса. Пулю определенного веса можно послать на определенное расстояние за счет взрывной силы пороха, только если из некоторого минимального количества железа или бронзы отлить ствол, что в свою очередь требует определенных затрат живого труда и порождает определенный спрос на исходные материалы.

2. Организационные принципы. Очевидно, что массовому спросу возникнуть тем легче, чем сильнее оказывается централизация в системе оснащения. Кроме того, — при прочих равных условиях, — массовый спрос развивается тем скорее, чем крупнее оснащаемая армия и флот и чем дольше остаются в силе обязанности по их оснащению; далее, чем более частыми и продолжительными бывают войны, чем дальше от центра обеспечения отдаляются сухопутные походы и морские экспедиции; наконец, чем более развит принцип единообразия в удовлетворении спроса.

В дальнейшем я стараюсь приблизить поставленную в предшествующих строках проблему к ее разрешению и полагаю при этом, что скорее достигну своей цели, если не буду единообразно упорядочивать материал со всей

области военного дела, стремясь свести его к интересующей нас системе следствий, а рассмотрю каждое из этих следствий по отдельности, в рамках особых областей войскового оснащения, а именно (на что указывают и заголовки последующих глав): в области вооружения, довольствия, обмундирования и транспортировки на кораблях. К такому порядку меня склоняет соображение, что воздействия, которые армии оказывают на экономику в рамках каждой из этих отдельных областей, слишком разнятся по своей природе, чтобы обсуждать их в отрыве от их взаимосвязи. При таком порядке невозможно избежать случайных повторений (когда одинаковые явления обнаруживаются в различных областях войскового обеспечения), но этот недостаток я намерен компенсировать тем, что проявляющиеся тут и там взаимосвязи в *одном* месте рассмотрю более подробно, а в других — ограничусь одним указанием на них, отослав при этом к месту подробного рассмотрения.

Примечание: *оснащения лошадьми* (пополнения конским составом) я в своем изложении касаюсь лишь вскользь (при рассмотрении торговли военными поставками), а *расквартирование* (казарменное расположение) войск и вовсе оставляю без внимания, потому что собранный мною по этим темам материал не принес мне знакомства с какими-либо своеобразными точками зрения, которое сделало бы оправданным рассмотрение обеих этих областей в особых главах.

Глава 3

ВООРУЖЕНИЕ ВОЙСКА

1. Внедрение огнестрельного оружия

В вооружении армии и в ее переустройстве в XIV–XVII вв. техника играет если не исключительную, то все же решающую роль. Техническим феноменом, оказавшим преобразующее влияние, было, как известно, использование заключенных в ружейном порохе энергий для метания снарядов. Приспособлениями, сделавшими возможным применение этого открытия, были, с одной стороны, пушки и, с другой — ручные ружья, различие между которыми состоит в том, достаточно ли легок по весу аппарат, чтобы его мог носить с собой каждый стрелок, или же для его перемещения требуются более значительные силы, чем те, что собраны в одном человеке.

Я предполагаю, что техническая эволюция этих новых метательных машин, получивших странное имя «огнестрельного оружия», уже известна, и в дальнейшем привожу некоторые данные касательно их применения. Применение огнестрельного оружия имеет весьма различный смысл, смотря по тому, идет ли речь о больших орудиях или о ручных ружьях: первые стали новшеством, добавившимся к уже имевшемуся вооружению, и в самом крайнем случае вытеснили старые осадные приспособления (тараны, камнеметы и т. д.), но в рамках военного искусства в целом сыграли лишь второстепенную роль. Напротив, ручные ружья полностью

заменили собой бывшее до сих пор в употреблении боевое оружие. Таким образом, их распространение знаменовало борьбу между новыми и старыми вооружениями, что и получит надлежащее освещение в нижеследующих главах.

1. Орудия

Достаточно будет определить приблизительные границы того времени, когда на войне были впервые применены пушки: вся их дальнейшая история, поскольку она не носит технического характера и потому не относится к делу, исчерпывается количественным ростом числа и размеров этого нового оружия, о чем речь пойдет в разделе, посвященном расширению спроса.

Год, когда «огневое орудие» впервые было использовано в военных действиях, можно установить хотя и приблизительно, но с достаточной точностью: он располагается где-то во втором или третьем десятилетии XIV в. Возможно, это год смерти Данте: 1321-й. В Монсе уже в 1319 г. имелся свой «*maître de l'artillerie*». ¹ Впрочем, слово «артиллерия» в те времена имело еще иной смысл, нежели тот, который приобрело позже. Поэтому, столкнувшись с таким титулом оружейного чиновника, мы еще не вправе с полной уверенностью делать вывод о том, что огневые орудия в то время уже наличествовали. Как таковые они впервые упоминаются только в хронике Меца в 1324 г. ² Более поздним, 1326 годом датируется отрывок, в котором говорится уже о металлических пушках и кованых железных ядрах ³ (по свидетельству Бирингуччо, первое литое ядро было использовано в войне Карла VIII против императора Фердинанда).

Мы знаем, что вскоре после этого огневые орудия были использованы в одном из сражений: в 1327 г. Эду-

¹ Старший артиллерист (фр.) — *Guillaume M. Hist. de l'organisation militaire sous les ducs de Bourgogne. 1847. P. 57.*

² *Les chroniques de la ville de Metz. Publ. par Huguenin. 1838 (Jahns. Kriegswesen. S. 775).*

³ *Riformagioni di Firenze. Vol. XXIII, dist. V cl. II. P. 65.*

ард III применил краки в Шотландии. Сообщают, что новое оружие Эдуард приобрел у фламандцев, которые в то время стояли у руля в деле развития военной техники. Об использовании пушек в самой Фландрии или Брабанте в столь раннее время нам ничего не известно. Зато после 1360 г. сметы всех располагавшихся в этих землях городов свидетельствуют о том, что пушки у них имелись.¹ В 1331 г. Аликантес был обстрелян «*pelotas de hierro, que se lanzaron con fuego*».²

Первые сведения о корабельных орудиях относятся к 1338 г.: здесь мы обнаруживаем три железные пушки и одно ручное орудие с зарядными каморами среди прочих вооружений на одном из королевских кораблей, «Башенном Кристофе»; «Башенная Мэри» была оснащена одной железной с двумя каморами и одной бронзовой однокамерной; наконец, на «Башенном Бернарде» были установлены еще две железные пушки.³ Но только после 1373 г. пушки, порох и орудийные снаряды начинают чаще упоминаться в составе вооружения английских кораблей.

В Германии первым, кто использовал пороховое орудие, был герцог Альбрехт II Брауншвейг-Грубенгагенский, оборонявший свой замок Зальцдерхельден в 1365 году.⁴

В следующем столетии пушки имелись уже у всего остального мира: помимо монархов ими владели прочие аристократы, города и даже корпорации. Во всей полноте артиллерия развернулась в конце XV столетия в войске Карла VIII, где на тысячу воинов приходилось уже четыре орудия. О росте количества используемых в военных действиях пушек позволяет судить следующий раздел.

¹ *Guillaume M.* Op. cit. P. 60.

² Чугунными снарядами, которые выбрасывались с помощью огня (*исп.*) — *Casiri.* Bibl. Arab. Hisp. II. P. 7 (*Jahns.* Op. cit.).

³ Источники см.: *Laird Clowes.* 1. P. 148.

⁴ *Reitzenstein J. Frh. von.* Das Geschützwesen und die Artillerie in den Landen Braunschweig und Hannover von 1365 bis auf die Gegenwart. 1896. 1. Teil. S. 12.

2. Ручные ружья

Ручное огнестрельное оружие тоже было впервые применено где-то в XIV в. Но на протяжении всего XV в. оно еще отстывает на второй план в сравнении со старым боевым оружием. Если в одном из решений рейхстага 1431 г. сказано,¹ что стрелки должны быть вооружены «наполовину ружьями, наполовину арбалетами; иметь при себе и стрелы, и свинец, и порох, и все, что к тому требуется», то мы можем предположить, что такая равная пропорция между названными видами оружия была в те времена не более чем благим пожеланием. Даже в 1467 г., когда постановлением рейхстага регламентировалась война с турками и пехотинцам предписывалось иметь такое же вооружение — и ружье, и арбалет, — действительность, конечно же, еще не соответствовала этим предписаниям и доля огнестрельного оружия была намного меньшей. К такому выводу мы с неизбежностью придем, если просмотрим сообщения из XV в., рассказывающие о фактической оснащенности войск огнестрельным оружием: на 80 000 (?) человек, выступивших в 1427 г. в гуситскую Богемию, приходилось всего около 200 ручных ружей;² из 1000 пехотинцев, участвовавших в 1429 г. в походе бранденбуржцев против Штеттина, ружья были только у пятидесяти;³ по цюрихскому призыву 1440 года было набрано 2770 человек, на которых приходилось 61 ружье. Несомненно, потому, что крайностью было уже требование, прозвучавшее в 1448 г. при наборе войска для саксонского курфюрста Фридриха:⁴ города должны выставить четверть состава с арбалетами, четверть с копьями, четверть с железными косами и *четверть с исправными ручными ружьями*. Такая пропорция (1:3) между огнестрельным оружием и прочими видами вооружения в XV в. часто воспроизво-

¹ Напечатано в издании: *Hofmann J. A. Abhandlung von dem Kriegsstaate*. 1769. S. 72.

² *Jahns. Gesch. d. Kriegswiss.* 1889. 1. S. 47.

³ *Ibid.*

⁴ См.: *Hofmann J. A. Op. cit.* S. 74.

дится при наборе войск для немецких князей, к примеру, для Альберта Ахилла (против Сагана) в 1477 г.: «четверть из них должны составлять стрелки из ружей».¹

Один из лучших знатоков истории ручного огнестрельного оружия так оценивает его долю в совокупном вооружении (пехотных войск) на конец XV в.: в Испании — третья часть, в Германии — шестая, во Франции — десятая.²

Только XVI столетие приводит огнестрельное оружие к паритету (соотношение 1:1) с другими видами вооружения (прежде всего с копьями). Такому прогрессу поспособствовали испанцы: в XVI в. эта нация занимала передовые позиции в области военного дела. Целую эпоху в истории огнестрельного оружия составило выступление испанских аркебузирив при Павии в 1525 г. Гений Альбы вознес тогда испанское войско к вершинам боевой эффективности. Он был первым, кто оснастил огнестрельным оружием *половину* своей армии, придав по 20 мушкетеров к каждой отдельной роте и пополнив каждый пехотный полк (*tercio*) двумя ротами, состоявшими исключительно из одних стрелков.³

Для остальных стран соответствующая пропорция была несколько меньшей: имперский указ 1570 года о назначении на должности в пехоту в § 220–222 хотя и отмечает, что вся армия вооружена огнестрельным оружием, по нашему мнению, вновь выдает желаемое за действительное.⁴ По подсчетам Френшпергера (1573)⁵ на общий войсковой состав в 4000 человек приходилось 2500 копий и только 1500 огнестрельных ружей (соотношение 5:3).

Ту роль в истории ручного огнестрельного оружия, которая в XVI в. была исполнена Альбой, в XVII в. сыг-

¹ Kriegsgeschichtl. Einzelschriften des Großen Generalstabs. S. 313 ff. (*Jany*. Op. cit. P. 22).

² *Schmidt R.* Die Handfeuerwaffen. 1875. S. 13.

³ *Jähns*. Op. cit. 1. S. 723.

⁴ См.: *Hofmann J. A.* Kriegsstaat. S. 69.

⁵ *Jähns*. Op. cit.

рал Густав Адольф.¹ Он ограничил число копейщиков до трети общего состава пехоты и заменил отставленных одними только мушкетерами, так что в 1621 г. появились уже целые мушкетные полки, как, например, полк генерала Баннера (при Брайтенфельде) и несколько позднее — полк молодого графа Туна. Но на протяжении всего XVII столетия ручным ружьям приходилось еще сражаться за свое первенство. Даже такой умудренный опытом военачальник как Монтекукули называл пику «царицей орудий» и считал правильным, что в полку численностью в 1500 человек должно быть 60 офицеров, 480 копейщиков, 80 щитоносцев и 880 мушкетеров.²

Открытие, сделанное в конце XVII в., привело к полной победе огнестрельного оружия: это был штык, введенный в употребление где-то между 1680 и 1700 гг. Благодаря ему было разрешено противоречие между колющим и огнестрельным оружием, поскольку теперь они были совмещены в одной единице. В это же время на смену тяжелому мушкету пришло сравнительно более легкое ружье. В Бранденбурге-Пруссии копейщики полностью исчезли при Великом курфюрсте;³ во Франции к концу XVII в. половина пехотинцев, а к концу правления Людовика XIV уже вся пехота в качестве боевого оружия использовала ружья со штыком.⁴

Бумажный патрон был введен в бранденбургской армии в 1670, во французской — в 1690 г.⁵ Тем самым в двух крупнейших военных державах Европы была закреплена окончательная победа ручного огнестрельного оружия.

¹ *Thierbach M.* Die geschichtl. Entwicklung der Handfeuerwaffen. 1888. S. 21.

² Цит. по: *Becker.* Aus der Jugendzeit der stehenden Heere. 1877. S. 15.

³ *Crousaz A. von.* Die Organisation des brandenburgischen und preußischen Heeres von 1640 bis 1665. 1865. 1. S. 22 f.

⁴ *Boutaric.* Inst. mil. 1863. P. 422.

⁵ *Jähns.* Kriegswissenschaft. 2. S. 1236.

2. Новый порядок вооружения

«Вооружение» как организованный процесс, т. е. способ, каким солдат получает свое оружие, может принимать весьма различные формы, что мы уже видели в нашем «теоретическом» обзоре возможных способов оснащения войска. Здесь я кратко отмечу те решающие изменения, которые произошли в деле войскового вооружения в раннекапиталистическую эпоху.

Средневековый воин, будь то рыцарь, ополченец или наемник, свое оружие и доспехи, как правило, приносил в войско с собой. Такое положение вещей должно было измениться, причем прежде всего по чисто внешним, производственно-техническим причинам, когда научились использовать порох при стрельбе из пушек. Эти орудия отдельный воин при всем своем желании уже не мог взять с собой. Поэтому мы видим, что города и государства уже очень рано берут на себя заботу о доставке крупных орудий. Внешне эта забота выражается в сооружении цейхгаузов, или арсеналов, в которых хранились пушки, по мере надобности предоставляемые тому или иному подразделению. Сначала это были городские, а потом и государственные арсеналы. Так, в XV в. Париж располагал великолепно оснащенным арсеналом;¹ имелись они и в Монсе и Брюгге.²

В XVI в. монархи прилагали усилия к сооружению многочисленных арсеналов. Первенствовали в этом две страны, ставшие впоследствии крупнейшими военными державами — Франция и Бранденбург-Пруссия: к 1540 г. Франциск I построил 11 арсеналов и военных складов; уже в 1535 г. венецианский посланник Джустиниани восхищался французскими пушками, которые, по его мнению, были лучше итальянских. В конце века Франция располагала уже 13 арсеналами.³

¹ *Boutaric*. Inst. mil. P. 360 seqq.

² *Guillaume M.* Hist. de l'organisation militaire sous les ducs de Bourgogne. 1847. P. 78, 102–103.

³ *Levasseur*. Ind. de la Fr. 2. P. 29.

Неандр фон Петерсгайден сообщает нам в своей «Книге наставлений», что в XVI в. бранденбургские курфюрсты построили цейхгаузы во всех замках и крепостях своей марки и Пруссии и там хранили все необходимое оружие.¹ То же самое говорили об английском короле Генрихе VIII, располагавшем вместительными цейхгаузами в Тауэре, Вестминстере и Гриниче.²

Широкую славу получил арсенал Венецианской республики, который один немецкий путешественник, Андреас Риф, описывает следующим образом: «В трех больших просторных залах, в каждом из коих было по три прохода, они прячут доспехи, латы для стрелков, длинные копья, алебарды, партезаны, кинжалы (все обнаженные, без ножен), мушкетеры, а также все потребное на случай нужды: топоры, ножи, мотыги, ковши для смолы и всякую прочую утварь на 70 тысяч человек пехоты».³

О том, какое распространение цейхгаузы получили во всех европейских странах к концу XVII в., мы можем узнать, заглянув в справочник «Вновь открытый арсенал»,⁴ где в четвертом разделе приводится перечень «мест, где изготавливается, хранится и используется оружие и амуниция». Кое-какие выводы относительно построенных к тому времени в Европе цейхгаузов поможет сделать и приводимый мною ниже обзор, в котором оценивается количество требовавшихся и фактически наличествовавших орудий.

Здесь нужно, однако, отметить, что в арсеналах и цейхгаузах хранились отнюдь не одни только «крупные орудия», что, напротив, в них складировались и другие виды оборонительного и наступательного оружия. Этим

¹ См.: *Thierbach M.* Die geschichtl. Entwicklung der Handfeuerwaffen. 1888. S. 19, 20.

² *Dillon H. A.* Arms and Armour at Westminster, the Tower and Greenwich. 1547 (Archeologia. Vol. LI; 2 ser. Vol. I, 1888).

³ Рукопись из Базельской библиотеки (fol. 75b) цитирует Зивекинг (Schmollers Jahrbuch. 21. S. 132).

⁴ Издание это составляет одну из частей «Вновь открытого рыцарского зала» (1704).

подтверждается тот факт, что в XV–XVII вв. вся система войсковых вооружений была охвачена тенденцией к огосударствлению, поскольку скапливаемое в цейхгаузах оружие, конечно же, предназначалось для того, чтобы в случае надобности предоставлять его солдатам и офицерам (безвозмездно или за определенную плату, здесь значения не имеет).

Согласно достоверным источникам впервые войско было обеспечено оружием со стороны государства при сохранившемся со времен старой свиты призыве населения по случаю разразившейся войны. Уже упомянутый Неандр фон Петерсгайден ясно указывает, что хранившееся в цейхгаузах оружие предназначалось для того, чтобы вооружить этот призыв. О таком же вооружении «обороняющихся войск» нам сообщают из земель Саксонского курфюршества: в 1618 г. в Саксонии был набран полк конных аркебузирив, получивших оружие из цейхгауза в Дрездене.¹

Впоследствии система государственных оружейных поставок постепенно распространилась на все виды войск. Перемена произошла в XVII в., принесшем в мир столь много нового. В эту эпоху мы еще можем четко различить несколько переходных состояний, к которым повело превращение частной поставки оружия в государственную:

1. Часть оружия воин приносит в войско с собой, остальное ему дает государство.

Такое указание содержит, например, Датское статейное письмо (ст. 51): «Каждый солдат-пехотинец должен явиться на строевой плац с исправной шпагой, равно и кирасир с исправной шпагой и парой исправных пистолетов, и аркебузир со своей шпагой и исправным пистолетом»; зато «прочим оружием и доспехами мы обеспечим их сами и за дополнительно предоставленное оружие с каждого солдата-пехотинца будет удержано из шестимесячного жалования денег за один месяц; кирасиры пусть приобретают

¹ *Thierbach M. Op. cit.*

себе кирасу за 15 имп. талеров, а аркебузиры свои нагрудники и наспинники за 11 имп. талеров».¹

Такие вычеты из жалованья представляли собой наиболее распространенную форму оплаты.

2. Полковник закупает оружие на всех солдат и потом ежемесячно удерживает из их жалованья соответствующую сумму.

Такие требования содержатся в договорах, которые бранденбургские курфюрсты заключали с поступавшими к ним на службу полковниками в первой половине XVII в. К примеру, полковник Хильдебранд фон Крахт в должностном договоре от 1 мая 1620 г. обязуется экипировать 1000 «немецких солдат», из них 600 мушкетеров «с мушкетями подобающей длины и достаточного весу и с пулями к ним» и 400 копейщиков «с нагрудниками, наспинниками и шлемами».²

3. Оружие либо поставляется *in natura*, либо солдатам выдаются отдельные деньги на оружие.

Именно в таком смысле следует, по-видимому, трактовать рескрипт курфюрста Фридриха Вильгельма от 24 апреля 1681 г., в котором говорилось: «Мы хотим и в дальнейшем придерживаться все милостивейшего предписания, чтобы во все полки поставлялись исправные двустольные мушкеты, а тем, у кого будет нужда, новые короткостольные ружья, копыя и рапиры, *либо* выдаваемые *in natura* из наших цейхгаузов, *либо* же заменяемые деньгами для покрытия этой нужды».³

Наряду с этими промежуточными формами на протяжении всего XVII в. осуществлялись уже и полностью государственные оружейные поставки.

¹ *Droysen G.* Beitr. zur Gesch. des Militarwesens in Deutschland während der Epoche des Dreißigjährigen Krieges (Zeitschrift für Kulturgeschichte. 1875. 4. S. 404 ff.).

² *Jany.* Anfänge d. alten Armee. S. 45.

³ См.: Geschichte der Bekleidung. 2. S. 277.

4 мая 1626 г. Ганс Вольф фон дер Хейден набрал 5 рот «конных аркебузирив»: оружие и перевязь всадникам были предоставлены за счет вычетов из жалованья.¹ В должностном письме полковнику Эрентрейху фон Бургсдорфу от 6 октября 1644 г. значится:² «Что касается оружия, то Мы будем поставлять и подвозить его по мере надобности и за это вычитать жалованье за месяц. Корнеты и трубы, а также флаги Мы тоже доставим самолично и еще выплатим за смотровой месяц 20 929 талеров».

20 сентября 1674 г. Великий курфюрст писал герцогу Ангальтскому:³

«Теперь, что касается обмундирования для вылечившихся конников: на это Нашему тайному советнику и камергеру Гейдекампфу попутно выделено ассигнований на 1800 имп. талеров, равно как ему же Мы поручаем удовлетворить нужду в пистолетах, шпагах и карабинах из Нашего цейхгауза в Шпандау». (Заметим: то, что конница обеспечивалась оружием из цейхгауза, было исключением из правила.)

Но переустройство системы вооружения лишь тогда раскроется перед нами во всем своем значении, когда мы примем во внимание, что наряду с ее огосударствлением и в тесной связи с ним шел также процесс *унификации* в производстве оружия, становления единообразия в оружейном деле. Нам нужно со всей серьезностью осознать, что благодаря этому в мир проник новый образ мыслей и поведения, обладавший культуротворческой силой, которую трудно переоценить, распространявшийся с тех пор все шире и все стремительнее, определявший нашу жизнь и продолжающий ее определять и упорядочивать вплоть до сего дня (теперь поддерживаемый еще и интересами капитализма): что *в этом новом мышлении впервые возникает идея придания единообразного вида всем нашим предметам потребления.*

¹ *Jany*. Op. cit. S. 51.

² Рукопись из Берлинской королевской библиотеки (fol. 317), опубликована в издании: *Geschichte der Bekleidung*. 2. S. 203.

³ *Geschichte der Bekleidung*. 2. S. 276.

Ни в какие более ранние времена европейского Средневековья, пока человека не подтолкнули к тому нужды милитаризма, ему не приходила в голову мысль о существенной ценности того факта, чтобы какие-либо две вещи ничем не отличались друг от друга. Как в картине творения невозможно встретить два полностью одинаковых предмета, так и подражающий творцу человек, в силу естественных причин, никогда в точности не повторял ничего из сделанного когда-либо прежде: об этом свидетельствует каждое здание, каждое платье, каждый предмет мебели и каждый пистолет, произведенные в предшествующие эпохи. Нам хорошо знакома эта характерная для всех средневековых изделий прихотливость, являющаяся лишь внешним выражением природной недисциплинированности человека: в средневековых книгах не найти ни одного верного расчета! Здесь, разумеется, мы не станем следить за тем, как внутренняя дисциплина средневекового человека начинает зарождаться сначала в аскезе монастыря, как разрабатывается первый распорядок дня, согласованный, вероятно, с потребностью в регулярных молитвах. Другой формой аскезы, на что я уже обращал внимание читателя, является практика военной дисциплины, и внешнее выражение такая дисциплина, заключающаяся, по сути, не в чем ином, как в рационализации и механизации соответствующих действий, получает в единообразии имущества, в котором нуждается воин, прежде всего — его оружия. Внешнее выражение — и в то же время новую побудительную причину, ибо процессы внутренней и внешней унификации взаимно обуславливают друг друга.

Вплоть до XVI в. оружие и доспехи каждого отдельного воина отличались от оружия и доспехов другого: прежде всего у рыцарей, но также и у пехотинцев, даже в новых отрядах швейцарцев, все еще имевших при себе всевозможные короткие мечи, секиры, палицы, но прежде всего алебарды; даже когда уже появилось огнестрельное оружие: «Calibres, façons et noms étant selon

la volonté de ceulx qui les acheptent ou les font faire», — говорится в инструкции 1567 года.¹

Первым примером единообразного вооружения значительных по численности войск были, по всей видимости, длинные копья ландскнехтов XVI века,² причем единообразие это напрямую следовало из основополагающей идеи нового войскового подразделения, чьей целью являлись массовые действия. Деиндивидуализация шла уже полным шагом.

Новый импульс унификации позднее, конечно же, придало введение огнестрельного оружия, и импульс этот тоже имел производственно-технический характер. В конце XVI в. аугсбургские оружейники предложили герцогу Вильгельму Баварскому 900 ручных стволов, причем особо отмечалось, что «все они сработаны на одну пулю»;³ значит, это было еще в новинку.

Теперь в мир вооружений торжественно вступает *понятие калибра*: в 1540 г. Гартман изобрел в Нюрнберге раздвижной калибр. Во Франции уже при Франциске I и Генрихе II число пушечных калибров сокращается до шести: это шесть «французских калибров» (*les six calibres de France*), оставшихся образцовыми до конца правления Людовика XIII. В 1663 г. число калибров внезапно увеличивается до семнадцати (нужно учесть быстрый технический прогресс). Наконец, ордонанс от 7 октября 1732 г. сводит все калибры к пяти (24, 16, 12, 8 и 4 дюйма), коим соответствуют пять разновидностей лафета.⁴

Пули тоже отливались с высокой точностью. В 1733 г. унификация охватила все виды стрелкового оружия: единообразие становится законом при производстве ружей, мушкетов и пистолетов.

¹ Калибр, вид и наименование оружия предоставляется на усмотрение тех, кто его покупает или заказывает (*фр.*). — Franc. 16691; fol. 102vo (*Roncière Ch. de la. Hist. de la marine franç. 2. P. 493*).

² *Liebe. Der Soldat. S. 21.*

³ *Jahns. Gesch. d. Kriegswiss. 1. S. 662.*

⁴ *Mention L. L'armée de l'ancien régime. 1900. P. 172 seqq.*

В Пруссии стандартный калибр для пушек (3, 6, 12 и 24 дюйма) был введен в XVIII в. генералом фон Лингером.¹

3. Спрос на оружие

Увеличивается и спрос на оружие, что непосредственно явствует из вышеизложенного. Его экстенсивному росту способствовало увеличение численности армии и флота, интенсивное же расширение обуславливалось все совершенствовавшейся системой оснащения войск; к уже наличествовавшей потребности в оружии добавлялся, как мы видели, еще и спрос на артиллерийские боеприпасы.

В то же время в силу прогрессирующей унификации спрос этот становится все более единообразным и все более массовым, что объясняется дальнейшим огосударствлением системы оружейных поставок.

Выводы, к которым мы приходим в результате общих рассуждений, подтверждаются цифрами, в которых выражаются фактические размеры спроса, хотя нам, разумеется, хотелось бы располагать также и другими, более точными и всеобъемлющими показателями. Но и те статистические данные о спросе на оружие в рассматриваемый период, что есть в нашем распоряжении, дают нам кое-какие указания и позволяют сделать относительно надежные выводы о совокупной величине этого спроса. Прежде всего мы можем с достаточной определенностью проследить, сколь стремительно и неуклонно спрос на оружие рос на протяжении сравнительно небольших промежутков времени в несколько веков или даже десятилетий; впервые он значительно повышается все в том же XVII веке.

Мы сможем зримо ощутить, сколь значительных размеров достигла потребность в оружии, если обратим свое внимание на совсем небольшие по размерам княжества или государства, и даже в этих весьма узких рам-

¹ *Jähns*. Op. cit. 2. S. 1619.

как столкнемся с весьма внушительными цифрами. В качестве примера я снова возьму герцогство Брауншвейг-Вольфенбюттель, поскольку в нашем распоряжении есть особенно добросовестное и подробное изложение истории развития его вооружений. Тогда (в XVII в.) за время одной-единственной осады 40 426 талеров было потрачено только на боеприпасы,¹ о распределении которых нам сообщает следующий «Итоговый отчет об использовании боеприпасов при осаде Хильдесгейма, составленный и подписанный членами военной комиссии в Хильдесгейме 7 сентября 1634 года».

Порох	769 центнеров 70 фунтов
Фитили	628 центнеров
24-фунтовые пули	3232 шт.
18- » »	74 »
12- » »	304 »
8- » »	100 »
7- » »	1224 »
3- » »	990 »
2- » » (картечь)	300 »
1- » » (картечь)	798 »
100-фунтовые гранаты (бомбы)	325 »
50- » »	403 »
6- » »	108 »
3- » »	988 »

О том, каким уже по представлениям XVI в. следовало быть спросу на артиллерийское снаряжение совсем небольшого войска (10 000 пехотинцев и 1500 всадников), свидетельствуют следующие выкладки:

По приблизительной смете 1540 г., хранящейся в Городском архиве Штутгарта, для войска в 10 000 пехотинцев и 1500 конников требовалось:² 4 «острых клинка», 4 «соловья», 4 короткие и 2 длинные «певицы»,

¹ *Reitzenstein J. Frh. von.* Op. cit. 1897. 2. S. 222.

² *Stadlinger.* Gesch. d. württemberg. Kriegswes. Bd. I. 1856; цит. по: *Jähns.* Gesch. d. Kriegswiss. 1. S. 749.

4 больших «змей», 8 фальконов, 12 фальконетов, 2 огнестрельных ружья и 2 малые мортиры.

Всего металла (1180 центнеров)	на сумму	9440 грошей
Колеса и станины	»	2000 »
Пули	»	2315 »
Порох (600 центнеров)	»	8400 »
Итого:	»	22 155 грошей

«Памятка касательно снаряжения на небольшой поход»:

3 «острых клинка» (70 фунтов)	на каждые	60 цент-
	200 пуль	неров
		пороха
4 кварталы (40 »)	250 »	50 » »
4 больших «змей» (20 »)	300 »	45 » »
6 «полевых змей» (11 »)	300 »	24 » »
6 «полузмей» (8 »)	350 »	18 » »
6 фальконетов (6 »)	400 »	12 » »
60 «мотыг» и к ним	20 центнеров пуль и	
	8 центнеров пороха	
Итого пуль и свинца		1541 центнеров
Итого пороха		892 центнеров
Транспортные средства: 66 телег и 330 лошадей ¹		

Опираясь на эти сведения, нетрудно измерить, каков был спрос большого войска. Назову лишь несколько цифр: когда в Силезии погибла артиллерия Валленштейна (в начале второго генеральского срока), то сумму, требующуюся на ее восстановление, он сам оценил в 300 000 флоринов.² За время своего правления Сюлли выдал на вооружение и боеприпасы 12 млн франков.³ При этом к моменту его смерти в арсеналах хранилось 400 орудий, 200 000 пуль, 4 млн фунтов пороха.

Особенно жадным потребителем оружия был военноморской флот. «Непобедимая Армада» несла на борту: 2431 пушку, в том числе 1497 бронзовых и 934 же-

¹ *Jahns. Gesch. d. Kriegswiss.* 1. S. 747.

² Валленштейн в письме Квестенбергу. W. E. 1. 71; цит. по: *Loewe. Organisation und Verwaltung der Wallensteinischen Heere.* 1895. S. 93.

³ *Sully. Oec. roy.* T. III. Ch. VIII (*Boutaric.* P. 360 seqq.).

лезных; 7000 аркебуз, 1000 мушкетов, а кроме того еще 10 000 копий, 6000 полукопий, мечи, топоры и т. д. Для пушек было заготовлено 123 790 зарядов (в среднем по 50 на орудие).¹

Количество французских корабельных пушек в правление Кольбера увеличилось всемерно: с 1045 штук в 1661 г. оно возросло до 7625 в 1683 г., причем прирост произошел главным образом за счет *железных* пушек, которых в 1661 г. было всего 475 штук, а в 1683 уже 5619.²

Столь же мощным ростом была охвачена и английская корабельная артиллерия. На кораблях стояло:³

в 1548 г. —	2087	пушек
в 1653 г. —	3840	»
в 1666 г. —	4460	»
в 1700 г. —	8396	»

На корабле, подобном «Божьей милостью Генриху», (т. е. уже корабле XVI века) помещалось 4800 фунтов ленточного и 14 400 фунтов зерненного пороха.⁴ Оснастка «Властелина морей», роскошного корабля Карла I, состоявшая из 102 бронзовых пушек, обошлась в сумму 24 753 ф. ст. и 8 шиллингов.⁵

Познакомимся еще с одной новой чертой в формировании спроса на вооружение, которая была полностью чужда Средневековью и проникла в рыночный мир только благодаря интересам эффективного ведения войны: это *потребность в скорейшем удовлетворении спроса*. Нет нужды напоминать, что в этом своем стремлении ускорить производственные процессы человечество сделало еще один шаг на пути от своего естественного состояния, от одного лишь органического роста — к формам искусственной, механизированной жизни. Пока произ-

¹ Duro. L'Armada inv. Doc. 109 (Laird Clowes. 1. P. 560).

² По официальным бумагам (Sue E. Hist. de la marine franç. 4. 1836. P. 170).

³ Источники смотри: Laird Clowes. 1. P. 409, 421; 2. P. 267.

⁴ Библиотека Пеписьона (Laird Clowes. 1. P. 412).

⁵ State Pap. Dom. CCCLXXIV. 30; CCCLXXXVII. 87 (Oppenheim. P. 262).

водство тех или иных предметов оставалось витальным занятием живого человека, оно в той же степени подчинялось законам жизнедеятельности этих организмов, состоящих из плоти и крови, в какой процесс роста деревьев или акт совокупления зверей получают свою направленность, цель и меру от внутренней необходимости, определяющей жизнь этих существ. И все эти естественные, само собой разумеющиеся моменты стихийной жизни оказались уничтожены в тот самый момент, когда в органический ход производственного процесса вмешались сторонние, внешние силы, поставившие его продолжительность в зависимость от внешней целесообразности. Силы эти, сумевшие разрушить природную слаженность процессов производства и формирования потребностей, сумевшие подчинить органический спрос механическому и благодаря тому выбить из прежней колеи сам процесс производства, заставить его развиваться с ускорением, несомненно, были очень велики. И породил эти силы военный интерес, выразившийся здесь в запросе на вооружение.

Во что это вылилось для средневекового человека, который как производитель был всего лишь ремесленником, можно судить по тому, что, к примеру, в марте и апреле 1652 года английское правительство потребовало *немедленной* поставки 355 пушек; в декабре того же года оно заявило, что ему *немедленно* требуется 1500 орудий общим весом в 2230 тонн (по 26 фунтов стерлингов за тонну) и такое же количество телег, а кроме того 117 000 ружейных пуль, 5000 ручных гранат, 12 000 баррелей зернового пороха по 4 фунта 10 шиллингов за баррель. Немедленно! Агенты прочесали всю страну, постучались в дверь к каждому литейщику, но так и не смогли удовлетворить этот внезапный и грандиозный спрос.¹

Но здесь мы в своих рассуждениях переходим уже к другой проблеме, которая как раз и наиболее занята: к

¹ Подробное описание того, как возник такой спрос и какие в результате последовали заказы, см. у Оппенгейма (*Oppenheim*. P. 360 seqq.).

вопросу о том, как новый спрос на оружие повлиял на экономическую жизнь всего мира, в частности, в какой мере он послужил толчком к дальнейшему развитию капиталистической системы.

4. Удовлетворение возросшего спроса на оружие

Необходимость своевременно и в полной мере удовлетворять растущий спрос на вооружение имеет для развития экономики двойное значение. Во-первых, это сам факт сосредоточения спроса и, следовательно, расширения сбыта, из чего появляется возможность капиталистической организации торговли и производства. Такое следствие вытекает из растущего спроса во всех тех случаях, когда он становится достаточно большим, все равно, идет ли при этом речь о дальнейшем развитии и преобразовании уже существующих форм хозяйствования или о неких нововведениях. В последнем случае, особенно часто встречающемся в области производства оружия, воздействие самого спроса сопровождается еще и влиянием, которое всевозможные новшества оказывают на принципиальное обслуживание экономических процессов: именно они ведут к их скорейшей рационализации. Мы уже видели, как из самого центра милитаристских интересов автоматически развивается сильная потребность в рационализации, переносимая затем на методы, с помощью которых удовлетворяется войсковой спрос на самые разные предметы и прежде всего, разумеется, на предметы вооружения. Позднее мы также увидим, что заводы, на которых изготавливалось оружие, были первыми предприятиями, приобретшими печать нового времени; что целый ряд наиболее эффективных экономических принципов впервые вырабатывается в производстве и торговом обращении именно этой категории товаров, ввиду чего их изготовление сохраняет свою значимость для развития капитализма даже в том

случае, если по форме оно первоначально относится во все не к капиталистическому предпринимательству, а к деятельности государственных фабрик и заводов.

Само производство оружия поначалу осуществлялось в том же русле, что и на протяжении всех Средних веков. Тем более там, где речь шла о вооружении, которого не коснулись перемены, т. е. прежде всего о холодном оружии, а также о некоторых видах защитных доспехов. (Стальная амуниция, хотя и резко сократилась в размерах, все же еще сохранялась на протяжении нескольких веков в виде ручных и ножных лат и особенно в виде кирасы). Потребность в этих видах оружия за последовавшие столетия привела к расцвету многих ремесел: мастерские по изготовлению брони, кузницы, где выковывались мечи и шпаги и т. д., в некоторых районах достигли особенно выдающихся результатов: когда мы вспоминаем о средневековом ружейном деле, в ушах сразу звучат имена таких городов, как Толедо, Брешия, Нюрнберг, Золинген, Льеж. Когда появилось огнестрельное оружие, его производство было налажено все в тех же знаменитых центрах оружейной промышленности и осуществлялось все тем же ремесленным способом. Цехом, взявшим под свой контроль это производство, были оружейники. По-видимому, даже пушки поначалу изготавливались поштучно мелкими мастерами-ремесленниками, которых во Франции называли «канонирами» (*ouvrier en canons*), а у нас «оружейниками» или «фейерверкерами». Ибо в XIV в. производители пушек, согласно фламандским государственным сметам, были именно и не более чем простыми ремесленниками.

В 1379 г. Гийому Паролсу за две пушки было выплачено 72 ливра;

в 1402 г. Пьеру Шовену, канониру, за 13 пушек выплачено... и т. д. (*Comptes et recettes générales de Flandre. Arch. de Lille. Rapp. de M. Gachard; цит. по: Guillaume M. Org. mil. 1847. P. 75*).

«Выплачено Жако Адану, канониру, проживающему в Дамме, за одну большую пушку и т. д. 672 ливра».

«Выплачено Жаку Катлару, канониру, проживающему в Брюгге, за пять железных пушек 444 ливра 10 су» и т. д. (Compte de J. Abonnel. Fol. 55. P. 183 etc. A. 1431, l. с. P. 100).

Невозможно с достоверностью установить, шла ли здесь речь о тех кованых железных пушках, которые иногда встречаются на заре оружейного дела (еще в XVI в. в инвентарном перечне с одного из испанских кораблей наряду со всего лишь 10 литыми железными орудиями значится 31 кованное).¹ Впрочем, литейное ремесло (вспомним о литых колоколах!) тоже имело к тому времени долгую историю, и потому пушки вполне можно было отливать в старых ремесленных мастерских.

Но оружие требовалось в таком количестве и такого качества, что потребность в нем рано или поздно должна была прорвать старые рамки оружейного ремесла. (О том, что вовсе не географическое расширение сферы сбыта составляло главную угрозу для ремесленной мастерской, с особой ясностью свидетельствует как раз пример оружейной промышленности. Как и во многих других случаях, переход к капиталистическим формам производства здесь тоже совпадал с тенденцией к его локализации и национализации. В Средние века область сбыта продукции оружейного *ремесла* ни в коей мере не была более ограниченной, чем область сбыта капиталистической оружейной промышленности). К закату ремесленной мастерской повело количество и качество изменившегося спроса. В известных границах ремесленный способ производства оружия, конечно же, практиковался еще несколько веков и сохранился вплоть до нашего времени. Кузнецы из Толедо и Брешии сохранили свою славу ремесленников, работавших по индивидуальным заказам, и даже в XVII в. во всех странах Европы, особенно во Франции, было еще множество мастеров-оружейников, ставивших на изделиях свою личную подпись.²

¹ Duro C. F. Armada Española. 1. P. 330–331.

² Списки приводит Бек (Beck. Gesch. des Eisens. 2. 1893–1895. S. 994 ff.).

Но это были лишь исключения. В значительной своей массе производство оружия ушло из ремесленной мастерской, которая, с одной стороны, не могла поставлять оружие по единому образцу, в требуемом количестве и за столь краткие сроки, а с другой — не соответствовала требованиям стремительно прогрессирующей техники (по крайней мере в том, что касалось огнестрельного оружия). Особенно это относится к производству винтовок. Прежние пугачи без рукояти каждый ремесленник мог изготавливать в одиночку, без чьей-либо помощи. Но совсем другие требования предъявляло производство новых ружей с их длинным, высверленным и отполированным изнутри стволом, с дисковым или защелочным затвором, с забойником и деревянным прикладом. Правильное, соответствующее этим требованиям изготовление таких ружей предполагало широкую специализацию рабочих операций и наличие гораздо более сложных станков и приспособлений. Сначала у кузнецов-ружейников было отнято производство так называемых платин, стальных листовых заготовок, из которых выковывали стволы, — и передано в цеха расковочных и прутковых молотов, которые назывались также платновыми, если занимались, главным образом, расковкой платин.¹ Еще какое-то время кузнецу предоставлялось заканчивать после этого изготовление ружья, пока специализация не распространилась и на прочие составляющие трудового процесса и к концу XVIII в. не привела к подразделению совокупного процесса примерно на 12 частных операций. Нам известно, что уже в XVI в. некоторые наименее сложные операции при изготовлении ружей уже выполнялись женщинами. Таким образом, промысел этот созрел для капиталистических преобразований также и в своем техническом аспекте.

Предприятия, которые поглощались капитализмом или расширялись до требуемых им размеров, относились к двум видам: это были раздаточная система и крупное предприятие.

¹ *Thun. Industrie am Niederrhein. 2. 1879. S. 12.*

Мы вправе предположить, что купцы, забиравшие у кузнецов-оружейщиков из старых ремесленных мастерских их продукцию, чтобы затем торговать ею на рынках и ярмарках, становились основателями и организаторами новой *капиталистической оружейной промышленности*, в частности там, где она выступает перед нами в форме домашней промышленности. Наиболее любопытным и важным примером этого перехода от прежнего ружейного ремесла к раздаточной системе является оружейная промышленность Зуля,¹ которая получила известность в очень раннее время и вплоть до разрушения Зуля войсками Тилли оставалась, пожалуй, крупнейшей в Европе: наивысший ее расцвет приходится на период с 1500 по 1634 г. Мы располагаем поэтическим описанием зульской оружейной индустрии, относящимся к 1600 г. и принадлежащим перу Иоганна Венделя, ректора в Зуле, который рассказывает нам, что в ту пору зульские купцы вывозили местную оружейную продукцию в Испанию и во Францию, в Швейцарию и в Венецию, что они поставляли оружие в польский цейхгауз в Кракове, в Вильну, в Лифляндию, Пруссию и Данциг, особенно же — в императорские земли времен войны с турками. В 1634 г. Зуль называли «главным цейхгаузом Германии».

К сожалению, мы не располагаем никакой статистикой, которая относилась бы к поре цветения зульского оружейного дела и из которой можно было бы узнать, в каких количествах тогда производилось оружие. Но у нас все же есть достаточно свидетельств, подтверждающих размах этой первой в Германии индустрии оружия и позволяющих в то же время увидеть внутренние связи, что связывали армейское командование и зульских предпринимателей-раздатчиков. Приводимые в заказах цифры показывают, насколько сильна была концентрация спроса на оружие уже в XVI в. Ниже я привожу не-

¹ *Anschütz H.* Die Gewehr-Fabrik in Suhl. 1811 (слово «фабрика» употреблено здесь в смысле «fabrique lyonnaise»).

которые данные о таких поставках, указывая размер заказа и имя заказчика:

В 1586 г. Берн заказал в Зуле 2000 ручных ружей с фитильным затвором и 500 мушкетов с дисковым.

В 1590 г., после пожара, Рудольф II отрядил из Праги в Зуль уполномоченных, заказавших «многие тысячи» мушкетов, весьма настаивавших на скорейшей поставке и в качестве особой выгоды обещавших освободить от всех таможенных выплат по Дунаю от Регенсбурга до Вены.

В 1596 г. Симон Штер, один из крупнейших раздатчиков (с ним мы в эти годы встречаемся снова и снова), за 14 (!) дней поставил пфальцскому правительству в Нойбург 160 мушкетов с полочным запальником и подъемными полками вкуче с прочими принадлежностями: шаблонами, ветошью, вилками, большими и малыми баллонами для пороха, — а также 160 полных и полукрючьев и еще полукрючья с черными кривыми рукоятками впридачу.

В 1600 г. тот же Симон Штер поставил в Данию 6000 стволов с королевским гербом.

В 1621 г., в феврале, дрезденский цейхмейстер Бухнер сообщал, что из заказанных в Зуле 4000 мушкетов 2000 уже прибыли. Подобные закупки саксонская армия делала и в последующие годы.

О том, что и после разрушения в годы Тридцатилетней войны Зуль был по-прежнему способен производить значительные количества оружия, свидетельствуют поручения, которые в начале XVIII в. отдавало прусское военное командование. В Генеральной военной смете за срок с 1 июня 1713 г. по 31 мая 1715 г. на стр. 296 указывается:

№ 35: в апреле 1715 г. Даниэлю Лешеру заблаговременно и на руки на заказанные в Зуле 3000 стальных кирас по ордеру от 9 апреля 1715 г. выдана 1000 талеров.

В отчете за следующий год, на стр. 310:

№ 52: в июле 1715 г. этим же поставщикам Лешеру и Гофману в их полное распоряжение на изготовленные в Зуле 3000 стальных кирас, которые в совокупности стоили

7739 талеров 3 гроша и 6 пфенигов выдано 5739 талеров 3 гроша и 6 пфенигов.

Другим центром немецкой оружейной промышленности, где производство, по всей видимости, было организовано так же, как и в Зуле, в XVII–XVIII вв. был Нюрнберг. Об отношениях между командованием прусской армии и нюрнбергскими раздатчиками мы располагаем такими сведениями:¹

Генеральная военная смета за срок с 1 июня 1713 г. по 31 мая 1715 г. на стр. 295–296:

№ 31: в марте 1715 г. в задаток за заказанные в Нюрнберге 9000 стальных кирас Бюйретту из Олефельда по ордеру от 21 марта 1715 г. выдано 3000 талеров.

№ 32: в апреле 1715 г. ему же на ту же надобность в 9000 кирасах по ордеру от 5 апреля 1715 г. выдано еще 1000 талеров.

№ 33: ему же для дальнейшей надобности по заказанным в Нюрнберге кирасам по ордеру от 22 апреля 1715 г. выдано еще 4000 талеров.

№ 34: согласно Генеральной кассовой смете за май 1715 г. Бюйретту из Олефельда на надобность в заказанных в Нюрнберге кирасах по ордеру от 21 мая 1715 г. выдано еще 8000 талеров.

Из письма Великого курфюрста герцогу Ангальтскому (Цербстский архив):²

«После этого мы все милостивейше приказали одному сельскому купцу, Гансу Вольфу Шрейдеру, закупить 3000 мушкетов, а также 1000 драгунских мушкетов, 500 огнестрельных ружей и 500 мушкетов с кремневым и фитильным затвором, а равно поставить сюда еще несколько пистолетов и карабинов...» (10–20 сентября 1674 г.).

Наряду с этим существовали также фабрики по производству ружей, причем нередко в форме государствен-

¹ Архив военного министерства, опубликовано в издании *Geschichte der Bekleidung*. 2. S. 187.

² См.: *Geschichte der Bekleidung*. 2. S. 276.

ных предприятий. В Германии крупнейшие государственные оружейные производства располагались в Шпандау, Потсдаме и Нейштадт-Эберсвальде.

В XVI столетии Германия наряду с Италией играла ведущую роль в оружейной промышленности. Поэтому остальные страны удовлетворяли свою потребность в оружии, большей частью, именно в Германии и Италии. К примеру, Англия, где спрос на оружие становится все более оживленным со времен Генриха VIII:¹

В 1509 г. Луиджи де Фава и Леонардо Фрескобальди продали английской короне «обширные запасы» войскового оружия.

В 1510 г. Генрих через Пьетро ди Капесаро получает в Венеции лицензию на вывоз 40000 луков.

В 1511 г. Луиджи и Алессандро де Фава за 500 аркебуз было выплачено 200 фунтов стерлингов.

В том же году Генрих VIII отрядил Ричарда Джернингэма и еще двоих знатных дворян в Германию и Италию на закупку оружия и военной техники.

В 1513 г. Джернингэм сообщает, что заключил в Милане весьма выгодную сделку по доспехам немецкого производства (Almain rivets) на 5000 пехотинцев.

Примерно в это же время Генрих при посредстве Уолси заключил с флорентийским купцом Ги де Портенари договор на 2000 немецких доспехов.

В 1544 г. Генрих заключил с венецианским дожем договор на поставку 1500 аркебуз и 1050 доспехов для всадников и коней из Брешии.

Однако живое усердие Генрих прилагал и к тому, чтобы сделать Англию независимой от поставок оружия из-за границы и основать оружейные фабрики в собственной стране. С этой целью он, следуя обычаю того времени, созвал к себе кузнецов из Германии, Франции, Италии и Брабанта,² и они — по-видимому, сразу на крупнопромышленной основе — построили в Англии военную, в частности оружейную, промышленность. Во

¹ *Dillon H. A. Archeologia. Vol. LI. S. 219 ff.*

² *Dillon H. A. Op. cit. P. 250.*

всяком случае, мы знаем, что к середине XVIII в. английские оружейные фабрики сделались самыми организованными в Европе.

Один весьма компетентный знаток промышленной истории рисует нам такую картину состояния оружейного производства той поры:¹

«Если где-либо и есть надобность в том, чтобы создавать фабрики разделенными на обширные и взаимосвязанные отделы, то это более всего необходимо как раз в этих оружейных производствах. Оружие или состоит из множества частей, или в его производстве участвуют многие виды труда. Длительный опыт показал, что работы (особенно связанные с огнем) идут гораздо быстрее и сноровистее, если одни рабочие выполняют только одни операции, а другие — другие и как бы передают изделие из рук в руки, как это, в частности, принято на оружейных фабриках в Англии; потому-то английские товары так сильно отличаются от остальных в лучшую сторону. Кроме того, работу на таких фабриках могут весьма облегчить машины и другие приспособления, стоящие больших затрат и потому не являющиеся собственностью какого-либо одного мастера. Да и государство будет в большей мере уверено в добротности и единообразии вооружения своей армии, если все работы ведутся под единым началом и контролем. Это тоже было принято во внимание при подразделении оружейных фабрик на большие отделы».

Из приведенного описания мы со всей ясностью видим, что оружейная индустрия той эпохи уже миновала стадию мануфактуры и была организована по фабричному типу. Если бы Адам Смит составлял себе представление об организации труда не по злосчастной булавочной мануфактуре, а по этой ведущей отрасли, он уже тогда увидел бы истинные причины повышения производительности труда на государственном крупном предприятии, и учение о производительности труда не развивалось бы по тупиковому пути все последующие столетия.

¹ *Bergius J. H. B. Neues Policey- und Cameral-Magazin. 3. 1777. S. 75 ff.*

В остальных милитаристских государствах Европы оружейная индустрия тоже развилась в одну из важнейших промышленных отраслей.

Во *Франции* сам Кольбер основал несколько государственных оружейных фабрик; частники тоже занимались этим промыслом на широкой капиталистической основе: маркиз де Сеньлэ пожаловал дворянский титул одному фабриканту из Ангума за то, что тот поставлял ему ежемесячно не менее 1000 ружей.¹ В XVIII в. во Франции существовало уже множество самых разнообразных оружейных производств. Наибольшей известностью пользовалась фабрика в «Королевском особняке». Седан, Сент-Этьен, Верден и другие города были центрами цветущей индустрии вооружений.

В *Швеции* оружейная промышленность достигла расцвета в XVII в., прежде всего благодаря усилиям Густава Адольфа. В 1618 г. король учредил «оружейные фактории»,² чтобы извлечь выгоду из кузнечного промысла, которым занимались на крестьянских дворах: каждому крестьянину вменялось в обязанность ежедневно изготовлять по одному большому мушкету; для этого корона предоставляла ему материал, он освобождался от налогов и получал отчасти денежную, отчасти натуральную оплату. Впоследствии из этих «факторий» развились оружейные фабрики, так в 1626 г. возникла, к примеру, фабрика в Нортелье. В 1640 г. на одной из стокгольмских фабрик было произведено 10 000 мушкетов с фитилем, 141 мушкет с защелочным затвором и 12 000 вил.

«Оружейную фабрику» зульского типа представляла собой индустрия Льежа и его окрестностей, приобретающая огромное значение в XVII в. и ставшая с тех пор становым хребтом *бельгийской* промышленности.³

¹ Princ. de M. le Marquis de Seignelay sur la marine (*Sue E. Hist. de la marine* franç. 4. 1836. P. 420).

² *Jähns. Gesch. d. Kriegswiss.* 2. S. 1236 (без ссылки на источник).

³ Лучшим трудом по истории льежской оружейной промышленности до сих пор остается монография Альфонса Полэна (*Polain A. Recherches historiques sur l'épreuve des armes à feu au pays de Liège.* 1891). На него в своих (кратких) исторических обзорах опираются А. Свайне (*Swaine A. Die Heimarbeit in der Gewehrindustrie von Lüttich usw., Jahrbücher f. N.-O. 3. Folge. Bd. 12*) и М. Ансьо (*Ansiaux M. L'industrie armurière liègeoise.* 1899).

Напротив, в *России* изготовление оружия с самого начала базировалось на крупнопромышленной основе (организация производства на фабриках и мануфактурах была образцовой!); во времена Петра Великого на сестрорецкой фабрике работало 683 человека, к государственной оружейной фабрике в Туле были прикреплено 508 крестьянских семейств.¹

Другие известные оружейные фабрики государственного типа располагались в Клингентале (Эльзас), Копенгагене, Элькистуне.

Испания в XVI в. была, пожалуй, наиболее развитым милитаристским государством Европы. Она испытывала очень большую потребность в вооружении. Спрос этот удовлетворялся отчасти на фабриках, отчасти на предприятиях домашней промышленности; отчасти в самой стране, отчасти за границей. Контракты с купцами и предпринимателями заключались на весьма широкую ногу. В нашем распоряжении имеются договоры о поставках аркебуз (*arco buses*), относящиеся к 1538 г.: с Хуаном де Бесине (на 10 000 штук), с Хуаном Ибаньесом из Пьяченцы, с Антоном де Уркиросом из Орио, с Хуаном де Орбеа и с Хуаном Эрмуа из Элибара (более 15 000 штук).²

Собственные оружейные фабрики Испании располагались в Кордове, Барселоне и Эльгойбаре.

Уже очень рано фабричная организация труда проникла на *артиллерийские литейные* заводы, сперва в бронзолитейную, а затем и в чугунолитейную оружейную промышленность (как показывает статистика, приведенная мною в предыдущем разделе). Наивысшего уровня она достигла в Англии, во Франции и в Испании.

В *Англии* в XVI–XVII вв. главным центром артиллерийского литья (равно как и черной металлургии) был Суссекс. По сообщению Кэмбдена, здесь обитали много-

¹ *Tugan-Baranowski M. Gesch. der russ. Fabrik. 1900. S. 14.*

² *Arantegui J. Apuntes historicos sobre la artilleria española en la primera mitad del siglo XVI. 1891; цит. по: Duro C. F. Armada Española. 1. P. 331.*

численные «*metallici, qui magnam vim tormentorum majourum et alia inde conficiunt*».¹ В 1603 г. хвалебную песнь английским литейным заводам пропел Уолтер Рэйли.² Какое значение и какое распространение имело литье артиллерийских орудий (производственная статистика для той эпохи, конечно, отсутствует; поэтому свои выводы о размерах достижений мы вынуждены делать, опираясь на косвенные симптомы), показывает следующий процесс.³ В 1629 г. король поручил сэру Сэквилю Кроу изготовить для своих нужд 610 чугунных пушек на королевских литейных заводах в церковном лесу в Глостершире. Затем король поручает Филиппу Берламаку, выдающемуся коммерсанту (*an eminent merchant*), продать эти пушки Генеральным штатам, чтобы таким способом вернуть драгоценности короны, отданные в 1625 г. в залог под 300 000 фунтов стерлингов: «*Thus England was still eminent for its manufacture of iron artillerie beyond any country in Europe*».⁴ Уже во времена Елизаветы Англия была в состоянии вывозить пушки за границу и делала это (вопреки запрету на экспорт)!⁵ Поэтому вполне справедливо (по крайней мере в своей позитивной части) суждение Юма, считавшего,⁶ что при Якове I кораблестроение и литье артиллерийских орудий были единственными отраслями промышленности, в которых Англия достигла выдающихся успехов. Он даже придерживался того мнения, что только англичане владели в те времена секретом отлива чугунных орудий. Тут он, однако, заблуждался: в XVI в. чугунные орудия отливались и в других странах. Напомню, к примеру, об артиллерийских чугунолитейных заводах, которые герцоги Брауншвейгские в ту пору основали (или поспо-

¹ Металлурги, которые поставляли оттуда огромной силы метательные машины (*лат.*). — *Cambden. Britannia. Ed. 1590. P. 227.*

² В одном сочинении, выдержки из которого приводит Андерсон (*Anderson. 2. P. 220*).

³ *Rymer. Foed. 19. P. 89 (Anderson. 2. P. 337).*

⁴ Таким образом, в производстве чугунной артиллерии Англия по-прежнему превосходила все прочие страны Европы (*англ.*).

⁵ *Oppenheim. Royal Navy. P. 159.*

⁶ *Hume D. History of Engl. 6. 1782. P. 181.*

собствовали их развитию) в Гиттельде (Верхний Гарц), под Госларом (Софиенхютте) и т. д.¹ Верно то, что литье чугунных орудий достигло в Англии особенно высокого уровня: чугунолитейный завод Каррона, чугунолитейный завод Колкотта в окрестностях Берсли (Шропшир), чугунолитейный завод Клайда в Глазго в XVIII в. были известны как промышленные центры литья артиллерийских орудий. Считалось, однако, что наиболее совершенное штучное литье в те времена производилось в Вулидже. Примеру английских литейщиков-пушкарей следовали за границей: по поручению французского правительства англичанин Джон Уилкинсон основал в Нанте артиллерийский оружейный завод и буровую установку. Великолепный пушечный завод в Петрозаводске (Россия) был построен английским инженером Гаскойном; подполковник Мюллер, ганноверский инженер, построил литейные заводы в Ганновере и Стокгольме по образцу вулиджских.²

Во *Франции* мы уже в начале XVII в. находим цветущую промышленность, производившую артиллерийский орудия на широкой капиталистической основе. Чугунолитейные производства располагались в Бордо и Седане. Завод в Бордо поставил для военно-морского флота 200 орудий; в 1627 г. Клод Мариго де ла Вильнев из Кемперле и Мишель Донвин предложили еще 200 пушек с литейного завода в Кемперле.³ Позднее Ришелье основал еще один государственный артиллерийский завод в Гавре.⁴

Мощную поддержку французская пушечная индустрия получила опять-таки благодаря Кольберу. В делах Кольбера важную роль играло стремление сделать Францию независимой от заграничных поставок в сфере оснащения войска, в особенности его вооружения. Поэтому мы уже видели, как он учреждал оружейные

¹ Источники см.: *Beck. Gesch. d. Eis.* 2. S. 786 ff.

² *Beck. Gesch. d. Eis.* 3. S. 606 ff.

³ Источники у де ла Ронсьера (*Roncière Ch. de la. Hist. de la mar. franç.* 4. 1910. P. 618).

⁴ *Roncière Ch. de la. Hist. de la mar. franç.* 4. 1910. P. 618.

фабрики, теперь же он организует новые чугунолитейные заводы (а в дальнейшем еще и множество вспомогательных промышленных отраслей). В 1661 г. в Швеции было закуплено 200 000 л меди для производства пушек;¹ в 1663 г. Кольбер напоминает королю о необходимости основать собственные чугунолитейные заводы; в 1666 г. его планы начинают осуществляться: возникают заводы в Сенте и Рошфоре. Важнейшими же в последствии стали предприятия в Невере, Коммерси и в провинции Дофине.²

В Испании литье артиллерийских орудий стремительно расцвело при Карле V: чугунолитейные заводы выросли в Медине дель Кампо, Малаге, Бургосе, Памплоне, Фуэнтеррабии, Барселоне, Корунье. Чтобы способствовать развитию этой отрасли в Испании Карл призвал туда немцев из Инсбрука. Несмотря на то что собственное производство быстро расширялось, оно все еще не могло полностью удовлетворить спрос, который отчасти приходилось покрывать за счет поставок из Фландрии.³

Знаменитым артиллерийским заводом располагала в XVII в. Венеция, на нем «одновременно можно было отливать несколько пушек».⁴

* * *

Кроме самого оружия, необходимо было еще производить и боеприпасы. Поэтому мы видим, как в различных государствах вслед за артиллерийскими чугунолитейными заводами сразу возникают прежде всего заводы по отливу ядер, а затем фабрики по производству пороха, которые в большинстве стран — в Германии, во Фран-

¹ Clément. Corr. de Colb. 2. P. 50, 415; цит. по: Martin G. La grande industrie sous Louis XIV.

² Martin G. Op. cit. P. 184 seqq.

³ Arantegui J. Artilleria española. 1891; цит. по: Duro C. F. Armada Española. 1. P. 329.

⁴ Вновь открытый арсенал. 1710. 112.

ции (с 1572 г.) — причисляются к государственным монополиям.

В Англии производство пороха стало поводом к возникновению обширной частной промышленности. В 1562 г. трое предпринимателей построили пороховую мельницу и предложили правительству поставлять по 200 тонн пороха в год.¹ Конечно, наряду с частными фабриками существовали и государственные. Речь при этом шла о весьма больших количествах пороха, что явствует из договоров по поставке селитры, служившей сырьем для его производства. В 1509–1512 гг. были заключены имеющиеся в нашем распоряжении два контракта с Джованни Кавальканти и другими итальянскими купцами, в соответствии с которыми они обязались поставить селитры на 3622 фунтов стерлингов (по 6 денье за фунт).² В другом контракте, относящемся к 1547 году, речь идет о поставке на сумму 10 445 фунтов стерлингов 16 су 8.5 денье.³ Впоследствии, при Елизавете, Англия добилась независимости от заграницы и в вопросе поставки селитры, развернув свою собственную добычу селитры и серы.⁴

Порох, сера и селитра всегда оставались предметом весьма обширной *торговли*, достигавшей таких размеров, каких не знала никакая другая ветвь товарооборота в раннекапиталистическую эпоху. У нас есть точные данные о ее масштабах в Пьемонте в начале XVIII в.⁵ К примеру, фирма Гайи в те времена однажды осуществила поставку пороха на 14 000 рублей (по 8 ливров за рублю). В другой раз (1706 г.) банкир Гамба вывез из Голландии для пьемонтского правительства 8691 рубии селитры по 16 ливров за рублю и 25 274 рубии пороха по 24 ливра за рублю.

¹ State Pap. Dom. XXI. P. 56 (*Oppenheim*. Royal Navy. P. 159).

² См.: *Oppenheim*. Op. cit. P. 97.

³ *Oppenheim*. Op. cit. P. 108.

⁴ *Cunningham*. The Growth of engl. Ind. and Commerce. 2. P. 60 seqq.

⁵ *Prato G.* Il costo della guerra. 1907. P. 313–314.

Но, быть может, самое существенное влияние, которое растущий спрос на вооружение оказал на формирование экономической жизни и благодаря которому он приобрел такое решающее значение для хода развития капитализма, заключалось в том оживлении, которое он принес в некоторые из промышленных отраслей и в торговлю производимой в этих отраслях продукцией: в *цветную* (медную и оловянную) и особенно *черную металлургию*, т. е. в те ветви промысловой деятельности, которые поставляли сырье для производства оружия. Полагаю, мы можем сказать, что эти отрасли самым решительным образом перешли на капиталистический путь развития под непосредственным воздействием изменений, которые в рассматриваемую эпоху произошли в организации армий, особенно в их вооружении. Конечно, для того чтобы дать неоспоримое, подтвержденное цифрами доказательство этого утверждения, имеющих-ся сведений, все еще остающихся весьма скудными, недостаточно. Быть может, уже в ближайшие десятилетия исследователям удастся обнаружить недостающие в моей аргументации звенья. Пока же попытаемся, насколько это возможно, даже при нехватке точных количественных показателей подтвердить правильность выводов, сделанных на основании общих рассуждений, но всегда опирающихся и на твердо установленные, достоверные факты.

Когда спрос на вооружение начал расти, первыми металлами, понадобившимися в больших количествах, стали медь и олово. Ведь именно они входили в состав бронзы, а из бронзы, как мы видели, в первое время и отливались орудия. Соотношение, в котором сплавлялись эти металлы составляло примерно 9:1 (во французской артиллерии до революции 11 частей олова приходились на 100 частей меди, но и пропорция, признанная оптимальной сегодня (8:92), кое-где использовалась уже в XV в.). Речь, стало быть, шла прежде всего о добыче *меди*, которая, кстати говоря, пользовалась чрез-

вычайным «спросом» уже в XV—XVI вв. и потому теперь сильно возросла в цене.

Согласно подсчетам Роджерса,¹ средняя цена на бронзовые или медные сосуды (сколь-нибудь существенными сведениями о ценах на черновую медь мы не располагаем) за дюжину фунтов составляла:

1401–1540	3	9.25
1541–1550	5	6
1551–1560	5	7
1561–1570	7	7.5
1571–1582	8	1.5

Отпускная цена на медь, добываемую Фуггерами в Шваце, составляла (за центнер)²:

1527	от	5 флоринов	45 крейцеров	до	6 флоринов	15 крейцеров
1528	от	5	» 45	»	до 6	» 20
1531	от	5	» 30	»	до 6	» 15
1537	от	6	» 50	»	до 7	» 45
1556	от	10	»	»	до 11	» 45
1557	от	11	»	»	до 12	»

Я допускаю, что рост цен был следствием возросшего спроса (поскольку серебро в этом столетии еще не обесценилось *настолько*, насколько за сорок лет выросли цены на медь). Однако такое возрастание спроса могло исходить только от двух сторон: от кораблестроения или от литья артиллерийских орудий, ибо нет никаких оснований допускать, что в это время столь внезапно возросла потребность в колоколах или медной посуде. О сколь значительных количествах металла шла речь при производстве орудий, свидетельствуют данные о количестве и весе изготавливаемых пушек. Есть у нас и непосредственные сведения о закупаемых объемах меди: в 1495 г.

¹ Rogers. Hist. of Agric. and Prices. 4. P. 488.

² Dobel F. Über den Bergbau und Handel des Jacob und Anton Fugger usw. (Zeitschr. d. Hist. Ver. für Schwaben usw. 9. S. 207).

венецианское правительство закупило у немецких купцов 80 000 фунтов меди, пошедшей на производство пушек.¹ О количествах меди, которые французское правительство в XVII в. завозило из Швеции, мы уже говорили. Кольбер требовал разыскивать и закупать медь повсюду, где только можно, о чем свидетельствует официальный меморандум: «il a pris soin... de faire acheter et rechercher des cuivres de toutes parts pour la fonde des pièces de canons».²

Оживленный спрос на высококачественную медь сделал этот металл одним из самых предпочитаемых предметов оптовой торговли. Торговля медью, равно как и селитрой, была одной из тех немногих отраслей торговли, в которых уже в XV в. отмечается весьма значительный товарооборот. Она была сосредоточена в немногих руках, и владевшие ей очень богатые фирмы употребляли свою власть на то, чтобы время от времени «попридержать» сбыт меди. Возможно, медь стала той торговой статьей, на которой впервые была опробована масштабная «ценовая конвенция». Я имею в виду договоренности, достигнутые в 1498 г. четырьмя верхненемецкими фирмами, — Фуггерами, Гервартами, Госсембротами и Паумгартнерами, — целью которых было завоевание медного рынка в Венеции, являвшегося, по-видимому, центром медной торговли.³

Каких внушительных высот торговля медью достигла в XVI в., можно понять по количеству этого металла, хранившемуся согласно инвентарным описям Фуггеров на их складах. Из них также видно, что величие этого дома — насколько его процветание зависело от торговли товарами — обуславливалось почти исключительно обширной торговлей медью. Наконец, цифры эти подтверждают, что оборот меди в XV в. действительно был

¹ См. документ 597 в издании: *Simonsfeld H.* Der Fondaco dei Tresini in Ven. 1. S. 324.

² Нужно позаботиться о том, чтобы изыскивать и закупать медь со всех земель для производства пушечных частей (фр.). — *Réglement du roi etc.* 11 мая 1667 г.; см.: *Sue E.* Hist. de la marine franç. 1. P. 281 seqq.

³ *Ehrenberg.* Zeitalter der Fugger. 1. S. 396 ff.

очень высок (если мы не станем предполагать, что растущее ее количество, хранимое Фуггерами на своих складах, скапливалось только за счет поглощения фирм более мелких торговцев; хотя и в этом случае торговля медью, пусть и в несколько ином смысле, тоже имела бы большое значение для капиталистического развития). При подведении баланса по 1527 г.¹ товарный счет дома Фуггеров выразился в сумме 380 000 флоринов: «большую часть» составляли товары из меди; только на складе в Антверпене их хранилось на 200 000 флоринов. В 1536 г. меди, серебра и латуни складировалось на сумму в 289 000 флоринов. В 1546 г. товарный актив возрос до 1 250 000 флоринов; доля медных товаров составляла свыше 1 млн флоринов, и половина из них опять-таки хранилась в Антверпене. В чистом металле 1 млн гульденов равняется примерно 8 млн марок. Во всей истории торговли XVI в. вряд ли удастся указать другую статью, которая достигла бы такого же размаха.

Другое следствие: растущий спрос на медь способствует и росту интереса к разработке медных месторождений. Купцы и другие богатые люди обратили на них внимание как на весьма подходящий объект капиталовложений. Это привело к тому, что добыча меди во все более широком объеме втягивалась в русло капиталистического развития. Все богатые дома Верхней Германии — Паумгартнеры, Вельзеры, Хекштеттеры, Госсемброты, Герварты, Ремы, Хауги и прежде всего, конечно, Фуггеры — вкладывали свои деньги в немецкие, тирольские или венгерские (серебряные и) золотые рудники; хотя в венгерских разработках в качестве предпринимателей участвовали и краковские кредиторы.² Торговля медью все чаще организуется по типу раздаточной системы: переход обычно осуществлялся в форме залога, именно так рудники переходили в собственность владельцев складов.

¹ *Ehrenberg*. Op. cit. 1. S. 122.

² *Dobel F.* Der fuggerische Bergbau und Handel in Ungarn (Zeitschr. d. Hist. Ver. für Schwaben usw. 6. S. 34 ff.).

В XVII в. разработку медных залежей своими деньгами тоже поддерживали западногерманские фирмы; к примеру, Иоганн фон Бродек из Франкфурта-на-Майне вложил 163 000 флоринов в медеплавильный завод в Ильменау, а также в мансфельдские медные рудники.¹

О том же, что разработка медных месторождений (под каковой я здесь всюду подразумеваю также и металлургию) в XVI в. по всей Европе решительным образом развернулась в направлении капиталистического (причем крупнопроизводственного) развития, свидетельствуют все дошедшие до нас документы.

Отчетливее всего этот рывок прослеживается на примере венгерских медных рудников XVI в. К концу XV в. их разработка почти прекратилась, потому что работавшие вручную ремесленники (как это часто бывало в те времена) не могли справиться с шахтными водами. Тогда богатые граждане Кракова во главе с Гансом Турцо организовали профессиональное объединение в целях отвода вод. 24 апреля 1475 г. это объединение заключило договор с «судьями, членами советов и общинами» семи горных венгерских городов, по которому последние обязались удалять воду из рудничных подошв за следующее вознаграждение: за каждый исправно работающий проход или отводочную машину еженедельная оплата в размере одного венгерского золотого гульдена и шестая часть выработанной руды. Вскоре эти зажиточные «раздатчики», к которым, как мы знаем, впоследствии присоединились Фуггеры, заправляли уже и самими горными разработками, учреждали металлургические заводы и молотобойни и добивались высоких результатов. С 1495 по 1504 г. было добыто 190 000 центнеров меди, произведено 1338 центнеров латуни и на 54 774 марки серебра, что составило дивиденд в 119 500 флоринов отдельно для Турцо и для Фуггеров. В конце концов, Фуггеры стали единоличными владельцами венгерских шахт и в 1525–1539 годах получили от них 1 297 192 рейнских гульдена чистого дохода (по стоимости металла около 9 млн марок по сегодняшнему курсу).²

¹ *Ehrenberg*. Op. cit. 2. S. 254.

² *Dobel F.* Op. cit.

Стремление крупных военных держав обрести независимость от заграницы в оснащении боевой техникой и припасами и здесь вело к появлению национальных отраслей индустрии. В Англии развитию медной добычи вновь поспособствовал «солдатский король» Генрих VIII. Чтобы поскорей осуществить свои планы, он призвал в страну немецких капиталистов. В 1564 году по инициативе фирмы «Хауг и Лангнауэры» и при деятельном участии высших английских государственных деятелей и чиновников было учреждено крупное промышленное объединение по разведке и разработке английских месторождений. Первыми действовать начали медные рудники в Кезуике и свинцовые в Колбеке (последние должны были обслуживать кораблестроение).¹

Во Франции многочисленные медеплавильные заводы были учреждены Кольбером.²

В не меньшей мере, чем на добычу меди и торговлю ей, возросший спрос на бронзовые орудия повлиял, по-видимому и на производство и торговлю оловом. По крайней мере на одном из важнейших оловянных рудников Англии производство в XVI в. существенно расширилось: количество выплавленного олова, в XIII–XV вв. колебавшееся между 800 и 1000 тоннами (до 1200 английских фунтов), в XVI в. выросло до 1600–1700 тонн. На это же время пришелся, по-видимому, и переход к капиталистической организации труда на шахтах.³

Наконец, милитаризм стал крестным отцом также и черной металлургии, что можно продемонстрировать различными способами. Прежде всего это простое количественное сопоставление спроса на чугун, шедший на изготовление оружия и боеприпасов, и общей массы производимого чугуна. Выше я уже приводил кое-какие цифры, характеризующие количественный состав корабельных орудий во Франции и Англии в конце XVII в.

¹ Ehrenberg. Op. cit. 1. S. 234.

² Martin G. Louis XIV. P. 184 seqq.

³ Randall Lewis G. The Stannaries. 1908. Ch. VII; app. J.

В 1683 г. на французских военных кораблях стояло 5619 *чугунных* пушек, на английских, примерно в то же время, — в общей сложности 8396 пушек, из которых, если вычислить это значение по соотношению французских орудий, 6000–7000 были чугунными. Общее количество чугунных орудий в двух этих странах (включая полевые и крепостные) было никак не меньше 8000 штук. Предположим, что вес одного орудия составлял в среднем 1.5 тонны; на это указывают содержащиеся в заказах цифры, а также суждения очевидцев, к примеру, епископа Уилкинса (1648 г.), которое Бек приводит в своей «Истории чугуна». Тогда общий вес английских и французских пушек той эпохи составлял с обеих сторон около 12 000 тонн. Добавим сюда еще и ядра. Из расчета по 50 выстрелов на пушку (так дело обстояло на борту «Армады»), это для каждой страны дало бы в результате по 400 000 ядер; и если каждое весило хотя бы 5 килограммов, общий вес увеличился бы еще на 2000 тонн. Стало быть, артиллерия каждого из этих государства весила бы около 14 000 тонн. Сколько же вообще чугуна производилось в то время? Насколько мне известно, по XVII в. мы не располагаем сведениями об общем количестве выплавленного чугуна (поскольку те оценки, которые Дэдди приводит относительно Англии, по моему мнению, тенденциозны и попросту фантастичны, что вполне соответствует стоявшей перед ним пропагандистской цели), разве что Бек сообщает, что в 1687 г. в 44-х шведских доменных печах было выплавлено 37 000 центнеров, т. е. 1850 тонн. Более или менее достоверные цифры мы встречаем только ближе к середине XVIII в. Нам сообщают, что совокупный продукт английской черной металлургии, насчитывавшей 59 доменных печей, в то время составлял 17 350 тонн.¹ Конечно, тогдашняя Англия еще и *импортировала* чугуна дополнительно на 20 000 тонн. И все же, если сопоста-

¹ *Scrivenor H. History of the Iron Trade. New Ed. 1854. P. 57;* Юрашек (*Handwörterbuch der Staatswissenschaft, 3. Aufl., ст. «Железо»*) говорит лишь о 7000 тонн; не знаю, по какому источнику. Цифры, приведенные Скрайвенором, являются общепризнанными.

вить вес английской артиллерии уже в конце XVII в. (а к середине XVIII в. он несомненно должен был увеличиться хотя бы на 50 %, т. е. до 21 000 тонн) с совокупными показателями производства чугуна, то даже учитывая, что производство пушек и ядер равномерно распределялось по годам, все равно цифры эти не оставляют уже никаких сомнений в том, что именно армия была чрезвычайно мощным потребителем чугуна; более того: она была, пожалуй, наиболее крупным и (если флотскую потребность в чугуне причислить к общеовойсковому спросу) единственным действительно массовым потребителем чугуна в дни, когда решалась судьба черной металлургии, потому что то было время, когда она делала свои первые шаги на пути к капитализму.

О том, что эти подсчеты довольно точно отражают действительное положение дел, свидетельствуют цифровые показатели по размерам английского спроса на артиллерийские орудия, относящиеся к несколько более позднему времени, но, по моему мнению, позволяющие сделать вывод, что сделанные мною допущения касательно XVII и XVIII вв. были правильными. К 1795 г. ежегодная потребность в артиллерийском чугунном литье составляла:¹

Для Великобритании	11 000	тонн
Для Индии	5 600	»
Для зарубежных стран	10 000	»
Итого	около 26 000	тонн

Но я могу напомнить и еще об одном обстоятельстве, проливающим еще больше света на ту роль, которую литье артиллерийских орудий и пушек сыграло в развитии черной металлургии капиталистического типа. Как известно, преобразование черной металлургии из ремесленной отрасли в капиталистическую теснейшим образом связано с изобретением и дальнейшим усовер-

¹ *Lardner. Cabinet Cyclopaedia. Vol. I. Ch. IV.*

шенствованием доменной печи. Известно также, что принципиальная новизна этого изобретения состояла в возможности так называемого косвенного получения чугуна. Эта косвенная добыча была прямым следствием более сильного нагрева железа (благодаря воздуходувке, приводимой в действие с помощью особого механизма), в результате чего оно переходило в жидкое состояние. С получением расплавленного железа в свою очередь была связана возможность чугунной отливки, на первых порах находившей применение почти исключительно в производстве пушек и ядер (лишь позднее, да и то длительное время лишь как побочное средство, — в производстве печей, и только после того как соответствующий опыт был приобретен на строительстве версальских фонтанов — также и в производстве труб). Дело, следовательно, обстояло так: ковкое железо можно было получать новым доменным способом *или* старым кричным; чугун же — *только* в доменной печи. Каждый, кто имеет хоть какое-то представление о складе средневекового человека, без оговорок согласится, что, если бы дело ограничивалось одной только возможностью применить новый метод (т. е. доменный процесс), то его внедрение затянулось бы на столетия, если бы вообще состоялось.

Если же люди были заинтересованы в том, чтобы отливать пушки из более дешевого чугуна (в сравнении с более дорогостоящей бронзой), то они *неизбежно должны* были начать пользоваться доменной печью. *Растущий спрос на чугунные пушки вынуждал, таким образом, ввести доменный метод в черной металлургии.*

Наконец, стоит упомянуть и еще об одном обстоятельстве. По размерам печи для литья орудий были больше других,¹ следовательно войсковой спрос способствовал концентрации литейных предприятий. Какое-то время (в частности, в Швеции) пользовались двухкамерными домнами, позднее их начали строить по отдельности, соответствующим образом увеличив в размере.

¹ Beck. 3. S. 166.

Но эту внутреннюю взаимосвязь между армейским спросом на вооружение и возникновением капиталистической черной металлургии мы в большинстве случаев можем подтвердить и на опыте, обратившись к переплетению исторических событий. Насколько я могу проникнуть взором в истоки современной (т. е. основанной на доменном методе) черной металлургии, стремление обеспечить литейное производство пушек необходимым материалом всякий раз становится поводом для преобразования добычи чугуна на капиталистической основе.

В *Германии* зачатки чугунного литья приходятся на XVI столетие: в это время были возведены первые доменные печи в Гессене¹ и Саарской области,² тогда как в Саксонии, Бранденбурге и Гарце они появляются только в начале XVII в., а в Силезии впервые в 1721 г. Первыми потребителями всюду оказывались цейхгаузы.

В *Швеции*, бывшей на протяжении XVI–XVII вв. одним из крупнейших производителей чугуна и даже уже в XVIII в. все еще снабжавшей чугуном Англию, Густав Ваза подвел под черную металлургию совершенно новый базис, построив литейные оружейные заводы и основал металлургические предприятия (например, знаменитый завод в Тоберге), предназначенные исключительно для того, чтобы поставлять промышленности необходимые для литья материалы. Позднее, в XVII в., нидерландские иммигранты подняли шведскую металлургию на еще более высокую ступень. Луи де Геер приказал построить в Финспонге две спаренные домны только для целей орудийного литья. «Благодаря сооружению этого завода, призванного обслуживать исключительно литье артиллерийских орудий,... в Швеции появилась новая промышленная отрасль. Высокое качество продукции завоевало для финспонгских орудий мировой рынок и во многом поспособствовало росту славы шведского чугуна».³

¹ См.: Beck. Gesch. d. Eis. 2. S. 749.

² Haßlacher A. Die Industriegebiete a. d. Saar. 1879.

³ Meyer M. Beiträge zur genaueren Kenntnis des Eisenhüttenwesens in Schweden. 1829.

В середине XVIII в. шведская черная металлургия все еще оставалась первой в мире из вывозивших за границу значительные объемы доменного чугуна и чугунопродукции.¹ Чугунные артиллерийские орудия были важной статьёй в шведском экспорте. Доменные печи, соответствовавшие уже относительно высокому уровню капиталистического развития (во многих случаях, как сообщает Ярс, они возводились при участии английского или голландского капитала), первоначально были приспособлены только для литья, литью же пушек уделялось первоочередное внимание. Государство придавало ему такую значимость, что с 1740 г. запретило владельцам печей помимо литья пушек заниматься еще и разведением птицы на птицефабриках, чтобы весь их интерес сосредоточился только на отливке орудий. Это привело к формированию вполне определенных навыков и способов шихтования руды, что в свою очередь позволяло получать все более качественную продукцию.²

Во Франции современная черная металлургия начинает развиваться не ранее XVII в.: первые домны были сооружены около 1600 г. и предназначались только для отлива артиллерийских орудий и боеприпасов.³ Позднее сильный импульс этой отрасли придал все тот же Кольбер, руководствовавшийся исключительно военными интересами, в чем мы убеждаемся вновь и вновь: только в Дофине он построил 11 металлургических заводов и 9 молотобоев,⁴ «...il a fait l'établissement des forges et fourneaux pour fondre les canons de fer, ce qui ne s'était point encore vu dans le royaume».⁵

Особенно четко взаимосвязь между милитаризмом и капитализмом просматривается в процессе зарождения

¹ Точное описание см.: *Jars G. Metallurgische Reisen*. 1. 1777. S. 167 ff.

² *Beck*. 3. S. 380.

³ *Beck*. 2. S. 991.

⁴ *Martin G. Op. cit.* P. 184 seqq.

⁵ Нужно учредить кузни и доменные горны для выплавки пушек из чугуна, каких еще не видывали в королевстве (фр.). — *Réglement du roi qui conserve à M. Colbert... le détail et le soin qu'il avait pour la marine etc.* 11 мая 1667 г.; см.: *Sue E. Hist. de la marine franç.* 1. P. 282.

черной металлургии в *Англии* и *Шотландии*. Главным центром *английской* металлургии в XVI–XVII вв. был Суссекс, где уже при Елизавете скапливались большие состояния. Но значительная часть суссекского чугуна обращалась в пушки и ядра и в ту эпоху вывозилась за границу еще и в таком, превращенном виде. Сэр Томас Лейтон и сэр Генри Невилл получили от королевы патенты на экспорт артиллерийских орудий. Согласно достоверным источникам, из отлитых к 1592 орудий общим весом в 2000 тонн было переправлено 1600 тонн за границу тайно.¹

В XVII в., когда спрос на артиллерийские орудия постоянно рос и в самой Англии, литейная продукция Суссекса потреблялась внутри страны (как мы видели, ее даже не хватало). Но тесная связь между литьем орудий и процветанием черной металлургии всегда сохранялась.²

Другим регионом Великобритании, в котором черная металлургия возникла только в конце XVII в. и потому сразу начала развиваться на широкой капиталистической основе, была *Шотландия*. Первая концессия на строительство доменной печи, предназначенной для выплавки чугуна (рождение индустрии, поставлявшей ковкое железо, в Шотландии датируется лишь 1836 г.), была выдана здесь в 1686 г. Она сопровождалась следующим замечанием, как мне кажется, хорошо подтверждающим справедливость всей моей аргументации, и поэтому я приведу его здесь целиком:

«His Majesty and Estates of Parliament, taking into consideration the great advantage that the nation may have by the trade of Founding, lately brought into the Kingdom by John Meikle, for casting of balls, cannons and other such useful instruments, do, for encouragement to him, and others in the same trade, statute and ordain, that the same shall enjoy the benefit and priviledges of a Manufacture in all points as the other Manufactures newly

¹ *Oppenheim*. Royal Navy. P. 159.

² См. также: *Rogers*. Hist. of Agric. and Prices. 5. P. 73, 479.

erected are allowed to have by the laws and Acts of Parliament, and that for the space of nineteen years next following the date hereof».¹

Итак, шотландская черная металлургия создается «для отлива ядер, пушек и тому подобных полезных инструментов»; крупнейшей фирмой здесь на протяжении десятилетий и едва ли не целого века оставались чугуноплавильные заводы Каррона (Carron Ironworks), которые на первых порах были заняты почти исключительно производством артиллерийских орудий.² Наиболее типичным для английской артиллерии типом орудия до середины XIX в. была «карронада», названная так по имени завода, на котором ее впервые начали отливать.

Наконец, нужно еще сказать, что в Германии милитаристским интересам была главным образом обязана своим возникновением горная промышленность Верхней Силезии. Когда Фридрих Великий в 1754 и 1755 гг. повелел возвести доменные печи и кричные горны в Малапане и построить крейцбургский металлургический завод, им руководило прежде всего желание обеспечить артиллерийским материалом силезские крепости. И в докладе, поданном королю горной администрацией в 1781 г. и призывавшем реорганизовать верхнесилезскую металлургию и горное дело, в перечислении выгод, которые Его Величеству мог бы принести подъем горнодобывающей промышленности, на первом месте стояло то, «что тогда в Его стране никогда не было бы недостатка в чугуне, меди, свинце, олове, сере и селитре, потребных для армии Его Величества».³

¹ Его Величество и парламентские сословия, приняв во внимание ту великую пользу, которую нация могла бы поиметь от плавильной промышленности, недавно введенной в королевстве Джоном Майклом, в отношении метания ядер, производства пушек и других столь полезных приспособлений, дабы воодушевить его и других из его сословия, постановляют и приказывают, чтобы имели они бенефицию и привилегию на мануфактурах во всех пунктах, коими законами и парламентскими актами были наделены другие недавно возникшие мануфактуры на срок последующих с сего момента девятнадцати лет (англ.). — *Bremner D. The Industries of Scotland. 1869. P. 40.*

² *Bremner D. Op. cit. P. 46 seqq.*

³ Опубликовано М. Зерингом (*Sering M. Geschichte der preußisch-deutschen Eisenzölle. 1882. S. 269.*)

Но не только производство доменного чугуна получило благодаря военным заказам сильнейший импульс к переходу на более высокий уровень развития: не менее существенное влияние запросов артиллерии испытала и *железообрабатывающая промышленность*. Не впадая в преувеличение, можно даже с уверенностью сказать, что прогресс, достигнутый в этой отрасли в XVI–XVIII вв. и приведший прежде всего к всестороннему развитию капиталистической черной металлургии, был вызван именно потребностью во все более совершенных пушечных стволах.

Прежде всего я имею в виду *производство литых чугунных изделий вторичной выплавки*, вошедшее в практику литья в XVII в.; его принципиальное значение заключалось главным образом в том, что при переплавке доменного чугуна в пламенной печи *впервые удалось в качестве топлива применить каменный уголь* еще задолго до того, как с его помощью начали выплавлять железную руду. Конечно, выплавка в пламенной печи годилась не для всех видов литья, но таким способом уже можно было отливать качественные пушечные стволы. А это и было главным. Взаимосвязь между существенным прогрессом в обработке железа и войсковыми потребностями очевидна. Один превосходный знаток предмета говорит по этому поводу следующее:¹ «Производство артиллерийских орудий более всего способствовало развитию техники чугунного литья; именно оно привело к внедрению плавки в пламенных печах».

Столь же важную роль в развитии черной металлургии сыграло и совершенствование самих *металлообрабатывающих станков*, в частности сверлильных и токарных: эффективность паровой машины и цилиндровой воздуходувки зависела от возможности растачивать большие цилиндры. В конце XVIII в. в этом искусстве первенствовали англичане, и превосходства этого они достигли именно благодаря совершенствованию производства орудий: *«Сверлильные и токарные станки по*

¹ Beck. 3. S. 748.

металлу становились более совершенными прежде всего благодаря производству артиллерийских орудий» (Бек). Бирингуччо уже в XVI в. живописал в своей «Пиротехнике», как пушечные стволы растачивали с помощью водяного колеса. Описанный им сверлильный станок, на котором сверление осуществлялось уже горизонтально, впоследствии много раз усовершенствовался; в XVIII в. швейцарец Мариц придал ему завершённый вид, в котором он и способствовал дальнейшему развитию машиностроения уже в XIX в. В 1740 г. Мариц был назначен инспектором французской боевой артиллерии: все его технические дарования были применены в деле производства пушек. Во Франции он реформировал артиллерийские мастерские, в частности ввел в обиход литье без литейного стержня и рассверливание цельной заготовки на горизонтальном станке.¹

¹ *Beck. 3. S. 601 ff.*

Глава 4

ДОВОЛЬСТВИЕ ВОЙСКА

1. Система продовольственного снабжения

Мы поступим правильно, если вновь станем рассматривать сухопутные войска и военно-морской флот по отдельности, поскольку снабжение подразделений довольствием в обоих случаях обнаруживает слишком много внутренних различий, чтобы обсуждать их одновременно.

На протяжении всего Средневековья и даже в поздние века Нового времени в отношении *сухопутных войск* было принято за правило, чтобы каждый воин сам заботился о своем пропитании или чтобы непосредственные начальники обеспечивали его средствами *in natura* независимо от того, была ли то конница или пехота, войско призывников или наемников. Приведу несколько примеров из позднего Средневековья (XV в.): обеспечение швейцарской призывной армии считалось обязанностью общин, однако было в силу этого децентрализовано. В Берне насчитывалось 17 цехов, или обществ, снабжавших довольствием своих членов.¹ Помимо снаряжаемого и подвозимого содержания продовольственные нужды покрывались в лагере за счет свободной купли-продажи. Вестовые роты Карла Смелого (1471 г.) должны были сами добывать себе продовольствие, в том числе и на марше.² Само собой разумеется, всем наемническим, на время набранным подразделениям предписывалось поступать точно так же.

¹ Delbrück H. Geschichte der Kriegskunst. 3. S. 608 f.

² Guillaume M. Hist. de l'organisation militaire. P. 134, 140.

Такое положение дел было господствующим еще во времена Валленштейна.¹ Командиры Валленштейнова войска получали деньги на содержание, которые выплачивали солдатам: на эти деньги они и покупали себе продовольствие. Сами денежные средства взимались в счет контрибуции с прилегающих областей. Характерная черта системы, которой пользовался Валленштейн, заключалась лишь в том, что необходимое вмешательство осуществлялось слишком грубо, с применением самого бесцеремонного насилия. Если хозяин квартир не мог или не хотел платить, у него просто отбирали все, что было нужно; и тогда денежно-закупочная система превращалась в натурально-трофейную: «В случае если горожане и подданные не смогут предоставить деньги, им нужно предложить, чтобы всех офицеров и солдат они обеспечили съестными припасами», — говорилось в довольственном распоряжке, изданном Валленштейном в 1629 г., который в главных пунктах согласуется с распоряжком генерала Тилли, датированным 1623 годом. Поскольку Валленштейн получал провиант не из собственных угодий (которые оставались не тронуты войной!), о чем еще пойдет речь впереди, данная система снабжения все еще сохраняла частный характер и была принципиально децентрализованной.

По мере того как армия мало-помалу переходила под контроль государства, регулирование войскового снабжения тоже постепенно стало рассматриваться как государственная задача. Уже очень рано мы сталкиваемся с особыми *органами государственной власти*, назначаемыми специально для того, чтобы (пусть это и выглядит несколько расплывчато) пока еще лишь осуществлять надзор за снабжением подразделений.

¹ Сведения (не очень точные) о снабжении войска Валленштейна сообщают Гейльман (*Heilmann J. Kriegswesen zur Zeit des Dreißigjährigen Krieges. 1850*) и Леве (*Loewe V. Die Organisation und Verwaltung der Wallensteinischen Heere. 1895*); см. также: *Foerster F. Lebensbeschreibung Wallensteins. 1834* (где опубликованы важные материалы).

Раньше всего это, конечно же, снова происходит во Франции.¹ «Военный комиссариат» существует здесь с XIV в. В декларации от 28 января 1356 г. говорится о назначении 12 «комиссаров» (*commissaires*), о функции которых мы имеем, впрочем, лишь весьма смутное представление. Материальная сторона дела была позднее препоручена особым «комиссарам-распорядителям» (*commissaires ordonnateurs*). В 1470 г. появляются «*agents chargés de veiller à l'approvisionnement de l'armée*»,² в 1557 — «*2 surintendants et commissaires généraux*»,³ которым подчинены по 2 комиссара в каждой провинции; сообщается также о «*commis aux vivres, charchés d'établir des magasins sur le passage des troupes et d'acheter les objets nécessaires à la subsistance des armées et à l'avitaillement des places fortes*»⁴ (орд. 1557 г.). Полностью система интендантуры упорядочивается при Ришелье, в 1627–1631 гг. В более позднее время пост «военного комиссара» (*commissaires de guerre*) стали покупать за деньги, и соответствующие обязанности уже не всегда исполнялись с надлежащей добросовестностью.

Такие же надзорные, контрольные и административные органы, выполнявшие, впрочем, весьма различные функции в зависимости от господствовавшей в том или ином случае системы материального довольствия, возникли во всех военных державах.

В Англии в 1550 г. был создан «продовольственный департамент» (*Victualling Department*); в Пруссии в 1657 г. появился свой генеральный провиантмейстер, подчинявшийся генеральному военному комиссару и т. д. Когда начиналась война, военный министр наз-

¹ Подробное описание исторического развития французского военного комиссариата содержится, насколько мне известно, в работе де Шенвьера (*Chennevières. Détails militaires*. 1. 1750. P. 92 seqq.). Разумеется, речь о нем идет и в работах Даниэля, Бутарика и др.

² Агенты, предназначенные печься о заготовке провианта для армии (*фр.*).

³ Два суперинтенданта и генеральных комиссара (*фр.*).

⁴ Продовольственных коммивояжерах, коим поручалось организовать склады по маршруту прохождения войск и определить объекты для поддержания армейских нужд и для снабжения довольствием укреплений (*фр.*).

начал для снабжения армии несколько военных советников — членов военной и вотчинной палат. Из них формировался «Военно-полевой комиссариат королевско-прусской армии».¹

Создание таких органов, предназначенных для обеспечения войск довольствием, интересует нас здесь лишь как проявление того факта, что с этих пор система довольствия также и в материальной своей части мало-помалу втягивается в сферу регламентирующей деятельности государственной власти. Посмотрим теперь, какова именно была эта регламентация.

Насколько я могу судить, государственная власть всюду приступает к урегулированию системы продовольственного снабжения со своего рода *косвенного попечительства*: чиновники короля или другой верховной инстанции следили за тем, чтобы необходимые для содержания войска съестные припасы отпускались солдатам в достаточном количестве, надлежащего качества и по умеренным ценам. Именно с таким попечительством мы сталкиваемся в XV в., когда состоялся швейцарский призыв, о котором уже говорилось выше.² Еще раньше оно встречается во Франции.³ Именно так войска снабжались во время Тридцатилетней войны.⁴

Но уже в довольно раннюю эпоху содействие государства в обеспечении войск довольствием приобрело и содержательный аспект. Как мы видели, монарх издавна имел личную охрану, и о ее довольствии ему приходилось заботиться самостоятельно. Кроме того он должен был обеспечивать продовольствием гарнизоны крепостей. Он обеспечивал съестными припасами и войска, которые отправлял за море. Поэтому мы видим, что король Франции уже в эпоху Средневековья приказывал

¹ *Weise K.G.* Über das Feld-Kriegs-Kommissariat der Königl. preuß. Armee. 1794.

² *Delbrück H.* Geschichte der Kriegskunst. 3. S. 608 f.

³ *Boutaric.* Inst. mil. P. 277–280.

⁴ *Droysen G.* Beiträge zur Geschichte des Militarwesens in Deutschland während der Epoche des Dreißigjährigen Krieges (Zeitschrift für Kulturgeschichte. 1875. 4. S. 623 ff.).

бальи и сенешалям закупать продукты, которые использовал в уже указанных целях: уже в XIV в. «продовольственным комиссарам» было доверено сосредоточивать провиант под своим контролем и потом, по распоряжению короля, рассылать его по различным местам. Склады, на которых продовольствие хранилось до возникновения потребности в нем, получили название «гарнизонов».¹

Наряду с этим заботу о содержании войск государство уже довольно рано начинает возлагать на различные общественные корпорации: особые роты Карла VII продуктами *in natura* обеспечивали провинции: каждое «копье», состоявшее из четырех конных воинов и двоих оруженосцев или кнехтов, получало: ежемесячно двух баранов, половину быка или коровы, либо же равноценную замену из мяса другого сорта; ежегодно четырех свиней; кроме того, каждый человек на год получал две бочки вина, полторы меры зерна; наконец, каждый *homme d'armes* на себя самого и свою свиту получал ежемесячно 20 ливров на свечи, овощи, различные специи (травы) и прочие мелкие надобности. На каждого коня выдавалось 12 мер (*charges*) овса и 4 карры соломы и сена.²

Государственная идея все крепла, и монарху не могла не прийти в голову мысль о том, что за огосударствлением войска должно последовать и огосударствление всей системы его довольствия. По всей видимости, *система продовольственного снабжения войск со стороны государства* впервые достигла полного развития в Испании в XVII в. Отсюда она распространилась по всем остальным странам, в том числе проникла и в Бранденбург-Пруссию. Вплоть до эпохи Великого курфюрста мы находим ее здесь в виде так называемого «кормления», т. е. обеспечения продовольствием за счет хозяина квартир.

¹ *Boutaric*. P. 277 seqq.

² *Boutaric*. P. 311; по манускрипту из Британского музея (№ 11542).

Один из лучших знатоков истории «старой армии» рисует следующую картину снабжения армии при Георге Вильгельме:¹

«Выплаты мушкетер получает каждые 10 дней по одному талеру, на эти деньги он и живет. Нередко они частично или целиком заменяются продовольственными продуктами или же „кормлением“, т. е. обеспечением за счет хозяина квартиры. По этой причине выражение это часто неправильно понимают. Три предварительные выплаты — это *рассрочка* месячного жалованья (в 1631 г. 1300 талеров на роту), из которого приходилось покрывать также и расходы на оружие, одежду, иногда и на уход за лошадьми — короче говоря, на все *ротное хозяйство*. Оставшаяся сумма поначалу обычно не выплачивалась (в 1631 г. она составляла 600 талеров) и использовалась при позднейших расчетах за поставленное со стороны государства *оружие*, за превышение расходов на пропитание, за вымогательства и т. п. Слово „снабжение“ принято повсеместно и в зависимости от обстоятельств означает либо жалованье, либо выплату. Совершенно обособленно при Георге Вильгельме стоит „сервис“ (дрова, свечи и т. д.), который обеспечивал или компенсировал деньгами хозяин квартиры».

Однако эта система полного продовольственного снабжения со стороны государства продержалась недолго. Трудности, связанные с ее реализацией, вред, который расквартирование войск наносило принимавшим их землям уже самого Великого курфюрста заставили вновь отказаться от «кормления» войск, заменив его денежными выплатами. Фридрих Вильгельм I стремился в еще большей степени ограничить фискальное администрирование *in natura*, он хотел предоставить полкам, ротам и отдельным воинам твердый денежный доход, которым им пришлось бы обходиться. В результате в течение XVII–XVIII вв. в большинстве государств сформировалась своеобразная *смешанная система*, которая почти повсеместно базировалась на следующих принципах: государство полностью обеспечивает солдат довольствием на марше и на поле брани; в гарнизонах оно

¹ *Jany. Anfänge d. alten Armees. S. 58.*

предоставляет каждому отдельному воину столоваться в основном за свой счет, на выплачиваемое ему жалование. В некоторых странах та или иная часть содержания предоставлялась солдатам *in natura* со стороны государства или хозяина квартир (в виде так называемого «сервиса»).

В преамбуле к инструкции от 29 июня 1620 г., изданной для провиантмейстера *саксонского курфюршества фон Цшеппелица*, говорилось:¹ «Назначенный нами в чине полковника (иначе: генерала) провиантмейстер обязан снабжать войска на полях всеми видами провианта во всякое время». В мирное время о своем довольствии солдат заботится сам. В виде «сервиса» он получает от хозяина квартиры только кров, соль, перец, уксус и освещение (Саксонский распорядок довольствия от 1 марта 1697 г.).²

В *императорских землях* солдат с 1679 г. покупал себе пропитание у квартирных хозяев; хозяин предоставлял ему хлебный порцион *in natura*, за который удерживалось из жалования.

В *Пруссии* командир роты получал строго установленную денежную сумму на выплату жалований, вербовку, детали снаряжения и т. п.; сумму эту он мог употреблять по своему усмотрению, но при проверке ему следовало за нее считаться. С 1713 г. ежемесячное жалование рядового солдата возросло до 2 талеров 6 серебряных грошей; за вычетом отчислений в общую кассу из этих денег у него оставалось 1 талер 16 грошей: эту сумму он мог потратить на свое содержание. В мирное время (за исключением дней, проведенных на марше) натуральное довольствие солдату не полагалось (равно как и хлеб), оно предоставляется ему только за пределами гарнизона и во время войны.

Во *Франции* ордонансом 1641 года было определено: государство обеспечивает солдат довольствием на марше и на поле брани; они получают по 2 фунта хлеба, 1 фунту мяса и по 2 пинте вина ежедневно. В гарнизон государство поставляет только хлеб, за который из солдатского жалования ежедневно вычитывается по 1 су.

¹ См.: *Richthofen E. von. Der Haushalt der Kriegsheere* (Handbibliothek für Offiziere. 5. 1839. S. 433 ff.).

² См.: *Flemming. Der Deutsche Soldat*. S. 252–260.

Но коль скоро государство приняло на себя часть забот о содержании солдат, коль скоро оно начало поставлять ему хлеб (постоянно, как во Франции, или время от времени, как в большинстве немецких государств), ему приходилось заботиться и о заготовке съестных припасов, в особенности о складировании зерна.

Проблема эта решалась так: по всей стране, насколько это было возможно, сооружались многочисленные *склады*: во Франции это происходило уже при Генрихе IV и позднее, с бóльшим размахом, при Людовике XIII;¹ в Пруссии — особенно при Фридрихе Вильгельме I (только в 1726 г. был построен 21 войсковой склад),² из остальных немецких государств значительного прогресса в этом направлении уже в XVI в. достигли Саксония, Богемия и Вюртемберг.³

* * *

В *военно-морском флоте* дела обстояли несколько иначе, чем в сухопутных войсках, потому что экипажи больших кораблей, отправлявшихся в более или менее длительное плавание, едва ли смогли бы обеспечивать себя довольствием самостоятельно. Достаточно вспомнить, что на боевых кораблях сотни и тысячи людей на протяжении многих недель, а то и месяцев, были полностью отрезаны от какой бы то ни было связи с внешним миром. Следовательно, они в любом случае должны были выходить в море с большими *запасами продовольствия* на борту. Поручить доставку этих запасов самим морякам, хранить и стеречь их на корабле по отдельности, а также предоставлять каждому воину потреблять их в одиночку было бы чрезвычайно обременительно. Впрочем, бывало, что на кораблях действовала и такая система, т. е. моряки обеспечивали себя довольствием самостоятельно; по-видимому, так дело

¹ *Boutaric*. P. 384.

² *Acta Borussica, Getreidehandelpolitik*. 2. S. 272.

³ *Acta Borussica. Op. cit.* 2. S. 87 ff.

обстояло в случае непродолжительных походов: в генуэзских призывах XIII века военнообязанным предлагалось принести с собой оружие, *провиант*, и «все необходимое». ¹ Такой вид обеспечения назывался «довольствием за свой счет» (*ad apodisias*); ему противопоставлялась вербовка наемного войска «за деньги» (*ad solidos*). Но в те времена расходы на содержание были включены в общую сумму жалованья.

В крупных мореплавательных державах — Испании, Голландии, Франции и Англии — экипажи боевых кораблей, по-видимому, никогда не знали системы самообеспечения. Менялась только форма, в какой осуществлялось коллективное обеспечение корабельных команд довольствием. Насколько мне известно, здесь на протяжении столетий попеременно применялись две системы: одна, которую можно назвать французской, препоручала судовым капитанам заботу об обеспечении довольствием своих кораблей; другая, английская, предоставляла продовольственное снабжение корабельных экипажей попечению государства.

В самом деле, во Франции судовые капитаны вплоть до времен Кольбера сами заботились о содержании офицеров и матросов своего экипажа, в том числе и сухопутных подразделений, принятых на борт их корабля. Только при Кольбере был учрежден пост «генерал-интенданта» (*munitionnaire général*) и обеспечение довольствием на многих кораблях стало осуществляться за государственный счет. ²

В Англии мы уже в XIII в. слышим о расходах на сельдь, ветчину и т. д., которые поставлялись на королевские корабли в качестве провианта. ³ Иногда провиант поставлялся сословиями *in natura*. ⁴ В XVI в. господствующей системой становится государственное обеспечение: экипаж получает провиант от государства.

¹ *Heyck Ed. Genua und seine Marine. S. 158, 160, 169.*

² *Principes de M. Colbert sur la marine (Sue E. Hist. de la marine franç. 1. P. 317).*

³ *Закрытые списки 71 и 15 (Laird Clowes. 1. P. 119).*

⁴ *Закрытые списки 48 (ibid.).*

2. Спрос на продовольствие

Если вспомнить содержание «теоретической» части настоящего сочинения, то станет ясно, что размер и характер войскового спроса на продовольствие тоже зависит от мощи армии и от особенностей системы довольствия.

Абсолютная величина спроса всегда определяется численностью подразделений, находящихся под ружьем, т. е. количеством «ртов», которые нужно прокормить, притом что сами их обладатели никак не участвуют в производстве требующихся продуктов. Ведь с экономической точки зрения наиболее важно, конечно же, чтобы в армии было столько же чистых потребителей, сколько в ней бойцов (иногда вместе с семьями). В этом своем качестве, как чистый потребитель, солдат выступает всегда, независимо от того, получает он свое содержание *in natura* или покупает за деньги у производителя.

Выбор же той или иной системы довольствия определяет, в какой мере более высокий спрос на съестные припасы, исходящий со стороны более многочисленного войска, становится *массовым*, т. е. концентрированным, единым спросом, рассматриваемым как целое. Нет надобности повторять, что большой спрос становится массовым тем скорее, чем шире развита централизация в его удовлетворении. Если же централизация имеет место только в военное время, то возникновение массового спроса зависит от того, как долго продолжается война; наконец (в том что касается флота), от того, как долго длится плавание.

Необходимость обеспечивать провиантом *крупные войсковые подразделения на срок длительных морских походов*, по-видимому, и породила впервые массовый спрос на продовольственные товары. И породила его в те времена, когда мир еще пребывал в грезах. По-видимому, прекрасному человеку той эпохи пришлось пережить сильнейшее потрясение, когда в один прекрасный день в Геную поступило известие: Филипп Август,

король Франции, желает обеспечить свое войско провизией и кормом для лошадей на 8 месяцев, а вином на 4 месяца.¹ Или когда герольд скакал через французские села и оглашал, чт из продовольствия местные бальи должны изыскать и доставить в Кале для экипировки войск, грузившихся там на корабли.

У нас есть перечень отдельных задач, поставленных перед бальи в 1304 г. Цифры, конечно, не следует принимать всерьез, равно как и средневековые данные о наборе войск. В них всегда выражается лишь максимальное количество, какого надеялись достичь. И все же они дают приблизительное представление о количествах припасов, которые уже в столь ранние времена приходилось собирать ради обеспечения армии довольствием. В справедливости этого представления, по-видимому, нет повода сомневаться. Выкладки приводит Бутарик (см.: *Boutaric*. P. 278–279).

«Реквизиции, сбор которых был возложен на бальи в январе 1304 года (для доставки в Кале):

бальи Санса: 250 мальтеров зерна, 500 тонн вина, 150 мальтеров овса;

бальи Кэна: 500 мальтеров зерна, 500 тонн вина, 500 мальтеров овса, 1000 живых свиней, 1000 окороков, 10 мальтеров гороха, 10 мальтеров бобов;

бальи Макона: 500 голов рогатого скота, 1000 баранов;

бальи Оверня: 1000 голов рогатого скота, 2000 баранов, 1000 окороков;

бальи Труа: 10 000 фунтов воска, 4000 фунтов миндаля, 20 голов сахару;

бальи Жизора: 500 мальтеров зерна, 500 мальтеров овса, 10 мальтеров гороха, 10 мальтеров бобов;

бальи Ко: 250 мальтеров зерна, 500 тонн вина, 250 мальтеров овса, 1000 окороков;

бальи Руана: 500 мальтеров зерна, 100 тонн вина, 500 мальтеров овса, 1000 окороков, 100 пуазов соли;

бальи Санли: 250 мальтеров зерна, 500 тонн вина, 250 мальтеров овса;

¹ *Heyck Ed. Genua und seine Marine*. S. 177.

бальи Турена: 500 мальтеров зерна, 1000 бочек вина, 500 мальтеров овса, 40 бочек масла, 40 мер соли;
бальи Буржа: 4000 баранов, 500 голов рогатого скота, 500 живых свиней;
бальи Кутанса: 500 мальтеров зерна, 1000 живых свиней, 1000 окороков, 500 голов рогатого скота;
бальи Орлеана: 200 мальтеров зерна, 200 мальтеров овса, 500 голов рогатого скота, 1000 баранов;
сенешали Пуатона: 1000 тонн вина, 10 тонн уксуса, 500 голов рогатого скота;
сенешали Сентонжа: 1000 тонн вина, 10 тонн уксуса, 500 голов рогатого скота».

Но действительный и постоянный спрос на продовольствие возникает, разумеется, лишь позднее, когда появляются современные армии и флот. Так, регулярного и обильного подвоза провизии уже с давних пор требовало снабжение флота. Здесь решительный поворот наступил, скорее всего, в XVI веке. В это время корабли начали оснащать провиантом зимой, и английский регламент в качестве нормы установил для заготовки продуктов четырехмесячный срок. Конечно, требования эти выполнялись еще не всегда: в 1522 г. английский адмирал Суррей жаловался, что вопреки только что упомянутому регламенту провианта у него на борту было в лучшем случае на 8 дней. В 1545 г. французы открыто сообщают, что имеют при себе провизии на 2 месяца.¹ Повышенные претензии к обеспечению довольствием были связаны с тем, что с середины XVI в. в практику военно-морских экспедиций вошли совершенно другие обычаи. Еще при Генрихе VIII корабли высаживали солдат на берег и возвращались домой, либо же они разбивали неприятеля на море и потом возвращались; теперь же начинается эра долгих походов.

О чем уже в XVI в. шла речь при заготовке провианта для длительных военно-морских кампаний, показывает состав продуктов, погруженных в 1588 г. на корабли испанской Армады. Состав этот нам известен очень хоро-

¹ State Paper (20 августа 1545 г.) (*Oppenheim*. P. 82).

шо и с большой точностью; мы знаем, что на борту 195 кораблей этого флота находилось:¹

110 000 центнеров. бисквитного печенья,
11 117 бочек вина (по 56.2 галонов каждая),
6000 центнеров свинины,
3000 » сыра,
6000 » рыбы,
4000 » риса,
6000 фанег гороха и бобов (по полтора бушеля),
10 000 арроб масла (по 3.5 галлона),
21 000 арроб уксуса,
10 000 бочек вина.

В XVII веке случаи, когда возникала настоящая и экстренная потребность в таких больших количествах провизии, участились, и это наложило особый отпечаток на систему в целом. Так, мы узнаём, к примеру, о внезапно возникшей у английского флота потребности в 7 500 000 фунтов хлеба, 7 500 000 фунтов говядины и свинины, 10 000 бочках пива, а также в масле, сыре, рыбе и т. п., причем все это следовало предоставить в весьма короткое время (точный срок не указывался).²

Голландцам семимесячное содержание их флота в 1672 г. обошлось в 6 972 768 флоринов.³

Детальные сметы продовольственного обеспечения отдельного корабля и целого флота в середине XVIII в. можно найти у де Шенвьера в его «Военных подробностях».⁴

Может возникнуть впечатление, что проблема продовольственного обеспечения кораблей не относилась к специфической области военного дела, ведь и экипажи торговых кораблей нужно было снабжать съестными припасами. Все это так, но объемы продовольственных

¹ *Duro C. F. L'Armada inv. Doc. 109.*

² *State Pap. Dom. XXX. 10 (Oppenheim. P. 325).*

³ *DeJonge J. C. Geschied. van het nederl Zeew. 3. I. 1837. Bil. 1.*

⁴ *Chennevières. Détails militaires. 1. 1750. P. 238 seqq.*

поставок для боевых кораблей были совершенно иными, а именно это расширение сферы снабжения и составляет самую суть проблемы.

Нужно постоянно иметь в виду, что команды торговых судов были гораздо менее многочисленными в сравнении с экипажами боевых кораблей. Уже в Средние века военные корабли были битком набиты людьми: военными судами итальянских государств были галеры, а галеры приводились в движение с помощью *весел* и уже поэтому имели на борту больше матросов, чем равные по размеру парусники. Уже в XIII в. на галерах генуэзской республики служило 140 гребцов.¹ В 1285 г. на одно судно приходилось 184 матроса. На сравнимом по размерам торговом корабле едва ли находилось более 20 человек. Даже когда купеческие парусные корабли брали на борт военных для охраны, документы XII–XIII вв. указывают численность их экипажа в 25, 50, 32, 85, 60, 55, 50 или 45 человек. Ситуация вновь менялась, когда торговые корабли, все равно, с грузом или без, снаряжались для военных действий или каперства; в этом случае команды их были несравнимо более многочисленными; они назывались «армированными» (*navis armata*) и брали на борт такие экипажи: в 1234 г. на двух кораблях в море вышло 600 человек; на одном пизанском корабле в 1125 г. находилось 400 человек, на другом — 500; одно венецианское торговое судно имело на борту 900 матросов.²

В XVI в. по расчетам для военных кораблей на троих человек приходилось 5 тонн *брутто*-веса: третью часть составляли солдаты, седьмую часть оставшегося — пиротехники (*gunners*), остальное — матросы; для торговых же кораблей на одного человека рассчитывалось 5 тонн *нетто*-веса: двенадцатую часть составляли пиротехники, остаток — матросы.³

¹ *Heyck Ed. Genua und seine Marine. S. 65 ff.*

² *Ann. Jan. 183, 35; 112, 3; 124, 30; цит. по: Heyck. S. 129.*

³ *State Pap. Dom. CXII. 19 (Oppenheim. P. 134).*

Из этого соотношения вытекает, что на боевых кораблях в море выходили весьма внушительные экипажи. Личный состав 15 английских судов, указанных в служебном перечне 1513 года,¹ распределялся следующим образом:

2 корабля с	700 человек	400 солдат	260 матросов	40 пиротехников
	на борту			
1 »	600	» 350	» 230	» 20 »
1 »	550	» 300	» 210	» 40 »
1 »	400	» 200	» 180	» 20 »
2 »	300	» 150	» 130	» 20 »
2 »	300	» 150	» 135	» 15 »

и т. д.

Если принять во внимание количество кораблей, одновременно вышедших в поход против врага, то речь определенно шла о довольно-таки значительном числе солдат и матросов, находившихся у них на борту. В 1511 г. Генрих VIII обещал освободить Ла-Манш с помощью трехтысячного флота. В 1513 г. для английских кораблей было набрано 2880 человек (помимо экипажей 28 грузовых судов). В 1514 г. на борту 23 королевских, 21 зафрахтованного и 15 грузовых кораблей находилось 3982 матроса и 447 артиллеристов (gunners), т. е. в общей сложности 4429 человек, не считая солдат.²

Понятно, что и в сухопутных войсках объемы спроса тоже стремительно росли. Вот некоторые примеры.

12 000 бранденбуржцев, стоявших в 1694 г. на Рейне и в Нидерландах в качестве вспомогательных войск, получали по два фунта хлеба на человека в день (помимо ежемесячного денежного жалованья в размере 38 180 талеров). На 11 608 рядовых солдат и унтер-офицеров это составляло 23 216 фунтов ежедневно, т. е. 719 696 фунтов в месяц (на 31 день); 144 фунта хлеба в расчете на 1 центнер муки в нюрнбергских весах состав-

¹ См.: *Oppenheim*. P. 56.

² См.: *Oppenheim*. P. 74.

ляет потребность в 4898 центнеров муки в месяц.¹ В 1727 г. из казны было перечислено 200 000 талеров на закупку ржи для войсковых складов.² К концу правления Фридриха Вильгельма I на прусских складах (21) хранилось 45 000 виспелей зерна: достаточно, чтобы на год обеспечить хлебом 200 000 человек.³ В XVIII в. в Пруссии был принят расчет по 2 фунта хлеба на человека в день, что составляло в год 7 шеффелей. Стало быть, прусская армия уже в первой половине XVII в. нуждалась в 24 000–25 000 виспелей зерна, тогда как гражданскому населению Берлина в 1720 г. потребовалось всего лишь 7200 виспелей.⁴

Сходные цифры можно указать и по армиям других стран. Для Франции середины XVIII в. Дюпре д'Ольне предлагает такую калькуляцию:⁵ для обеспечения продовольственным пайком армии в 150 000 человек (это 54 млн порций в год) потребовалось бы 300 000 200-фунтовых мешков зерна, т. е. 30 000 тонн. Проследив теперь различные пути, которыми осуществлялось покрытие столь гигантского спроса, мы увидим, что именно таково было количество, вывозимое в те времена из одной-единственной гавани (Данциг).

3. Народнохозяйственное значение продовольственного обеспечения войск

Насколько я понимаю, до сих пор во внимание принималась только негативная сторона заявленной в заголовке проблемы: исследователи рассматривали то разрушительное воздействие, которое на те или иные земли могли оказать и действительно оказывали учиняемое войсками грабительское вымогательство и чрезмерные

¹ См.: *Hennert C. W. Beiträge zur brandenb. Kriegsgesch. unter Friedrich III.* 1790. S. 15.

² *Acta Borussica. Op. cit.* 2. S. 285.

³ *Acta Borussica. Op. cit.* 2. S. 278.

⁴ *Acta Borussica. Op. cit.* 2. S. 297.

⁵ *Dupré d'Aulnay. Traité général etc.* 1. P. 165.

тяготы, связанные с их постоем. Более того, эта сторона проблемы получила, по-видимому, исчерпывающее разъяснение в соответствующей статье «Энциклопедии» Крюница. Но проблема имеет еще и весьма существенное позитивное содержание, заключающееся в вопросе: какую конструктивную, творчески-преобразующую роль продовольственное обеспечение армии играло в ту или иную эпоху; в частности какое значение было присуще ему, опять-таки, в процессе формирования современного капитализма? Ниже я скажу, какие взаимосвязи мне удалось здесь обнаружить.

1. То уже отмеченное мной обстоятельство, что армия всегда представляет собой массу чистых потребителей, которые и во времена европейского Средневековья, и в еще большей мере в последние столетия удовлетворяют свои запросы, как правило, путем покупки, несомненно, благотворно сказывается на экономической жизни там, где меновое хозяйство пребывает еще в зачаточном состоянии, потому что этот непрекращающийся спрос со стороны владельцев денежных сумм *стимулирует рыночное производство*. Благодаря этому меновые экономические отношения ширятся и крепнут. И это, несомненно, означает, что ускоряется капиталистическое развитие, отправным пунктом которого почти повсюду становится именно меновая организация хозяйства. Если бы в такой экономически отсталой стране, какой еще в XVIII в. была Пруссия, большая и обладающая покупательной способностью армия не оказала живительного воздействия, благодаря которому впервые только и были взломаны старые, по-крестьянски самодостаточные формы экономической жизни, то капитализму, конечно же, пришлось бы подождать еще сотню лет, прежде чем он смог бы проглотить и этот кусок. Стало быть, войсковой спрос на продовольствие — все равно, исходит ли он от отдельного солдата или от некоей центральной инстанции, — играет здесь роль своего рода зачинателя капитализма. Но о том, что такое стимулирующее воздействие вполне могло исходить от армии, нам говорит уже одно только сопоставление

цифр, в которых выражается численность населения. Мы видели, что в 1740 и 1786 гг. личный состав прусской армии (мирного времени) составлял около 4 % всего населения, — и это в то время, когда 60–70 % жителей еще удовлетворяли свои потребности в рамках натурального хозяйства. В небольших городах и в селах солдаты и военная казна в те времена зачастую действительно оказывались единственными платежеспособными покупателями. Фридрих Вильгельм I превосходно понимал, какое «живительное», освобождающее и благотворное для перехода к более высоким формам воздействие производили на экономику его войска. Думаю, он имел право сказать: «Когда моя армия марширует за границами страны, акцизы не приносят и трети от того, что бывает, когда она стоит дома; цены падают настолько, что конторы потом не могут вовремя оплатить свою аренду».

2. В теснейшей связи с этим первым аспектом влияния крупных армий на формирование экономической жизни стоит другой: речь идет о значении таких армий в *образовании городов*. Значение это, конечно же, могло проявиться только там, где войсковые гарнизоны располагались в городах или где в одном месте скапливалось такое количество войск, что из этого скопления возникал новый город. Но основание нового города или разрастание старого в свою очередь всегда становится еще одним шагом на пути, ведущем к капитализму. Предпосылкой исторического развития последнего является как меновая экономическая организация хозяйства, так и агломерация населения в городах. Даже если не соглашаться с тем, что такая агломерация составляет необходимое условие для возникновения капитализма, нельзя все же отрицать, что стремительный рост городских поселений существенным образом способствует его развитию.

Несомненно, однако, что именно современные армии в значительной мере поспособствовали градообразованию в Европе. В качестве примера я вновь приведу Пруссию, потому что здесь революционное влияние, оказанное ар-

миями на экономическую жизнь, проступает, пожалуй, всего отчетливее.

Сам Берлин вплоть до конца XVIII в. оставался гарнизонным городом: в 1740 г. армейское население насчитывало в нем 21 309 человек; общее количество жителей достигало 90 000. Если предположить, что каждый военный давал возможность жить в столице еще одному человеку, то войсковой гарнизон формировал уже почти половину города. В 1754 г. число военных выросло до 25 225 человек, в 1776 г. — до 30 501 (согласно Козеру).

Еще внушительнее выглядят показатели по мелким городам: в Галле гарнизон способствовал приросту населения на 3–4 тысячи человек, т. е. на четверть от совокупного числа жителей; в Магдебурге в 1740 г. проживало 19 580 человек, плюс еще 5–6 тыс. в гарнизоне; население Штеттина в том же году насчитывало 12 740 жителей, в местном гарнизоне проживало 4–5 тысяч человек (солдаты с женами и детьми).¹

3. Если выше мы смогли констатировать, что армии с их растущим спросом на продовольственные товары косвенно способствовали становлению капитализма, что они были как бы его зачинщиками, инициаторами, то теперь нужно еще привести доказательство того, что развитие, которое система обеспечения войск продовольствием претерпела в современных государствах, оказывало капитализму и прямое содействие. Конечно, взаимосвязь между снабжением армий продовольствием и формированием экономической системы капитализма не так отчетлива, как в случае с их вооружением или обмундированием (что будет показано ниже). И все же она, несомненно, имеет место. Чтобы ее увидеть, нужно только внимательнее посмотреть и несколько шире взглянуть на вещи.

Что я имею в виду прежде всего, так это поддержка, которую *сельскохозяйственное «крупное предприятие»* получило в первую очередь благодаря заказам со сторо-

¹ По сводкам Ноде (Acta Borussica. Op. cit. 2. S. 295–296).

ны войсковой администрации и которая способствовала его движению по пути капитализма. Именно крупномасштабные закупки зерна, которые органы военного управления с XVI в. производили все чаще, повсеместно повышали рентабельность капиталистического сельского хозяйства и вновь и вновь служили поводом перейти к нему. С XVI по XVIII в. в Германии и Австрии идет формирование дворянского поместья, этого *первого*, по мнению Кнаппа, «капиталистического предприятия». Теперь можно без всяких оговорок утверждать (и это во многих деталях уже доказано), что развитие это вообще не началось бы или в любом случае шло бы гораздо медленнее, если бы не расширение производства зерна, которым стремились удовлетворить возраставший спрос. Но чем было вызвано это возрастание? Я утверждаю, что главным образом возникновением современных армий и их растущей потребностью в продовольствии. Попробую теперь доказать правильность этого утверждения.

Для этой цели я мог бы привести примеры, когда сбыт большого количества товаров для армейских нужд очевиден. Таких примеров можно найти множество. Мне вспоминаются, к примеру, заказы, которые Валленштейн производил у управляющих его собственных поместий (Валленштейн был не только великим полководцем, но, возможно, еще более замечательным и удачливым предпринимателем) и которые зачастую выливались в очень крупные суммы. Эти поставки собственного зерна, из которых он извлекал выгоду и как производитель, и как военачальник, служили регулярным дополнением к тому содержанию, которое в остальном поступало в его армию благодаря грабёжам или поборам. Так, 13 марта 1626 г. он закупил в своих угодьях 30 000 мер зерна (по 93.6 фунта каждая).¹

¹ Письма опубликованы у Ферстера (*Foerster F. Lebensbeschreibung Wallensteins*. 1834).

Мне также приходят на память те совершенно грандиозные закупки зерна, которые Густав Адольф делал для своей армии в России.¹

Или же то очевидное предпочтение, какое Фридрих Вильгельм I, делая закупки для войсковых складов, оказывал арендаторам своих собственных владений.²

Но действительно убедительное доказательство правильности моего утверждения, по всей видимости, не может быть получено таким прямым путем. Поэтому я выберу окружной: рассмотрю развивавшуюся с XVI в. международную зерновую торговлю, которую, с одной стороны, свяжу с крупным капиталистическим сельскохозяйственным предприятием (поскольку оно возникает именно благодаря этой торговле), а с другой — с запросами войсковой администрации (поскольку она в первую очередь способствовала становлению этого рынка). Если мне удастся доказать, что в XVI, XVII и XVIII вв. международная торговля зерном была обязана своим существованием главным образом современному военному делу, то это будет означать, что я открыл новую связь между милитаризмом и капитализмом, поскольку сама эта торговля, как еще будет показано, является яркой манифестацией капитализма, одной из первых в коммерческой сфере. По этой причине я и выделяю эту часть своего исследования в особый параграф:

4. История европейской зерноторговли разделяется на две довольно четко отделенные друг от друга эпохи: на время до конца XVI в. и после него. Эпохи эти различаются между собой географическим горизонтом, охватывавшим область торговли, и объемами зерна, становившегося ее предметом. Международная торговля зерном велась с конца XVI столетия, точнее даже с начала XVII; какое-то время ее центром был Антверпен, а затем Амстердам; и именно в это время расширяются ее объемы — расширяются, можно сказать, внезапно, скачком.

¹ Acta Borussica. Op. cit. 2. S. 358 ff.

² Acta Borussica. Op. cit. 2. S. 284–285, 287.

В Средние века наиболее значительной зерноторговой была итальянская, та, которую вели североитальянские государства (в особенности, Венеция), подвозившие зерно с юга Италии и с Черноморского побережья (последнее в весьма скромных размерах). Оборот для средневековых условий был весьма велик: лицензии на экспорт, которые флорентийские банковские дома скупали, чтобы потом ими спекулировать, в XIV в. свидетельствуют об объемах в 100–120 тыс. сальм¹ (по моим расчетам, около 10–15 тыс. тонн). Если допустить, что половина или даже две трети этого количества действительно вывозились на экспорт, то при объеме в 5–10 тыс. тонн итальянская торговля была в два, а то и в три раза шире, чем в таких крупных зерноторговых центрах как Гамбург, Штеттин, Ревель и т. д.

Свидетельства, указывающие для эпохи до XVI в. существенно более высокие цифры, целиком и полностью апокрифичны. Насколько я понимаю, надежными сведениями мы не располагаем даже в отношении антверпенской зерноторговли, которая, по всей видимости, уже была довольно обширной. В самом деле, вряд ли можно полагаться на хрониста, сообщающего, что в те времена на Шельде стояли на якоре 2500 (!) кораблей, что ежегодно в Антверпене разгружалось 60 000 ластов зерна, доставляемого из Нидерландов и с Балтийского побережья. Это, конечно, возможно, но с таким же успехом речь могла идти и всего лишь о 6000. Нашим «историкам» всё время (и, к сожалению, до сих пор!) приходится повторять: если уж вы с таким пристрастием перепроверяете каждый источник, будьте же, наконец, немного более критичны и в отношении статистических данных, по крайней мере тех, что касаются торговых оборотов и судоходного сообщения!

Насколько неопределенны, к примеру, оценки объемов антверпенской торговли XVI в.: Марино Кавалло оценивает весь балтийский импорт (зерно, лен, древесина) в 350 000 дукатов, тогда как, по мнению Гвиччарди-

¹ *Davidsohn. Forschungen zur florent. Wirtsch.-Gesch. Bd. 3.*

ни, только ввоз зерна достигал в то же время полутора миллионов дукатов.

Только в XVII в. мы впервые сталкиваемся с цифрами, свидетельствующими о весьма крупном (по тогдашним понятиям) обороте зерна и в то же время не оставляющими сомнения в их достоверности. В частности, мы располагаем данными об экспорте зерна из Данцига. Имеется «Спецификация зерна, ввезенного и вывезенного из Данцига в 1618 г. и в период с 1649 по 1790 г.», ныне находящаяся во владении данцигской зерноторговой фирмы Ликфетт; именно из нее черпал сведения составитель *Acta Borussica*. Цифры отмечены печатью достоверности. К сожалению, нам не сообщают, откуда они были взяты. Возможно, из записей зерноторговых маклеров. Правдоподобия этим цифрам придает и то обстоятельство, что в те времена мощный расцвет зерноторговли отмечается и в других европейских гаванях, в частности значительный ее оборот достоверно зафиксирован на зерновом рынке Амстердама. Данциг и Амстердам были теми двумя осями, вокруг которых в XVII–XVIII вв. вращалась вся зерноторговля, по своей направленности носившая уже вполне интернациональный характер, поскольку из Амстердама зерно вывозилось далее во все прочие европейские страны.

Экспорт зерна из Данцига, за вычетом нескольких крайне неудачных или, наоборот, слишком успешных лет, колебался около показателя в 50 000 ластов в год, что соответствует примерно 60 000 тонн. По 1618 г. приводится внушительная цифра в 115 219 ластов, тогда как в 1649 г. из данцигской гавани было вывезено 99 808.5 ластов и 30 шеффелей. К сожалению, об обороте амстердамского зернового рынка у нас нет таких же точных сведений, как об экспорте из Данцига. Мы вправе, однако, допустить, что он вбирал в себя не только почти весь данцигский вывоз, но еще и экспорт из других балтийских и черноморских земель. О том, насколько стремительно развивалась «восточная торговля» Голландии, свидетельствует количество кораблей, про-

ходивших через Зунд: в 1536 г. их было всего 510, а в 1640 — уже 1600.¹

Эти цифры в полной мере доказывают, во-первых, что амстердамский зерновой рынок, оборот которого достигал 10–20 млн флоринов, значительно расширился и что расширение это, вне всякого сомнения (об этом мы вполне можем заключить и по другим показателям), в значительной мере было достигнуто за счет перехода на путь капитализма: свидетельство высокой степени капиталистического развития видится мне в том (до сих пор, насколько мне известно, недооцененном) факте, что частично эта торговля велась уже в сортовой форме;² и, во-вторых, что торговля эта обслуживала, главным образом, сбыт дворянских поместий Германии (а также России и Польши), поскольку нельзя предположить, что в столь обширном обороте участвовало только крестьянское зерно. Но кто же был покупателем амстердамского зерна? Не были ли это, как я полагаю, прежде всего европейские армии? Кого еще можно было бы счесть таким потребителем?

Раньше, если вообще и задавались этим вопросом, на него отвечали несколько поспешно: разросшееся население, особенно городское.

Можно ли поверить такому объяснению? Прежде всего стоило бы подумать о Париже и Лондоне, двух крупнейших городах. Но о них-то нам как раз с большой достоверностью известно, что свой спрос на продукты питания они все еще удовлетворяли каждый за счет своей страны. В отношении Лондона, в котором к 1600 г. насчитывалось полмиллиона жителей, у нас для этого времени есть ясное подтверждение:³ «Лондон дал расцвести графствам Норфолк, Суффолк, Эссекс, Кент и Суссекс; их значение и их богатство покоятся, как хорошо известно, не столько на превосходных качествах почвы, сколько на близком соседстве с Лондоном».

¹ Pringsheim O. Beitr. z. wirtsch. Entw. der Ver. Niederlande. 1890. S. 18.

² Так, по крайней мере, можно истолковать слова Рикара (*Ricard. Le négoce d'Amsterdam. 1723. P. 6*).

³ Stow. Beschreibung Londons. 1598 (*Acta Borussica. Op. cit. 1. S. 91, 92*).

В нашем распоряжении есть описание того, как была организована английская торговля зерном и мукой в первой половине XVIII в., которое позволяет с достаточной точностью установить, что в те времена снабжение Лондона все еще осуществлялось за счет провинций: торговцы объезжали фермеров и закупали у них зерно, а потом поставляли его на рынок. Там его перекупали мельники, от которых оно, опять-таки напрямую, поставлялось лондонским пекарям.¹

Обеспечение продовольствием Парижа в течение всего XVII и XVIII в. тоже осуществлялось в рамках национальной экономики.²

А где еще возникали крупные города? На востоке Европы? Их во внимание вовсе не принимают. Мадрид в XVII в. обеспечивался испанской пшеницей. Амстердам в XVIII в. тоже особенно не разросся и потреблял лишь малую часть из ввозимого туда зерна. Мы знаем также, что амстердамская зерноторговля была в основном транзитной. Остаются, таким образом, города Италии. Сильно разросся Неаполь, но его, несомненно, снабжала южная Италия и Сицилия. В северных итальянских городах численность населения в XVII–XVIII веках в целом снизилась. Сокращение импорта зерна могло произойти в результате завоевания Константинополя турками. Не хочу, конечно, отрицать и того, что рост интернациональной зерноторговли отчасти действительно объясняется ростом городского населения. Просто мне кажется неприемлемым сводить стремительное и мощное увеличение оборота зерна к одним лишь сдвигам в народонаселении, или преимущественно к ним. Напротив, я полагаю, что это увеличение объяснится гораздо проще, если принять мою гипотезу: главным импульсом к расширению торговли зерном стал растущий спрос со стороны армии.

В доказательство хочу привести следующие аргументы:

а) Размеры войскового спроса, с каковыми мы уже познакомились во всяком случае не исключают *возмож-*

¹ Defoe. Complete Engl. Tradesman. 5. ed. 1745. 2. P. 260 seqq.

² Afanassiev G. Le commerce des céréales en France au XVIII sc. 1894. Ch. 1–6.

ности того, что потребителями значительной части амстердамского импорта были именно армии: обеспечить хлебом войско из 150 000 человек — на это потребовалось бы около 30 000 тонн зерна в год. Людовик XIV уже выходил в поле с 200 000 человек. Армия Фридриха Великого в мирное время насчитывала 180 000 солдат. Экспорт зерна из Данцига составлял около 50 000 тонн.

б) В XVII–XVIII вв. зерноторговая политика военных держав имела сильно выраженную милитаристскую ориентацию. Эберхард фон Данкельман, так же как и Кольбер, считал само собой разумеющимся, что политика эта в первую очередь должна служить интересам армии.¹ Это свидетельствует о том, в какой значительной мере обеспечение войска продовольствием, и прежде всего, стало быть, хлебом, ощущалось в качестве настоящей проблемы.

в) Компетентные исследователи амстердамского рынка без обиняков заявляют, что оборот зерна там в значительной мере определялся войсковыми потребностями. Хорошо информированный и известный генеральный инспектор Дейвнант, контролировавший английский импорт и экспорт, отмечает в 1701–1714 гг. «беспримерный рост» голландской зерноторговли² и считает, что в военное время спекуляция на амстердамском мировом рынке принимала совершенно необузданный характер.

г) В целом ряде случаев мы можем констатировать фактическую связь между амстердамским зерновым рынком и органами армейского управления:

аа) уже в 1556 г. (т. е. еще до расцвета Амстердама) купцы из восточных земель вызвались поставить испанскому королю (стало быть, для нужд армии!) в Нидерланды столько ластов ржи, сколько он пожелает, по 24 флорина за ласт.³

¹ Acta Borussica. Op. cit. 1. 45, 47; 2. S. 151.

² Acta Borussica. Op. cit. 1. S. 432.

³ По листовке Йоста Найкерка 1630 г. (Acta Borussica. Op. cit. 1. S. 363).

bb) когда Людовик XIV в 1672 г. вооружал свои войска, с которыми он намеревался напасть на Голландию (!), необходимым количеством зерна его снабжали амстердамские (!) купцы.¹

cc) во время войны за испанское наследство покупателем на амстердамском зерновом рынке выступила армейская администрация Пьемонта. В данном случае мы можем во всех подробностях проследить, как нужды войскового обеспечения самым непосредственным образом способствовали интернационализации зерноторговли. Сначала Пьемонт израсходовал свое собственное зерно. Затем купцы перекинулись на Ломбардию, Эмилию, Романью: собственные нужды правительство удовлетворяло на рынке Генуи. Однако уже вскоре его агенты достигли Венеции, где только в 1709 г. зерна при посредничестве банкиров было закуплено более чем на один миллион лир. С 1706 г. в торговлю включается и Голландия: крупные партии зерна доставлялись в Пьемонт морским путем (и оплачивались, кстати говоря, из голландских субсидий!).²

dd) к услугам амстердамских торговцев в деле обеспечения своей армии необходимым количеством зерна прибегал даже прусский король Фридрих Вильгельм I: 5 мая 1737 г. он приказал Генеральной директории «негласно и не поднимая особого шума разузнать», нельзя ли приобрести в Амстердаме 1 000 000 шеффелей зерна по талеру за шеффель.³

В общем и целом справедливость моей гипотезы, как мне кажется, доказана. Чтобы убедиться в этом полностью, достаточно пролистать счетные книги амстердамских зерноторговых фирм.

В подтверждение своей точки зрения добавлю еще несколько слов о другом крупном международном рынке зерна — базельском; нам доподлинно известно, что он

¹ *Acta Borussica*. Op. cit. 1. S. 432.

² *Prato G.* Il costo della guerra. P. 297. Как и во многих других случаях, эта работа предлагает здесь богатейший материал для лучшего понимания связи между Марсом и Мамоной.

³ *Acta Borussica*. Op. cit. 2. S. 289.

прежде всего служил удовлетворению армейских нужд. «Базельским зерноторговцам удавалось вновь и вновь использовать конъюнктуру Тридцатилетней войны для своих спекуляций. Какую-то часть зерна они, по-видимому, заказывали в самой Швейцарии, но в основном получали его из не участвовавших в войне французских провинций».¹

Упоминание о «спекуляции зерном» выводит нас к рассмотрению следующего пункта:

5. Мало того, что одна из первых отраслей торговли, развивавшихся на широкой капиталистической основе, достигла своего расцвета во многом благодаря формированию новых армий — требования, которые задачи войскового снабжения предъявляли к мировому рынку, вели к возникновению совершенно *новых форм торговли*, которым суждено было на ближайшее будущее придать характерный отпечаток всей торговле в целом. Ведь, насколько я понимаю, то, что мы сейчас называем «торговлей поставками» или «сроками», возникает в непосредственной связи с заказами войсковых администраций. Зачатки этих новых форм торговли обычно относят к Голландии XVII века и говорят (следуя укоренившейся привычке), что в распространении торговли поставками виновато географическое расширение торговых отношений. На это можно возразить, напомнив, что договоры о поставках между армейским командованием, с одной стороны, и отдельными торговцами или торговыми обществами, с другой — во Франции и Англии были частым явлением уже в XVI в. Правительства обеих этих стран практически одновременно препоручили торговому сословию заготовку провианта для армии и флота, ответственность за которую прежде лежала на государственных органах: между производителем (или иным продавцом) и армейским командованием отныне возникла фигура поставщика — «антрепренера» или «муниционера», как его называли во Франции, или «контрактора» — в Англии.

¹ Geering T. Handel und Industrie der Stadt Basel. 1886. S. 542.

Первый шаг на пути формирования системы поставок, насколько мне известно, сделала Англия, где стремительно возраставшие затруднения были связаны с предоставлением довольствия флоту. Пользуясь материалами, опубликованными Оппегеймом и другими исследователями, мы можем теперь с достаточной точностью проследить, каким путем развивалось в Англии дело снабжения военно-морского флота.

В XV–первой половине XVI в. мы сталкиваемся с королевскими чиновниками, которым поручалось заботиться о снабжении флота провизией: the Kings purveyors, королевскими поставщиками. Они добывали необходимые продукты путем реквизиций: «by purveyance». В 1550 г. управление продовольственного снабжения было, как мы уже видели, централизовано; был создан Продовольственный департамент (victualling department); Генеральным инспектором продовольственного обеспечения флота назначен Эдуард Бэш. Но уже вскоре после этого, в 1565 г., система реквизиций упраздняется: с этих пор Бэш стал получать по 4.5 денье в день на человека в гавани и по 5 денье на человека в море (суммы эти впоследствии неизменно увеличивались) и должен был на эти средства поставлять соответствующий рацион; тем самым впервые была заключена сделка о поставках. Только в том случае, если довольствием приходилось снабжать сразу 2000 человек и более, ему предоставлялось право насильственного сбора. Бэш был обязан постоянно держать при себе месячный запас провианта на 1000 человек. Этот договор о поставках между Бэшем, выступавшим в данном случае только в качестве дельца, и короной был заключен сроком на 6 месяцев.

Эта система себя оправдала: в 1596 г. таким путем было обеспечено 13 000 человек, в 1597 г. (по своевременному заказу) — 9200. На довольствие подразделений, выходявших в море с 1614 по 1617 г., было выплачено 40 861 фунтов стерлингов 12 шиллингов и 11 денье.¹

¹ См.: Charnock J. Mar. Arch. 2. P. 216–217.

В 1622 г. поставка провизии для флота была передана двум предпринимателям — сэру Аллену Эшли и сэру Самсону (!) Дарреку, получившим пожизненный титул «Генеральных поставщиков продовольствия для военно-морского флота Его Величества». Количества провизии, которые они обязались поставлять, составляли: ежедневно 1 фунт бисквитного печенья, 1 галлон пива, 4 раза в неделю 2 фунта соленой говядины или 2 раза в неделю 1 фунт ветчины или свиного мяса и 1 пинта гороха; в остальные 3 дня недели — 1 квартал вяленой трески, восьмая часть фунта масла и четверть фунта сыра. Предпринимателям было предоставлено право за денежное возмещение использовать для своих целей все королевские пивоварни, пекарни, мельницы и т. д. в Тауэр Хилле, Дувре, Портсмуте и Рочестере.¹

В 1650 г. полковник Прайд и пятеро других предпринимателей заключили с короной договор на поставки, согласно которому они обязались снабжать флот провиантом по тарифу в 8 денье на человека в плавании и 7 денье на человека в гавани; в 1653 г. морской тариф вырос с 8 до 9 денье. В 1654 г. подрядчики расторгли договор. В результате было учреждено Провиантское ведомство во главе с капитаном Ромео Олдерном. Карл II вновь передал заботу о флотском довольствии в руки подрядчику — Денису Годену, в помощь которому король в 1668 г. отрядил двоих ответственных чиновников. С 1683 г. назначались продовольственные комиссары, располагавшие штатом клерков и поставщиков. Но при заготовке продовольствия путем частных договоров о поставках все шло по-прежнему, несмотря на появление этих новых интендантских чиновников.²

Во *Франции* о заготовке пропитания для армии вплоть до времен Генриха III заботились так называемые «манутенционеры», королевские чиновники; они были обязаны принимать поставки местных властей, ко-

¹ Договор опубликован Римером (*Rymer. Foedera.* 17. S. 441 ff.). Там же приводится и еще один, подобный ему (1636 года) (*Ibid.* 20. S. 103). В выдержках напечатаны Андерсоном (а° 1622, а° 1636).

² См.: *Laird Clowes.* 2. P. 104, 231.

торые в свою очередь собирали необходимые продукты питания с помощью реквизиционной системы. При Генрихе III такое самообеспечение было заменено поставками: купцам поручалось добыть столько-то продуктов таких-то и таких-то наименований за такую-то и такую-то цену. Первый договор такого рода был заключен в 1575 г., во время осады Лузиньяна, с неким Амори, богачом из Ниора.¹ Поставщики, нередко объединявшиеся вместе и формировавшие общества, компании по поставкам, назывались, как я уже говорил, «муниционерами». На них покоилась французская система довольствия до тех пор, пока в 1765 г. Шуазель вновь не взял под свой контроль заготовку провианта для армии и не обратил тем самым те «огромные прибыли», которые здесь (как и в других странах) получали военные поставщики, на пользу государству.²

Но как и многие другие принятые Шуазелем меры, эта реформа, по-видимому, действовала недолго: система поставщиков была устранена лишь на короткое время. Во всяком случае во время революционных войн мы вновь сталкиваемся с ней. В эту эпоху возникло и расцвело множество богатых и могущественных поставщиков.

В XVII–XVIII в. *все государства, которым приходилось вести войны*, мало-помалу перешли на систему поставок. Торговля военными поставками (распространявшаяся также на поставку оружия, боеприпасов, лошадей, обмундирования и т. д.) сделалась крайне важной отраслью, в которой были достигнуты чрезвычайные успехи. (В дальнейшем, когда речь пойдет еще о некоторых ее особенностях, я буду иметь в виду поставку *всех* предметов потребления, в которых нуждалась армия.)

6. Последним своим замечанием о том, что в области армейских поставок были достигнуты «чрезвычайные успехи», я затронул момент, который тоже нужно подчеркнуть и обратить на него особое внимание: я имею в виду ту роль, которую торговля военными поставками

¹ См.: *Andouin X. Hist de l'admin. de la guerre. 1811. 2. P. 46 seqq.*

² См.: *Compte rendu au roi de l'administration du départ. de la guerre depuis 1761 jusqu'au 1770 (Choiseul. Mém. 1. P. 114 seqq.); см.: Boutaric. P. 438.*

сыграла в процессе *формирования крупных состояний* и которая, по всей видимости, ей как таковой была свойственна в совершенно выдающейся мере.

Военные поставки во все времена были крайне доходным делом, потому что в них можно было наживаться на затруднительном положении, в котором оказывалось целое государство. Мы знаем, как стремительно английские торговцы обогащались на военных поставках в XIV в.,¹ он точно также дело обстоит в XV и XVI,² в XVII и XVIII вв. При этом создается впечатление, что в более ранние времена в качестве поставщиков выступали даже ремесленники, так что торговлю военными поставками можно отнести к тем отраслям экономики, которые способствовали образованию первичных состояний, что несомненно придает ей особое значение.

Для Средних веков мы можем сделать такое допущение без каких-либо оговорок, так как даже для раннекапиталистической эпохи оно подтверждается таким непревзойденным наблюдателем, как Дефо. Последний сообщает об этом следующее:

«A great many families rais'd within few years, in the late war by great employments and by great actions abroad to the honour of the English Gentry; yet how many more families among the tradesmen have rais'd immense estates, even during the same time, by attending circumstances of the war such as the cloathing, the paying, the victualing and furnishing etc. both army and navy... how ordinary is it to see a tradesmen go off of the stage, even but from mere shop-keeping, with, from 10 to 40 000 £, estates to divide among his family».³

¹ *Law A.* The english «nouveaux riches» in the XIV cent. (Transaction of the R. Hist. Soc. New Ser. Vol. IX. 1895. P. 67).

² *Hall H.* Society in the Elizabethan Age. 1901. P. 126 (одежда).

³ Множество семейств разбогатело за несколько лет последней войны ввиду большой занятости и продуктивных действий за границей на благо английского джентри; и множество семейств из числа торговцев приобрели огромные состояния за то же время, используя обстоятельства военного времени, потребности в одежде, жалованьи, довольствии и фураже и т. д. как со стороны сухопутных сил, так и военно-морского флота... Привычным стало видеть купца, богатеющего только за счет своей лавки, увеличивающего свой капитал с 10 000 до 40 000 фунтов стерлингов, которые распределялись между членами его семейства (*англ.*). — *Defoe.* Complete Engl. Tradesman. 1727. P. 307 seqq.

Обогащение за счет военных поставок с давних пор играло большую роль во Франции; здесь даже документы XVIII века ясно подтверждают нам, что таким путем множество состояний возникало попросту на ровном месте. В эпоху революционных войн явилась «целая толпа предпринимателей, желавших заполучить контракты. Но что это были за люди? Как я уже говорил выше, далеко не состоятельные. Богачи свои деньги скрывали. Поэтому тогдашним властителям Франции приходилось вести переговоры с поставщиками, либо авансируя им крупные суммы, либо предоставляя кредит. Таким путем возникали различные компании: Годар, Гайяр и т. д.»,¹ часто приобретающие значительные богатства. Самым известным из этих обществ (и пользовавшимся самой дурной славой) была компания Годара, которая, по некоторым источникам, за один год получила доход в 13 млн франков.

Фундаментальное исследование системы военных поставок представляет собой увлекательную и, конечно же, богатую всевозможными выводами научную задачу, которую я не могу решить в данном контексте, не выходя далеко за рамки предлагаемых очерков. Здесь я хочу указать только еще на один пункт, заслуживающий, по моему мнению, особого внимания (в нем еще раз проявляется важная взаимосвязь между продовольственным обеспечением войска и современным капитализмом): это

7) глубокая внутренняя связь, во все времена существовавшая между армейскими поставками и *еврейством*. Всякому, кто занимался экономическим развитием еврейства со времен Средневековья, прежде всего бросается в глаза, насколько часто людьми, снабжавшими армии всеми необходимыми продуктами, были именно евреи.

Пока они верховодили в экономической жизни Испании, они, естественно, играли выдающуюся роль и как войсковые поставщики. Но и в странах, где их деятельность развертывалась после изгнания, они сразу же отда-

¹ Enthüllungen. 1799. S. 427.

вали предпочтение этому промыслу, самому доходному из всех. В упомянутом качестве мы встречаемся с ними в *Англии* в XVII–XVIII вв. Во времена Республики самым значительным армейским поставщиком был Антонио Фернандес Карвахал, «великий Жид», поселившийся в Лондоне где-то между 1630 и 1635 годами и вскоре возвысившийся до положения одного из самых влиятельных торговцев страны. В 1649 году он принадлежал к числу пяти лондонских купцов, которым Государственный совет доверил поставку зерна для армии.¹ В последовавший затем период времени, а именно, в эпоху войн Вильгельма III, «главным поставщиком» (the great contractor) был прежде всего сэр Соломон Медина («жид Медина»), который в связи с этим был произведен в дворянское сословие.²

Точно так же евреями были люди, снабжавшие всем необходимым армии *противоборствовавших государств во время войны за испанское наследство*: «и Франция всегда пользовалась их услугами, чтобы оснастить на время войны свое рыцарство».³ В 1716 г. страсбургские евреи ссылались на услуги, оказанные ими армии Людовика XIV в части обеспечения провизией и почтового сообщения.⁴ Якоб Вормс считался главным военным поставщиком Людовика XIV.⁵ В XVIII евреи во *Франции* выступают в этой роли все чаще. В 1727 г. евреи из Меца за шесть недель добыли для города 2000 лошадей на мясо и более 5000 на пополнение конного состава.⁶ Маршал Мориц Саксонский, победитель в битве при Фонтенэ, говорил, что его войска никогда не были обеспечены продовольствием лучше, чем когда он за этим обращался к евреям.⁷ Выдающейся из всех поставщиков личностью времен двух последних Людовиков был Серф Бир, о котором в патенте на натурализа-

¹ Wolf L. The First English Jew. Репринт из Transactions of the of the Jew. Hist. Soc. of England. Vol. II; см. также: Hyamson A. M. Hist. of the Jews in England. 1908. P. 171–173.

² Hyamson A. M. Op. cit. P. 269; Picciotto J. Sketches of Anglo-Jewish History. 1875. P. 58 seqq.

³ Lau T. L. Einrichtung der Intraden und Einkünfte der Souveräne usw. 1719. S. 258.

⁴ См.: Liebe. Das Judentum. 1903. S. 75.

⁵ Jewish Encyclopaedia (статья «Банковское дело»).

⁶ Mémoire der Juden von Metz vom 24. März 1733, выдержки опубликованы Блохом (Bloch. Op. cit. P. 35).

⁷ См.: Bloch. Op. cit. P. 23.

цию было сказано: «que la dernière guerre ainsi que la disette, qui s'est fait sentir en Alsace pendant les années 1770 et 1771 lui ont donné l'occasion de donner des preuves de zèle don't il est animé pour notre service et celui de l'Etat.¹ Первостепенным мировым значением в XVIII в. обладал дом Градисов из Бордо: Авраам Градис построил в Квебеке несколько больших складов для снабжения сражавшихся в Америке французских войск.² Как поставщики евреи играли существенную роль во Франции времен Революции, Директории и наполеоновских войн.³

В *Германии* мы тоже обнаруживаем евреев уже в ранние времена, причем чаще всего они занимают именно должности войсковых поставщиков. В XVI в. здесь проживал Исаак Мейер, которому кардинал Альбрехт, разрешив в 1537 г. приехать в Гальберштадт, ввиду беспокойных времен поставил условием «снабжать наш приют хорошим оружием, броней и припасами»; и Йозеф фон Розгейм, получивший в 1548 г. императорскую охранную грамоту за то, что раздобыл у французского короля деньги и провизию для солдат. В 1546 г. мы сталкиваемся с богемскими евреями, поставляющими войскам одеяла и шинели.⁴ В XVII столетии (1633 г.) богемский еврей Лазарь получает официальное подтверждение в том, что он действительно добывал или поручал добыть на свои средства «сведения и известия, весьма интересные для императорской Армады», и всегда старался «подвозить для императорской Армады одежду и требуемые боеприпасы».⁵ Великий курфюрст «в своих военных операциях с большой для себя пользой» прибегал к услугам Леймана Гомперца и Соломона Элиаса, которые «ради войсковых нужд много раз осуществляли поставки орудий, ружей, пороха, снаряжения

¹ Что во время последней войны, а также голода, который ощущался в Эльзасе в 1770–1771 гг. он имел возможность проявить рвение и оказать услуги нам и нашему государству (*фр.*) — Выдержки из патентных писем см.: *Bloch*. Op. cit. P. 24.

² О Градисах см.: *Malvezin Th.* Les juifs à Bordeaux. 1875. P. 241 seqq.; *Grätz*. Die Familie Gradis (Monatschrift. 24. 1875; 25. 1876). Два эти описания, основывающиеся на надежных источниках, появились независимо друг от друга.

³ *Capefigue M.* Banquiers, fournisseurs etc. 1856. P. 68, 214 etc.

⁴ *Bondy*. Zur Geschichte der Juden in Böhmen. 1. S. 388.

⁵ Все три примера я встретил у Либе (*Liebe G.* Das Judentum, 1903. S. 43 ff, 70), который приводит их без указания источников.

и т. д.».¹ В спецификации касательно «того, что я выдал на новый эскадрон», значится: 3) еврею Левину Мейеру за присланных лошадей до конца июня 1719 г. 13 483 имперских талера (из общей суммы в 23 408 имперских талеров 13 грошей и 9 пфеннигов).² Самуил Юлиус — императорский и королевский поставщик лошадей (боевых) при курфюрсте Саксонском Фридрихе Августе; семья Модель — придворные и военные поставщики в герцогстве Ансбах (XVII–XVIII вв.).³ Когда лошади поставлялись по особенно низкой цене, говорили о «евреях-лошадниках».⁴ «С этих пор все комиссары были евреями и все евреи — комиссарами», — безапелляционно заявляет Мошерош в «Лицах» Филандра Зиттевальда.⁵

Первые зажиточные евреи, которые после изгнания вновь получили разрешение проживать в Вене при императоре Леопольде (1670) — Оппенгеймеры, Вертгеймеры, Майер Гершель и т. д., — все они тоже были армейскими поставщиками. В частности, Самуил Оппенгеймер, «иудей и главный императорский военный управляющий», каков был его официальный титул и как он сам любил подписывать официальные бумаги, в походах принца Евгения заключал «практические все наиболее значительные договоры о продовольственных и оружейных поставках».⁶ Многочисленными доказательствами того, что свою деятельность в качестве армейских поставщиков евреи продолжили и в XVIII в., мы располагаем в отношении всех австрийских земель.⁷

¹ *König. Annalen der Juden in den preußischen Staaten, besonders in der Mark Brandenburg, 1790. S. 93–94.*

² *Bekleidung und Ausrüstung des Reg. Erbpr. Gustav zu Pferde, Halberstadt, 7. Juli 1719; цит. по: Geschichte der Bekleidung. 2. S. 357.*

³ Рескрипт от 28 июня 1777 г.; напечатан А. Леви; *Die Juden in Sachsen. 1900. S. 74; Haenle S. Gesch. d. Juden im ehemal. Fürstentum Ansbach. 1867. S. 70.*

⁴ *Observations-Punkte, 1739. 2. S. 108; цит. по: Becker. Aus der Jugendzeit. 1877. S. 36.*

⁵ *Gesichte Philanders von Sittewaldt das ist Straffs-Schriften Hanss Wilh. Moscherosch von Willstät. 1677. S. 779.*

⁶ *Mensi F. von. Die Finanzen Österreichs von 1701–1740. 1890. S. 132 ff.*

⁷ См., к примеру, заявление Венской придворной канцелярии от 12 мая 1762 г. (*Wolf. Geschichte der Juden in Wien. S. 70; Komitatsarchiv Irntrak XII/3336 (по Моравии), сообщение Йозефа Рейцмана; снабжение провиантом крепостей Рааб, Офен и Коморн силами евреев Бреслау (1716), см.: Wolf. Op. cit. S. 61).*

Наконец, упомянем еще и о тех поставщиках-евреях, которые во время революционных войн (равно как и позднее, в ходе гражданской войны) снабжали провиантом *американские* войска.¹

В ходе нашего исследования мы один раз уже сталкивались с евреями: когда рассматривали вопрос об изыскании средств на военные нужды. Там они предстали перед нами в роли кредиторов и прежде всего в роли агентов, которые путем овеществления заемных отношений (развитие института долевого обязательств, имевших хождение как на бирже) позволяли государству делать все более значительные займы. Там они обогащались на войне, и здесь они тоже обогащаются на войне — на войне, которую ведут между собой другие народы. Своеобразие их социального положения и природные наклонности позволяли им в этом деле выполнять свои функции лучше христиан, и потому именно благодаря войнам они стяжали себе богатство и почести (придворные евреи!); именно войны впервые во многих местах открыли им вышеозначенными путями доступ к источникам национальной экономики. Экономическое главенство евреев в Европе и Америке не в последнюю очередь стало плодом войны. А о том, что это означает, и означает прежде всего для формирования экономической системы капитализма, мне нет необходимости здесь говорить главным образом потому, что этому предмету я уже посвятил целую книгу — «Евреи и экономика».

* * *

Влияние, которое обеспечение войск довольствием оказывает в сфере *ремесленного производства*, по понятным причинам не столь велико. Но оно наличествует и здесь: в выпечном деле первыми крупными предпри-

¹ *Friedenwald H.* Jews mentioned in the Journal of the Continental Congress (Publ. of the Amer. Jew. Hist. Soc. 1. P. 65–89).

ятиями были пекарни, производившие армейский хлебный паек,¹ которые в такой стране, как Пруссия, где промышленность еще долгое время развивалась в рамках ремесла, несомненно сыграли весьма революционную роль.

* * *

Дополнение: В точности, как поставка съестных припасов в армиях европейских стран, была организована и поставка лошадей: она находилась в руках богатых торговцев, большей частью евреев, и, как нам часто сообщают, тоже была источником быстрого обогащения. Документы, по которым мы могли бы составить себе более точное представление о конном составе вооруженных сил, все еще покоятся в архивах. Те научные изыскания, которые до сего дня были проведены по данному предмету, проблему далеко не исчерпывают. Подробно она излагается в книге Э. О. Менцеля «Конный состав прусской армии в его историческом развитии и современном состоянии» (в 2-х томах, 1845–1871). Множество сведений разбросано в самой различной литературе. В этом отношении особенно интересна уже упоминавшаяся ранее книга Джузеппе Прато, в которой приводятся сметы по Пьемонту времен войны за испанское наследство. Оттуда мы, к примеру, узнаём, что после туринской битвы кавалерия недосчиталась 2024 лошадей, что лошадь, купленная за границей, стоила в среднем 18 луидоров, а приобретенная внутри страны — 100–150 фунтов стерлингов. Сообщается также, что поставки велись на широкую ногу, например, в 1704 г. при участии банковского дома Люллен и Николая было приобретено 1300 лошадей.²

¹ Описание армейских хлебопекарен XVIII века см.: Handbibl. für Offiziere. 5. 1839. S. 555 ff.

² Prato G. Il costo della guerra. P. 292 seqq.

Глава 5

ОБМУНДИРОВАНИЕ ВОЙСКА

1. Система войскового обмундирования

Сначала и здесь каждому воину предоставлялось самому заботиться о своей экипировке. Ландскнехт привозил с собой свою одежду: ту, которую считал подходящей. Но и солдаты, служившие в приказных ротах Карла Смелого (1471), т. е. уже в более или менее «постоянной армии», о своем обмундировании (как и о своем вооружении) все еще должны были заботиться сами.¹ С такой же ситуацией мы сталкиваемся в английском флоте времен правления Елизаветы.²

Когда о вещевом довольствии начинала беспокоиться какая-либо высокая инстанция, это зачастую происходило точно так же, как мы уже видели в отношении пропитания, т. е. в виде косвенного попечения: отдельному воину хотя и предоставлялось, как и прежде, экипироваться по своему усмотрению и за свой счет, однако особое внимание уделялось тому, чтобы при покупке он мог выбрать добротные и недорогие товары.

Правительство Англии поступало так в XVII в. со своим флотом: в 1623 г. провиантмейстеры предложили матросам покупать «дешевую одежду» (*slop clothes*); сообщается также причина: экипаж сильно обносился и зарос грязью, так что на корабле стояла страшная вонь и все эти нечистоты могли привести к вспышке какой-нибудь зараз-

¹ *Guillaume M.* Op. cit. P. 140.

² *Oppenheim M.* Op. cit. P. 138, 139.

ной болезни (to avoyde nastie beastlyness by continuall wearinge of one suite of clothes and therebie boddilie diseases and un wholesome ill smells in every ship). Но поскольку покупать такую «одежду» было необязательно, цены же казались слишком высокими, добротные носильные вещи не нашли своего покупателя: команда «bought hardly any slops and preferred to go ragged».¹

Правительство, однако, и в дальнейшем заботилось о выгодном предложении предметов одежды: в 1655 г. вышло распоряжение, запрещавшее портным поставлять на борт одежду без лицензии военно-морских комиссаров. В 1656 г. была установлена твердая цена на корабельную одежду: холщовые куртки по 1 су 10 денье и т. д. Но комиссары не гарантировали качество предлагаемых товаров. Если моряк по каким-либо причинам лишился своего «мундира», он получал небольшую сумму, чтобы приобрести его вновь.²

По мере того как отдельные войсковые подразделения стабилизировались в своем составе и сплачивались в единую армию, на смену самообеспечению приходила коллективная система удовлетворения спроса. Мысль о том, что подразделение должно быть обмундировано как единое целое, была вполне свойственна тем ранним временам: призывные войска и ополчение часто получали форменную одежду от общины, которой они принадлежали в повседневной мирной жизни; городские отряды военнообязанных по большей части экипировались за счет города. Но и «вольные стрелки» (*francs archers*), набранные Карлом VIII Французским, все обмундирование получили от общины. Позднее экипировка этих ополченческих отрядов, неоднократно набиравшихся вплоть до начала XVIII в., была разделена между королем и общиной: король поставлял вооружение, «основное обмундирование» (*le grand équipement*), т. е. прежде всего форменный костюм, и заботился о поставке до-

¹ Не хотела покупать добротные вещи и предпочла носить изношенные (англ.)

² State Pap. Dom. 11 декабря 1655 г.; State Pap. Dom. CXXXIV, 64; State Pap. Dom. сентябрь 1656 г. (*Oppenheim M. Op. cit. P. 329*).

вольствия на время службы; община же была обязана предоставить «малое обмундирование» (*le petit équipement*): шляпы, жилеты, рубашки и обувь.¹

Войсковое предпринимательство, в XVI–XVII вв. занимавшее главенствующие позиции в деле обеспечения армии, сделало само собой разумеющимся то обстоятельство, что после упразднения системы индивидуального самообеспечения инстанцией, в обязанности которой входило обмундирование подразделений, становился командир полка или роты.

Эта система полкового или ротного обеспечения вещевым довольствием, по-видимому, господствовала во всех военных державах с момента возникновения современных армий вплоть до XVIII в.: в Англии,² где уже в начале XVI столетия злоупотребления преследовались законом, во Франции,³ в Бранденбурге-Пруссии.⁴

Но уже довольно рано в дело вещевого снабжения вмешивается *государство*, начавшее со своей стороны участвовать в обеспечении войска всем необходимым: сначала *наряду* с другими инстанциями, либо принимая на себя заботу о полном обмундировании части подразделений, либо частично экипируя все подразделения. В первом случае оно либо за соответствующую плату поставляло полковникам и капитанам сырье для изготовления одежды, т. е. прежде всего сукно на мундиры. Так дело обстояло в Бранденбурге-Пруссии:

2 мая 1611 г. маркграф Эрнст сообщил курфюрсту, что перед двумя полковниками, графом Филиппом фон Зольмсом и Крахтом, «сверх того, что они уже получили из жалованья, *сукна* и т. д.» осталась задолженность в 71 033 имперских талера.⁵ Но эта смешанная система

¹ *Mention L.* L'armée de l'anc. rég. 1900. P. 36.

² Рукописные источники см.: *Grose F.* Military Antiquities resp. a History of the English Army. 1. 1812. P. 310 seqq.; *Fortescue.* Hist. of the British Army. 1. P. 283 seqq.

³ *Mention L.* Op. cit. P. 255.

⁴ Geschichte der Bekleidung usw. der Kgl. Preuß. Armee, 2. Teil. Die Kürassier- und Dragonerregimenter (bearb. von C. Kling). 1906. S. 3–4.

⁵ *Jany.* Anfänge. S. 33.

функционировала в Пруссии и в XVIII веке: обмундирование вменялось в обязанность командирам полков, военное же министерство заботилось о закупке сукна и крупными партиями переправляло его в полки.¹

Либо же монарх поставлял какую-то одну часть обмундирования, а офицеры все остальное.

Например, по договору об обмундировании ангальтского пехотного полка от 23 января 1681 г.² герцог Ангальтский предоставил униформу, которую теперь следовало обновить. Герцог заключил с «господами офицерами и капитанами, коим было поручено командовать действующими ротами, следующие соглашения»:

1) он немедленно поставляет 1000 штук «добротных длинных шинелей из голубого сукна»;

2) он сохраняет за офицерами военное содержание за 10 месяцев (сумма за 2 месяца удержана в счет оплаты шинелей);

3) офицеры *обязуются*, «что с этого дня они будут обеспечивать каждый вверенную ему роту полным, добротным и безупречным обмундированием»..., докупая что-либо каждый год, так что *через три года* обмундирование будет обновлено полностью.

Другой путь, который государь избирал для участия в экипировке своих войск, означал, что он брал на себя полное обеспечение части армии; в этом случае она разделялась на полки, получившие обмундирование от государства, и полки, экипированные за счет других источников.

Монархи с давних пор заботились об экипировке своей лейб-гвардии. Ее щедрому и дорогостоящему оснащению главное внимание уделялось и позднее, когда она существенно увеличилась в размерах и во Франции, к примеру, превратилась в «армию королевского дома». Наряду с этим государь снабжал униформой и другие

¹ *Richtshofen E. von.* Der Haushalt der Kriegsheere (Handbibliothek für Offiziere. 5. 1839. S. 628 ff.).

² Напечатано в: *Geschichte der Bekleidung.* 2. P. 212 ff.

подразделения, в зависимости от спроса и своих возможностей.

В Англии Эдуард III уже в 1337 г. поручил Чемберленам из Северного и Южного Уэльса закупить достаточное количество сукна, чтобы сшить из него мундиры для каждого из тысячи набранных солдат.¹

На конец XVI—начало XVII в. мы располагаем точными сведениями по личному составу всех ирландских пехотных подразделений и по численности тех из них, которые были экипированы на государственный счет, а также по затраченному на это суммам:²

Годы правления	Обмундирование	Численный состав подразделений	Экипировано	Затрачено, ф. ст.
Елизавета, 41-й год	Летнее	12 000	7500	17 818
42-й »	Зимнее	12 000	12 000	29 806
42-й »	Летнее	7000	12 000	10 393
42-й »	Зимнее	12 000	6300	29 806
43-й »	Летнее	12 000	8030	17 818
44-й »	Зимнее	12 000	6850	29 806
44-й »	Летнее	10 000	8500	14 846
45-й »	Летнее	10 000	8500	15 330
Яков I, 1-й год	Зимнее	7000	3040	17 864
1-й »	Летнее	5000	1460	7656
2-й »	Зимнее	3000	1500	7656
2-й »	Летнее	3000	316	4508
3-й »	Зимнее	1370	250	3456
Итого:				237 387ф. ст.

(около 1.33 млн фунтов стерлингов в сегодняшней валюте, т. е. примерно 26 млн марок за 7–8 лет).

Во Франции государство оказывало такую же частичную поддержку: в 1630 г. форму для нескольких полков предоставил Ришелье; в 1645 г. мундиры и обувь были направлены войскам в Каталонию.³

¹ См.: *Grose F. Military Antiquities resp. a History of the English Army.* 1. P. 310 seqq.

² *Hall H. Society in the Elizabethan Age.* 1901. P. 127.

³ *Mention L. Op. cit.* P. 255 seqq.

Позднее, в XVIII в., огосударствление системы вещевого довольствия было завершено во всех военных державах, что не означает, впрочем, что теперь изготовление или хотя бы только поставка форменной одежды полностью и напрямую осуществлялись государством. К примеру, во Франции, где огосударствление было в принципе завершено в 1747 г., и позднее практиковались две системы: «косвенное» (*régie*) и «прямое» (*administration directe*) обеспечение войска (поротное хозяйство), которое, однако, тоже осуществлялось под руководством государства.¹

Организационным образцом обеспечения армии вещевым довольствием стали учрежденные в 1768 г. *австрийские* мундирные комиссии, целью которых было «обеспечение всех войсковых подразделений как в мирное, так и в военное время необходимыми предметами обмундирования, экипировки, кожаными изделиями, конской сбруей и всякого рода полевым реквизитом»; одновременно они должны были заботиться о поставке оборудования для госпиталей и постельных принадлежностей.²

Но детали мы здесь обсуждать не будем. Достаточно того, что мы определили тенденцию, следуя которой система вещевого довольствия с течением веков перешла от индивидуального самообеспечения к полному государственному обеспечению; одним словом, мы и в этой области военного дела столкнулись с тенденцией к концентрации спроса, о которой в дальнейшем еще скажем несколько слов.

2. Униформа

В теснейшей связи с переменами в системе вещевого довольствия находятся экономически особенно важные изменения, касающиеся внешнего вида мундира.

¹ *Mention L.* Op. cit. P. 261.

² *Richthofen E. von.* Der Haushalt der Kriegsheere. Op. cit.

Когда воин заботился о своем мундире сам, сообразуясь только со своими усмотрениями и возможностями, в обмундировании подразделения в целом — как мы это уже видели в отношении вооружения — царила беспорядочная пестрота. У каждого перед глазами картина: толпа ландскнехтов, где всяк обмундирован на свой особый вкус. (Заметим кстати: здесь творческая склонность человека все еще свободно выражается в той роскоши и прихотливости, с какими он формирует свой собственный облик без каких бы то ни было ограничений в угоду внутренней или внешней дисциплине).

Такое разнообразие наблюдается в обмундировании еще в XVII в. Шведская армия Густава Адольфа представляла собой, по всей видимости, диковинное зрелище. Единственное распоряжение, касавшееся внешнего вида мундиров, вышло в 1621 г. и гласило: «Солдаты справляют себе удобные, подобающие воину одеяния, обращая внимание не столько на сукно, сколько на то, чтобы платье было пошито с толком». Однако и в войне с Пруссией шведских солдат за их неприглядные мундиры все еще называли «батраками», и их овечьи шкуры были упразднены только в 1632 г. специальными налогами на овчину.¹ Армия Великого курфюрста по крайней мере в том, что касалось отдельных полков, к концу его правления тоже была далека от того, что мы сегодня понимаем под войском, обмундированным по единому образцу.

Вот что в смотровых рапортах генералов фон Шенинга и фон Барфуса в 1683 г. говорилось о форме *гвардейцев* (!):

«Обмундирование в последний раз выдавалось пять кварталов назад, и все очень плохое, особенно для двух гвардейских рот, белье и верхнее платье выглядят износившимися, одни носят синие штаны суконные, другие кожаные, у одних пуговицы круглые, у других старые латунные, у одних белье белое, у других — темно-синее и т. д. ...»²

¹ Heilmann J. Das Kriegswesen der Kaiserlichen und Schwedischen zur Zeit des Dreißigjährigen Krieges. 1850. S. 18.

² Historisches Portefeuille von Hausen. 4. Jahrg. 1785. S. 680; опубликовано в Geschichte der Bekleidung. 2. S. 213.

Поэтому в XVII в. в армиях все еще применялись разного рода опознавательные знаки. В качестве таких служили: полевые повязки и перья на шляпах у предводителей; знамена и штандарты; в особенности же так называемые полевые значки, которые пристегивались к головному убору.¹

Когда же в войсках утверждается единая форма? Как она появляется? Кое-кто пытался связать современную армейскую униформу с подобными облачениями, которые в особых случаях были известны уже Средневековью. Но все же это были вещи иного рода, поскольку породил их иной дух. В те времена носили «цвета» тех, кого хотели почтить своим выступлением. И когда много людей собиралось, чтобы оказать почести одному (на праздниках, торжественных встречах и процессиях, на всякого рода чествованиях и т. п.), естественным образом возникало и зрелище множества костюмов одинаковой расцветки или покроя. Но они, во-первых, никогда не были *полностью одинаковыми* (в точности похожими один на другой), а только совпадали по расцветке, и, во-вторых, никогда и не *должны* были такими быть.

Эта, как ее можно было бы назвать, «одежда для чествований» в некоторых случаях превращалась в облачение иного рода, которое своим возникновением, быть может, и было обязано сходной цели (оказанию почестей), но впоследствии оказалось переподчинено другому ряду идей: отношениям служения. При дворе служитель уже в давние времена носил одежду, раскрашенную в цвета своего государя. Но если раньше выбор одежд определенной расцветки и покроя был результатом свободного решения носившего их человека, то теперь его принуждал к этому патрон, цветовым единообразием одежд, в которые было облачено по возможности больше народу, стремившийся выразить полноту своей власти.

Эти «придворные» одежды, постепенно превратившиеся в «служебные», и были, по-видимому, тем кор-

¹ Geschichte der Bekleidung. 2. S. 4; см. там же приложения 41, 42 и 43.

нем, из которого по крайней мере в том, что касалось внешней стороны дела, произошла современная армейская униформа: лейб-гвардия была облачена в цвета своего повелителя.

Единообразные одеяния княжеских лейб-гвардий мы всюду обнаруживаем уже в XV в.: у Альберта Ахилла (1476 г.) гвардейцы должны были носить «платье наполовину черное, наполовину серое, а на черном рукаве буквы из белого полотна».¹ Английские королевские войска носили ярко-красные мундиры, по-видимому, со времен Генриха VII.² В королевские цвета были одеты экипажи французских военных кораблей во времена Людовика XI, позволившего носить свои цвета и некоторым морякам из Гаронны. В 1514 г. все 60 лярошельских моряков из Сен-Мало были одеты в голубые с красным жакеты, тогда как испанские моряки — в красные с желтым.³

Тот факт, что позднейшая армейская униформа возникла именно в рамках отношений служения, можно распознать и по названию, которое она получила в XVII в. и сохраняла позднее: «ливрея» (*liverie*, *livrée royale*, *royal livery*). Выражение «униформа» укоренилось в немецком (!) языке только в правление Фридриха Великого.

Когда в 1605 г. Генрих Юлиус, герцог Брауншвейгский, устраивает смотр 16 000 пехотинцев и 1500 конников, они все одеты в «ливреи», расцвеченные в цвета герцога.⁴

600 мушкетеров, которых, согласно патенту о назначении от 1 мая 1620 г., набрал в свой отряд полковник фон Крахт, получили «ливреи из серого сукна с голубыми обшлагами»⁵ (тогда как для 400 копейщиков форма, по-видимому, не была предусмотрена).

¹ *Priebatch*. Pol. Korr. des Kurf. Albrecht Achills. 2. S. 266; цит. по: *Jany*. Anfänge. S. 15.

² *Fortescue*. Hist. of the British Army. 1. P. 111, 135.

³ *Roncière Ch. de la*. Hist. de la marine franç. 2. P. 459.

⁴ *Reitzenstein J. Frh. von*. Das Geschützwesen usw. 1. 1896. S. 153.

⁵ *Jany*. Anfänge. S. 45 ff.

25 ноября 1679 г. сенат Гамбурга постановил одеть городских ополченцев «в определенные ливреи», т. е. сшитые по единому образцу.¹

Еще в начале XVIII в. в одном из источников читаем: «Эти конные гвардейцы курфюрста..., одетые в дорогие курфюршеские ливреи...»²

Но мы не ухватили бы самую суть современной униформы, если бы видели в ней только продолжение или экстенсивное развитие одеяний для слуг. Следовало бы, напротив, понять, что она произросла из своего собственного корня и что по своему духу, а в конце концов и по своему материальному воплощению она в принципе относится к совсем другой области человеческих интересов, нежели ливрея.

Главное в том, что современная униформа представляет собой целиком и полностью рациональный феномен: она была рождена соображениями целесообразности, крайне тонкими и крайне существенными. И прежде всего *милитаристского характера*.

Причина была и чисто внешняя: по единой форме лучше было распознавать то или иное подразделение, отличать одно войско от другого. Но к этой внешней присоединялись и весьма важные внутренние причины, способствовавшие унификации армейского мундира: униформа вселяет в тех, кто ее носит, *чувство солидарности*, которое у них не возникло бы, если бы они не были одеты одинаково. Это соображение принималось в расчет уже в очень раннюю эпоху, когда идея старого призывного войска еще не полностью поблекла и готовилась трансформироваться в идею всеобщей воинской обязанности граждан той или иной страны. Тогда (в XVI в.) граф Иоганн Нассауский, отстаивавший принцип всеобщей воинской обязанности в одном из своих сочинений, подчеркивал то влияние, которое

¹ *Muhsfeldt Th.* Einiges über die Hamburger Stadtsoldaten (Mitteilungen zur Gesch. der milit. Tracht, herausg. von R. Knotel. 1896. № 8).

² См.: *Lünig.* Theatr. cerem. hist. pol. 1, 1719. S. 89 ff.; цит. по: *Geschichte der Bekleidung.* 2. P. 216.

единый государственный мундир может оказать на укрепление самосознания. И он, и ландграф Мориц Гессенский в те времена, когда камзолы еще, в основном, изготавливались из шелка, различали своих фюзильеров по цвету шерстяных панталон.¹

Родственным по духу, но не тождественным, было другое соображение, несколько позднее использованное великими войсковыми организаторами: они полагали, что униформа способствует укреплению армейской дисциплины. Если граф Нассауский надеялся с помощью униформы пробудить в солдатах автономную самоотверженность, то здесь от унификации внешнего вида мундиров ожидали, скорее, гетерономного подчинения воли отдельного воина целям, поставленным перед войском в целом. «Нет униформы — нет дисциплины», — эту мысль высказал однажды Фридрих Великий, описывая состояние армии Великого курфюрста: «*Sa cavalerie avoit encore l'ancienne armure en entier; elle ne pouvait gueres être disciplinée car chaque cavalier se pouvoit de chevaux, d'habits et d'armes d'où il résultait une bigarrure étrange pour tout le corps*».²

Современная войсковая дисциплина, как мы уже неоднократно констатировали, представляет собой одну из тех сил, которые словно Провидением предназначены для того, чтобы покончить с человеком «творческим». Милитаризм и пуританство, как мы уже видели, — близнецы-братья; потому и одним из первых войск, носивших строго единообразные мундиры, были возглавляемые Кромвелем «благочестивые».

К этим, как я их называю, соображениям военной целесообразности присоединяются в качестве вспомога-

¹ *Liebe. Der Soldat. S. 301.*

² Его кавалерия была еще вооружена совсем по-старому, она не была надлежащим образом дисциплинирована, поскольку каждый конник сам выбирал себе коня, одяние и оружие, отчего и происходила неуместная для воинского подразделения пестрота (фр.). — *Mém. pour servir à l'histoire de la maison de Brandenbourg. 1767 (par Frédéric II); опубликовано в Geschichte der Bekleidung. 2. P. 201.*

тельных мощные причины *экономического характера*, которые тоже подталкивают к введению формы единого образца: единообразие создает возможность для массовых заказов и массового производства, а это в свою очередь приносит разнообразные выгоды, из которых важнейшей является более низкая цена. Тем самым мы уже ступили одной ногой в область экономического исследования проблемы обмундирования, в которой нам позднее предстоит осмотреться внимательнее. Но я прошу читателя повременить еще минуту, потому что сначала хочу сказать еще хотя бы несколько слов о том, как разворачивалась внешняя история современной униформы.

История эта может быть выражена в одной короткой фразе: единообразный мундир распространяется по всей Европе с той же скоростью и в тех же масштабах, что и огосударствление системы обмундирования. Сначала, как мы уже видели, униформа появляется у лейб-гвардий. Позднее одевать свои войска в регулярные мундиры или по крайней мере унифицировать какую-то их часть стали, по-видимому, города.

Другими подразделениями, где униформа тоже появилась довольно рано, были призывные войска. Саксонский оборонительный распорядок 1613 года предписывает пехоте одеваться в серые суконные мундиры с красным воротником, короткие суконные штаны и красные чулки; различия в цвете мундиров и лампасов были введены также и для кавалерии.¹

В войсках XVI–XVII вв., которые вербовали предприниматели, единая форма для различных полков тоже встречается довольно часто: предмету, который предназначался ими на продажу, полковники стремились придать наиболее импозантный вид; хотели, чтобы их подразделения выглядели хорошо экипированными и дисциплинированными. Позднее единое обмундирование для наемнических полков стало особо оговариваться в договорах на заказы. В качестве примера можно при-

¹ *Liebe. Op. cit.*

вести договор о создании гессенского драгунского полка от 19 октября 1688 г.¹

Итак, в той мере, в какой монарх вообще брался за обеспечение своего войска одеждой, он обеспечивал его и униформой. Поэтому развитие государственной системы обмундирования в XVI–XVIII вв. мы можем проследить по тому, как развивалась униформа — вплоть до полной победы обоих принципов.

У *французской* армии в XVI в., собственно говоря, еще не было униформы. И все же некоторые подразделения уже носили особую отличительную одежду: у жандармов были военные мундиры (*hoquetons d'ordonnance*), лучники отдельных провинций носили платья и гербы своей земли (такая униформа имела еще и другой источник: оснащение ополченцев). Но вплоть до времен Людовика XIV большинство полков отличались друг от друга только расцветкой шарфов; Людовик ввел единое обмундирование для полков короля (синее), королевы (красное) и дофина (зеленое). В общем же и целом полковникам все еще предоставлялось самим решать, во что будут одеты их солдаты. Полностью единое для всей армии обмундирование было введено только в середине XVIII в., ордонансами от 10 марта 1729 г., от 20 апреля 1736 г. и от 19 января 1749 г. Только этот последний указ принес окончательную победу принципу единого форменного обмундирования; дословно в нем говорилось: «*Sa Majéste a ordonné et ordonne, qu'a l'avenir les Régimens de son Infanterie Française qui auront à renouveler en tout ou en partie leur habillement, seront tenus de se conformer exactement au Règlement porté ci-après...*», — значит к ношению униформы все еще нужно было призывать строгими приказами.²

¹ *Geschichte der Bekleidung*. Bd. II. Anlage 65.

² Его Величество уже распорядился и еще раз распоряжается, чтобы полки его королевской пехоты, которые должны быть полностью или частично переобмундированы, были одеты в одинаковые мундиры, в точности как сказано ниже... (*фр.*). — *Andouin X. Hist de l'admin. de la guerre*. 1811. 2. P. 52 seqq.; *Chennevières. Détails militaires*. 2. 1750. P. 116 seqq.; *Boutaric. Inst. mil.* P. 359, 425.

Английская армия впервые была облачена в единообразные мундиры (красного цвета) в 1645 г.¹ В военно-морских силах Англии униформенный принцип начал утверждаться лишь позднее: первые распоряжения об офицерских мундирах были изданы в 1748 г.²

В *Бранденбурге-Пруссии* государство начинает вводить единое обмундирование с начала XVII в. Широко известно описанное Кенигом³ впечатление, произведенное «голубыми мундирами» Георга Вильгельма во время его прусского похода: «С этими пятью ротами бургсдорфского полка, насчитывавшими 1000 человек... и 150 всадниками курфюрст Георг Вильгельм в 1632 г. прибыл в Пруссию на избрание польского короля. После битвы при Лютцене он возвратился в марку с теми же войсками... В Пруссии все они были одеты в одинаковые ливреи голубого цвета, что тогда было еще непривычно и привлекало повышенный интерес; поэтому им и дали имя „голубых мундиров“».

Яни, впрочем, доказал,⁴ что это сообщение Кенига, долгое время считавшееся важным документом по истории обмундирования, является фальшивкой, поскольку «голубые мундиры» существовали в Бранденбурге уже с 1620 г., а кроме того были распространены и в войсках других немецких земель. И все же можно допустить, что вид облаченного в единую униформу полка в те времена мог возбудить всеобщее внимание. Но только в самом начале. Еще при Великом курфюрсте продуманная до мельчайших деталей униформа в том смысле, в каком мы о ней говорим сейчас, была не известна. Источники, однако, свидетельствуют о том, что войсковые отряды (особенно перед выходом в поход) старались по возможности облачать в одинаковые одежды и вооружать одинаковым оружием, о чем должен был позаботиться полковник. В кавалерии полковник (или по его поручению

¹ Fortescue. Op. cit. 1. P. 213.

² Laird Clowes. Op. cit. 3. P. 20.

³ Konig. Alte und Neue Denkwürdigkeiten der kgl. preußischen Armee. 1787. S. 24; цит. по: Geschichte der Bekleidung. 2. P. 211.

⁴ Jany. Anfänge. S. 45 ff.

ротмистр) должен был на установленную сумму в 40 талеров подготовить полностью и опять-таки по возможности единообразно вооруженного и обмундированного конного воина. Далее *он же* должен был следить за тем, чтобы личный состав через определенные промежутки времени обновлял свое обмундирование, ради чего ему (как мы уже видели) предоставлялось право удерживать часть жалованья или «угощения».¹

В остальном же внешний вид обмундирования в те времена оставался крайне пестрым, различался от полка к полку, а в пределах одного и того же полка — от десятилетия к десятилетию, так что истории армейского мундира вовсе не существовало, а была только история обмундирования отдельных полков. Образцовый труд, к которому мы уже не раз обращались, только сейчас предложил для нашего суждения надлежащий материал, и только теперь мы видим, насколько пестрым было обмундирование бранденбург-прусского войска еще на протяжении всего XVII столетия. Мнение, высказанное пару десятилетий назад одним из лучших знатоков истории старой армии, — о том, что в Бранденбурге-Пруссии обмундирование пехотинцев было унифицировано уже в начале, а кавалеристов в конце правления Великого курфюрста,² — это мнение на основании добытых на сегодня источников не оправдывается по крайней мере в первой своей части. Скорее, мы должны сказать, что за время своего правления Великий курфюрст привел к почти полной победе сам принцип единообразия в обмундировании. Во всяком случае мундир прусской армии был *полностью унифицирован к началу XVIII в.*; на протяжении второй половины XVII в. униформу носила только часть войска, пусть даже и большая.

¹ Geschichte der Bekleidung. 2. P. 3.

² Crousaz A. von. Die Organisation des brandenburgischen und preußischen Heeres von 1640 bis 1665. 1865. 1. S. 11 f.

3. Увеличение, концентрация и унификация спроса на обмундирование и их значение для экономики

Теперь мы уже приобрели некоторую ловкость в разыскании тех экономических моментов, на которые следует обращать особое внимание при рассмотрении процессов развития, подобных описанным выше.

Потребность в армейском обмундировании означает прежде всего, что отныне на рынке появляется соответствующий по размерам спрос на одежду и материал для ее пошива, так как мы можем абстрагироваться от возможности изготовления необходимых предметов одеяния в рамках собственного производства: такая возможность уже не имела места. В течение всех тех столетий, которые мы считаем решающими для формирования нового экономического порядка, мундиры для солдат закупались на рынке.

Насколько велик был спрос, возникший благодаря потребности современных армий в обмундировании, каждый может без труда рассчитать, помножив вышеприведенные цифры, характеризующие численность личного состава армий, на количество материи, аксессуаров и т. д., потребных отдельному солдату, и соразмерив количество лиц, нуждавшихся в мундирах, шинелях, шляпах, сапогах и т. п., с требовавшимся количеством всего этого.

О том, что в XVII–XVIII вв. входило в комплект одного солдатского мундира, можно судить по следующим сметам:

Перечень того, что потребно из обмундирования на 193 солдата:

965 эльнов лундского (т. е. лондонского) сукна на штаны, козиаки и чулки, каждому по 5 эльнов;

965 эльнов сукна на подкладку, каждому по 5 эльнов;

2316 эльнов белого и черного грубого полотна, каждому по 12 эльнов;

1158 дюжин лент, каждому по 6 дюжин на штаны и козиаки;

193 лота шелка, каждому по 1 лоту;

579 дюжин железных пуговиц, каждому по 5 дюжин;
 50 эльнов грубых шнурков четвертого сорта, пришивать к козиакам;
 193 шляпы.¹

Выдержка из военных кассовых смет 1679–1681 гг.:²

200 шляп по 15 грошей	125 талеров		
500 аршин широкого галуна по 3.25 гроша	67	»	17 грошей
300 аршин голубой ленты по 1 грош	12	»	12
40 штук синих шинелей по 3.75 имперских талера	150	»	»
200 штук галстуков по 5 грошей	41	»	16
300 аршин широкой красной ленты по 8 пфенигов	8	»	6
30 аршин упаковочного холста по 18 пфенигов	1	»	21
250 штук синих шинелей по 3.75 имперских талера	937	»	12
250 шляп по 15 грошей	156	»	6
625 аршин галуна по 3.75 гроша	84	»	11
375 аршин голубой ленты на шляпы по 1 грошу	15	»	15
Итого:	106 99 талеров	3	гроша

Потребности одного пехотинца на начало XVIII в.:³

5 аршин сукна по 15 грошей	3 талера	3	гроша
7 аршин байки по 4 гроша	1	»	4
1 аршин красной материи на отвороты	14	»	
20 штук латунных пуговиц по 4 гроша за дюжину	6	»	8 пфеннигов
1 лот верблюжьего драпа	3	»	
2 пары лент из верблюжьей шерсти	6	»	
1 шляпа с желтой обшивкой	12	»	
Итого:	6 талеров	8	пфеннигов

¹ Письмо капитана фон Бургсдорфа графу Шварценбергу. Берлин. 16 октября 1620 г. (Staatsarchiv Berlin. Опубликовано в: *Geschichte der Bekleidung*. 2. P. 40. Anl. 16).

² См.: *Geschichte der Bekleidung*. 2. Bd. II, Anl. 159.

³ *Hennert C. W. Beiträge zur brandenb. Kriegsgesch. unter Churfürst Friedrich III. 1790. S. 12; см. также Richtofen E. von. Der Haushalt der Kriegsheere. S. 495.*

Во времена Фридриха Вильгельма I полное обмундирование и оснащение одного кавалериста, включая седло и уздечку, обходилось в 73 талера 2 гроша.¹

Каждый солдат савойской или пьемонтской королевской кавалерии стоил в начале XVIII века 131.16 ливра; каждый женевский стрелок — 110.14 ливра; каждый канонир — 68.16 ливра. Снаряжение лошади для кавалериста составляло 75.5 л., для драгуна — 67.4 ливра². Для обмундирования полка английских солдат в 1730 году потребовалось 1570 фунтов стерлингов 165 су и 2.5 денье³.

Сделаем расчет только по сукну: чтобы обмундировать армию численностью в 100 000 человек, потребуется 500 000 аршин или 20 000 штук сукна. Если принять, что мундиры обновлялись каждые два года, расход сукна составит 10 000 штук в год. Общее потребление сукна населением Бранденбурга в начале XVIII столетия Шмоллер оценивает в 50 000 штук.⁴ Фридрих Великий в своих бранденбургских мемуарах говорит, что из курфюршеской и новой марки вывозилось около 44 штук сукна.⁵

В это же время в английской области Уэст-Райдинг ежегодно производилось примерно 25 000 штук сукна.⁶

Такие цифры склоняют нас к выводу, что спрос на солдатское сукно оказывал существенное положительное влияние на суконную промышленность европейских стран. И этот общий вывод подтверждается ходом событий во всех отдельных случаях.

Известно, что в *России* сукнодельная промышленность возникла главным образом именно как отрасль военной индустрии.

Но армейские заказы в значительной мере способствовали и развитию сукноделия в *Бранденбурге*. Особен-

¹ Crousaz A. von. Op. cit. S. 45.

² Prato G. Il costo della guerra. P. 302.

³ Grose F. Military Antiquities, 1. P. 315.

⁴ Schmoller. Umriss. S. 514.

⁵ Œuvres. 1. P. 234, цит. по: Schmoller. Umriss. S. 522.

⁶ Cunningham. The Growth of engl. Ind. and Commerce. 2. P. 969.

но значительный подъем оно испытало в XVIII веке, в тот период, когда сукно поставлялось в Берлин для Российской компании (1725–1738 гг.). Российская компания вывозила в эти годы в Россию по 20 000 штук сукна в год, и все это было только солдатское сукно для обмундирования русской армии: учитывая приведенные выше показатели совокупного производства, такие количества несомненно должны были «сыграть очень большую роль».¹ Фридрих Вильгельм очень хорошо понимал эту взаимосвязь между промышленным расцветом и развитием армии: основанные им войсковые институты всегда учреждались с учетом возможностей индустрии. Мундирный регламент от 30 июня 1713 г. был издан «ради улучшения его войск и ради включения в его земли уже основанных мануфактур». Проницательные наблюдатели отмечают то большое значение, которое войсковой спрос имел для сукнодельной промышленности страны: «Il paroît que l'armée a toujours fait un des principaux débouchés pour le travail des drapiers du pays».²

Даже для грандиозной *английской* сукнопромышленности поставки для армии имели, по всей видимости, весьма немалое значение (хотя главное направление сбыта здесь было другим). Пока ей не составила конкуренцию Пруссия, она тоже поставляла большие партии солдатского сукна в Россию. Мы видим, какую ожесточенную борьбу английские (и голландские) купцы вели с прусскими интервентами. В 1772 году стоимость экспорта шерстяных тканей из Англии в Россию еще оценивалась в 50 000 фунтов стерлингов.³

Особенно явственным для острого глаза наблюдателя было то стимулирующее влияние, которое войсковой спрос оказывал на сукнодельные предприятия во время

¹ Все относящееся к деятельности российской компании в Берлине взято из одноименной статьи Шмоллера (*Zeitschr. für preuß. Geschich. und Landeskunde*. Bd. 20), перепечатанной в издании: *Schmoller. Umriss*. S. 457–529.

² Похоже, что армия постоянно служила одним из главных рынков сбыта продукции отечественных сукноделов (*фр.*). — *Mirabeau. De la Monarchie prussienne*. 4. II. 1787. P. 123.

³ *James. Hist. of the Worsted Manuf. in Engl.* 1857. P. 287.

Семилетней войны. Так, Артур Янг сообщает: за эти годы война породила такой спрос на производственные товары, что на их изготовление попросту едва хватало «рук».¹

Какая именно часть совокупной продукции английской шерстеобрабатывающей промышленности шла на достижение военных целей, не поддается точному расчету. Мы знаем только, что, к примеру, в немецких сметах по военным поставкам XVII в. солдатское сукно чаще всего именуется «лундским», т. е. «лондонским».

Во Франции сукнодельная промышленность, работавшая на армию, играла большую роль со времен Кольбера: в XVII в. мы встречаемся с ней в Лангедоке, в Берри (в Обиньи в этой отрасли было занято 2000 человек, в Шатору — 10 000); в XVIII в. — в Меце, в Лодеве (8000 человек), в Роморантене и т. д.,² в Вире, Валони, Шербуре; в Монпейру, который вместе с Лодевом продавал солдатского сукна на 1 600 000 ливров в год.³

Если теперь, помимо сукнодельной промышленности, принять во внимание и другие отрасли, обеспечивавшие армию обмундированием: полотняную, шляпную, портняжную, сапожную, чулочную, пуговичную, обшивочную и т. д., а кроме того учесть промыслы, занятые «обмундированием» лошадей (кузнечный, шорный), и, наконец, перевозкой провианта и т. п. (каретный и т. д.), то мы придем к весьма высокой оценке значения этого рынка для чисто количественного развития экономической жизни того или иного государства.

Но это чисто количественное развитие в экономическом аспекте далеко не самое важное; гораздо важнее то влияние, которое покрытие войскового спроса на обмундирование оказало на *форму хозяйственной жизни*, особенно его роль в формировании экономической системы капитализма, которую мы так хотим выявить. Итак,

¹ *Levasseur*. Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France. 2e. 1900. P. 324, 331, 381 seqq.

² *Martin G.* Louis XV. P. 119, 120.

³ *Young A.* Pol. Arithm. S. 91; см. также: *Gulich G. von.* Geschichtl. Darstellung des Handels usw. 1. 1830. S. 97.

можно ли доказать, что такое качественное влияние действительно имело место?

Чтобы ответить на этот вопрос, нам нужно составить себе представление о том, каков был этот спрос на предметы одежды и убедиться, что он становился массовым спросом на единообразные предметы по мере того, как прогрессировало огосударствление и унификация системы обмундирования. Не опасаясь преувеличений, можно с уверенностью сказать, что такая концентрация спроса, какую мы наблюдаем в XVII в. в поставках для крупных армий, для той эпохи была просто неслыханной. Наверное, у людей (в том числе и у купцов) глаза вылезали на лоб, когда они узнавали, что в каком-нибудь одном-единственном контракте оговаривалась немедленная поставка 5000 полных комплектов солдатского обмундирования, как, например, в договоре, который английское правительство в 1603 г. заключило с Ури Бэбингтоном и Робертом Бромлеем.¹ Или когда видели цифры, встречавшиеся, к примеру, в заказах Валленштейна:

«Накажите также изготовить 10000 пар башмаков для кнехтов, чтобы я потом распределил их по полкам... Пусть еще заготовят кожу, потому что вскоре я прикажу сшить пару тысяч сапог. И пусть заготовят сукно, может быть, потребуются и платья.

Ашерслебен, 13 июня 1626 г.

(Мой кузен Макс)... пусть распорядится, чтобы вы пошили 4000 мундиров для кнехтов, это куртки из сукна с холщовой подкладкой, пара суконных штанов и пара шерстяных чулок».²

«Войсковой казначей пусть отправится в Гитчин и там на 13 000 имперских талеров закажет для армии башмаков, чулок и платьев (в другом, более позднем письме речь идет еще об одном заказе — на 40 000 имперских талеров); помогать ему усердно во всем. 4000 мундиров, которые вы

¹ Hall H. Society in the Elizabethan Age. P. 126.

² Письмо Валленштейна земельному управителю фон Таксису от 13 мая 1626 г., Ашерслебен; опубликовано в: Handbibliothek für Offiziere. 5. S. 439 ff.

заказали в прошлом году, пусть он также заплатит, что они мне стоили, и потом отвезет их к вам, когда заплатит» и т. д.¹

26 сентября 1647 г. Конраду фон Бургсдорфу было поручено заключить в Гамбурге следующий контракт на поставку сукна и фланели с купцом Эберхардом Шлефом:

«Он должен поставить для боевых курфюршеских офицеров 1512 брабантских аршин синего сукна, удостоверенного проверкой (NB!!), по пять четвертей имперского талера за аршин, и для рядовых кнехтов 20 000 брабантских аршин синего сукна, при удостоверении проверкой, по одному имперскому талеру..., а еще фланели 21 512 брабантских аршин, по 6 серебряных грошей. Срок — три недели после св. Мартина».²

Не нужно забывать, в каком мире появлялись столь грандиозные заказы: купцам нелегко было раздобыть вышеупомянутые 965 (!) аршин «лундского» сукна. К этой статье сметы имеется следующее примечание:

«Nota: здесь вейлеры (т. е. купцы) сообщают, что они уже кое-что заготовили и постараются, насколько это будет возможно, достать то, чего еще не хватает; а чего достать не удастся, того придется поискать в Пруссии».

Это означает, что к тому времени, по-видимому, уже развилась вполне крупная *торговля* одеждой и материей самого разного рода. Войсковая администрация не могла и не хотела иметь дело напрямую с тысячами мелких ремесленников; она не могла и не хотела делать закупки на рынках и ярмарках. Поэтому здесь возникал существенный повод к ведению оседлой торговли на широкой капиталистической основе. Иногда государь нуждался и в поставщике как посреднике между производителем и

¹ Письмо Валленштейна Таксису от 6 августа 1627 г., Нойс; опубликовано Гейльманом (*Heilmann J. Op. cit. Beil. 4*).

² *Meinardus. Prot. et Rel. Bd. III. S. 567*; цит. по: *Geschichte der Bekleidung. 2. S. 211.*

войском, потому что только ему он мог доверить столь часто требовавшийся кредит.

Нельзя без внутреннего волнения читать сообщения о такого рода процессах¹. В 1678 г. Великий курфюрст писал командирам своих полков: «Поскольку Мы всемилостивейше желали бы видеть, да и сама нужда требует, чтобы полки были обеспечены весьма добротной и удобной одеждой и, выходя в поле, не испытывали ни в чем недостатка, постольку мы, всемилостивейше заботясь о набранных рекрутах, решили добавить каждому пехотному полку еще *три тысячи имперских талеров* на одежду...

Кельн на Шпрее, 28 февраля 1678 г.»

Поскольку у курфюрста не было такой суммы в наличных деньгах (3000 талеров!), ему ее должны были одолжить полковники. Но у полковников таких денег тоже не было: с 1676 года они получили только 13 168 талеров жалованья! Однако несколько магдебургских купцов вызвались предоставить на эту сумму сукно в кредит: «Между тем я уже закупил 200 штук синего сукна», пишет полковник фон Борншторф.

Богатые купцы сосредоточивались в сфере поставок обмундирования, благодаря которым их состояние стремительно росло: у голландского (!) торговца Германа Майера на складе в Петербурге хранилось английского сукна на сумму в 80 000 рублей (1725); Российская компания работала в Берлине с капиталом в 100 000 талеров и за первый год заработала 22878 талеров;² Английские «контракторы», поставлявшие мундиры армии и флоту, были людьми с весьма значительными капиталами³ и т. д.

Но столь существенные перемены в отношениях сбыта, вызванные войсковым спросом на одежду и материю для нее, должны были влиять и на формы *промышлен-*

¹ См.: Geschichte der Bekleidung. 2. S. 205 ff.

² Schmoller. Umriss. S. 468, 484.

³ В Британском музее (Harleian Coll.) хранится договор между лордом Касптоном и портным Френсисом Молио, относящийся к 1693 г.; опубликован Гроузом (Grose F. Military Antiquities. 1. P. 315).

ности. Прежде всего внутреннему преобразованию неминуемо должны были подвергнуться взаимоотношения между торговцем и производителем: ремесленник против своей воли постепенно оттеснялся на позиции рабочего, действовавшего на дому; торговец же становился раздатчиком. Процесс этого превращения мы вновь можем с достаточной точностью проследить на примере сукнодельной промышленности Бранденбурга: купцы попросту сражались за первенство с самостоятельными сукноделами; всеми возможными средствами они стремились подчинить труд мелких ремесленников своим целям, а последние заключались в аккуратной и скорой поставке крупных партий одинакового сукна. Связанные с таким спросом требования, предъявляемые к размерам и скорости поставок, единообразию продукции и т. п. сословие самостоятельных ремесленников не в состоянии было выполнять сколько-нибудь продолжительное время. К унификации производства на базе капиталистической организации труда здесь вело не географическое расширение области сбыта, не перемены в технике производства и не имущественная дифференциация в среде ремесленников, а именно нужда в сбыте, которую приходилось претерпевать *торговцу*. В своем докладе Генеральной директории, отправленном 27 декабря 1723 г., тайный советник Шиндлер, на время принявший на себя руководство королевскими суконными складами, сокрушенно жалуется на неудовлетворительную продукцию сукноделов-ремесленников.¹ Сукно, говорит он, должно быть одинакового качества, высокой прочности и яркой окраски. Чтобы достичь этого, в таких случаях (когда речь шла о достаточно больших поставках) обычно заключали аккордные договоры с целым цехом сукноделов, или с одним, но более крупным производителем. Но в данном случае (поставки для русской армии) этого было недостаточно; ни цех, ни торговец сукном не могли обеспечить надлежащий порядок и организацию, контролировать валяние шерсти, ее обра-

¹ *Schmoller. Umriss. S. 463 ff.*

ботку и окраску; при осмотре большинство цветов пропускали, зрители были настолько некомпетентны, что не могли их даже распознать; ткани прибывали все вместе, одни были сотканы плотно, другие свободно, одни тоньше, другие толще, одни штуки шире, другие же, на одних краска совершенно блеклая, на других неправильно положена. Далее Шиндлер описывает, какими преимуществами обладает производство «на складах»,¹ т. е. мануфактурная или фабричная организация труда: «На складе для всякой работы и ручного труда, потребных для изготовления сукна, устроено особое приспособление, благодаря чему удастся в основном избежать всех вышеназванных недоделок... известно ведь, что на складе, где за год производится много тысяч штук сукна и кирзы, ошибки случаются весьма редко...»

Таким образом, крупные военные поставки вели прежде всего к подчинению ремесленника руководящей роли торговца, единообразию и порядку, точности и схематизму, поскольку речь шла о том, чтобы все эти качества привить ремесленному производителю. Однако кустарно-промышленная форма предприятия тоже оказалась непригодна для того, чтобы труд был в достаточной мере механизирован. Организация труда совершенствовалась, пока не возникли крупные предприятия, где впервые только и смогла полностью раскрыться и царить душа предпринимателя-капиталиста и где он впервые смог производить именно *те* товары, которые соответствовали новым требованиям потребителей.

Российская компания в Берлине отчасти сделала эти выводы: она учредила две собственные красильни, «так что теперь стало можно поставлять безупречный товар».²

Но полностью требованиям армейской администрации могли соответствовать только совсем крупные фабрики по производству солдатского сукна, появившиеся в России в XVIII в. и ставшие, как и крупные оружейные

¹ Подробное описание «склада» в Берлине содержится у Бергиуса (*Bergius J. H. B. Neues Policey- und Cameral-Magazin*. 6. 1780. S. 161 ff.).

² *Schmoller*. Umriss. S. 487.

фабрики, отличительным признаком крупнопроизводственной организации: на московской сукнодельной фабрике Щеголина & К° (1729) было занято 730 рабочих и действовало 130 ткацких станков; на казанской фабрике Микляева работало 742 человека.¹ Таким образом, современная армия и здесь предстает перед нами как инициатор перехода к капитализму.

Но то, что справедливо для сукноделия, справедливо, конечно же, и для всех остальных промыслов, принимавших участие в поставках обмундирования для армий. Так, переход к *производству готового платья*, коль скоро это производство не относилось к индустрии роскоши, тоже был инициирован именно с этой стороны.

Мы уже знаем, что в 1603 г. английское правительство заключило договор на поставку 5000 *готовых мундиров*: договор, который возобновлялся два раза в год, т. е. был вполне привычным делом. Нужно еще упомянуть, что оба поставщика, которым оно заказало мундиры, в договоре названы «торговцами-портными из Лондона» (merchant-taylors of London).² Одним из наиболее ранних капиталистических промыслов в Лондоне действительно было портняжное дело, и мы можем счесть доказанным, что та часть капиталистических портняжных мастерских, которая не была связана с индустрией роскоши (о ней я подробно рассказал в первом томе настоящих очерков), занималась производством готового платья для военных.

Точно так же, как и для сухопутной армии, готовые платья уже в XVII в. изготавливались и для военно-морского флота: разумеется, тоже на капиталистической основе. В 1655 г. вышло распоряжение, согласно которому портным не разрешалось поставлять одежду на борт английских военных кораблей без специальной лицензии военно-морских комиссаров³ и т. д.

О Германии в XVIII в. говорили:⁴ «Другая часть платной торговли (т. е. не та, где торговали «дорогими»

¹ Tugan-Baranowski M. Gesch. der russ. Fabrik, deutsch 1900. S. 14.

² Hall H. Society in the Elizabethan Age. P. 124.

³ State Pap. Dom. 11 декабря 1655 г. (Oppenheim M. Op. cit. P. 329).

⁴ Allgemeine Schatzkunde der Fauffmannschaft usw. 2. 1747. S. 12, 13, 14.

платами) — это когда купец заключает с генералом или полковником договор, по которому обязуется поставить ему необходимую одежду для такого-то количества полков или рот».

Из шляпных мастерских в ковчеге капитализма спаслись только *предприятия по изготовлению военных головных уборов*, которые, к примеру, в Англии в XVIII веке принадлежали немногим богатым предпринимателям и давали занятие множеству людей, главным образом женщинам и девушкам.

Более подробное изучение выявленных мною взаимосвязей во всех отдельных случаях я предоставляю труду позднейших исследователей.

Сам я хочу в заключение лишь указать на одно обстоятельство: возможно, что *идея картеля*, т. е. установления твердых стандартных цен и договоренности свободных производителей о совместном сбыте, впервые возникла именно в индустрии, производившей продукцию для нужд армии. Унификация самих поставок и поставляемых товаров подталкивает к такому выводу. И в самом деле, справедливость этой моей гипотезы находит своеобразное подтверждение. В 1740 г. военные поставщики Лангедока объединились между собой и предложили королю: отныне они будут поставлять на склады сукно для его войска по строго определенным ценам, т. е. не желают более друг с другом конкурировать. Они предложили «à sa Majesté de faire établir dans la ville de Montpellier un magasin où on fera fournir, sur les ordres de M. le Secrétaire d'état de la guerre, les draps, cadis et autres étoffes nécessaires pour l'habillement de l'infanterie française à un prix fixe qui sera convenu, comme aussi de les faire tenir directement aux troupes, au moyen di prix qui sera réglé».¹

¹ Его Величеству учредить в г. Монпелье арсенал, где под началом Его Величества Армейского секретаря будет складироваться сукно, ткани и другие материалы, необходимые для обмундирования французской пехоты по твердой цене, о которой мы условимся, как и о прочих войсковых надобностях, по средней установленной цене (*фр.*). — A General Description of all Trades. 1747. P. 51. По актам см.: *Martin G. Louis XV*. P. 228.

Глава 6

КОРАБЛЕСТРОЕНИЕ

1. Значение кораблестроения для экономики

Кольбер знал, что говорил, когда называл кораблестроение величайшим из всех ремесел: «*La construction des vaisseaux est le plus étendu de tous les arts*».¹

Речь идет не столько о строительстве самих кораблей на верфях, сколько о множестве промышленных отраслей, производящих материалы для их постройки, и о множестве отраслей торговли, заботящихся о поставке этих строительных материалов.

Воздействие, оказываемое кораблестроением на всю экономику в целом растет по мере того, как 1) разворачивается строительство все большего числа кораблей, что не нуждается в разъяснении, но также и 2) по мере того, как начинают строиться корабли большего размера. Значение величины здесь тоже разумеется само собой, поскольку для строительства равного количества больших кораблей, конечно, потребуется больше строительных материалов, большее количество рабочих рук и т. д. Но большие размеры корабля существенны и сами по себе: они ведут к более высокой концентрации живого труда и спроса на материалы и приспособления: верфи нужно расширять, чтобы строить на них суда большего размера; увеличиваются потребляемые за один раз коли-

¹ *Principes de M. Colbert sur la marine*. Эта памятная записка, которая в данной главе еще не раз послужит нам источником, составлена под руководством графа Морепа на основании актов Морского министерства, которые в те времена еще в целостности и сохранности содержались в Морском архиве. Записка была опубликована Э. Сю в первом томе его *Histoire de la Marine*. 1835. P. 287 seq.

чества древесины, троса, железа и т. д., — и все это лишь потому, что корабль, этот «сложный» товар, как мы его назвали, представляет собой бльшую единицу спроса.

Воздействие, которое производят размеры самого корабля, может быть вызвано и организационной консолидацией деятельности по его построению. Можно поэтому сказать, что влияние, оказываемое кораблестроением на экономику, растет 3) по мере того, как деятельность кораблестроителей концентрируется, консолидируется и уплотняется: когда на одной верфи строится сотня кораблей, спрос возникает больший и более единообразный, чем когда те же 100 кораблей строятся на десяти верфях.

Наконец, нужно еще напомнить, что сфера влияния кораблестроения (которое здесь, впрочем, не отличается от влияния любой другой промышленной отрасли) возрастает и по мере того, 4) как строительство кораблей ускоряется: если я держу сотню человек на одной рабочей площадке, то корабль условленной величины строится на ней, скажем, за год. Если же он должен сойти со стапелей уже через три месяца, то я должен соответствующим образом увеличить количество рабочих, одновременно занятых на его строительстве. То же относится и к производству стройматериалов.

Эти рассуждения были необходимы, чтобы пояснить, ради чего я в данном контексте вообще упоминаю о кораблестроении. Мне ведь можно возразить, приведя следующее замечание: разумеется, кораблестроение играет большую роль в становлении современного капитализма (хотя и в таком общем виде этот тезис еще никем не был сформулирован: когда наши историки-экономисты расследуют истоки современного капитализма, для них существует, по-видимому, одна только текстильная промышленность), но что общего этот несомненно истинный факт имеет с темой «война и капитализм»? Разве кораблестроение в той же, а то еще и в большей мере не является гражданским промыслом, который своим возникновением обязан торговым надобностям? Отчего же ты

берешься изучать кораблестроение и исследовать его значение для милитаризма? На это возражение я отвечаю: на самом деле милитаристские интересы сыграли в развитии кораблестроения решающую роль, а интересы торговли, вероятно, никогда (во всяком случае, за такие короткие сроки) не придали бы ему такой динамичности, как армейские нужды.

Чтобы доказать истинность этого утверждения, как раз и было необходимо охарактеризовать условия, от которых зависит расцвет кораблестроения, что я и попытался сделать выше. Теперь нужно будет показать, что военные интересы оказали существенное влияние 1) на количество кораблей, 2) на их размеры, 3) на ускорение процесса строительства и 4) на концентрацию кораблестроительной отрасли.

2. Количество кораблей

Даже сегодня военно-морской флот крупной военной державы составляет значительную часть общего количества ее кораблей. Общая грузоподъемность морских судов Германии (как парусных, так и паровых) на 1 января 1912 г. составляла 4 711 998 регистровых тонн брутто и 3 023 725 регистровых тонн нетто; водоизмещение же кораблей имперского военно-морского флота на 1 апреля 1912 г. оценивалось в 892 710 тонн. Гамбургский флот в 1911 г. состоял из 1252 морских судов вместимостью в 1 687 945 регистровых тонн (нетто); на гамбургских пароходах были установлены машины, развивавшие мощность в 1 234 000 лошадиных сил; на кораблях же имперского флота паровые машины развивали мощность в 1 515 340 лошадиных сил. Как видим, цифры весьма внушительные. Если же углубиться на пару веков назад, в эпоху, когда развитие кораблестроения только начиналось, то соотношение между военными и торговыми кораблями весьма сильно смещается в пользу первых. В другом месте я уже показал, сколь стремительно военно-морской флот наращивал состав

своих кораблей. Но в целом значение этого роста мы сможем осознать, только когда сопоставим число военных кораблей с количеством и тоннажем торговых судов в ту же эпоху.

К сожалению, о составе торгового флота в раннекапиталистическую эпоху у нас мало надежных сведений. По XVI в. мы располагаем отправной точкой, к которой может быть привязана наша оценка объема *английского торгового флота*: в своем «Трактате о торговле», вышедшем в свет в 1601 г., Уилер высказывает мнение, что лет 60 назад в гаванях Темзы не было и четырех кораблей (за исключением входивших в состав королевского флота) водоизмещением более 120 тонн. Справедливость этого предположения подкрепляется и данными из других источников. С 1544 по 1553 г. в море выходило следующее число кораблей с водоизмещением более 100 тонн:

Приписанных к Лондону	17 кораблей	водоизмещением в 2530 тонн
Приписанных к Бристолю	13 »	» 2380 »
К другим гаваням	5 »	

По списку 1577 года значится:

135 торговых судов	водоизмещением от	100 тонн и более
Из них:		
56 кораблей	водоизмещением	100 »
11 »	»	110 »
20 »	»	120 »
7 »	»	130 »
15 »	»	140 »
5 »	»	150 »
и 656 кораблей	»	от 40 до 100 тонн

В 1582 г. мы обнаруживаем уже 177 торговых судов водоизмещением более 100 тонн.

Но флот Генриха VIII, как мы видели выше, уже в начале его правления имел водоизмещение в 8460 тонн, а в конце — в 10 550 тонн; Елизавета после своей

смерти оставила военный флот водоизмещением в 14 060 тонн.

По XVII в. в отношении Англии мне известны следующие подсчеты:

В 1628 г. в описи английских торговых кораблей, стоявших на Темзе, перечислены:

7 индийских судов	водоизмещением в 4200 тонн
34 торговых судна другого назначения	» 7850 »
22 судна в Ньюкасле для перевозки угля	

В 1629 г. во всей Англии было 350 кораблей водоизмещением свыше 100 тонн, что в совокупности составляет вместимость в 35 000—40 000 тонн.

В 1642 г. Ост-Индская компания имела состав кораблей грузоподъемностью в 15 000 тонн.¹

В 1651 г. в распоряжении купцов города Глазго находилось 12 кораблей общей вместимостью 957 тонн.

В 1692 г. к гавани Литрима были приписаны 29 кораблей грузоподъемностью в 1702 тонн.²

По вышеприведенным источникам, в этот период времени общая грузоподъемность королевских кораблей составляла по меньшей мере 15 000—20 000 тонн (в 1618 г. — 15 670 тонн, в 1624 г. — 19 339 тонн, в 1660 г. уже 62 594 тонн).

Французский торговый флот по официальным сведениям³ в 1664 г. состоял из 2368 кораблей; их общее водоизмещение я по приведенным в документах размерам оцениваю примерно в 180 000 тонн. Военных кораблей во Франции в 1661 г. было всего 30, на момент смерти Кольбера — уже 244, и их общую грузоподъемность мы

¹ Пять первых оценок Оппенгейм сообщает, следуя современным источникам; последняя цифра взята из «Счетов» Ост-индской компании и приводится Андерсоном.

² Bremner D. The industries of Scotland. 1869. P. 60.

³ См.: Sue E. Hist. de la marine franCCC. 1. P. 344.

можем с достаточной уверенностью оценить в 80 000–100 000 тонн.

По XVIII в. мы располагаем данными, относящимися к 1754 г.,¹ согласно которым английский торговый флот к этому времени насчитывал:

Около 2000 морских судов вместимостью около	170 000 тонн
Около 2000 каботажных судов вместимостью около	150 000 »
Итого около 4000 судов вместимостью около	320 000 тонн

Эти показатели считает верными и такой превосходный по тем временам знаток, как Постлитуэйт.²

О том, что они и в самом деле близки к истине, мы можем заключить по известному нам точному количеству кораблей, принадлежавших одному Лондону. Согласно Генеральным таможенным реестрам, в 1732 г. их было 1417 единиц общей грузоподъемностью 178 557 тонн.

В XVIII в. статистика мореплавания становится более точной, и это позволяет нам сделать некоторые выводы о численности корабельного состава. В отношении той эпохи мы можем допустить, что корабли, причаливавшие, к примеру, в английских гаванях, выходили в море один или два раза в год: на два однократных плавания приходилось в среднем одно повторное.³ Однако в 1743, 1747 и 1749 гг. во все английские порты заходило в среднем по 603 чужестранных корабля в год общим водоизмещением в 86024 тонны.⁴ Если из южных английских гаваней в 1786–1787 гг. в Вест-Индию отправилось 233 судна водоизмещением в 47 257 тонн, то из Лондона туда же вышло 218 кораблей водоизмещением в 61 695 тонн, а из северных портов — 77 кораблей водо-

¹ В качестве источника Андерсон, у которого я позаимствовал приведенные цифры (*Origins of Comm.* 3. P. 299), указывает «одного автора из торговцев». Сам он считает этот показатель заниженным. Но и встречные его доводы не очень убедительны.

² *Postlethwayt. Dict. of Commerce*, статья «Мидлсекс». 2². 1758. P. 256.

³ *Postlethwayt. Dict. of Commerce*. 2. P. 335.

⁴ Показатель «вычислен с изрядной точностью» по Генеральному таможенному регистру (*Postlethwayt. Op. cit.* 2². P. 256).

измещением в 14 629 тонн.¹ Общее число кораблей, причаливших в 1786–1787 гг. к берегам Соединенных Штатов Америки, составляет 509 единиц грузоподъемностью в 35 546 тонн, тогда как оттуда в том же году отправилось 373 судна грузоподъемностью в 36 145 тонн.²

(Для сравнения: в 1910 г. в порту Хольтенау бросили якорь корабли общим водоизмещением в 49 221 регистровых тонн, в Нобискруге — водоизмещением в 29 093 регистровых тонн, в Папенбурге — 38 832 регистровых тонн, а в гавани Штольпмюнде общее водоизмещение составляло уже 75 336 регистровых тонн, в Штольценхагене (Кратцвик) — даже 253 342 регистровых тонн; во всех портах Германской империи в 1910 г. побывало 111 797 кораблей общей грузоподъемностью в 29 930 553 регистровых тонн).

Во времена (1749 г.), когда весь английский торговый флот имел водоизмещение в 320 000 тонн, грузоподъемность военного флота составляла 228 215 тонн; это больше, чем у всех океанских судов вместе взятых и две трети от общего числа кораблей торгового флота.

Когда мы просматриваем эти цифры, у нас возникает впечатление, будто за две сотни лет, с середины XVI до середины XVIII в., т. е. за годы, имевшие решающее значение для становления капитализма, торговый флот Англии развивался гораздо более медленными темпами, чем военный. Если при Тюдорах он по своей численности был, по-видимому, еще в несколько раз больше последнего, то к середине XVIII века военный флот по водоизмещению почти с ним сравнялся. В течение этих столетий все силы нации были направлены почти исключительно на развитие военного флота. Чтобы добиться его расцвета, использовались все возможные средства. Но то, что справедливо для Англии, относится и ко всем остальным странам (возможно, даже в еще большей мере).

¹ Anderson. Origins of Comm. 4. P. 659 seqq.

² Ibid.

Но превосходство военных интересов на самом деле было еще больше, чем оно выражено в этом сдвиге долевого отношения между торговым и королевским флотом. Для человека сведущего, к примеру, не подлежит сомнению, что и сам рост числа торговых кораблей в значительной мере был вызван нуждами милитаризма. Очевидно, что перспектива использования торговых судов в военное время в интересах правительства (за хорошую чартерную плату), а также премии, которые из милитаристских соображений специально назначались за постройку крупных кораблей, служили для кораблестроителей намного более сильным стимулом, нежели надежды на торговую выручку. Мы вновь и вновь видим, что стремление к прибыли, жажда наживы в прежние века даже приблизительно не оказывали на экономическую жизнь такого влияния, как сегодня; что человек прежних эпох в первую очередь принимал в расчет ближайшую, наиболее ощутимую выгоду, а вовсе не обычную прибыль от торговли или промышленного производства; что только эти ближайшие выгоды могли побудить его к более интенсивной деятельности: если сказанное мною вообще вновь применить к нашему случаю, то корабли строили скорее для того, чтобы раздобыть золото, для целей каперства, за премию в наличных деньгах или для последующей фрахтовки, нежели для того, чтобы расширить сферу русской или ближневосточной торговли. В повседневной деловой жизни господствовала рутинная жизнь; все шло своим с давних пор известным путем; и чтобы здесь произошли какие-то существенные перемены, должен был возникнуть довольно сильный соблазн. Такие импульсы передавались кораблестроительной промышленности из сферы военных интересов, которые в рассматриваемую нами эпоху были значительно сильнее меркантильных. Это впечатление подтвердится, если мы проследим развитие, которое в эту эпоху претерпевали *типы* кораблей.

3. Размеры кораблей

Выше мы уже получили представление о размерах торговых кораблей XVI–XVII вв. Я приведу еще несколько цифр, чтобы картина предстала перед нами яснее.

В уже упоминавшейся официальной статистике по французским торговым кораблям в 1664 г. 2368 судов распределялись по своим размерам на следующие классы:

10–30	тонн	1063	корабля
30–40	«	345	»
40–60	«	320	»
60–80	«	178	»
80–100	«	133	»
100–120	«	102	»
120–150	«	72	»
150–200	«	70	»
200–250	«	39	»
250–300	«	27	»
300–400	«	19	»
Итого:		2368	кораблей

Корабли, выходявшие в XVII в. из гамбургской гавани, имели в среднем грузоподъемность в 17–18 ластов (по 2000 кг); к примеру, в 1625 г. — 17.521 ластов. Самый большой корабль отправился в этом году в Венецию; его грузоподъемность составляла 200 ластов (стало быть, 400 тонн). В 1616 г. мы обнаруживаем одно судно грузоподъемностью в 150 ластов, в 1615 г. — 130 ластов, в 1617 — 120 ластов и т. д.¹

По мнению сэра Уильяма Монсона, в Англии к моменту смерти Елизаветы (т. е. в начале XVII столетия) не было и четырех торговых кораблей, водоизмещение которых превышало бы 400 тонн.² Похоже на правду, потому что даже в середине века корабли Ост-Индской компании (т. е.

¹ *Baasch E.* Hamburgs Seeschiffahrt und Warenhandel vom Ende des XVI. bis zur Mitte des XVII. Jahrhunderts (Zeitschr. des Vereins für Hamburg. Gesch. 9. 1874. S. 295 ff.).

² См.: *Anderson.* 2. P. 211.

самые большие для этой страны) имели грузоподъемность всего лишь в 300–600 тонн.¹

Голландская Ост-Индская компания в конце XVII в. использовала корабли средним размером в 300 ластов.²

Первая флотилия французской Индийской компании состояла из трех кораблей водоизмещением по 300 т. каждый и одного водоизмещением в 120 тонн; вторая имел следующий состав: 2 корабля по 500–600 тонн, 1 корабль — 250 тонн, 1 корабль — 200 тонн и 4 корабля по 60–80 тонн. В 1682 г. в море выходил 1 корабль водоизмещением в 700 тонн и один — в 800 тонн.³

Такие размеры оставались привычными и на протяжении XVIII в.: большие ост-индские суда имели водоизмещение в 300–500 тонн, европейские — 100–300 тонн.

Так, из 1417 уже упомянутых кораблей, которыми Лондон располагал в 1732 г., 130 имели водоизмещение 300–500 тонн, 83 — 200–300 тонн. Остальные были меньшего размера, а знаменитый корабль компании Южных Морей имел водоизмещение в 750 тонн.

К 1 мая 1737 г. Ливерпуль располагал 211 судами⁴ водоизмещением свыше 30 тонн, из них:

1 — 400 тонн	2 — 340 тонн	7 — 160 тонн	13 — 120 тонн
1 — 350 »	2 — 200 »	15 — 150 »	6 — 110 »
1 — 300 »	2 — 190 »	10 — 140 »	16 — 100 »
1 — 250 »	4 — 180 »	5 — 130 »	135 — 30–90 »

В 1749 г. иностранные корабли, заходившие в английские порты, имели следующие размеры:

		Общее водоизмещение, тонн	Среднее водоизмещение, тонн
Голландские	62	6282	100
Датские	292	47 382	160

¹ По уже упомянутой записке, которую цитирует Андерсон (*Anderson*. 2. P. 443).

² *Klerk de Reus G. C. Geschichtlicher Ueberblick der Niederländisch-ostindischen Kompagnie*. 1894. S. 116 ff.

³ *Kaepelin P. La Compagnie des Indes orientales*. 1908. P. 10, 12, 137.

⁴ По поименному списку Андерсона (*Anderson*. 3. P. 324).

		Общее водоизмещение, тонн	Среднее водоизмещение, тонн
Шведские	71	8400	120
Гамбургские	40	6764	170
Французские	24	1289	50
Прусские	26	3420	130
Данцигские	16	2748	170
Португальские	26	2100	80
Бременские	16	1975	125
Русские	5	440	90
Испанские	16	940	60
Итого:	594	81 740	140

Самым большим кораблем был один из датских водоизмещением в 510 тонн: самыми маленькими — французские челны, ходившие, очевидно, от Кале до Дувра, грузоподъемностью всего 4 тонны. Но один из бременских кораблей тоже имел водоизмещение всего в 35 тонн, один из данцигских — 44 тонны и т. д.¹

В конце XVIII в. обычный голландский торговый корабль имел водоизмещение в 180–190 ластов; его габариты: 115 футов в киле, 120 — от форштевня до ахтерштевня при ширине в 34 фута.²

В перечень имущества Королевской датской, остзейской и гвинейской торговой компании³ (образованной в 1781 г. в результате слияния Гвинейской, Остзейской и Гренландской торговых компаний) входили 37 кораблей; их грузоподъемность в коммерческих ластвах (по 2600 кг) выражалась в следующих цифрах:

50–60 ластов	10 кораблей
61–100 »	2 »
101–150 »	21 »
151–162.5 »	4 »
Итого:	37 кораблей

Если теперь сопоставить эти цифры с соответствующими параметрами кораблей военно-морского флота, то мы сразу заметим, что военные корабли по своим разме-

¹ *Postlethwayt. Dict. of Commerce*, статья «Мореплавание».

² *Beckmann J. Beyträge zur Oekonomie*. 3. 1780. S. 439 ff.

³ См. § 4 округа компании, которое приводит Бекман (*Beckmann J. Beyträge zur Oekonomie*. 6. 1782. S. 416 ff.).

рам были намного больше торговых, что, в частности, крупные корабли встречались среди первых гораздо чаще, чем среди вторых.

Уже в XV веке среди английских военных судов (тауэрских) встречались корабли водоизмещением в 1000 тонн: в перечне, который Оппенгейм составил по эпохе Генриха VII, упомянуты 9 кораблей грузоподъемностью в 500–1000 тонн.

Список кораблей Королевского военно-морского флота от 5 января 1548 года (первый год правления Эдуарда VI) сообщает нам следующие размеры:

500–1000 тонн	6 кораблей
300–450 «	11 »
100–250 «	12 »
Менее 100 «	24 »

Особенно ощутимой разница в размерах военных и торговых судов становится, когда мы обращаемся к кораблям, из которых английский флот состоял в 1588 г.¹ Флот этот (тот самый, который разбил Непобедимую армаду) насчитывал 34 военных и 163 торговых корабля.

34 военных корабля относились к следующим типам:

1 корабль	1100 тонн
1 »	1000 »
1 »	900 »
2 »	800 »
2 »	600 »
5 »	500 »
Итого 12 кораблей	свыше 500 тонн
3 »	400 »
5 »	200–360 »
Итого 20 кораблей	свыше 200 тонн

Торговые же корабли имели такой тоннаж:

¹ State Pap. rel. to the defeat of the Span. Armada (*Laird Clowes. The Royal Navy. 1. P. 588–597*).

ни одного	свыше 400 тонн
2	400 »
4	300 »
24	200–250 »
Итого 30	свыше 200 тонн
130	менее 200 тонн

В XVII веке размеры военных кораблей стремительно увеличиваются. Два знаменитых королевских корабля имели следующие габариты:¹

	Длина кия	Глубина	Вместимость (брутто)	Число орудий	Команда
«Принц крови» (1610)	115 футов	18 футов	1187	55	500
«Властелин морей» (1637)	127 футов	19.4 фута	1683	100	600

Для сравнения приведу габариты одного 100-пушечного французского корабля 1666 года:²

Длина кия	135 футов
От форштевня до ахтерштевня	160 »
Ширина	42 »
Высота кия	19 »
Высота от кия до кубрика	13 »
Высота между двумя палубами	7 »
Высота второй палубы	7 »
Высота вайборта	2 »
Высота генеральской каюты (впереди и сзади)	7.5 »
Высота палубной каюты (clunette)	6 »
Высота кампаньи (dessus de la clunette)	4 »

Складывается впечатление, что 1000-тонный тип становится обычным среди военных кораблей уже в XVII веке. В 1688 году мы обнаруживаем в английском

¹ По списку из Dep. of the Cont. of the Navy (*Laird Clowes. The Royal Navy. 2. P. 7*).

² Joint au Mémoire de Mr. D'Infreville du 27 juillet 1666 (*Sue E. 1. P. 347*).

флоте уже 41 корабль такого типа, самый большой из которых имел водоизмещение в 1739 тонн. Численность экипажей на этих больших кораблях колебалась от 400 до 800 человек, количество орудий — от 70 до 100.¹

Важно прежде всего то, что строительством столь крупных кораблей военно-морской флот произвел революцию в привычных представлениях о размерах судов и создал образцы нового типа. Когда Яков IV Шотландский в 1511 г. принимал со стапелей «Майкла», а Генрих VIII в следующем году — «Регента», все присутствовавшие стояли как громом пораженные. О впечатлении, произведенном, в частности, «Майклом», мы располагаем точными свидетельствами современников; в одном донесении он назван «небывалых, исполинских размеров кораблем» (*any varie monstrous great ship called the Michael*). Линдсей из Питтскоти дает следующее описание этого «исполина»: «*The Scottish king bigged a great ship called the „Great Michael“, which was the greatest ship and of most strength, that ever sailed in England or France; for this ship was of so great stature, and took so much timber that, except Fackland, she wasted all the woods in Fife, bye all timber that was gotten out of Norway; she was so strong and of so great length and breadth (all wrights of Scotland, yea, and many other strangers were at her device, by the kings commandment who wrought very busily in her etc. etc.)*».²

Но и этим влияние милитаристских интересов на экономическую жизнь не исчерпывается. Это властное влияние в одинаковой мере испытал и торговый флот,

¹ По спискам в *Mém. rel. to the state of the Royal Navy (Laird Clowes. 2. P. 244 seqq.)*.

² Король Шотландии прославился огромным кораблем под именем «Большой Майкл», который оказался самым крупным и мощным из всех, что когда-либо выходили в море из Англии и Франции; ибо стать этого корабля была столь впечатляюща и столько на него пошло древесины, что, за исключением Фэкланда, ради его постройки были вырублены все леса в Файфе, и еще понадобились бревна, привезенные из Норвегии; такова была его мощь, его длина и ширина (все мастера Шотландии и множество чужеземцев трудились на его строительстве под руководством короля, принимавшего в этом деле большое участие, и т. д. и т. п. (*англ.*). — Цит. по: *Bremner D. The industries of Scotland. 1869. P. 55.*

где оно вело к увеличению числа кораблей, и военный, где благодаря ему корабли увеличивались в размерах. Мы должны все время помнить, что перемены в привычных способах производства и торговли даже в раннекапиталистическую эпоху все еще ощущались хозяйственными субъектами как некое бремя и потому их по возможности стремились избежать. Плеть конкуренции еще не свистела над их головами, а потому ничто и не *заставляло* их совершенствоваться. Следовательно, всякого рода усовершенствования могли рождаться лишь из стремления к наживе, которое, однако, как я уже говорил, во многих случаях нужно было еще только разбудить или по меньшей мере стимулировать искусственно. Таким искусственным средством были, в частности, премии. Но премии, назначавшиеся в области судостроения, были нацелены прежде всего на то, чтобы побудить верфи к строительству *больших* кораблей, т. е. таких, которые без труда можно было использовать и в военных нуждах.

Когда в 1522 г. бристольский «Энтони» был премирован пятью фунтами за тонну, это случилось *потому, что* его грузоподъемность составляла 400 тонн, а значит при надобности его можно было использовать и для военной службы (*also to doo unto us service in warre*). Впоследствии в аспекте военных интересов политику корабельных премий проводили все занимавшиеся мореплаванием государства Европы. Таким образом, мы имеем все основания для того, чтобы и в строительстве крупных кораблей главной движущей силой считать скорее милитаристские, а не просто капиталистические интересы.

4. Темпы кораблестроения

Средневековой жизни, и прежде всего жизни экономической, идея «ускорения» была чужда: нет ни одной ее области, в которой «быстрее» означало бы «лучше», в которой более быстрое развитие того или иного процесса само по себе имело бы некую ценность. Тяга к ускорению

нию, вероятно, никогда не возникала и в области самой экономики. Ее еще только предстояло вызвать с помощью каких-либо внешних стимулов. И такой стимул, как мы уже видели, во многих случаях исходил из сферы военных интересов.

Все это в высшей мере справедливо и применительно к области кораблестроения. Медленное, глухое взрывание, уютная традиционная повседневность — до тех пор, пока требования военно-морского флота не привнесли в это движение новую жизнь. Стоит осознать, насколько бредовой была эта мысль для восприятия средневекового судовладельца: за несколько лет или десятилетий удвоить состав торгового флота. Зачем? Это же совершенно бессмысленно; откуда взялись бы для него двойные грузы? Военные же интересы постоянно побуждали увеличивать вооруженную мощь, причем увеличивать ее *как можно быстрее*, чтобы опередить врага.

Чтобы увидеть, насколько стремительно, порой даже скачкообразно кораблестроение развивалось с тех пор, как его главной задачей стало строительство военных кораблей, достаточно посмотреть на цифры, в которых выражается рост корабельного состава военно-морского флота. Я их уже приводил и теперь отсылаю к ним читателя. Чтобы оживить картину, приведу еще пару особенно показательных примеров из истории судостроения, позволяющих оценить неслыханные для той поры темпы производства.

Сообщают, что в 1172 г., при доже Микеле II, в Венеции за 100 дней было построено 100 галер и 20 больших кораблей.¹ Это, конечно, абсурд и фантазии хрониста. Скорее всего, речь шла о 10 галерах и 2 больших кораблях. Но чему нас учит это свидетельство, так это, во-первых, тому бесспорному факту, что венецианское правительство распорядилось за короткие сроки построить большое количество кораблей и, во-вторых, тому, что современники были изумлены таким непривычным образом действий.

¹ Exch. War. for Issues 17 July 1522 (Oppenheim. P. 85).

Из столь же раннего или, быть может, немного более позднего времени мы располагаем надежными сведениями о строительстве генуэзских военных кораблей, которые поражают нас своими габаритами. Нам сообщают, что Генуэзская республика заказала:¹

- В 1171 г. 8 такелажных судов и 8 галер.
- В 1204 г. 8 галер
- В 1205 г. 8 »
- В 1206 г. 8 »
- В 1207 г. 22 галеры и 4 тариды, по одной галере в Савоне и в Ноли
- В 1216 г. 10 галер
- В 1241 г. 52 галеры и тариды
- В 1242 г. 40 галер
- В 1282 г. Генуя владела лишь 12 галерами, еще 50 были построены в этом году.

Более высоких требований северные морские державы не предъявляли даже в XVI в.; они были воистину гигантскими.

В 1554 г. в Англии в процессе постройки («in commission») находилось 29 военных кораблей, в 1555–1556 гг. — 38, в 1557 г. — 24, к которым в декабре этого года добавилось еще 8. Но темпы строительства становятся все более быстрыми. Подтверждением тому служит следующая крайне поучительная таблица.²

Военные корабли «в комиссии» за 22 года:

	1559–1580	1581–1602
Свыше 600 тонн	2	28
400–600 »	17	100
200–400 »	42	73
100–200 »	38	55
50–100 »	39	40
Менее 50 »	4	66
Итого:	142	362

¹ *Heuck Ed. Genua und seine Marine. S. 115.*

² Эти цифры, как и предшествующие, приводятся по: Stat. Pap. и Pipe Off. Acc (*Oppenheim. P. 65, 110*).

Из этих цифр явствует: 1) что во второй, равный по продолжительности, период времени было построено в два с половиной раза больше кораблей, чем в первый; 2) что корабли, построенные во второй период, по своим размерам были значительно больше, чем построенные в первом, так что 3) имел место трехкратный рост производства: если отдельные корабельные типы брать в среднем тоннаже по их классу, то общий объем строительства в первые 22 года составит около 31 000 тонн, а во вторые 22 — свыше 103 000 тонн.

Значительный же рывок происходит только в XVII в., когда милитаристские интересы впервые вырастают до гигантских (можно сказать, «барочных») размеров. В республиканской Англии за 11 лет было построено 207 кораблей, т. е. почти по 20 кораблей за каждый год. За одно пятилетие, с 1690 по 1695 г., на строительство 45 кораблей здесь было выделено 1 001 576 фунтов стерлингов 8 су 11 денье.¹

С пароксизмом граничат и темпы, какими во времена Кольбера разрастался французский военный флот: как мы уже видели, в момент своего прихода в правительство (1661) Кольбер застал в наличии 30 боевых кораблей; менее чем за 20 лет он довел их число до 244, причем новые корабли были значительно крупнее по своим размерам. Таким образом, ежегодно со стапелей сходило в среднем по 10–12 военных судов.

5. Организация кораблестроения

Мы уже поняли, что то или иное производство носит весьма различный характер и предъявляет к экономическому устройству весьма различные требования в зависимости от сроков его продолжительности. В конце концов средневековые соборы могли возводить и ремесленники, лишь бы им на это дали достаточно времени. Если же со строительством требовалось уложиться в

¹ *Charnock J. A History of Marine Architecture. 2. P. 462.*

какие-то определенные сроки, в этом они, как правило, оказывались бессильны. В случае надобности ремесленники могли за короткое время произвести небольшие объемы продукции; если требуемые объемы увеличивались, то такие требования вновь превосходили производительные возможности ремесленников. Несостоятельными они оказывались и в том случае, когда речь шла о производстве сложных товаров заданной величины.

Движимое милитаристскими интересами кораблестроение развивалось во всех трех направлениях: требовалось, чтобы кораблей было больше, чтобы они были больших размеров, и прежде всего чтобы они строились в меньшие сроки. Притязания торгового флота ремесленники-корабельщики могли бы удовлетворять еще столетиями. Но в силу возраставших требований со стороны военно-морского флота ремесленный подход к строительству кораблей потерял всю свою значимость: сначала только в деле строительства военных судов, а затем, по мере того как торговый флот вовлекался в общий поток развития и начинал ориентироваться на военный, также и в строительстве торговых.

Экономическая история корабельного промысла еще не написана, хотя это, несомненно, стоило бы сделать. По изученным источникам складывается примерно следующая картина. Ремесленное кораблестроение, которое, как правило, равномерно развивалось во всех приморских городах, под давлением военных интересов сменяется сначала еще не капиталистической, но просто коллективной, государственной организацией судостроительного промысла, который принимает форму крупных и очень крупных предприятий еще задолго до того, как его поглотил капитализм.

Уже в итальянских государствах, издавна занимавшихся мореплаванием, довольно рано начало развиваться крупное государственное кораблестроение. В частности, мы прекрасно осведомлены о том, как этот промысел эволюционировал в XIV в. в *Венеции* благодаря дошедшему до нас от той эпохи подробному описа-

нию всего производственного процесса.¹ Если ему верить, то крупные предприятия господствовали в этой отрасли (и только в этой?) уже в Средние века. Автор сообщает нам, что для строительства одной галеры длиной в 126 футов (речь, конечно же, идет только о военных кораблях) потребовались «maestri segatori 500 a far el bisogno de la ditta galea, maestri 1000 cloè marangoni chalefai 1300 per forar e chalcar e pegolar».² При этом речь шла, конечно, не о количестве рабочей силы. Скорее мы вслед за издателем цитируемого документа должны допустить, что в приведенных цифрах выражалось количество необходимых рабочих дней. Но и в этом случае мы имеем дело с попросту невероятным числом рабочих рук. Проведем, к примеру, следующий подсчет: за год строилось 40 галер (это не так уж много, если полагаться на достаточно надежные данные о числе кораблей, строившихся в Генуе в XII–XIII вв.). На строительстве одной галеры согласно вышеприведенным данным работало 28 человек. Следовательно, в строительных работах на верфи было занято 1120 конопатчиков, пильщиков и плотников. Из 60 галер, уже находившихся на плаву, четверть должна была вставать на регулярный ремонт, мелкой доработке подвергались 30 галер. Несомненно, это обеспечивало занятость еще тысяче рабочих. Сюда же нужно добавить еще канатчиков, слесарей, кузнецов, наладчиков парусов и мачт и т. д., большинство которых тоже трудилось уже на государственных верфях. Если мы предположим, что их было примерно столько же, сколько и рабочих по дереву, то в результате придем к общему числу рабочих в 2000–3000 человек: для средневековых обстоятельств попросту сказочная цифра.

Но, возможно, в действительности здесь перед нами предстают первые крупные, первые гигантские предпри-

¹ Рукопись из библиотеки Мальябекья, опубликованная и со знанием дела прокомментированная Джелом (*Jal A. Archit. nav. Vol. II. 1840*).

² 500 мастеров-пильщиков, чтобы удовлетворить потребность в означенной галере, 1000 квалифицированных плотников и 1300 человек токарей, смолильщиков и канатчиков (*итал.*).

ятия, в которых европейское человечество из ремесленной разобщенности вновь воссоединялось к совместному труду. Даже если мы не склонны будем поверить в эти 2–3 тысячи рабочих, даже если их было всего 2–3 сотни, но они были собраны здесь на *одном* предприятии, то, делая поправку на столь раннюю эпоху, мы все равно должны будем признать за судостроительной отраслью эпохальное значение в истории труда (если ее начало помещать в европейском Средневековье).

Мы из надежных источников знаем, что в XVI веке венецианская верфь представляла собой весьма крупное предприятие; но это не приводит нас в то же изумление, что и описание размеров кильской верфи в XV–XIV вв. и даже в более раннее время. Андреас Рифф в своем путевом дневнике¹ рисует нам состояние венецианской верфи, или «арсенала», следующим образом.

«Обрезание канатов. Канатный, или обрезальный цех в арсенале весьма велик, особенно же в длину, так что в нем можно даже на коне скакать; там работает много народу, и запасено изрядное количество конопля и льна.

Парусный цех. В парусном цеху работают женщины-швей; там запасено большое количество парусов всякого рода, а также много парусины и тика.

Кузнецы. Во дворе друг за другом расположены 8 кузнецов; там каждый день выковывается все необходимое самого разного рода».

Мы видим, что и в *Англии* корона очень рано взяла на себя заботу о строительстве своих кораблей. Существует целый ряд свидетельств, не оставляющих никакого сомнения в том, что государственное судостроение было развернуто уже в XIII в.

В 1225 г. старейшинам Саутгемптона было поручено закупить в Портсмуте такелаж для королевских «больших кораблей» или заказать его в кратчайшие сроки; а также заказать три прочных якорных троса вместе с 4 дюжинами

¹ Reisebüchlein des Andreas Ryff, рукопись из библиотеки Базельского университета (fol. 74^b), частично напечатанная Зивекингом в издании: Schmollers Jahrbuch. 21. S.132.

«тельдорунов» и заготовить 200 аршин парусины для ремонта парусов;¹ в 1226 г. констеблю Порчестера была поставлена задача обеспечить брата Томаса тремя лодочными поклажами дров для королевских кораблей; ему выдается сумма в 22.5 марки на закупку льна для парусов и на обустройство «цельт» на этих кораблях.² Таким образом, корабли строились для несения королевской службы и по собственному поручению короля.

Позднее, в XVI в., когда королевский флот только начинает по-настоящему развиваться, строительная деятельность короны быстро приобретает еще больший размах: морские арсеналы, в которых (наряду с оружием) складировались материалы для постройки кораблей, были возведены в Вулидже (1512), Делтфорде (1517), Эрите (1513, временный арсенал), тогда как до того времени арсенал и верфь имелись только в Портсмуте.

По-видимому, на первых порах английская корона занималась строительством только на свой счет. Как строился «Божьей милостью Генрих», нам известно во всех подробностях: этот роскошный корабль был построен в портсмутских эллингах. Участвовавших в его постройке рабочих и ремесленников набрали из окрестностей:³ одни из них приезжали и уезжали, другие жили в Портсмуте и там же столовались. Иногда (хотя только в виде исключения) им предоставлялась и одежда; так, нам сообщают, что одежда была выдана 141 столяру. Эта цифра служит нам отправной точкой, по которой можно оценить размеры верфи.

Ремонт государство тоже осуществляло за свой счет. Один весьма любопытный документ — смета по шестому году правления Генриха VIII, со 2 ноября по 20 апреля,⁴ — показывает нам, как королевский комиссар фунтами покупал у ремесленников те или иные материалы, как он назначал довольствие или жалованье определен-

¹ Закрытые списки 10 Н. III 2, 50 (*Laird Clowes*. 1. P. 120–121).

² Закрытые списки 10 Н. III м. 16, 17, 25 (*Laird Clowes*. 1. P. 120–121).

³ См.: *Oppenheim*. P. 68 seqq.

⁴ См.: *Charnock J.* A History of Marine Architecture. 2. P. 96 seqq.

ному числу плотников и поручал им произвести требуемый ремонт.

Во главе верфи стоял корабельный мастер, со времен Генриха VIII носивший титул «мастера-корабельщика королевского военно-морского флота» (Master-Shipwright of the Royal Navy); первым на этот пост был назначен Уильям Бонд.¹

С течением времени этот мастер-корабельщик, как это и вообще часто случалось в Англии, превратился в своего рода частного предпринимателя, который осуществлял строительство за свой счет. С 1578 г., т. е. при Хокинсе, началось «строительство по контракту» (Building by contracts),² заключавшееся (предположительно; точно нам об этом еще не известно, несмотря на многочисленные работы по истории английских военно-морских сил) в том, что король поставлял мастеру-корабельщику материалы или поручал закупить их за счет короны, выполнение же работ предоставлялось ему по единой тарифной ставке за тонну, каковая, к примеру, при Якове I составляла от 7 до 8 фунтов стерлингов.

В сметах (скажем, за 1588 г.) мы встречаем следующие статьи:³

Питеру Петту, одному из корабельщиков Его Величества... за партию в 8 ластов, шесть футов древесины дуба для кораблей Его Величества в Чатэме по 20 су за ласт и т. д.

Ричарду Чепмену с Дептфордского побережья... за партию из двух подготовленных им якорей.

Генри Голсуорту из Лондона, за стоимость 14 флагов и т. д.;

ему же: 9 компасов;

ему же: 3 пары новых канатов... из тонкой белой пеньки;

ему же: 2 шелковых кокарды (от одно лондонского обойщика);

ему же: 46 вымпелов (из того же материала);

ему же: 102 ярда ситца на флаги;

¹ Laird Clowes. 1. P. 405.

² Oppenheim. P. 97.

³ Цит. по: Charnock J. Op. cit. P. 140 seqq.

ему же: 127 рулонов милдернекской парусины на обновление разных парусов;

ему же: 12 тросов разной длины;

ему же: 14 мачт разного размера (от одного из лондонских купцов).

Верфи несомненно относились к разряду крупных предприятий. Сообщается,¹ что в XVI в., при восшествии на трон Елизаветы, на них было занято:

В Дептфорде	на 5 кораблях	228	человек
В Вулидже	» 8 »	175	»
В Портсмуте	» 9 »	154	»

Точно так же, как в Англии, строительство военных кораблей было организовано и во *Франции*. Здесь верфи или отдельные корабельные стапели тоже находились под началом корабельных мастеров, которых во Франции называли «конструкторами» (*constructeurs*). По-видимому, они тоже занимались строительством по предпринимательскому подряду, на что указывают, к примеру, такие выражения:² «Il est tout à faire nécessaire d'occuper les maîtres (это как раз и были предприниматели), qui bvtissent, qui n'ayant pas de quoi travailler, iront chercher à s'occuper dans les pays étrangers... et puis que vous avez la place, le bois et les ouvriers, il semble qu'on ne les doive pas laisser inutiles»,³ — впрочем, эти последние слова вполне сочетаются и со строительством за свой счет. Далее в этом же документе говорится: мы закажем построить один корабль в Тулоне, другой — в Бресте, чтобы разжечь между «предпринимателями» конкуренцию (*pour exciter, par émulation, les entrepreneurs à bien faire*).

¹ *Oppenheim*. P. 119.

² *Mémoire de Mr. D'Infreville, intendant de Marine à Toulon, 27 juillet 1666*; опубликовано Сю (*Sue*. Op. cit. 1. P. 346 seqq.).

³ Необходимо просто нанять мастеров..., строителей, которым нечем заняться, которые ищут работу в чужих странах... а когда у вас есть место, лес и рабочие, их наверное нельзя оставлять без дела (*фр.*).

В любом случае во Франции в XVII в. государственные верфи тоже представляли собой образец крупно-заводской организации производства. По приказу Ришелье они были основаны в Бруаже, Гавре, Бресте. О брестской верфи один из современников сообщает нам, что там нашлась бы работа «для целого мира» (*tout un monde*) рабочих, кузнецов, слесарей, токарей, бондарей, столяров, скульпторов, живописцев, гравировщиков под единым руководством королевских мастеров-корабельщиков (*des constructeurs de la Couronne*) Шарля Морьена и Лорана Юбака, главы славной фамилии инженеров.¹

Там, где постройка кораблей по твердой тарифной ставке препоручалась частным лицам, уже заметно было действие принципа капиталистической организации производства; следовательно, поддержка, которую капитализму оказывало строительство военных кораблей, здесь очевидна и лежит на поверхности. Но даже в том случае, когда производство на королевских верфях развертывалось как чисто государственное предприятие, оно все равно играло свою роль в развитии капитализма в кораблестроительной отрасли. И прежде всего потому, что оно взламывало рамки прежнего, ремесленного судостроения.

В дальнейшем организация частного строительства кораблей претерпевает и прямое влияние со стороны военного кораблестроения, продолжая, таким образом, развиваться в направлении к капитализму и крупнозаводской форме производства. Временами, когда заказы государства скапливались на его собственных верфях, как, например, в Англии времен Республики, когда за 11 лет со стапелей должны были сойти 207 кораблей, часть этих заказов, которую не могли выполнить государственные верфи, передавалась частным верфям.² Здесь, следовательно, частное кораблестроение побуждало к развитию заказанные ему поставки военных кораблей.

¹ Сообщено Ронсьером (*Roncière Ch. de la. Hist. de la marine franç. 4. P. 616*).

² *Oppenheim. P. 339-340.*

Там, где речь шла о строительстве торговых кораблей, вмешательство государства принимало, по всей видимости, такую форму, что оно из своих arsenals поставляло частным судостроителям материалы на благоприятных условиях, чтобы лишний раз побудить их к активной деятельности. Именно так поступал Кольбер: он всегда держал на королевских военных складах богатые запасы, в частности, и «pour en fournir aux marchands et pour les exciter par là à bvtir et à augmenter la navigation et le commerce».¹

Но во всей полноте оценить то значение, которое строительство военных кораблей имело для формирования капитализма, мы сможем только в том случае, если поймем, какое воздействие оно оказало на другие отрасли промышленности и на многочисленные отрасли торговли, которые целиком от него зависели, поскольку поставляли ему необходимые материалы. Прояснить эти взаимосвязи мы собираемся в следующем разделе.

6. Поставка материалов для кораблестроения

И здесь развитие военно-морского флота, для которого строилось все больше кораблей все большего размера и за все более короткие сроки, вновь оказало революционизирующее влияние на всю экономическую жизнь благодаря тому, что оно инициировало растущий спрос на строительные материалы для судостроения, который должен был покрываться предельно быстро и который, учитывая увеличивавшиеся размеры кораблей и организационное сосредоточение кораблестроительной отрасли, — проще сказать, учитывая его концентрацию на немногих крупных предприятиях, — превращался во все более концентрированный, единый массовый спрос.

¹Для того чтобы выделять их торговцам и тем самым побуждать их к развитию мореплавания и торговли (*фр.*) — *Principes de M. Colbert sur la marine (Sue E. Hist. de la marine franCCC. 1. P. 297).*

Конечно, у нас опять-таки нет никакого метода, с помощью которого можно было бы сразу и вообще раскрыть взаимосвязи между масштабами военного кораблестроения и развитием тех отраслей экономики, которые обязаны были поставлять материалы для строительства судов. Мы можем только приблизительно описать то влияние, которое первые оказали на вторые, рассмотрев, насколько увеличивался спрос по мере развития самого кораблестроения.

Размеры этого спроса выражаются прежде всего в сметах, касающихся строительства военных кораблей. Любая сумма, если только она выделялась не на заработную плату, была предназначена для закупки строительных материалов.

В XVI в. английский боевой корабль средних размеров стоил 3000–4000 фунтов стерлингов, при Якове I — 7000–8000 фунтов стерлингов.; при Карле I — 10 000–12 000 фунтов стерлингов, а в начале XVIII в. — 15 000–20 000 фунтов стерлингов, на что указывают следующие данные:

«Триумф» (XVI в.) стоил короне 3788 фунтов стерлингов.¹

При Якове I согласно Королевским корабельным сметам² «Благое Вторжение» и «Вечная Реформация» стоили каждый по 8850 фунтов стерлингов; «Виктория» и «Венец» — каждый по 7640 фунтов стерлингов; включая мачты, реи, отделку и художества.

«Свифтура» и «Бонавентура» — 9969 фунтов стерлингов; дополнительно 1169 фунтов стерлингов на паруса, якоря и оснастку.

«Святой Георг», «Святой Андрей» — вместе 9632 фунтов стерлингов и еще 1306 фунтов стерлингов на оснастку.

«Триумф», «Мэри Роз» — вместе 8106 фунтов стерлингов.

При Карле I: «Чарлз», «Генриетта Мария»: вместе 10 849 фунтов стерлингов.

¹ Cecil. Mss. Cal. № 846 (*Oppenheim*. P. 128).

² *Oppenheim*. P. 208.

«Джеймс», «Единорог» — 12632 фунтов стерлингов и еще 4076 фунтов стерлингов на оснастку, спуск на воду, такелаж и транспортировку из Вулиджа и Дептфорда в Чатэм.

На начало XVIII века:¹

Корабль с 100 пушками	стоил	30553	фунтов	стерлингов
»	90	»	« 29 886	»
»	80	»	« 23 638	»
»	70	»	« 17 785	»
»	60	»	« 14 197	»
»	50	»	« 10 606	»
»	40	»	« 7 558	»
»	30	»	« 5 846	»
»	20	»	« 3 710	»

В 1734 г. состав флота насчитывал 209 кораблей, постройка которых обошлась в 2 591 337 фунтов стерлингов.

Французский военный корабль «Ясон», построенный в 1740 г. в Тулоне и имевший на борту 50 пушек, обошелся в 287.148 ливров 10 су.² Это почти в точности соответствует сумме, выплаченной в то же время за постройку английского военного корабля таких же размеров.

Очень большие корабли, к примеру государственные или те, которые делались напоказ, чтобы пустить пыль в глаза, всегда стоили дороже. Так, в XVI в. не раз уже упоминавшийся «Божьей милостью Генрих» обошелся в 8708 фунтов стерлингов 5 шилингов 3 денье; сумма, затраченная на постройку «Принца крови» (1610) достигла 20 000 фунтов стерлингов, а потом на его доделку ушло еще 6000 фунтов стерлингов; «Властелин морей» (1637) стоил короне 40 833 фунтов стерлингов 8 шилингов 1.5 денье.³

¹ Krünitz. Enz., статья «Военно-морской флот». 50. S. 366.

² Krünitz. Op. cit.

³ State Pap. Dom. CCLXXXVII. 73. And. Off. Dec. Acc. 1703-1777 (Oppenheim. P. 260; Laird Clowes. 2. P. 6).

Мы уже располагаем точной сметой сумм, потраченных на строительство английских кораблей разного класса в XVIII веке.¹ Ради полноты изложения я приведу еще несколько цифр (по первому и последнему году, о которых сообщает документ):

An Estimate of the Charge of building and completely equipping a Ship of each class with masts, yards, sails, rigging, ground tackle and all other boats wains as well as carpenters Sea Stores, to an Eight Month Proportion; according to the regulations established by order of the navy-board, progressively in the years 1706, 1719, 1733 and 1741 etc.²

Класс	Количество орудий	Поставки		Всего (фунтов стерлингов)
		на корпус, мачты и рей (фунтов стерлингов)	на такелаж и довольствие (фунтов стерлингов)	
1706				
1	100	31 994	6587	38 581
2	90	25 591	5428	31 019
3	80	20 528	4590	25 018
	70	17 767	3741	19 508
4	60	18 024	3199	16 223
	50	9152	2464	11616
5	40	5310	1863	7178
6	20	2176	962	3138
1741				
1	100	33 110	8050	41 160
2	90	28 543	7135	35 678
3	80	23 920	6256	30 176
	70	19 687	5488	25 175
4	60	16 564	4786	21 350
	50	13 064	4117	17 185
5	40	7554	3003	10 557
6	20	4282	2117	6309

¹ Charnock J. A History of Marine Architecture. 3. P. 126.

² Расходная смета по строительству и полному снаряжению кораблей всех классов мачтами, реями, парусами, такелажем, якорями (англ.)

Эти подсчеты дают нам возможность продолжить нашу мысль еще на шаг вперед, потому что в них находит ясное выражение то, как именно распределялись производимые расходы, пусть даже различие это и проводится на первых порах довольно грубо. И все же приведенные цифры кое о чем говорят нам, если мы подробнее исследуем, как они распределялись по отдельности, если точно устанавливаем, на что именно расходовалась каждая из соответствующих сумм. Посмотрим, возможно ли осуществить такую спецификацию.

К материалам, обычно использовавшимся при строительстве кораблей, относились:

1. Древесина, во все более ранние эпохи игравшая, как мы вскоре увидим, в кораблестроении чрезвычайно важную роль.

2. Такелаж или сырье для его изготовления: пенька, лен и т. д.

3. Парусина или полуфабрикаты и сырье для нее.

4. Железо: якоря, цепи, гвозди, проволока.

5. Смола и деготь.

6. Латунь, медь, белая жечь, олово.

Ниже я привожу достаточно достоверные сведения, которые мне удалось найти и из которых мы сможем увидеть, какие средства тратились на эти компоненты и какие их количества требовались в разное время на постройку одного корабля.

Самым ранним источником, из которого мы можем такие сведения почерпнуть, является уже упоминавшийся трактат XIV в., с коим нас впервые познакомил А. Ял.¹ Данные о количествах материалов, использованных на строительстве галеры разбросаны по всему тексту сочинения. Я свел их воедино и пришел к следующим результатам:

Потребность в формованном чугуне	8 мильеров (по 10 центнеров)
Потребность в смоле и дегте	3000 унций

¹ *Jal A. Archit. nav. 2. P. 6 seqq.*

Потребность в якорях
Потребность в такелаже

600 унций
8351.5 унции

О потребности в древесине, к сожалению, ничего не сообщается.

С ростом размеров кораблей, несомненно, увеличивалась и потребность во всех видах материалов.

В XVI в. на строительство «Божьей милостью Генриха»¹ потребовалось уже 56 тонн (112 000 унций) железа, а строительная древесина, пошедшая на этот корабль, весила 3 739 тонн. До странного малы количества пакли и льна, а именно, всего 565 стоунов (и стоун пеньки равнялся 32 унциям) и 1171 фунт, если не считать, что последняя единица означает «корабельный фунт» (2.5 центнеров).

О том, какая такелажная оснастка использовалась в судостроении в XVI в., мы узнаём из другого хорошо осведомленного источника²: на один корабль, построенный в 1565 г., ее пошло 1140 центнера или 546 корабельных фунтов, т. е. 114 000 унций. На древесину, использованную на строительство «Триумфа» в том же XVI в. было израсходовано 1200 фунтов стерлингов (при общих затратах в 3788 фунтов стерлингов).

Нижеследующие данные относятся к XVII в. Смета расходов, понесенных в 1618 г. при строительстве 10 новых английских военных кораблей, выглядит следующим образом³ (шесть кораблей имели тоннаж в 650 тонн, 3 — 450 тонн и 1 — 350 тонн):

Строительство вкуче со всеми материалами (остов корабля)	43 425	ф. ст.	
Тали и стеньги	513	» »	6 су 8 денье
Лодки и пинасы	320	» »	10 »
Такелаж	6716	» »	1 » 6 »
Паруса	2740	» »	15 » 6 »
Якоря	2287	» »	4 »
Итого	55 002	ф. ст.	17 су 8 денье

¹ *Oppenheim*. P. 53.

² *Marperger P. J.* Das Neueröffnete Manufakturenhaus. 1704. S. 142.

³ Доклад 1618 года (*Jal A. Archit. nav.* 2. P. 256).

Смета расходов на ремонт 23 военных кораблей, 2 барж, лихтеров и т. д. (начало XVII в.):¹

Ремонт 2 кораблей в сухом доке Дептфорда	5379	ф. ст.	11 су 3 денье
Ремонт остальных в гавани (включая мачты, реи, помпы и т. д.)	4541	» »	
Оснастка: замена такелажа (более 93 тонн)	3287	» »	11 »
Оснастка: паруса (182 паруса)	2000	» »	

В другой раз (при Якове I) на пополнение складских запасов в сухих доках потребовалось²:

Такелаж (139 тонн)	10 170	ф. ст.	
Большие мачты	1200	» »	
Якоря	1000	» »	
Холст для парусов	3138	» »	16 су
Воздушносухие бревна и балки, которым всегда полагалось быть на складе, 2000 ластов по 40 су	4000	» »	
Большие лодки, пинасы и т. д.	840	» »	
Итого	20 348	ф. ст.	16 су

Обновить такелаж на корабле с экипажем в 300 человек на Ла-Манше стоило 1700 фунтов стерлингов в год.³ На кораблях «Джеймс» и «Единорог» (при Карле I) размещалось 165 тонн такелажных снастей по 35 фунтов стерлингов за тонну, т. е. в целом на 2275 фунтов стерлингов. Якоря на этих же кораблях весили 214 центнеров, центнер стоил 2 фунтов стерлингов; один «набор» парусов стоил 225 фунтов стерлингов,⁴ а таких «наборов» требовался не один (сколько?).

В заключение хочу привести еще кое-какие сведения по XVIII в., позволяющие осознать, насколько вновь вы-

¹ См.: *Charnock J.* 2. P. 213 seqq.

² *Ibid.* 2. P. 185.

³ *Ibid.* 2. P. 191.

⁴ *Oppenheim.* P. 257.

росла в эту эпоху потребность во всякого рода сырье и материалах.

На английский военный корабль, имевший на борту 100 пушек, требовалось 3600 аршин парусины.

На строительство французского военного корабля со 100–120 пушками, длиной в 170–180 футов и шириной в 50 футов уходило:

4000 взрослых здоровых дубов;
300 000 унций железа;
219 000 унций осмоленных снастей.¹

Очень подробным перечнем расходов мы располагаем относительно уже один раз упомянутого военного корабля «Ясон», который был построен в 1740 г. в Тулоне и имел на борту 50 орудий. Ниже я приведу его полностью, потому что он позволяет составить точное представление о расходах на отдельные части корабля и об их относительных размерах, между тем как источник, в котором я его обнаружил,² никем другим не цитируется:

Древесина дуба	29 636	ливров	6 су
Доски для отделки остова	16 290	»	5 »
Другая древесина и доски	14 185	»	5 »
Железо и гвозди	21 385	»	3 »
Товары	3 591	»	8 »
Окна и замки	900	»	
Кухни и печи	780	»	
Мачты	2 264	»	17 »
Парусные штоки	1 077	»	2 »
Блоки и реи	2 212	»	1 »
Плата рабочим и поденщикам	34 010	»	
Такелаж	16 308	«	12 »
Новый такелаж на замену	1 639	«	8 »
Якоря и якорные принадлежности	4 227	«	10 »
Мачты и парусные штоки на замену	327	»	14 »
Блоки и ручные бабы на замену	435	»	
Паруса и принадлежности к ним	4 744	»	16 »
Рулевые приспособления	2 580	»	13 »
Оружейни	106 058	»	6 »

¹ Krünitz. Op. cit. 50. S. 354 ff.

² Ibid. S. 366–367.

Ружья	2 406	ливров	14	су
Инструмент оружейников	30	»	9	»
Плотницкий инструмент	1 552	»	10	»
Гвозди	104	»	8	»
Килевые приспособления	1 353	»	7	»
Кухонное оборудование	137	»	12	»
Шлюпки и лодки	632	»	2	»
Украшения для часовни	300	»	10	»
Медикаменты	934	»	7	»
Итого:	287 148	ливров	10	су

Полагаю, при таких показателях не может не броситься в глаза, сколь выдающееся значение спрос со стороны военно-морского флота (а после него — и со стороны зависящего от него торгового) имел для развития целого ряда важных отраслей промышленности и торговли.

Когда король объезжал земли, закупая материалы на постройку кораблей, цены росли; позднее, когда он занимался продажей, они падали: «The general rule is whenever the King's Maiestie shuld bye al is dere and skase, and whenever he shuld sel al is plentye and good chere»,¹ — справедливо жаловался Совет,² отстаивавший интересы казны. Вот каким значением обладал для народного хозяйства столь могущественный покупатель!

Первой отраслью, достигшей благодаря его вмешательству более или менее значительных успехов, была *торговля древесиной*, которая своим переходом на рельсы капиталистической организации производства во многом обязана именно поставкам для военно-морского флота: «Кольбер побуждал торговцев (excitait les marchands) покупать целые леса, какие еще можно было найти в Провансе и Дофине».³ Он и сам закупал для королевских складов всю древесину, всю пеньку и «прочие материалы», какие только мог приобрести, независимо от того, была ли в них нужда в данный момент, не стра-

¹ Общим правилом было, что, когда Его королевское величество покупал, все было дорого и скупо, когда же он продавал, все раскупалось влёт.

² Oppenheim. P. 97.

³ Principes de M. Colbert sur la marine (Sue E. Op. cit. 1. P. 298).

шась в этом переусердствовать (*ne craignait pas de s'en surcharger*).¹ Он набивал склады большими количествами древесины и пр., чтобы всегда иметь запас, достаточный для строительства 10–20 новых кораблей. В 1683 году одних только мачт (длиной от 16 до 30 футов) в арсеналах хранилось 1442 штуки.

Само собой разумеется, государство покровительствовало² крупным торговцам,³ прежде всего — крупным торговым компаниям, поскольку они более годились для того, чтобы удовлетворять его обширные запросы. Так мы видим, что в Англии Ост-Индская компания заключала с короной договоры о поставках весьма значительных партий древесины, гвоздей и т. д., что явствует, к примеру, из следующего письма, датированного 1618 годом,⁴ речь в котором идет о материалах для постройки двух новых кораблей:

«Письмо, которое следует направить в Ост-Индскую компанию. Во исполнение договоренности информируем вас, что на два корабля — один в 650 тонн и другой в 450 тонн, — которые должны быть построены в следующем году, потребуется:

Кривые бревна, обтесанные в лесу	600	ластов
Прямые необтесанные	700	»
Планки разного вида	360	»
Подкосы	140	»
Еловые доски	300	»
Деревянные нагели	80 000	штук

Частично все это уже складировано в разных местах, в частности из поставок Уайт Уилка и т. д.»

Другие торговые компании, например, Российская, тоже в значительной мере жили поставками для военно-морского флота. У нас есть точная смета денежных

¹ *Principes de M. Colbert sur la marine (Sue E. Op. cit. 1. P. 294).*

² *Principes de M. Colbert sur la marine (Sue E. Op. cit. 1. P. 301).*

³ *Sue E. Hist. de la marine franç. 4. P. 170.*

⁴ См.: *Charnock J. 2. P. 168.*

сумм, выплаченных Московской компанией в 1609–1618 гг. только на такелаж:¹

1609	18 173	ф. ст.	8 су	8 денье
1610	8 476	» »	9 »	8 »
1611	4 888	» »	6 »	1 »
1612	11 506	» »	4 »	5 »
1613	6 623	» »	3 »	7 »
1614	9 439	» »	3 »	7 »
1615	9 208	» »	10 »	
1616	13 353	» »	2 »	10 »
1617	12 093	» »	18 »	8 »
1618	10 008	» »	3	10 »
Итого	103 770	ф. ст.	11 су	3 денье

В то время компания работала с капиталом в 64 687 фунтов стерлингов, который, конечно же, совершал полный оборот не чаще одного раза в год. Таким образом, одни только такелажные поставки составляли около шестой части годового оборота. Торговля по этой статье и в самом деле считалась особенно доходной, из-за чего компания открыла в России также и собственную такелажную фабрику. К такелажу добавлялись еще смола, деготь, древесина: все то, что в первую очередь касалось нужд кораблестроения. В 1617 году компания выплатила 42 % дивидендов.²

В самой же стране развивались многочисленные отрасли *промышленности*, на широкую ногу осуществлявшие поставку материалов для судостроения. Особое внимание этим отраслям уделял, опять-таки, Кольбер.³ Он основал дегтярные фабрики в Дофине, мотальные в До-

¹ Report of the Commissioners appointed to enquire into the State of the Navy (1618); опубликовано у Чарнока (*Charnock J.* 2. P. 218).

² Все данные по Российской компании я заимствую из работы Скотта (*Scott W. R.* The Constitution and finance of English, Scottish and Irish Joint-Stock Companies to 1720. Vol. 2, Companies for foreign trade colonization fishing and mining. 1910). Я пользуюсь случаем, чтобы обратить внимание на этот во всех отношениях превосходный, необычайно богатый материалами труд, из которого до сих пор вышли только второй и третий тома.

³ Mémoire de Mr. D'Infreville. Op. cit. P. 348 seqq.; Principes de M. Colbert. P. 335 seqq.

фине и Бресте, фабрики по производству медной и железной проволоки в Бургони, льняные мануфактуры (для парусов) в Рошфоре. Не нужно особо подчеркивать то обстоятельство, что медная, оловянная и железная индустрия, чья судьба, как мы видели, находилась в зависимости от поставок оружия для сухопутной армии, испытывали существенную поддержку и со стороны военно-морских сил. Промышленными же отраслями, которые своим расцветом были обязаны исключительно судостроению и которые мы в раннекапиталистическую эпоху обнаруживаем в числе наиболее передовых индустрий (в том, что касается величины капиталовложений и размеров предприятий), были фабрики по производству такелажных снастей и парусины.

Изготовители канатов и парусов в Лондоне XVIII века относились к числу самых богатых предпринимателей-капиталистов: минимальный капитал оценивался здесь в 2000 фунтов стерлингов, обычно же в дело вкладывалось 5000–10 000 фунтов стерлингов.¹ На московской государственной фабрике по производству парусины в 1729 г. было занято уже 1162 рабочих.²

* * *

Если из всего сообщенного мною выше уже явствует то высокое значение, которое кораблестроение имело для формирования современной экономики и, в частности, для развития капитализма, то в заключение мне все же хотелось бы указать еще на одну связь, существующую между этими двумя феноменами: кораблестроением и капитализмом, а в более широком смысле — между войной и капитализмом, и, пожалуй, впервые позволяющую осознать всю огромную важность участия армии в вышеназванных процессах. Если металлургическая про-

¹ General Description of all Trades. 1745. P. 180–181.

² Согласно официальному «Перечню фабрик и мануфактур» 1729 года, приводимому Туган-Барановским (*Tugan-Baranowski. Die russische Fabrik. S. 14*).

мышленность достигла более высокого уровня развития не в последнюю очередь благодаря спросу на вооружение, а кораблестроительная — благодаря спросу на боевые корабли, если, стало быть, металлургия и кораблестроение стали последними детьми, порожденными войной, то последняя тем самым в очередной раз предстала как разрушительница, а именно как *губительница европейских лесов*, ибо оба этих промысла прежде всего предъявляли высокие претензии к производству древесины, что уже в XVI в. дало повод сокрушаться о растущей ее нехватке. И вновь разрушение оборачивается подъемом творческого духа: нехватка древесных материалов и нужды повседневности толкали к изысканию или изобретению заменителей древесины, к использованию в качестве горючего материала каменного угля, способствовали *внедрению коксового метода выплавки железа*. А что только этот метод и сделал возможным победоносное шествие капитализма в XIX, несомненно для всякого, кто хоть немного разбирается в предмете.

Так что, по-видимому, и здесь, в этом решающем пункте, невидимые нити накрепко связывают друг с другом меркантильные и милитаристские интересы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга 1

Роскошь и капитализм

Предисловие	7
<i>Глава 1. Новое общество</i>	<i>9</i>
Источники и литература	9
1. Двор	10
2. Буржуазное богатство	14
3. Новое дворянство	19
<i>Глава 2. Крупный город</i>	<i>36</i>
Источники и литература	36
1. Крупные города в XVI, XVII и XVIII вв.	37
2. Возникновение и внутренняя структура крупных городов	40
3. Теоретические представления о городе в XVIII в.	56
<i>Глава 3. Секуляризация любви</i>	<i>61</i>
Источники и литература	61
1. Победа принципа иллегитимности в любви	64
2. Куртизанка	76
<i>Глава 4. Эволюция роскоши</i>	<i>87</i>
Источники и литература	87
1. Понятие и сущность роскоши	88
2. Княжеские дворы	95
3. Преемственность между дворянами и разбогатев- шими буржуа	115
4. Победа самки	133
1. Общие тенденции развития роскоши	133
2. Роскошь в стенах дома	138
3. Роскошь в городе	149

<i>Глава 5. Рождение капитализма из роскоши</i>	157
1. Правильная и ошибочная постановка проблемы	157
2. Роскошь и торговля	165
1. <i>Оптовая торговля</i>	165
2. <i>Розничная торговля</i>	177
3. Роскошь и сельское хозяйство	187
1. <i>В Европе</i>	187
2. <i>В кологиях</i>	195
4. Роскошь и промышленность	199
1. <i>Значение промышленности, производящей</i> <i>предметы роскоши</i>	199
2. <i>Чистая индустрия роскоши</i>	203
3. <i>Смешанные отрасли</i>	212
4. <i>Потребление предметов роскоши и его</i> <i>революционизирующая сила</i>	232

Книга 2

Война и капитализм

<i>Предисловие</i>	239
Введение: Двойственный лик войны	240
Источники и литература	240
<i>Глава 1. Возникновение современных армий</i>	266
1. Вызревание новых форм организации	266
1. <i>Теоретически возможное устройство</i> <i>армий</i>	266
2. <i>Сухопутная армия</i>	270
3. <i>Флот</i>	283
2. Рост численности войсковых подразделений	288
1. <i>Сухопутные войска</i>	288
2. <i>Военно-морские силы</i>	295
<i>Глава 2. Содержание войска</i>	302
1. Войсковые финансы	302
1. <i>Военные расходы</i>	302
2. <i>Мобилизация средств</i>	312
2. Принципы оснащения войска	318

<i>Глава 3. Вооружение войска</i>	326
1. Внедрение огнестрельного оружия	326
1. Орудия	327
2. Ручные ружья	329
2. Новый порядок вооружения	332
3. Спрос на оружие	339
4. Удовлетворение возросшего спроса на оружие	344
<i>Глава 4. Довольствие войска</i>	374
1. Система продовольственного снабжения	374
2. Спрос на продовольствие	383
3. Народнохозяйственное значение продоволь- ственного обеспечения войск	389
<i>Глава 5. Обмундирование войска</i>	412
1. Система войскового обмундирования	412
2. Униформа	417
3. Увеличение, концентрация и унификация спроса на обмундирование и их значение для экономи- ки	427
<i>Глава 6. Кораблестроение</i>	439
1. Значение кораблестроения для экономики	439
2. Количество кораблей	441
3. Размеры кораблей	447
4. Темпы кораблестроения	453
5. Организация кораблестроения	456
6. Поставка материалов для кораблестроения	464

Вернер Зомбарт

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В 3 Т.

Т. 3

*Утверждено к печати
Редколлекцией серии Civitas Terrena*

Редактор издательства *О. В. Иванова*
Верстка *С. В. Арефьев*

Подписано к печати 04.12.07. Формат 60×88 $\frac{1}{8}$
Бумага офсетная. Гарнитура «Школьная».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 29.4. Уч.-изд. л. 25.0.
Тип. зак. № 4536

Издательство «Владимир Даль»
193036, Санкт-Петербург, ул. 7-я Советская, д. 19.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12.